

Taliana

роман

книга первая

Июльская
вечность

Железная стена между двух миров. Так человечество защитило себя от ужаса, который приходил по ночам. Вампиры — вершина пищевой цепи. Страх перед хищниками держит людей в пределах перенаселенных территорий. Пока бессмертные строят города будущего и воссоздают живую плоть, человечество стремительно приближается к нищете. Кажется, выхода нет. Но вампиры перестают нападать по ночам и предлагают... мир? Это приводит человечество в недоумение. Десять военных, четыре политика и журналистка. Делегация мира в столице вампиров. И никто не подозревает о своей роли в ведущейся большой игре. Особенно зеленоглазая бунтарка Калина Проскурина. «Кость в горле», ярая противница вампиров, она становится мишенью для многих янтарных глаз, распалив в некоторых сердцах пожар ненависти и еще больший страсти...

Taliana

УТЕКАЯ В ВЕЧНОСТЬ

*В тексте есть: вампиры, интриги и политические заговоры,
любовь-противостояние*

Глава 1. За железной стеной

Есть четкая грань между понятиями храбрость и безумие. Калина Проскурина не раз пересекала эту черту, но еще никогда не ощущала ее так остро.

Четверг. Апрель. Две тысячи четырнадцатый год. День нового отсчета для целого человечества.

Ее отец назвал это «прыжком в бездну». Если это так, то первой дно бездны увидит его дочь...

Калина шла вперед по кроваво-красному ковру, и все время оглядывалась по сторонам. Единственная женщина в небольшой делегации. Ступает сразу за сухоньким министром и плечистым майором, он почти тезка — Калинин. Позади еще семь человек военных. Она в самой середине и вроде как под охраной.

«Вроде как...» — эта мысль вызывает скупую насмешливую улыбку на губах журналистки.

Вокруг с десятков видных «вояк», правда, далеко не первого чина. И несколько политиков в довесок. Что смогут они? Даже сотня самых лучших бойцов не в силах их защитить, когда со всех сторон смотрят эти глаза...

Оторвалась взглядом от красного под ногами и в очередной раз посмотрела на лица. Два ряда, два бесконечных ряда справа и слева. Сколько же их тут?

Оступилась и, как результат, чуть не упала. Твердая рука пришла на помощь, удержала.

Внезапно осознав, кто ее поддержал, Калина шумно сглотнула. Замерла и покосилась на «спасителя». А затем резко вырвала свою руку из чужой.

В янтарных глазах она прочитала понимание ее ужаса. Губы «ночного убийцы» дрогнули в улыбке, от которой колени женщины повторно подогнулись. Блестящие мощные клыки на миг обнажились.

Он был высок и очень хорош собой. В такого можно сходу влюбиться, с первых слов. Если бы не одна малость... Этот высокий, плечистый военный не человек. Об этом говорят не только характерные золотистые глаза бессметных, не только крупные выпирающие молочно-белые клыки. Об этом сообщает его пристальный взгляд удава. Он смотрит сейчас на главное звено своей пищевой цепи. Недвижимо и не мигая...

Поддержал бережно и отступил. Встал ближе к своим. Но не в один ряд со всеми, чуть впереди. И смотрит. Давят глаза, давят. Не мигают, следят за ней, не отпускают. Ни на миг. Ни на миг...

— Все хорошо? — спросил майор Калинин. «Или Калинин майор?», — как пошутил он, флиртуя при знакомстве с Проскуриной.

— Да, все хорошо.

Женщина вновь взглянула на ряды вампиров. Они тут все как на подбор. Лица разные, фигуры похожи. Не просто так их всех собрали стоять вокруг этой красной дорожки. Это сигнал. Смотрите люди, какая у нас армия! В ней, словно спички в коробке, один похож на другого выправкой и крепкой статью. Машины смерти, стремительные и беспощадные. Один бессметный в бою равен трем, это знает каждый ребенок за железной стеной. Сколько же тут этих убийц? Сколько их тут?!

Проскурина непроизвольно пригладила руку, словно все еще чувствуя жесткую ладонь вампира, и оглянулась. Он провожал ее горящими глазами, и, как ей показалось, улыбался

самыми краешками губ. Высокий и крепкий, в кроваво-красном мундире...

«Что смотришь, сволочь? Голоден?», — мелькнуло у нее.

Все люди напряжены, не смотря на радушный прием. Но дикий озноб бьет только Калину, а она никогда в силу профессии журналиста не была трусихой. С детства она отчаянно и без страха кидается в самую гущу событий. Но не сейчас... В каждом встречном взгляде медовых глаз женщина видела жажду. Больше чем просто желание насыщения. Словно эти бойцы только и ждут, чтобы им крикнули «фас!». И ей чудилось, что каждый, пытаясь опередить другого, кинется именно к ней! К женщине первой.

Полтора года назад бессмертные первый раз заговорили про мир. Месяцы активных действий с их стороны привели к тому, что люди вышли из-за стены. Первые в истории видов мирные переговоры.

Вампиры и люди за одним столом? И это будет не обеденный стол, где одни станут употреблять в пищу других, это будет стол переговоров?

Проскуриной инициатива вампиров кажется странной, подозрительной и даже смешной. Как можно дружить с едой? «Отбивная и брокколи, теперь вы мои лучшие товарищи!», — насмеялась она, услышав об этой абсурдной идее первый раз. А потом съела отбивную и закусила ее брокколи.

Но вопреки страху, человечество вдруг сделало первый встречный шаг... Почему? Этот вопрос привел Калину сюда. Зачем вампирам мир? Но, что интересней, зачем он людям? Котлета, что пытается дружить с зубами, наивна и глупа.

И пусть вампиры больше не пьют человеческую кровь. Пусть более десяти лет ни одной смерти по их вине не произошло! Но человечество по-прежнему не просто так живет за железной стеной. Той, которой отгородились более пятидесяти лет назад от своей смерти.

С той поры пятидесятилетней давности жизнь людей постепенно приходит в упадок. Вынужденные выживать на бесплодных густонаселенных землях, они так изгадили свои города, что уже задыхаются в копоты и грязи. И выхода нет. Территорий нет, месторождений ископаемых все меньше, людей и нужды все больше. Человечество еще не бедствует, но это время не за горами. И тут вдруг этот мир?

Калина еще раз оглянулась назад, туда, где споткнулась. Что ее заставило так поступить, она не знала. Но существо, что внешне ничем не отличалось от человека, этот хищник с медовыми глазами, подмигнул ей, повторно сверкнув клыками.

«Он еще и заигрывает?! Вот сволочь!». И вновь она замечает, какими настойчивыми взглядами провожают единственную женщину в делегации. Ей кажется, или все бессмертные смотрят на нее как-то странно? Пристально, не мигая. Сотни медовых глаз. И все нацелены на нее. Именно на нее. Даже мурашки пробежали по спине, и чуть не свело ногу.

«Возьми себя в руки, мнительная истеричка!», — резко одернула она себя и, вскинув высоко голову, решительно пошла вперед, вспоминая слова песни «Умирать я буду красиво!».

Сытость и богатство жизни вампиров бросаются в глаза даже в мелочах. Просторы их земель, массивность и красота сооружений. Жилища бессмертных — не людские дома — дворцы. Жадно ловила глазами издалека. Вдоволь налюбовалась, пока ехала сюда от железной стены. Там за ней, стометровой, люди уже не жили, выживали. Тут же просто какой-то рай торжествующего прогресса! Красивые одежды из хорошей ткани даже на рядовых солдатах. В мире людей подобную роскошь позволить себе могли избранные из

богатейших семей. Рядовые жители одеваются крайне просто. У вампиров на первый взгляд богато живут все.

Военные одеты торжественно, их мундиры из плотной красной ткани отделаны золотой тесьмой и украшены пуговицами в тон. Высокие красно-золотые головные уборы и шпаги у бедра. Ничего не скажешь, величественное зрелище. Несомненно, это не только самая смертоносная, но еще и самая красивая армия в мире. Проскурина, осматривая ряды «ночных убийц», думает об этом не без иронии. И все еще напевает про себя песню, изменив последнюю строку, — «Умирать я буду стильно!»...

Делегация движется к огромному дворцу. Если можно так назвать высокое сооружение невероятной ширины. Цилиндрической формы, обтекаемое, сужающееся кверху. Именно к нему ведет красная коврая дорожка.

Возвели это поражающее масштабом строение не из камня. Когда приблизились критически, стало очевидно, это какой-то металл. Цвет черный. Окон мало, их практически нет. По крайней мере, со стороны парадного входа. Только несколько рядов в самом верху. И даже они необычны. Форма — овал.

На ступенях делегатов уже ждут. Бессмертные высшего чина, все одеты в мундиры. Или это такая у них одежда, военного образца? Очень красиво и броско, хотя преобладают прямые четкие формы, ничего лишнего. У солдат, стоящих вдоль дороги, брюки заправлены в высокие по колено сапоги, у стоящих же на лестнице брюки на выпуск. Вместо сапог у них туфли. Но Проскуру изумляет другое — качество. Сапоги солдат и туфли высших армейских чинов одинаковой безупречной выделки. У людей подобную обувь изготавливают только на заказ, позволить себе ее могут лишь единицы. Ведь это кожа, сомнений нет, в то время как за железной стеной давно пользуются лишь искусственными недоброкачественными заменителями. Потому как дешево.

Как оказалось, не у всех вампиров форма отделана золотой тесьмой. Пока делегаты шли по красному ковру, Калина несколько раз замечала мундиры, отделанные серебром. И вот когда люди достигли ступеней дворца, появились мундиры с черной отделкой. От природы наблюдательная Проскурина выделила этот факт и предположила, что по цвету отделки мундира можно понять отношение к той или иной ветке власти. Определить чин военного. Ведь почему-то все джентльмены с отделкой черным собрались в одном месте — на ступенях дворца.

Вышивка на мундирах тоже несколько отличается — наклоном и количеством полос. Две полосы на груди наискось в ряд или три. Две большие или одна малая... Калина стремительно соображала, поспешно рассматривая мундиры. Золотая отделка — это рядовой состав армии, серебро — офицерский. Черная же отделка, это... все-таки высшие чины. Логично и несложно понять. Разобраться же с рисунком на мундирах чуть труднее. Но и тут выручила наблюдательность и смекалка. Все это напомнило звезды на погонах военной формы людей. А что если сопоставить?.. Ведь рисунок на мундирах был выполнен полосами различной ширины. У молодого военного, мимо которого она только что прошла, серебряная отделка, значит — офицер. На мундире лишь одна тонкая серебряная полоса в верхней части груди. Можно ли предположить, что он — младший лейтенант?.. Ведь именно с младшего лейтенанта начинается офицерский чин в армии людей. В ряду напротив него стоит военный с двумя тонкими полосами серебром. Лейтенант? Ведь у людей две маленькие звезды на погонах — это лейтенант. Значит, вампир, у которого три тонкие полосы на мундире — старший лейтенант?.. Такого рисунка поблизости Калина не нашла, но увидела

мундир с одной полосой, которая была зрительно шире, чем у предполагаемого младшего лейтенанта. Если четыре тонкие серебряные полосы или четыре звезды у людей, это уже капитан, то одна широкая полоса или же звезда — майор? Все это она непременно запишет позже. И при случае проверит свои наблюдения. Пока же ей представилась возможность увидеть предполагаемого бессметного генерала. Какой каламбур! Но четыре широкие черные полосы на мундире вампира говорили сами за себя. Да и вид имел генеральский. Он был строгий, серьезный, наполовину седой. Сколько же ему лет? Точнее, столетий?..

Внимание Проскуриной привлек мужчина, который стоял выше всех на огромной лестнице. Этот бессмертный не имел каких-то особых внешних отличий, но Калина сразу поняла, кто он. Об этом журналистке сообщил облик вампира. Единственный, кто одет в черные одежды. И никаких знаков отличий. Ни единого! Вся фигура бессмертного так и дышит силой и властью. Лицо широкое, благородное, с короткой аккуратной бородой. Темные брови вразлет, резко очерченный прямой нос и пронизательные медовые глаза. Посажены широко, смотрят пристально. Внешность весьма необычная, вопиющая мужественность непроизвольно притягивает к себе взгляд, хотя не сказать, что лицо кажется канонически очень красивым. Скорее оно нестандартно и так напитано энергией, что это слегка пугает. И в тоже время гипнотизирует, приковывая глаза. В лице что-то хищное, как у коршуна, но мужчина настолько радушно улыбается, что это сводит на нет эффект его властной наружности. Жестом руки приглашает людей. Нет, даже зазывает к себе наверх. Ни кто-нибудь — правитель бессмертных. Вот уже более двух сотен лет.

Видно, что когда-то в молодости государь был очень красив. Впрочем, он и сейчас далеко не уродлив и не старик. И если его побрить... Впрочем, даже если не брить... Высокий и широкий плечами. Крепкий, даже слегка плотный, с небольшим тугим животом, что надежно спрятан, но добавляет образу нечто, некую изюминку. Правда, и выдает — государь имеет явное пристрастие к удовольствиям, таким, например, как кровь...

И даже он, тот, кто стоит над всеми, первым делом кидает взгляд на единственную женщину в делегации. Один короткий, скользящий взгляд, но он все успел увидеть. Пронзил как иглой.

Отчего же столько внимания?

Калина оглянулась назад, на «кровоаво-красную дорогу». Все так и стоят нерушимо. Две бесконечные шеренги. И только одна фигура выделяется на общем фоне. Он не стоит в рядах солдат. Значит — командир. Впрочем, это сразу можно было понять. Красный мундир с серебряными нашивками. Интересно, в каком он чине?..

— Рад приветствовать вас!.. Что я вижу?! Дама?.. Прекрасная нимфа! Леди в рядах вояк и политиканов?! — раздался вдруг зычный голос государя.

Он сам поспешно сбежал по ступеням, неизменно радушно улыбаясь, чтобы встретить «долгожданных гостей», но, к всеобщему изумлению, проскользнул мимо министров, растолкал военных и подошел к женщине. Протянул ей руку, и когда Калина, поколебавшись, мгновение, протянула свою, прижался к ней губами. Очень страстно припал. А потом прожег взглядом янтарных глаз. Проскурина на миг даже растерялась под этим напором.

— Какое счастье! Кто вы и как вас к нам занесло?

Видимость показного незнания не обманула Калину. Все присутствующие тут люди были строго оговорены в протоколе, и правитель бессмертных не мог не знать, кто она, и что она тоже будет тут.

— Калина Проскурина. Журналист, — счел необходимым пояснить стоящий рядом с женщиной министр внешних связей. По протоколу он был тут старшим. Два генерала, Васнецов и Звягенов, не в счет. Это ведь мирные переговоры...

— Какая приятная весть! Так вы будете рассказывать о нас людям? И, несомненно, сделаете фото?

— Если позволите, — тактично согласилась Калина, слегка смущенная таким показным вниманием к своей скромной персоне.

— Я буду настаивать на этом! Где же ваш фотограф? Пусть он немедленно запечатлеет нас вместе! — Государь, выдав это фразу бесконечно радушным голосом, притянул женщину к себе одним резким движением, обнял могучей рукой за талию, и принялся улыбаться на все стороны. словно ожидая щелчков фотоаппарата. Пока женщина так и стояла с обескураженным лицом. Как кукла, честное слово.

Военные стояли истуканами. Все-таки привычка на все реагировать спокойно — дело большое. Политики же переглянулись... Все дело в том, что ни один из фотографов не дал согласия на подобный «визит вежливости», как их не упрашивали, точнее — угрожали. Побоялись. И, кажется, государь бессмертных это понял, и только поэтому затронул тему. Хотел подразнить. Его золотистые глаза лукаво горели легкой иронией.

— Обычно я фотографирую сама, — мягко высвобождаясь, напряженным голосом строго пояснила Проскурина.

— Какая женщина... Сама! — правитель загадочно сверкнул глазам. Но четкой нитью прослеживалась мысль — эта женщина, в отличие от того, кто должен был, но не приехал, не боится.

Бессмертные это поняли. Впрочем, люди тоже. Потому что министр внешних связей, сглаживая неловкость, пояснил:

— Число делегатов было ограничено и строго оговорено заранее, и нам пришлось совместить...

— Я все понимаю! — правитель бессмертных махнул рукой в истинно царском жесте. — Прошу вас, идите со мной, милая моя... Калина — это ведь ягода такая? Я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— А какая она на вкус? — сверкнув глазами как-то загадочно, уточнил государь.

— Прошу прощения?.. — растерялась журналистка.

— Милая гостя, я никогда не пробовал ягод. Думаю, вы догадываетесь почему. Какая она? Калина... Мне вдруг безумно захотелось узнать. Ягодка с кислинкой?

— Скорее с горечью.

Глава 2. Государь вампиров

Государь вампиров смотрел прямо в глаза, но Проскурина, не моргнув, выдержала эту мужскую атаку. И вряд ли кто-то заподозрил, как не просто это ей далось. Покосившись на стоящего рядом министра, журналистка безмолвно уточнила: «Это еще что значит?». Последний едва заметно хлопнул ресницами. Вежливость. Таким был призыв. Это не кто-то. Перед людьми стоит сам государь мира бессмертных. И если он позволяет себе легкий флирт, его стоит простить. Иного выхода в любом случае у членов делегации не было...

— Красивая и сладкая на вкус, было бы скучно, не правда ли?.. Пойдемте, Ягодка, — Хозяин черного мундира сверкнул зубами, и сердце женщины дрогнуло. Не от силы обаяния, не от редкой харизмы, хотя этим всем он был наделен. От вида мощных выпирающих белых клыков...

Правителя бессмертных звали Вишнар. Именно этим именем он представился журналистке. На самом деле имена у вампиров многословные и трудно произносимые для человека. По словам государя, этим ласковым прозвищем именовала его мать, и ему будет приятно, если так станет его называть «Ягодка». А теперь он называл журналистку преимущественно так. Легонько дразнил этим.

Внимание правителя бессмертных к смертной смотрелось не просто радушной обходительностью. Вишнар, любитель женского пола, и не скрывает этого. Потому что смотрит очаровывающим взглядом и все более откровенно флиртует. Проскурина косится на политиков в поисках поддержки или защиты, сама не знает, но они игнорируют. Проскурина усмехается, кажется, понимает — робеют перед величием идущего рядом с ней мужчины. Что ж... Вывод уже очевиден. Придется самой себя отстаивать. Если что... Калина искоса смотрит на провожающих их вампиров, ближайший на две головы выше ее и вдвое шире. Случайно встретила с ним взглядом. Всего на долю секунды. В результате споткнулась. И сердце в итоге непроизвольно стучит чаще, чем того требует ее нормальное кровообращение.

Делегацию проводили во дворец. Впереди всех шествовали Вишнар с журналисткой. Государь перебросил руку женщины через свою. Сразу после того, как она споткнулась. С лучезарной улыбкой уточнил: «Вы не против?.. Я просто не могу позволить вам упасть». Но согласие или несогласие, кажется, все-таки не обсуждалось. Галантность, скорее для порядка. Потому что Вишнар держал «Ягодку» очень крепко и ни на миг не отпускал. Вел вперед и показывал свой дворец. Который внутри оказался не таким пафосным, как ожидала Проскурина, но очень просторным и светлым. Остальные делегаты шли следом. Нога в ногу их сопровождал эскорт бессмертных. Такое чувство, что конвой.

Огромный коридор вывел в холл с внушительной лестницей из белого мрамора. Белый потолок, белые стены и того же цвета шикарные ковры под ногами. А контрастом к ним лишь огромные букеты алых роз. Сказать, что это смотрелось красиво, все равно, что промолчать. Эта слепящая белизна и сочная краснота бутонов завораживали глаза. После подъема на этаж по мраморным ступеням, гостей провели через очередной просторный холл, и уже из него в огромный банкетный зал. Здесь обстановка еще шикарней. Хотя красок в интерьере немного больше. Полы паркетные черные, рисунок вычурный, натерт до блеска. Под стенами столики из стекла, на них цветы, более ничего, никакой мебели, разве что ковры, и они вновь слепяще белые. Впрочем, в этом дворце светлые тона преимущественно преобладают. Исключение — красный цвет. Он непременно присутствует в интерьере

каждой комнаты. В остальном все светлое или же белоснежное. Некоторые проходные комнаты, которыми повезло пройти делегатам, выглядят так, словно выпал первый снег. Первозданная чистота, красота и какая-то непривычная свежесть. И, опять-таки, исключение только кроваво-красные розы в высоких вазах под стенами. И потолки. Невероятные белые лепные потолки.

Хотя до этого дня Проскуриной и в голову не приходило, что потолок может быть «невероятным». Она едва не вывернула себе шею, пытаясь рассмотреть расписанные маслом стены одной из комнат, и поняла, что невероятными могут быть не только потолки — стены. Все, что она успела понять, так это то, что картина на стене представляла собой историю творения на земле. Люди, вампиры, Эдемский сад. Сочное буйство весенних красок и кровавое яблоко по центру. Плод познания.

Но, увы, делегатов провели мимо чудесной комнаты с расписными стенами и увели далее, сквозь очередную комнату в огромный обеденный зал. И вновь все белое, обилие яркого искусственного света и многочисленные букеты цветов.

Белые розы? Что-то новое... Правда, Калина тут же замечает прозрачные вазы из стекла, доверху наполненные сочными красными яблоками. Стоят на хрупких столиках под стенами и, несомненно, украшают общий вид комнаты.

Журналистка улыбается. Она не сомневалась, что что-то красное в комнате будет.

Огромный прямоугольный стол из хрусталя по центру накрыт изумительной скатертью из выбеленного льна и уставлен золотом. Тарелки, приборы, чаши... Последние украшены камнями, и Проскуриной кажется, что это не просто красивая подделка. Все натуральное. Все, что окружает. И главное, «ночные убийцы» — уже не картинки в учебниках. Они самые натуральные из всего, что она видит в этом огромном зале. Впервые лицом к лицу. Так близко, как сегодня, она их еще не видела. Судьба хранила ее.

— Мы непременно продолжим экскурсию завтра. Когда вы отдохнете с дороги. Сейчас же приглашаю дорогих гостей отобедать, — указав на стол широким жестом, объявил Вишнар.

Он повел Калину за собой во главу стола и, оценив расстояние до ближайшего углового места, где полагалось сидеть гостье, добавил:

— Далеко. Не подходит...

Далее он махнул рукой стоящим под стенами прислужникам, и два юноши, подбежав, тут же поставили стул и приборы для дамы рядом с троном правителя.

— Прошу вас, Ягодка. Всех вас прошу!..

Членов делегации расположили через одного с бессмертными. Вероятно, для удобства общения. Чтобы установить желанный мир быстрее... Вскоре начался вынос блюд. Примечательно было то, что тарелки вампиров так и остались пустыми. Еду подали только людям. Вероятно, чтобы не смущать последних содержимым посуды.

— Выпьем за встречу! — Вишнар поднял кубок вверх, и Калина опасно на него покосилась.

— Это вино, — широко улыбнулся мужчина. — Прошу вас, попробуйте.

Государь протянул свой кубок, и журналистка боязливо заглянула внутрь.

— Макните губы, не бойтесь.

— Вино, — пригубив, во всеуслышание признала Калина.

— А вы думали там что?.. — улыбнулся бессмертный.

— Сказать честно?

— Только честно.

— Кровь.

— Я не голоден. К тому же это не вежливо, смущать гостей своими странными пищевыми привычками. — Он снова улыбнулся, хитро скосив глаза на гостью. — Вкусно? Я сам выращиваю эту лозу. Хобби.

— Хорошее вино, — оценила журналистка.

— Но должен вас предупредить. — Бессмертный загадочно сверкнул глазами и, понизив голос, шепнул: — Очень бьет в голову...

— Не сомневаюсь, что особенно, в вашем обществе...

Вишнар громко рассмеялся остроте, и его смех тут же подхватили все. Бессметные смеялись искренне, чего нельзя сказать про людей. Им даже кусок не лез в горло, что говорить о шутках?! Вампиры улыбаются от души, и, как результат, ком поднимается к горлу людей, видеть их мощные зубы, любому хищнику на зависть. Хотя еда была отменной. Но потаенный страх все еще держал за душу всех. А вдруг государь скажет: «Шутка! Взять их!», и пир тут же станет поминками.

На первое людям подали рыбу в пряных травах и печеные овощи.

— Угодил ли вам наш кулинар? Он очень готовился к вашему приезду. Видите ли, мы ведь обычно не едим подобную пищу, и он вынужден был поспешно обучаться.

— Никогда не ела ничего вкусней, — деликатно отозвалась женщина.

— То, что не ели, сам вижу, — саркастически заметил Вишнар, и шепотом добавил, сверкнув хитринкой в глазах, — Страшно? Пищеварение нарушается?

— А есть причины бояться? — уверенно выдержав взгляд, спросила Калина.

— Лично у вас — ни одной! — игриво протянул он. — Поэтому ешьте, не бойтесь. Впрочем, вас ждет еще пятнадцать блюд. Я очень гостеприимный... Или откармливаю вас?

Государь искренне расхохотался своей шутке, и тут же стал просить за нее прощения и утверждать, что его вообще не стоит бояться, что он «вампир-вегетарианец». После этой шутки у правителя даже слезы выступили на глазах. Он хохотал, пока не закашлялся. В то время как Проскурина терпеливо ждала окончания этой бури его веселья.

— И, безусловно, будет, десерт, — все еще посмеиваясь, пообещал Вишнар.

— А что у вас на десерт? — спросила Калина, мечтая сменить тему разговора на более приятную.

— У меня или у вас, Ягодка? — Вишнар бросил на гостью еще один игривый взгляд.

— У нас обоих.

— У вас торт со взбитыми сливками и ягодами... Стойте. Это как-то неловко. Ягода будет, есть ягоду. Впрочем, не мне вас за это ругать, — он вновь рассмеялся, и Калина промокнула губы салфеткой, скрывая свою совсем не радостную улыбку.

— А что будет на десерт у вас, Вишнар?

— Пока не знаю. Это сюрприз. Надеюсь лишь, что и меня ожидает какая-то сладкая ягодка... — Вишнар закашлялся, пряча хитрую улыбку, но косил на журналистку игривыми янтарными не переставая. Калина изо всех сил делала вид, что не поняла прозрачный намек государя, и просто ковыряла еду в тарелке вилкой и ножом. В этот момент что-то заставило ее оглянуться. У стены неподалеку стоял военный. Точнее, тот самый офицер армии бессмертных, что удержал ее от падения на ковровой дорожке. Он поймал ее взгляд и театрально отклонялся, вновь, как и тогда сверкнув в улыбке мощными клыками. Глаза его смотрели все так же пристально. И горели, и горели.

Поджав губы, Калина резко отвернулась, почему-то испытывая возмущение и злость. Но спроси ее, что именно так задело, внятно Проскурина пояснить бы не смогла.

— Это Амир, один из моих командиров. Хороший парень, хотя и кровосос, — вновь пошутил Вишнар. — Не бойтесь его, прекрасная гостья. Он вам совсем не страшен, пока я защищаю вас.

— Пока? — уточнила Калина, пытаясь уловить подтекст.

— Все в этом мире до поры до времени. Парень рвется к власти. Кто его знает, может он вскоре подсадит меня? Мы хоть и долгожители, но тоже уязвимы. Особенно в области сердца...

И очередной недвусмысленный взгляд.

Девушка-прислужница убрала прибор гостыи и поставила новое блюдо. Калина не без интереса заглянула в ее глаза. Синие...

— Она не?..

— Нет. Это прототип.

— Прототип?

— Да, так мы называем их. Генетически она почти человек. Мы выращиваем их в лабораторных условиях. Прекрасный материал. Послушные, податливые, лишённые агрессии. Генетика, это что-то! Но недолговечные. Увы... Впрочем, во всем есть изъян. Даже у вас, прекрасная дева. Знать бы, в чем он? Так сразу не видно. Безупречная с виду Ягода. — Все флиртовал он.

— Это их вы... — желая перевести тему, спросила женщина.

— Используем в пищу? — подсказал Вишнар. — Нет. Они обслуживающий персонал. Слишком дорого выходят, чтобы переваривать. Мы питаемся анотами.

— Аноты?

— Да, они совершенно лишены чувств и интеллекта. Словно коровы. Вы ведь кушаете коров, милая Ягода? А у них такие грустные глаза... У анотов нет таких грустных глаз. По сути, они просто мясо и кровь.

— А можно посмотреть вашу лабораторию? — оживилась Калина. Слова правителя звучали убедительно. Но ведь всегда есть подвох. Кому как не журналистке об этом знать?

— Если вам будет угодно, моя прекрасная гостья. Вы ведь для этого и прибыли сюда. Пролить свет истины на наш мир. Вы вполне можете свободно гулять тут повсюду. Я вам позволяю. Но все-таки... с оглядкой на вашу женскую слабость и красоту я бы не желал, чтобы вы гуляли без сопровождения. Амир?..

— Да, мой государь? — Бессмертный вышел на два шага вперед. Склонился и замер, ожидая дальнейших слов своего правителя.

— Организуй даме постоянный эскорт и охрану. Но чтобы это были самые проверенные твои бойцы. Мы же не хотим, чтобы наша гостья пострадала?

— Мы не хотим, государь, — вежливо отозвался военный. Калина чувствовала его взгляд, но не удостоила своим ответным.

— Я же говорю, хороший малый... Что же мне никто не напомнил?! Забывчив стал к старости... — Вишнар сделал выразительную паузу и скосил глаза на гостью. Ждал он не напрасно.

— А кто здесь говорит о старости? — Журналистка впервые по-настоящему улыбнулась, подыгрывая мужскому тщеславию бессмертного. — Только не вы...

— Знаете ли вы, Калина, что в женщине ценнее красоты?

— Не знаю.

— Ум. Лично для меня он ценнее всего, — государь накрыл женскую руку своей и, приподняв, осторожно поцеловал ладонь. Все время неотрывно глядя в глаза.

Вишнар часто во время разговоров, так или иначе, старался прикоснуться к этой руке. Вначале осторожно, затем уже более откровенно. После уже удерживая, прикрывая подолгу своей.

Прикосновение — неперенный элемент мужского ухаживания. Тело, его рефлексy никогда не обманут, тем более, когда тебе несколько сотен лет.

Калина ни разу не отдернула руку. Уже неоднократно за время этого ужина она получала невербальный сигнал от министра Аршинова, в котором он умолял ее ни в коем случае не проявлять невежливость по отношению к «хозяину дома». Хотя внимание последнего к журналисте и смотрелось чрезмерным для всех окружающих. Всякий раз, когда Проскурина собиралась уже предпринять активные действия, хотя бы просто убрать свою руку из-под руки правителя, Аршинов округлял глаза, хмурился, даже кашлял, в общем, посылал всевозможные сигналы журналистке.

«Прошу вас, потерпите еще немного!», — сообщал его взгляд. И Калина терпела. В чем-то министр был прав. Недопустимая невежливость оскорбить хозяина этого дома. Или точнее будет сказать — мира?..

Происходящее ее настораживало. Если не сказать, злило. Но женщина отлично понимала, что Вишнар проверял, как она на него реагирует, насколько он ей приятен или же нет. Но это же видели и все сидящие за столом. И ей стоило большого труда делать вид, что ничего не происходит. Что она сама не вкладывает в эти прикосновения никакого подтекста и смысла. Прикоснулся и все. Это просто разговор. Банальный вежливый разговор.

— А что если я покажу вам свой сад? Свои виноградники? Как вы к этому относитесь, милая Ягодка? Вечерняя прогулка...

— С удовольствием наслажусь этим зрелищем... Позже, например, завтра, когда достаточно наберусь сил. Кстати, вы хотели что-то рассказать. Еще возмутились, что вам не напомнили.

Вишнар улыбался каким-то своим мыслям. Не без сожаления, прекрасно понимая, что пока ему дали отставку.

— Я же не представил вам своих друзей. Впрочем, кому это интересно? Сидят себе и пусть сидят. Помалкивают...

Вишнар пригубил вина, откинувшись в глубоком кресле, наблюдал за гостьей. Она изящно промокнула платком рот и повернулась к правителю.

— Мне очень интересно. Ждала, пока вы сами про это заговорите. Но очень хотела спросить...

— Ждали?! Вы точно журналистка? — он задорно улыбнулся, прищурившись, оценивая гостью подозрительным взглядом.

— Если не журналистка, то кто же я тогда?

— Может, ваше правительство умышленно прислало вас, что бы обольстить старого больного... не человека? — Вишнар раскатисто расхохотался. Впрочем, над этой шуткой больше не смеялся никто. Еще бы — старый и больной. Это не про него. Впрочем, в сути своей это была не шутка, теперь государь пылливо смотрел на гостью, ждал ее слов.

— Если бы это было так, наше правительство подыскало бы кого-то... — Калина задумалась — более изысканного и обворожительного. В общем, достойного вас.

Правитель бессмертных сощурил глаза и улыбнулся. А затем вновь взял гостью за руку и поцеловал ее ладонь.

— Вряд ли они смогли бы угодить мне больше, чем уже угодили...

После этой фразы Вишнар внезапно стал представлять делегатам своих сородичей. Все без исключения — князья, представители знати или высокие армейские чины. Вишнар называл громкие длинные имена и регалии. Калина практически сразу отказалась от идеи запомнить вампиров поименно, тем более что у первого же из князей этих самых имен оказалось около десяти. Одно из них, самое выговариваемое, звучало как Шприминауриус. Журналистка решила ограничиться запоминанием должности и лица. Для начала более чем довольно. Слишком много вампиров сидит за столом, и все без исключения что-то возглавляют.

После знакомства с бессмертными Калина представила Вишнару членов делегации мира. Безусловно, только после его просьбы. Назвала всех сидящих за столом военных из числа людей, потом министров. В конце процедуры государь внезапно скривился.

— Значит, ваше правительство все-таки не верит в наши добрые намерения, раз прислало сюда только овец на убой.

Все замерли. Все без исключения делегаты.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросила Проскурина, хотя, по сути, она думала так же.

— Ни одного из тех, кто и правда что-то решает... Впрочем, вы правы. Самый важный человек — это тот, кто донесет истину о нас людям. Это вы, моя Калина.

— За столом нет никого из вашей семьи, государь? — спросила журналистка, резко меняя тему разговора. Ее необходимо было поменять. Военные занервничали, да и сам Вишнар резко переменялся в настроении, мгновенно растеряв позитивность, что так и сочилась из государя до того. И это пугало. Его резкая переменчивость. Складки, что образовались на высоком лбу, в уголках губ и глаз. Как и выражение янтарных. Что-то опасное, хищное, звериное. Даже мурашки пробежали по спине женщины при виде выражения этих глаз.

— Вы совершенно правы, Ягода. Мой сын не за столом. Я представлю вам будущего правителя завтра. Если он будет тут. У него вечно какие-то срочные дела и разъезды...

— А ваша... государыня? Где она?

— Калина, мы вновь возвращаемся к старой теме. Вы точно журналист? — Вишнар вдруг снова хитро улыбнулся и сощурил глаза. — Не похоже. У вас не точные сведения. Я много лет вдовец. Ваше правительство не может об этом не знать. А если они знают, почему не сообщили вам?

Поймал врасплох. Калина не знала. Более того, этого, кажется, не знали и в правительстве.

— Мои соболезнования... — шепнула она, не зная как быть в этой ситуации.

— Ну-ну... не огорчайтесь вы так. Вероятно, они скрыли это не просто так.

— Полагаю, они сами не знали об этом.

— Знали, — кивнул он, усмехаясь. — Вот эти знали.

Вишнар откинулся на троне, махнув рукой в сторону делегатов. Пара министров и правда бегала глазами. Точнее переглядывалась в легкой панике.

— Не вижу причин скрывать это от меня.

— И я не вижу. Потому и не скрываю, — улыбнулся правитель. — А они видят. Вдруг

бы вы испугались ехать к старому холостяку. Одна одинешенька. Кто его знает, что взбредет мне в голову, когда я вас увижу? Такую красивую и незащищенную.

— Вряд ли я так красива. У вас тут наверняка есть дамы многим... приятнее.

— Не прибедняйтесь.

— Не имею привычки. Знаю себе цену и от недостатка внимания не умираю. Но знаю так же и то, что я не идеал, — нервничая все больше от того поворота, что вдруг приняла беседа, оборонялась Калина.

— А кому они нужны, идеалы? Главное, что вкусу моему угодили.

— Что?..

— А почему не подают десерт? Я хочу угостить гостей сладким! Очень рекомендую вам, Калина, вино, что я припас на десерт. Оно терпкое и густое. И у него отменный аромат...

Обслуга меняла тарелки, Калина обескуражено смотрела перед собой, в пол уха слушая правителя. Думая только об одном. Что он имел в виду, когда говорил «угодили моему вкусу?». Что это значит? Сюда она напросилась сама. Это была ее давняя мечта. Она собирала информацию о бессмертных по крупицам. Всю свою жизнь. И тут такой шанс, увидеть все своими глазами. Первой приехать в этот мир. А он говорит, что ее направили сюда, выбрав из числа других возможных?.. Нет, он просто пугает ее. Но зачем ему это?

Калина покосилась на Вишнара. Он слушал рассказ одного из своих князей, но смотрел на нее. И когда их взгляды встретились, подмигнул. Словно сообщил — «Я пошутил».

— Зачем?

— Стариковские причуды.

Вот и все. И далее еще разговоры. Много, но ни о чем. Светская беседа, ни слова с политике. Пока не было сигнала от правителя, что можно. Он наслаждается вечером в обществе дамы или только делает вид, но никто не смеет навязывать ему свое, не осмеливается внести хоть малейшие изменения в праздное течение этого вечера.

— Вы всегда так мало пьете, Ягодка?

— Всегда.

— А я думал это из-за меня, — Вишнар в очередной раз загадочно улыбнулся, намекая, уж не боится ли она потерять голову от него, и Калина вновь проигнорировала его намек. Только вежливость, напомнила себе она. Очень важно его не оскорбить, но и принимать подобные шутки опасно. Кто знает, что за игру он затеял и к чему ведет? Никакое благожелательное настроение не может помочь ей забыть, что это вампир. Она ест торт, а он пьет на ужин кровь...

Когда прием пищи был окончен, Вишнар сообщил:

— Ваши покои будут в самой живописной части дворца. Вас ждет замечательный вид из окна. Желаю всем доброй ночи и жду всех утром на завтрак. Желательно невредимыми, с обычным объемом крови, — он посмеялся этой своей остроте и ушел в сопровождении охраны.

Члены делегации нерешительно переглядывались, не покидая своих мест. Настоящей беседы так и не произошло. Калина тоже сидела на своем месте неподвижно, когда услышала вежливое:

— Позвольте помочь?

Амир. Не оглянувшись, потому что увидела его боковым зрением. Помог отодвинуть ее стул и жестом руки пригласил всех следовать за ним. Сразу за дверью большого обеденного

зала их ждали солдаты, одетые в штатское — почти те же мундиры, только без оторочки золотом или серебром. Но это были солдаты. По мощным фигурам и выправке понять это было не сложно. Да и взгляды у них жесткие. Это не робкий персонал, что прислуживал за столом.

— Это что значит? — возмущенно пробасил генерал Васнецов.

— Ваша личная охрана. По приказу государя. Что бы вы чувствовали себя в безопасности.

— Понятно, — хмуро оценил старый вояка, и живописно посмотрел на своих коллег. — Естественно, свои апартаменты нам покидать нельзя?

— Почему же? Можно! Но днем и в сопровождении охраны. Мы не можем рисковать дорогими гостями, — склонившись в очередном поклоне, ответил Амир. Но его учтивость не выглядела искренней, хотя именно так звучал голос.

Всех членов делегации повели по длинному, лишенному каких-то украшений коридору. Просто голые былые стены и черный блестящий пол. Но по мере движения всех разделили. Кого-то уводили в один коридор, кого-то в другой. На протесты был дан очередной условно вежливый ответ, и пришлось подчиниться.

Двигались очень долго, были еще лифт, коридор, узкая лестница, подъем вверх, затем новый коридор. Вскоре из членов делегации осталась одна Калина. В сопровождении лишь Амира, она шла куда-то в неизвестность, постоянно оглядываясь назад. По ее подсчетам они уже очень и очень высоко. Где-то на самом верху этого огромного дворца. Журналистка немало устала двигаться в неизвестном направлении.

— Что-то не так? — спросил мужчина после того, как гостя в очередной раз остановилась и наградила взглядом из серии «будет ли конец пути?».

— Почему вы конвоируете меня лично? — холодно осведомилась она.

— Конвоирую? Зачем же так грубо, Ягодка? — через край игриво спросил мужчина, очаровательно улыбнувшись.

Калина осадил вампира холодными глазами и слегка одернула:

— Я вам не Ягодка, солдат, а Калина Владимировна!

Бессмертный в улыбке обнажил свои крепкие клыки. Задела или нет, так и не поняла. Она жутко устала, а тут еще один кровосос и его неуместные заигрывания. Такое чувство, что у них тут засуха, а она дождь. Два год ждали, если судить по глазам... Не сдержалась и ударила словом. Не то что бы хотела обидеть, просто не любила фамильярность. Этот «парень» самолюбив, это видно, и не лишен тщеславия, Калина сразу поняла, словно все это самомнение сочтется из него, проступая в выражении глаз и лица. Такой далеко пойдет. Даже по головам. Но колкость он проглотил, покорно отвесив легкий извиняющийся поклон, хоть и не лишенный иронии.

— Я, Калина Владимировна, — подчеркнуто вежливо обратился он, — уполномочен государем беречь вас более своей жизни.

— Не помню такого.

— Как же? Разве не в вашем присутствии он дал мне приказ найти вам охрану из числа самых проверенных? Вот я и есть самый проверенный у меня, — Амир растянул губы в еще одной улыбке и подарил очередной театральный поклон. Что за китайский болванчик?..

— И самый самонадеянный заодно? — колко спросила журналистка.

— А еще самый сильный и быстрый в моем полку. Разве это плохо, Калина Владимировна?

— В каком вы звании? Государь сказал, вы один из его командиров... — подсчитывая полоски на мундире, протянула Проскурина. Четыре тонкие, серебряные. Предположительно — капитан. Вот и шанс проверить догадку.

— Какое это имеет значение? Не рядовой, — пожал он плечами.

Тем временем они подошли к двери, и бессмертный услужливо распахнул ее перед гостьей.

— Это имеет значение, «не рядовой», и очень большое. Для вас, по крайней мере. Вы карьерист и тщеславный парень, это видно по глазам. Давно не юнец, значит, уже выслужились, посему заключаю, точно не лейтенант. Даже не старлей. Но еще не майор. Были бы майором, держались бы уже с невыносимым самомнением. Я таких знаю... А поскольку вы еще вполне выносимы... Вы капитан. Уверена. Так вот, капитан Амир, я ужасно устала и буду благодарна, если мы, наконец, закончим этот разговор.

— Не смею вас задерживать, Калина Владимировна. Доброй ночи и сладчайших вам...

Он не договорил, был лишен такой возможности. Женщина закрыла дверь перед самым его носом, прекращая поток уже просто невыносимой болтовни. Как же она устала?! Никто в целом мире так не устал. Такое чувство, что бессмертные сосут кровь уже и дистанционно.

Но, положив руку на сердце, она испытала какое-то томительно сладкое чувство, хлопнув дверью пред носом этого вампира. Именно этого. А вот почему? Пояснить она не смогла...

Оказавшись в крошечной темноте, поискала руками выключатель, но не нашла. С одной стороны, с другой... Пусто.

Так и стояла во мраке, думала: — «И что теперь?».

— Похлопайте в ладошки, Калина Владимировна, или скажите «свет», — приглушенно раздалось за дверью. Ей слышится или там звучит еще и смех? Очень-очень тихий смех кровососа. И откуда он вообще знает, что тут происходит?

— Как справедливо сказал наш государь, ум для дамы — поистине бесценный дар. Но, по моему глубокому убеждению, многим больше женщину украшает банальная вежливость... Если бы вы не скрылись от моих глаз так поспешно, я бы успел вам рассказать, как все устроено в ваших покоях. Доброй ночи.

«В чем-то он прав... — думала Калина, осторожно ступая во мраке. — Вежливость не мой конек».

Кажется, он ушел. Только когда прошло достаточно много времени, женщина решилась и хлопнула в ладоши.

Загорелся свет. Посреди большой комнаты просто огромная кровать. Некоторые люди жили в меньших метражах, чем одно это шикарное ложе. Бархат покрывала и атлас простыней. «Неплохо...», — иронично подумала Проскурина и легла спать не раздеваясь. Точнее, просто полежать. Настолько усталой она себя ощущала, даже свет не выключала. Прикрыла на секунду глаза и провалилась в забытие.

Глава 3. Делегат Проскурина

Калина проснулась с рассветом, что было для нее, любительницы поспать, в новинку. Случилось это потому, что восходящий красный глаз солнца слепил глаза. Проскурина болезненно щурилась, глядя на невероятное овальное окно, что достигало и пола, и потолка одновременно, протягиваясь в огромной комнате практически от стенки и до стенки.

— Словно рыбка в аквариуме. Только не хватает воды.

Устало поплелась к окну завесить шторы и непроизвольно взглянула вниз. Вдали виднеется железная стена, но не это привлекло ее взгляд. На обширном пустынном пространстве перед дворцом, где еще вчера лежала кроваво-красная ковровая дорожка, собралось огромное множество военных. Сотни, тысячи. Все в красных мундирах. Перед ними ходит военный глава. Возможно, это был сам правитель или его сын и наследник. Но по крепкой стати и посадке головы видно — большой военный чин.

— Военный сбор, да?

Вдоволь налюбовавшись военными, Проскурина изучила огромную комнату и все, что в ней находилось. И только после этого по достоинству оценила поистине царский прием, оказанный членам делегации.

Цвет комнаты преимущественно фиалковый, с изящным рисунком белыми цветами на двух из четырех стен. Пол того же цвета, только существенно темней, потолок привычный чисто белый, но на нем раскинулась необычная люстра в форме распустившегося цветка. Все это выглядело как объемный узор, но источало яркий свет. Фиалковые лепестки настолько длинные, что протянулись из одного конца комнаты в другой. Но все это так аккуратно «расцвело» на потолке, что служит просто изумительным украшением. Проскурина долго смотрела, открыв рот. Особенно потому, что лепестки подсвечивали мягким сиреневым сиянием.

Кровать стоит у стены, ближе к окну. Слева от нее вход в просторную ванную, вымощенную каким-то необычным материалом. Он теплый, гладкий, и, что удивительно, мягкий. Ноги не проваливались, но это было ощутимо. При этом материал не промокал и был достаточно прочным, чтобы выдержать даже упавшие металлические предметы. Не рвался, не раскалывался. Проскуриной представилась возможность это проверить. Случайно уронила свой старенький, но весьма увесистый фен. Ни единой царапины. Вот и чудесно! Не хватало еще краснеть перед кровососами за порчу имущества!

Ходить по ванной босой оказалось очень приятно. Чем и занималась достаточно долго.

Основной цвет не удивил — красный. Но все прочее, включая перегородки, выполнено из прозрачного стекла. Например, душевая или шкафчики под умывальником и возле него. Впрочем, сам умывальник тоже стекло, как и небольшая чашеподобная ванна. Смотрится очень броско и будоражит мыслью, что если кто-то войдет — прикрыться ей будет нечем. Стекло не оставит ни единой тайны. Единственное исключение — унитаз, к счастью он не просвечивает своего содержимого, такой же красный как пол. К счастью... Хотя его внешний вид существенно отличается от привычного глазам человека, Проскурина без труда определила, зачем нужно необычное и отчего-то треугольное устройство в углу. В остальном ванная журналистке понравилась больше, чем комната, а главное, места было так много, что вполне можно было вальсировать от унитаза к душевой и обратно. Причем, не одной парой, а небольшой труппой.

В огромных апартаментах она нашла все, что могло понадобиться женщине. Словно ее здесь ждали или же проявляли поистине царское радушие. Чемоданы были уже распакованы, а вещи висели отутюженными в шкафу. Возле кровати стояли тапочки, а на самом ложе лежал ее халат, который вчера не заметила. Такой грандиозной размерами оказалась кровать!

Кто и когда успел все приготовить? Вода, вино и фрукты ждут на столе. Книги на случай скуки и многое другое, что она даже не рассматривала. Вернулась к окну...

Все еще хотелось спать. Но многим больше хотелось получить ответы на старые вопросы. А когда же еще их получать, как не сейчас? Пока одна часть жителей дворца наверняка все еще спит, а другая марширует во дворе. А Проскурина по натуре достаточно дерзкая, чтобы решиться на подобную прогулку.

Наспех переодевшись, кое-как умывшись и не очень старательно приведя себя в порядок, Калина покинула комнату. Предварительно провозившись не одну минуту с замком. Все тут не как у людей! Вот и замки мудреные. Пока не сказала «откройся», не смогла даже ручку в двери повернуть. Точнее она сказала «откройся» и еще несколько слов позадиристей, но дверь суть просьбы уловила, из цветастого многообразия выбрала нужно слово — открылась.

В длинном коридоре пусто и тихо. Калина очень долго блуждала по этажу. Очень много поворотов и уходящих в разные стороны ответвлений. Изучила все. Дважды неумышленно возвращалась к своей двери и растерянно чесала затылок, соображая, как отсюда выбраться?..

— Как в муравейнике, честное слово. Надеюсь, у них тут нет кровожадной матки. Что где-то в недрах этого логова откладывает яйца на заре... — Пошутила так, что даже передернуло. — Не хотелось бы повстречать...

Когда удалось отыскать странную лестницу, которая отчего-то позволяла спуститься или подняться лишь на один этаж, пустилась на новые поиски очередной лестницы, ведущей вниз. А ведь путь на первый этаж и без того не близкий...

На одном из этажей Проскурина чуть не обнаружила себя. Молодой военный столбом стоял возле обычной, ничем не примечательной двери.

«Постовой?.. Или охрана? Например, кого-то из членов делегации? Может быть, генерала Васнецова сторожат?..», — рассуждала Проскурина, проскальзывая вдоль стены так, чтобы ее не заметили. Это показалось женщине немного странным, тем более, что вскоре она встретила еще одного солдата у двери. Очередной вампир в штатском не меньше двух метров роста, просто великан. Оказался еще и «зорким соколом» — заметил женщину, но не сказал ей ни слова. Только пристально смотрел горящими золотистыми глазами, пока журналистка стремительно отступала вглубь коридора, покрываясь испариной от этих глаз. Солдат не пытался преследовать и на помощь никого не позвал. Если бы не горящий взгляд, можно было бы предположить, что факт их встречи мужчине совершенно безразличен. Но взгляд выдавал, вампир далек до безразличия! Подобной жадности, иначе не назвать, она в мужских глазах еще не видела. Казалось, дай ему волю, проглотит вместе с балетками.

Вскоре Проскурина убедилась, что охраняют всех делегатов, кроме нее. Она видела лишь нескольких солдат, но к выводу пришла, и не сомневалась, что он верный: журналистку оставили без охраны, потому что она... женщина, и поэтому не опасна? Или потому, что знали, что она непременно станет разнюхивать и пойдет туда, где ее станут ждать? Например, в покои Вишнара?

— Богатая у тебя фантазия, Калинка, — со смехом шепнула и пошла дальше.

В то утро Проскурина «нагулялась», как никогда. И вскоре вообще пожалела, что вышла из комнаты. Мало того, что она часто находила постовых солдат, стоящих уже безо всяких дверей, главное — ужасно устала бродить в поисках лестниц.

— Кто это строил? — Возмущалась шепотком. — Он сам тут потом не заблудился?

На лифте поехать не рискнула, хотя именно его нашла сразу. Вампиры, несомненно, строили грандиозно! Но разобраться внутри их необычных архитектурных решений было невозможно.

В конце концов, Проскурина набралась наглости и зашла в лифт. Выяснилось, что под дворцом тоже имеются жилые этажи. В итоге она выбрала минус второй и в результате оказалась на территории персонала. Она не сомневалась, что уже вскоре ее поймут, но интерес победил. Вылазка того стоила в любом случае.

Как только Калина вышла из лифта в широкий светлый коридор, мимо нее прошли два прототипа, не обратив никакого внимания на женщину. Затем еще два и еще. Девушки и юноши куда-то спешили, и присутствие чужачки их нисколько не трогало.

Вначале Калина растерялась, но затем, смешавшись с этой толпой, устремилась вдаль коридора и случайно нашла там еще одну лестницу, которая вела еще ниже вглубь. Значит, имеются еще уровни? Странно. В лифте она выбрала самый нижний этаж.

— Секретики? — шутливо прошептала она.

Желая подтвердить или опровергнуть догадку, женщина спустилась по лестнице.

Но до того, шагая нога в ногу с двумя апатичными девочками, заглянула в окно, имеющееся в одной из дверей, и тут же поморщилась. Кухня, отсек для разделки. Судя по приготовлениям, сегодня у людей будет сытный мясной завтрак. Подробности, которые увидели, лишили аппетита часа на два, не меньше.

Журналистка вышла на широкую лестницу и прошла мимо огромного лифта, размышляя, насколько этажей вглубь угодит этот огромный дворец?

Пролетом выше из двери кто-то вышел, и Калина просто влетела на минус третий. Очередной уровень, слепящие белизной белые стены. Пустота и тишина. Разве что чуть дальше по проходу огромное смотровое окно. А за ним, сколько хватает взгляда, машины, похожие на транспортеры.

Не успела разобраться, что к чему, услышала голос:

— Что вы тут делаете?

— Доброе утро! — обескураживающе радушно улыбнулась она. — Я, вероятно, заблудилась. Искала кухню и, кажется, промахнулась.

Еще одна улыбка, полная невинности, но обнаруживший ее бессмертный, по виду военный с просто-таки квадратным лицом, смотрел холодно. Не верил.

— Следуйте за мной.

— С удовольствием. А что это у вас тут? Так красиво и просторно...

Прикинуться дурочкой помогало часто. Но в этот раз не спасло. Даже не оглянулся. Просто шел и вел за собой. Молча вел.

— А вы не разговорчивый, да? — еще одна попытка и снова тишина. Эх, зря она так плохо выглядит с утра. Пока ее обаяние совсем не действует на этого вампира.

Вскоре очаровывающий тон журналистки сменился на просящий, затем и на взволнованный. В контексте данной фразы:

— Куда вы меня ведете?!

Вампир по-прежнему молчал, и тогда Калина надумала удрать. Когда стала пятиться назад, мужчина, не оборачиваясь, предупредил:

— Не советую. Я бегаю быстро и очень это люблю.

— Бегать?

— Ловить...

Он не добавил «еду», но именно это она ощутила в последовавшей тишине.

— Куда вы меня ведете?

— Идите молча!

Вот и все. К счастью, вскоре ситуация прояснилась, когда «квадратная голова» подвел Калину к какой-то двери двумя этажами выше, на минус первый, и постучал. Дверь как дверь, ничего особенного для подсобной части дворца.

В небольшой простого вида комнате стоял бессмертный. Без мундира, в рубашке, спиной к двери. Читал что-то со... стекла? Или это воздух в его ладони подсвечивается синеватыми буквами?.. Присмотрелась и различила тонкий как лист бумаги полупрозрачный монитор. Но про чудеса техники тот час позабыла. В другой руке вампир держал стакан полный крови. Ест. Точнее пьет.

— Тою мать... — выдохнула женщина, увидев стекающую по стенкам густую жидкость красного цвета. Даже замутило.

Бессмертный резко оглянулся и посмотрел на гостью, затем на солдата.

— Что происходит?

— Шныряла, где не положено, капитан!

— Почетные члены мирной делегации не могут шнырять, Рамсинг. Они прогуливаются, — исправил Амир, но насмешка в словах не ускользнула ни от солдата, ни от «шныряющего делегата». — С целью узнать нас лучше. Ведь так было, уважаемая Калина Владимировна?

— Было именно так. Я хотела узнать вас лучше, — избегая насмешливых глаз, согласилась она слегка нервным голосом. Как же мерзко выглядит кровь в стакане. И какая она красная!..

— Зачем врала, что ищешь кухню? — пробасил конвоир.

— Уважаемые члены делегации не врут, они сглаживают острые углы. Может быть, дама искала комнату нужд, но стыдилась сказать тебе прямо, — все иронизировал Амир.

— У нее в комнате есть нужник, — нахмурился солдат, такой же обходительный как молот, бьющий по наковальне.

— Я сказал, «комнату нужд». Кто их делегатов знает, в чем они нуждаются в шесть утра? Может быть, в ласке?..

— Ну, все! Прекратите цирк, Амир! Признаю, проявила неуместное любопытство!..

— Неуместное?! — изумился он, иронично добавив: — Едва ли. Подумайте сами, ну что вам тут могло угрожать?

— Вы сами виноваты. Нужно было и к моей двери приставить солдата. Почему всех охраняют, а меня нет? — не придумав ничего иного, возразила женщина.

— У меня не было такого приказа, — спокойно ответил Амир. — Охранять вас от самой себя.

— Значит, ваш государь решил, что я в праве тут ходить! — самодовольно подытожила.

— Рамсинг, вы свободны!.. Да, наш государь так решил, — согласился он, когда дверь за солдатом закрылась. — Не исключено, что вы, плутая, встретите его покои. Потому что на

этаже всего три комнаты. Государя, преемника и ваша. Возможно, вы поинтересуетесь, кто ваш сосед, подсказываю, справа. Но я бы на вашем месте лучше думал о других вариантах встреч, плутая в этот час дворцом. И боялся. Хоть чуть-чуть! — уже строго отчитывал он, хмуря свои черные брови.

— А я и боюсь... Но это моя работа — бояться, но делать.

Помолчали, изучая друг друга глазами. Амир растрепан, но вид бодрый. Кудрявые волосы влажные, вероятно только из душа. Все еще держит стакан в руке. Хотя вначале казалось, хотел его отставить, подальше от глаз гостыи. Теперь он словно умышленно дразнит, точнее, наблюдает реакцию. Крутит в руках и косит на стекло, как кровь рисует разводы на стенках. Густая, темная, тягучая...

— Все, хватит. Уберите...

— Бойтесь крови, Калина Владимировна? — бесстрастно спросил он.

— Кто ее не боится?.. Кроме, естественно, вас.

Гостыя присела на ближайший стул без приглашения и устало закрыла глаза. Ей нужна была секундная передышка. Крови она не боялась, видела по долгу службы часто. Бывала в горячих точках. Люди десятками гибли у нее на глазах. Разрезанные пулеметной очередью, с внутренностями, торчащими наружу. Наблюдала куски тел после взрывов и много что хуже. Но это не то же самое — видеть рану, пусть и серьезную, или как кто-то пьет из нее. Оказалось, это ужасно бьет по нервам. Впрочем, в каком-то ином мире все могло быть иначе. Страх, настоящий ужас рождала только реальность вампира. Того, кто может эту кровь высосать. И эта боязнь за века стал в сознании человека хронической. Ни мина, ни ядерная бомба, никакое иное оружие не способно внушить тех же переживаний человеку, что и зубы бессмертного... Нет, это был уже не банальный страх смерти, это был ужас перед мучительной погибелью, агонией боли, ведь обескровливание на практике длительный и болезненный процесс. И жертва умирает сразу, только если разорвать зубами жизненно-важные артерии. А если умышленно растягивать «прелюдию смерти»?..

Журналистка Проскурина знала немало фактов прошлого на эту тему. Сотни и сотни устрашающих историй из жизни людей — покалеченных, с надломленной психикой, изуродованных морально и физически, но чудом выживших. Все они сходились в одном: мучила не только боль, лишало силы осознание безысходности, которое было особенно невыносимым, когда тянулось мучительно долго, и уже казалось, ему просто нет конца. Так что даже не потеря крови, не боль убивали человека, его всегда губил страх. И сейчас, глядя на стакан, полный крови, в руке этого существа, Проскурина, как никто, понимала — чтобы познать этот страх во всей его истинной мощи, нужно видеть реальность угрозы хоть раз. Своими глазами.

Один на один.

— Я поняла вас. Бродить здесь не только непростительная грубость с моей стороны, но и опасно для меня как для...

— Слабой женщины, — подсказал капитан.

— При чем здесь мой пол?

— Можно подумать мужчины везде разные, и у вас в городах кругом одинаково безопасно ходить беззащитной женщине?

— Ах, вы об этом печетесь! — улыбнулась Калина, осознав, что страшатся за ее женскую честь, а не за жизнь.

— О чем же еще? Ничего иного, точнее, плохого, никому из делегатов не угрожает, —

строго подчеркнул бессмертный. — Но это не значит, что женщина должна умышленно провоцировать...

— Провоцировать?

— Именно!..

— Провоцировать, простите, что?

— Естественные... инстинкты мужчины, — хмурился бессмертный. — Тем, что бродит без сопровождения, где не положено! У нас так не принято. Это правило существует для всех женщин. Будьте любезны, уважьте его. Вы ничем не лучше тех дам, которые живут в нашем мире. А мне казалось, вежливость в чести и у людей.

— Вы всегда такой правильный зануда, Амир?

— Всегда, — нахмурился бессмертный.

— Вы просто убиваете мой стереотип, — усмехнулась журналистка. — Правильный и вежливый вампир и неправильная и не вежливая... гостья из мира людей. Если все бессмертные такие правильные, мне придется уволиться. Не о чем будет писать.

— Пишите о том, какие мы милые.

— И пушистые.

— Что, простите?

— Застегните рубашу, Амир, вы смущаете мои целомудренные глаза своей чрезмерной мужественностью, — подтрунивала Проскурина, у которой страх сменился внезапной веселостью.

Бессмертный не ответил, но отвернулся к столу, поставил на него стакан и... стал застегивать верхние пуговицы рубашки. Поспешно скрывая свою волосатую грудь. Журналистка тихо рассмеялась.

— Что-то не так, Калина Владимировна? — холодно уточнил вампир. Понял, что он предмет насмешки, и ему это не понравилось.

— Просто Калина. Но только без «Ягодки», пожалуйста, — благодушно предложила она.

— Какая внезапная щедрость в адрес простого солдата. «Ягодку» приберегли государю?

— Ягодку я приберегла тому, кто ждет меня по ту сторону железной стены, — отчего-то потеряла она самообладание. — Я люблю его, и мы скоро поженимся. И давайте навсегда оставим этот разговор! Я просто хотела поговорить по-человечески. Глупо, верно? Это с вампиром-то?!

— Верно, глупо, — холодно отозвался капитан. — Воспитанному вампиру говорить с дурно воспитанным человеком! Что до жениха. Пыл государя не остудит даже ложь про внезапно сыскавшегося мужа и семерых детей.

— Ложь?

— Неужели вы думаете, выше досье мне не показали? Как и государю.

— С чего вдруг простому капитану? Кстати, я угадала чин! — усмехнулась она.

— Да, — бесстрастно ответил Амир. — Угадали.

— Всего лишь капитан, а держится генералом, — дразнила Проскурина.

— Запросто, если этот капитан возглавляет службу государственной безопасности, и ему подчинена и личная охрана государя, — и не моргнул он.

— Так вы тут большой командир?.. — Усмехнулась Калина, понимая, что сомнение этого вампира не лишено основания. — Тогда понимаю. Так в чем я солгала, по-вашему?

— Дома вас никто не ждет. Вы не только дурно воспитаны, вы вруха, каких мало, — не

моргнув, протянул он. — Что не удивительно, учитывая выбранную профессию, Калина Владимировна. И, кстати, на счет подачек — ими не питаюсь, — тут же пояснил он свое нежелание обращаться к ней по имени.

— Вы плохо осведомлены, господин большой начальник, — резко поднимаясь, холодно сказала журналистка. — Он солдат. Про нас не знает даже мой отец. И я не вруха.

— Рамсинг ждет за дверью. Он проводит вас к себе... вруха.

Калина обернулась от двери и посмотрела недобрыми глазами. Интуиция не обманула. Вчерашнее необоснованное раздражение к этому вампиру сегодня оправдало себя с головой.

— Вы же не думаете, что я стану вам что-то доказывать, Амир?

Бессмертный молчал какое-то время, а когда заговорил, его лицо, что еще вчера казалось необычайно приветливым, выглядело совершенно иным, жестким и холодным.

— Про отца было не показательно. Он может не знать о многом. Например, что на первом курсе вы курили с друзьями травку, и вас за это чуть не выгнали из университета. Что вы пошли на сексуальную сделку с деканом, чтобы не вылететь с треском и не опозорить отца, видного писателя. Он может не знать, что в последний год вы писали разгромные статьи, подбивая людей к бунту, в том числе о нас, за которые вас преследовали, чуть не лишив возможности работать и даже жить. Он многое может о вас не знать. Даже имя вашего первого мужчины. Но в вашем досье все это есть.

Калина смотрела на капитана в упор, безмолвно и ничего не выдавая этим взглядом.

— Сергей, верно?

После этого вопроса озвученного мягким вкрадчивым голосом, женщина вышла за двери. Разговор был окончен...

Глава 4. Политический друг

— Кто предоставил вампирам подобную информацию? Кто собирал на меня столь пикантное досье? На черта там мой первый мужчина?! Это указали зачем? — Калина нервно бродила по небольшой хоть и уютной комнате. Оказалось, с комфортом и шиком разместили далеко не всех делегатов. Точнее, с шиком только Проскурину.

— Не мы. Наверное, военные, — поспешно уверил министр Аршинов.

Александр Александрович был невысоким худощавым мужчиной пятидесяти семи лет. Более пятнадцати лет он в большой политике, из них семь проработал в министерстве внешних связей. Приличный стаж. На Проскурину этот человек единственный произвел приятное впечатление при первичном знакомстве членов делегации. Разумный, интеллигентный, спокойный, он имел ясный взгляд на вещи. Именно поэтому Калина пришла к нему. Впрочем, негласно именно он был старшим в делегации.

— Министр, по-вашему, военные стали бы передавать подобную информацию? — скептически уточнила журналистка. — О количестве моих любовников и, простите, их порядковых номерах?.. Глупо.

Аршинов молчал. Пытливо смотрел на женщину. И в его серых глазах она видела — права.

— Тогда откуда?

— Я тоже хочу это знать, министр. Если вампиры имеют информацию такого плана и столь подробную про всех нас, но никто из нас ее им не предоставлял, у нас в тылу враг.

— И вы хотите сказать, что этот капитан Амир вам прямо об этом сказал? Навел на след?.. Чушь. Он далеко не дурак...

— А вдруг?

— Вы сами в это верите?

— Нет, но...

— Давайте без «но». То, что вы сообщили, очень серьезно, Калина. Это страшное обвинение. Искать крота в кругу своих дело не простое. Предлагаю вам пока сохранить подозрение в тайне. Не исключено, что предатель сейчас здесь, с нами. В числе этой делегации...

Сразу после визита в комнату Аршинова журналистка столкнулась с Амиром. Прямо в коридоре на этаже, где ее разместили. Вышла из-за угла и налетела на капитана.

— Все еще блуждаете, Калина Владимировна? — до предела посерел он.

— Вы не приставили к двери охрану, и я подумала, что имею прежнюю свободу передвижения. А где, вы говорите, покои вашего государя? — подразнила она.

— Проводить? — холодно уточнил он, оглянувшись.

— Благодарю.

— Рад служить. Но на вашем месте я бы вначале привел себя в порядок, — бросил он. — Государь не любит столь неухоженные цветы.

Калина опешила, но быстро взяла себя в руки. Довольно болезненный удар по женскому самолюбию гордячки. Амир выглядел бесстрастно, но Калина готова была поклясться, что в его глазах промелькнула насмешка.

— Я непременно воспользуюсь вашим советом, — после непродолжительного молчания ответила женщина. — В котором часу завтрак?

— Ровно в девять. И не опаздывайте. Государь не блещет терпением.

— Тогда вам придется прислать за мной кого-то. Или я снова рискую ошибиться этажом.

— Не ошибетесь. Я на этот счет побеспокоюсь, — кивнув, сказал капитан с легким оттенком суровости. И, откланявшись, исчез за очередным поворотом коридора...

Собираясь к завтраку, журналистка подошла к зеркалу и с интересом на себя посмотрела. Так, словно видела впервые. Она отлично знала свое лицо, как и тело, каждый его бугорок и выемку, все преимущества и недостатки. Калину не раз называли красивой, хотя сама она так никогда не считала. И дело было не в заниженной самооценке. По крайней мере, ей казалось, что в этом, последнем пункте, она справедлива... У нее русые волосы с легким серым отливом, некоторые его еще называют пепельным оттенком. Но Калина знала — это попытка приукрасить. Так говорят те, кто не желает признать, что цвет его или ее волос имеет сероватый или попросту мышиный оттенок. Кожа светлая, но не белая, зато нет веснушек. Совершенно обыкновенный нос, ни большой, ни маленький и заурядные среднестатистические губы. Пропорциональные, ни тонкие, ни полные. Ресницы не назовешь длинными или густыми, увы. Зато глаза чуть больше среднего, но далеко не огромные, разрез, правда, вытянутый, красивый — лукавый, как у лисички. И с цветом повезло — зеленые. Хотя от кого из родных достался этот оттенок, не знала. В семье Проскуриных все, кроме нее голубоглазые. В целом, лицо Калины не просто женственное, чувственное, но почему-то это «чувственное» лицо всем кажется, прежде всего, дерзким. Словно эта женщина всегда бросает всем вызов. Калина понимала, что дело всецело в выражение глаз. Пожалуй, эти самые зеленые и делали общую картину такой, какой она казалась всем без исключения, и прежде всего своему отцу. Дерзкая девчонка! Но, не смотря на это, а может быть именно поэтому, Проскурину всегда и неизменно замечали представители сильного пола. Хотя чем именно она их прельщала, Калина понять не могла. Как и не могла оспаривать, что после знакомства уже вскоре многие из них думали «Лучше бы не знал никогда!». И в этом тоже была типичная реакция на Калину Проскурину.

Солдат охраны пришел за журналисткой заранее, до завтрака. Точнее, переодетый в штатское солдат. Хотя к чему эти маскировки, если военных видно за версту и по фигуре, и по строевому шагу, и по выражению лица? Жесткий как камень.

Когда она появилась в общем кругу, все собравшиеся к ней обернулись. В том числе Вишнар. Он тоже уже был тут. Хотя солдат пришел за женщиной заранее, Калина тянула до последнего, чтобы заставить себя ждать. Никакой умышленной невежливости, но женщина обязана быть долгожданной. Или она не женщина. Тем более, если она единственная дама в окружении мужчин. Калина решила, что минуту опоздания ей простят. Расчет был и на то, чтобы обратить на себя всеобщее внимание. Появиться, когда уже все прочие собрались, когда все заметят появление.

Вишнар усмехнулся довольной улыбкой.

— А вот и Калина. Красная. Как и положено спелой ягоде, да, господа?

Сказал он так не напрасно. Именно такого цвета платье было надето на гостье. Зачем она его взяла с собой в это путешествие? Ведь это самый настоящий вызов, явиться в таком одеянии в этот круг. Но в какой-то миг Проскуриной ее выбор показался отличным. Особенно после обидных слов Амира... Была ли это попытка доказать что-то капитану или же себе, она не знала. Точнее, предпочла не задумываться. Но деловой черный костюм классической длины, что был на ней накануне, был заброшен, как и все прочие, строгие

одеяния, что она упаковала в чемодан, желая не выделяться.

Туфли на высоком каблуке, цвета платья помада и небольшая черная лента на шее, подчеркнуть ее белизну и изящество. Такой она вышла к завтраку. И не прогадала. Точнее, все-таки погадала, и об этом она уже думала вскоре, когда не один десяток жадных янтарных глаз стал следить за ней неотрывно. Но триумф состоялся. Ее заметили и оценили все. Только Аршинов как-то нахмурился, неодобрительно поджав губы. Его взгляд так и говорил — «Это ты зря...». Странно, ведь именно он накануне давал ей сигналы не отталкивать государя бессмертных. И что бы это значило?..

— Прошу прощения за опоздание. Дворец большой, путь не близкий. А я не успевала за вашим... — женщина оглянулась, но ее провожатого уже и след простыл.

— Какое это имеет значение?! Главное, вы, наконец, с нами, — любезно сказал Вишнар и жестом руки пригласил всех за стол. После этого сам лично отодвинул стул даме. Хотя это шокировало даже бессмертных, не то, что людей.

— Какое изумительное платье. Вы угадали с цветом, — шепнул государь.

— Что-то навело меня на мысль, что он будет вам приятен, — встречая взгляд, уверенно ответила Проскурина, и улыбнулась. Хотя это была очень завуалированная ирония.

Вишнар громко раскатисто рассмеялся, прошептав «несомненно» и завтрак начался.

— Ваш сын снова не с нами?

— Почему же, от тут, — благосклонно ответил Вишнар. — Правда, снова не за столом. Мальчик снова занят делами. Если бы я знал, что моего общества вам не достаточно...

— Ну, что вы?! Более чем. Это простое женское любопытство. Кстати, государь, а не вас я имела честь видеть сегодня на заре из окна?

— На заре? Нет, это был точно не я. Это был мой сын. Кстати, о женском любопытстве. Как прошла прогулка? — Вишнар хитро улыбнулся, откинувшись в своем массивном кресле. Государь снова не «ест» привычной пищи. И даже не пьет вина. Его присутствие за столом, как и прочих бессмертных, просто дань вежливости гостям.

Васнецов вопросительно взглянул на Калину, затем на Аршинова. Видимо, генерал пока был не в курсе утренних передвижений журналистки. Как и прочие делегаты.

— Не так интересно, как я рассчитывала, — и не подумав смутиться, улыбнулась гостья.

— И зачем было утруждаться и вставать в такую рань? Я бы сам с радостью показал вам все немногим позже. Кстати, именно этим вы и займетесь вскоре после завтрака.

— Не спалось, — беспечно тряхнув русыми волосами, отозвалась женщина. Рассыпала пряди по плечам и улыбнулась.

— И часто вам не спится в столь ранний час?

— Всегда плохо сплю на новом месте.

— Тогда, не исключено, что и завтра будете не спать в этот же час?.. Заходите в гости. У меня, знаете ли, тоже бессонница по утрам, — Вишнар посмеивался, делая невинные глаза, и полностью игнорировал напряженные переглядывания между гостями. Впрочем, они уже поняли, что их персоны не интересуют главу бессмертных. Однако, государь тут же исправился, завязав разговор о смежных землях. К счастью, ответ от Калины он не ждал. Или пока не ждал.

Когда завтрак под легкую беседу о политике был окончен, Вишнар откланялся, сославшись на важное дело, и пожелал всем приятной экскурсии.

— Не сомневайтесь, я припас много интересного для вас, — пообещал он, удаляясь.

После обильного завтрака членов делегации на какое-то время оставили в одиночестве

под предлогом выпить кофе. На самом деле все чего-то ждали и напряженно переглядывались до тех пор, пока в комнате не появился глава службы безопасности. Все тот час покинули свои места за столом, и стало ясно, чего, а точнее, кого именно ждали делегаты.

— Капитан Амир уполномочен сопровождать нас во время экскурсии дворцом, — шепнул журналистке Аршинов.

Блуждания роскошными залами и пугающе мрачной усыпальницей не показались Калине ни интересными, ни познавательными. Не впечатлил ее и портретный этаж, где висели устрашающие своей древностью портреты предков многих известных династий. Кроме того, журналистка вскоре устала ходить на каблуках. Когда же Калина всерьез забеспокоилась о своих ногах и пару раз растерянно взглянула на Амира с целью спросить разрешения отлучиться и снять туфли, что уже мучили, поймала его ироничный взгляд и холодную усмешку. Судя по выражению глаз, капитан прекрасно понимал, в чем проблема и что вскоре гостье будет уже тяжело ходить, но, кажется, не планировал делать даме скидок. Даже наоборот. Умышленно мучил... Заносчивый, злобный кровосос! После этого живописного обмена взглядами гостья решила не унижаться. Терпеть молча.

— У вас какие-то проблемы, Калина Владимировна? — с показным волнением осведомился Амир, когда женщина присела на ближайший стул. Пятнадцать минут к ряду слушать скучнейшую родословную, стоя на каблуках, было невыносимо. — Прекратить экскурсию? Может быть, вы желаете отправиться к себе, отдохнуть? Жаль, если вы не увидите лабораторию. Мы вскоре туда идем. Что скажете?

— У меня все отлично, — выдавливая из себя улыбку, преувеличено легко сказала она. И с большим трудом поднялась.

— Уверены? Можете идти?

— Я еще вас перехожу, капитан.

— Прекрасно! Если в вас столько задора, тогда мне бы очень хотелось показать вам еще два зала для приемов. Вы обязаны их видеть. Они выполнены из редкого камня...

После залов из «редкого камня» были еще не менее редкая библиотека и просто таки уникальный винный погреб!

— Может быть, вы наконец-то покажите нам что-то и правда заслуживающее внимание делегации, цель которой установить мир между нашими популяциями? — не выдержав первым, пробасил генерал Васнецов.

— Насколько я понял, в цели делегации входит ознакомление с нашим бытом. Именно его я вам и показываю, — беспечно развел руками Амир. — Если я не прав, сориентируйте меня, что именно вам показывать?

— Точно не коллекцию раритетных ночных горшков, которыми пользовались предки вашего государя.

— Это была коллекция ваз, а не ночных горшков, — кашлянув, тактично исправил министр Аршинов.

— По мне между ними никакой разницы.

— Разница большая, в первые ставят цветы, во вторые... — министр снова закашлял. — Но, в общем, генерал прав. Нам бы хотелось познакомиться с общим укладом вашего быта, капитан. Как вы живете, по какому принципу строите семьи? Как живут ваши солдаты? Как питаются?..

— Питаются? — бесстрастно уточнил Амир, но глаза его на миг как-то странно

сверкнули. — Думаю, с этим проблемы не будет. Если вы не желаете, конечно, перед этим осмотреть зал для торжественных посвящений?..

Все дружно в один голос заверили, что при всем их страстном желании увидеть еще и этот зал они как-то в другой раз. Следующим визитом непременно!

— Раз все так единодушны... Думаю, вам стоит слегка передохнуть. Калина Владимировна, кажется, стерла ноги по колено. Мне кажется, или вы даже ростом стали пониже, госпожа Проскурина? Могу поискать вам лекаря.

— Со мной все в порядке, — хмурилась журналистка. — Вы обещали показать лабораторию.

— Непременно, когда заживут ваши конечности.

— Вы уделяете слишком много внимания моим ногам, капитан! Оторвитесь уже от них, — поддела она. — Со мной все просто чудесно!

— Уверены, что выдержите поход в лабораторию? Она многим больше прошлых двух залов.

Калина содрогнулась, припомнив бесконечные комнаты, что остались позади, но уверенно кивнула.

— Тогда прошу... Надеюсь, все согласны с подобным продолжением экскурсии?

Согласны были все.

— Вам не нужно переговорить по этому поводу с государем? Быть может, он будет возражать? — осторожно уточнил Аршинов.

— Все в полнейшем порядке, нам нечего от вас скрывать. Как вы верно заметили, наша общая цель — мир. И ваш визит — наша инициатива. Мы желаем показать вам нашу жизнь и то, что бессмертные давно не враги людей. Прежде всего, потому, что вы больше не часть нашей пищевой цепочки. В вашей крови мы не нуждаемся. Когда вы в этом убедитесь, страх пройдет.

Что-то во всем этом настораживало Проскуруину. Не смотря на показное радушие вампиров и желание сдружиться, Калина кожей чувствовала подвох. Верить ли кровососу? Кажется, ответ очевиден — нет!

— Вы ведете нас не той дорогой! — обгоняя Васнецова, запротестовала Калина.

— Не той, что вы спускались утром? — усмехнувшись, уточнил Амир. — Вы были в складской части, оттуда подают и транспортируют все необходимое наверх, в том числе провизию для жителей дворца. Ничего интересного там нет. Я веду вас кратким путем и сразу к самому интересному. Или, может быть, это сделаете вы, Калина Владимировна? Раз уж вы такой знаток местности.

Члены делегации неодобрительно посмотрели на журналистку, и Калине пришлось прикусить язык. Но сердце ей подсказывало, что-то тут не чисто. Там внизу было что-то еще, что-то интересное. Что-то, что ей не дали обнаружить утром.

О том, что журналистка гуляет по дворцу, бессмертные знали. Постовой видел ее и мог сообщить старшему. Что он наверняка и сделал. Тогда почему солдат пришел за ней, только когда она опустила на минус третий? Не потому ли, что пока Проскурина бродила выше, нужды останавливать ее не было? Она подобралась к чему-то по-настоящему важному, вот почему за ней пришли. К такому выводу пришла журналистка.

— Как ваши ноги, Калина Владимировна? — внезапно спросил капитан, прерывая ее мысли.

— Отлично, — скрепя зубами, ответила женщина.

— «Отлично» значит, что кровавые волдыри уже лопнули или еще держатся? Что именно?

Калина не ответила. Амир прав. Еще пара шагов и она зарыдает. Но уйти, значит сдаться и не увидеть самого интересного. Поэтому лучезарно улыбнувшись бессмертному, она просто скинула туфли, и, блаженно вздохнув, уверенной походкой пошла дальше, игнорируя насмешливые взгляды капитана.

— Какая вы, однако, мелкая без ходулек, — усмехнулся он вдогонку. — Только сейчас понял смысл выражения «небольшая язва».

— Не благодарите меня, «Обширный инфаркт».

Амир усмехнулся. Эта женщина просто бессильна промолчать в ответ...

Отчасти вампир был прав, без каблуков Калина чувствовала себя более хрупкой, чем являлась на самом деле. Несмотря на свой средне человеческий рост и совсем не субтильное телосложение. Капитан и до того смотрел на нее сверху вниз в прямом смысле слова, а уж теперь!.. Популяция вампиров в целом заметно крупнее человеческой. Что называется широкая кость, парода. Но чувство было такое, что капитана и всех прочих «сопровождающих» чем-то дополнительно подкармливали.

Вскоре у Проскуриной появилась другая проблема. Полы дворца оказались невероятно холодными. Ноги стали замерзать. Журналистка упрямо стояла на своем, то есть шла в числе прочих делегатов коридорами, лестницами и, наконец, достигла лифта. Этот позволял спуститься ниже минус третьего. На том же, на котором журналистка прокатилась утром, раскладка кнопок была иной.

Затем было погружение вниз. И наконец, цель была достигнута. Минус пятый этаж. Утром солдат остановил на минус третьем. Что он пытался скрыть? Что на четвертом?..

Этот вопрос не давал Калине покоя...

Осмотр лаборатории начался с комнаты охраны. Делегацию, извинившись, проверили на наличие любого вида оружия и предметов из металла, всех без исключения по очереди подвергли процессу очистки. Для этого нужно было зайти в прямоугольное углубление в стене, стать на квадратную решетку в полу. Точно такая была сверху и по сторонам. Какое-то время со всех сторон дул поток воздуха, затем, уже по соседству, в другой кабине, на делегатов была распылена какая-то жидкость. Совсем чуть-чуть.

Сотрудник, что стоял за стеклом, разделяющим лабораторию и внешний мир, наблюдал за процессом. По громкоговорителю он пояснил, что все происходящее с делегатами совершенно безопасно, жидкость безвредна, и бояться не стоит. Как ни странно, больше всех волновались военные. Министерские же, как и Калина, были скорее заинтересованы. Все живо осматривались, шумно обсуждали происходящее и даже улыбались. Когда процесс окончился, обнюхали себя и решили, что они даже посвежели.

Далее всю делегацию одели в специальные стерильные комбинезоны зеленого цвета и пустили за стеклянную стену. Калине выдали традиционную обувь сотрудника лаборатории. Ее размера не нашлось, но задорно шлепать оказалось многим лучше, чем ходить босой и мерзнуть.

Сухонький бессмертный, что наблюдал за процессом, оказался главой лаборатории. Калине первый раз довелось видеть такого аккуратного размерами вампира. Обычно они крепкие и высокие. Или такие только военные? Ведь пока только их допускали до общения с гостями.

Амир обратился к главе лаборатории почтительно — «профессор» — и так его стали

называть все прочие. Эскорт из десяти бессмертных остался снаружи, внутрь допустили только гостей и начальника службы безопасности. Тут с этим строго.

Светло, чисто, красиво. В лаборатории Калине понравилось больше, чем во дворце. Очень много оборудования и, как результат, — масса вопросов.

— С чего бы вам хотелось начать? Я покажу вам нашу творческую мастерскую. Место, где мы занимаемся генной инженерией.

Профессор говорил тихо, мало, но очень интересно. Он показывал разные кабинеты, оборудование, познакомил с помощниками. Десять сотрудников — те, кто занимается технологией процесса, так сказать творит. Имелся обслуживающий персонал, кто выполняет механические процессы. Но с ними знакомить не стали. Они простая рабочая сила.

Затем делегатам показали холодильники с образцами материалов, слайды, под показ которых вкратце рассказали технологию получения живой плоти. Профессор излишне не вдавался в подробности, тут мало кто мог его понять.

— В число делегации были изначально включены ведущие эксперты по генной инженерии, один доктор наук и два биолога, — шепнул на ухо журналистке Аршинов. — Но бессмертные их кандидатуры не одобрили, пустили только военных и политиков. Чтобы украсть секреты было некому.

Министр улыбнулся Проскуриной и тут же вернув лицу серьезность, спросил у бессмертного:

— Как вы получаете этих существ?

— Прототипов?

— А есть другие?

— Да, есть аноты, это наш основной источник пищи. Их кровь в несколько раз питательней чем... человеческая. Кроме того, они безотходны. Мясом анотов мы кормим прототипов. Очень удобно.

— Как вы их получаете?

— Я не уполномочен раскрывать вам секреты, думаю, вы понимаете почему. Но могу рассказать, что оплодотворенные эмбрионы помещают в жидкость, к которой через трубки подводят питательные вещества. Там они развиваются положенный срок. Компьютер следит за созданием определенного температурного режима.

— А как вы получаете эмбрион? — спросила Калина.

— Лабораторным путем. Это результат длительной работы и многолетних исследований.

— То есть, сырье полностью искусственное?

— Нет, это живой материал. Но он тоже изначально был выращен, а не рожден.

— Я имею в виду, где вы взяли клетки матери и отца?

— Все не совсем так, как в обычном способе размножения. Мы научилась воссоздавать живую плоть. Любую ее часть. Любую клетку. В том числе и яйцеклетку. И уже добавляя в нее те или иные свойства, выращивать полноценный организм, заложенного в программу возраста и вида.

— То есть, можете вырастить сердце, а можете человека? — вступил в беседу Васнецов.

— Человека не могу, прототип — да, — улыбнулся профессор. — В остальном вы поняли верно.

— А в чем разница? — спросил министр Темерев.

— Человек это не просто кровь и плоть. Это сложный механизм психоэмоциональных

процессов. Но самое главное — это, то, что пока не удалось воссоздать ни одному генетику.

— Что же это?

— Душа. Какой же без нее человек?

— Странно слышать это от ученого.

— Ничего странного. Именно мы вскоре будем настаивать на ее существовании. Когда удалось получить первые прототипы, стало очевидно, что они лишь саркофаги. И более ничего. Вы же их видели?

— Я бы не сказал, что они чем-то отличаются, — не согласился Васнецов.

Профессор бессмертный выразительно взглянул на военного, но более ничего не добавил. Калина словно мысли прочитала — «доказывать что-то тебе — напрасная трата моих сил».

— А мы могли бы увидеть, как вы их выращиваете? — спросила она.

Ученый вопросительно взглянул на капитана Амира и тут же согласно кивнул. Вероятно, получил разрешение. Странно, но капитан и бровью не повел, и глазом не моргнул. Но профессор его понял. И понял он верно.

В большой комнате, начиненной по периметру аппаратурой, рядами стояли стеклянные саркофаги. Примерно по два метра в длину и метр в ширину. Из пола вдоль ножек к ним поднимались широкие черные трубки.

— Внутри этой трубки заведено десять других, более тонкого диаметра, через них прототипу поступает все необходимое. Таким образом, происходит замена отработанной жидкости на новую. Вся коммуникация разведена в полу, поэтому ее не видно. Это сделано для удобства перемещения между телами. Изначально мы ужасно спотыкались тут... Замена жидкости происходит раз в три часа.

— Как в материнской плаценте? — спросила Проскурина.

— Почти... Жидкость, в которой они плавают, не вода. Это специальный раствор, правда, на водной основе. Воду сложно чем-то заменить, она снова всего в этом мире. Прототипы, как и люди, более чем на восемьдесят процентов состоят из нее.

Освещение не очень яркое, климат прохладный. Странно, но саркофаги на ощупь теплые. Несколько сотен аккуратными рядами. Внутри плавают тела. По виду ни чем не отличить от человеческих.

Члены делегации как зачарованные втянулись в комнату. Калина шла в середине. Вперед ее не пустили. Первыми внутрь шагнули военные. По порядку, по старшинству, как у них и положено, и замерли у первого же существа. Калина не остановилась в общей массе, протиснулась вглубь.

В одном из саркофагов, ближайшем к ней, скрутившись в форме эмбриона, лежала девушка. Ее длинные черные волосы плавали в жидкости, руки и ноги слегка подрагивали иногда, как бывает, когда крепко спишь. На вид ей лет шестнадцать. Существо слегка повернулось во сне, и стало видно ее безупречно красивое обнаженное тело и нежное лицо. Просто удивительно пропорциональное. С красивыми правильными чертами и белой, словно молочной, кожей.

Члены делегации постепенно расползлись по комнате. Каждый рассматривал своего прототипа и все замирали в непроизвольном восхищении.

— На какой стадии они находятся? — спросила Калина.

— Все кого вы видите, на девяносто пять процентов созрели. Еще неделю-две и их можно извлекать. Затем акклиматизация еще две недели, и они готовы к жизни. Но в первые

месяцы все еще очень уязвимы. Легко обучаемы, но интеллектом весь цикл жизни как дети. Зреют очень медленно. И умирают, так и не достигнув подросткового возраста. Через три-четыре года.

— Красивые куклы, — хмыкнув, оценила Калина. Ощувив взгляд, она оторвалась от прототипа и увидела глаза Амира. — Я не права, капитан?

Но он не ответил. Увел глаза и отошел немного в сторону, принялся наблюдать за прочими делегатами.

— Вы говорите, они ранимы. Имеется в виду эмоционально? — обратившись к профессору, спросила журналистка. — Они легко выходят из себя, плачут? Во всем как дети?

— Нет, интеллектуально они не старше ребенка двенадцати лет. Все понимают, но ум у них не пытливый. Скорее, они отличные исполнители. Понимают, но в подробности не вдаются, их разум не ищет ответ. В плане эмоций все многим сложнее. Дети пытливы и эмоциональны. Переживают многие чувства и выражают их открыто. Прототипы же недоразвиты и почти полностью лишены эмоциональной составляющей. А та, что есть, присутствуют у них в зачаточной форме. Они не так остро на все реагируют как...

— Как мы?

— Да, не так как люди.

— По сути, они не люди?

— Нет. Они живые, они что-то чувствуют, но разум их ограничен. А спектр эмоций так мал, что их...

— Просто нет, — перебил капитан.

— Совершенно верно, — согласился профессор.

— А если это существо...

— Прототип.

— Прототип. Если его ударить? Умышленно ударить и причинить сильную боль.

— Он ее ощутит.

— Проявит ли он это свое ощущение?

— В крике?

— Или слезах... Обиде.

— Нет. Ни крика, ни слез. Ни тем более обид.

— Вы сказали, «тем более»?

— Да. Мы создали существо, лишённое эмоций.

— Куклу. Живую, но при этом эмоционально резиновую. Делай, что хочешь, и никаких ответных реакций, — рассудила Калина, и профессор вопросительно взглянул на капитана.

— Калина Владимировна журналист. Они во всем ищут подвох. Все выворачивают наизнанку, — пояснил Амир.

— Разве?.. — усмехнулась женщина. — Посмотрите сюда. Эта девушка, она безупречна. Любой нормальный мужчина при виде нее захотел бы...

— Чего захотел? — насмешливо перебил Амир.

— Близкого общения. Но какое общение она способна дать мыслящему, чувствующему существу? Все, что она может — покорно лечь на спину. Разве это не разочарование? Неоправданные надежды больно бьют душу. А они ее ударят, ведь подобная красота не может не затронуть. А безропотная пассивность — это весь спектр ее эмоциональных возможностей. Она не даст ни каких-то особенных переживаний, ни приятной беседы, ни

нежности, ни ласки. Потому что отношения — это эмоциональный диалог. Как дать то, чего в тебе самом нет? Это цветной фантик без конфетки. Вы делаете женщин, которые не женщины. Кукол с кровью.

Калина закончила с нажимом, глядя в глаз Амира. Он молчал. Лицо холодное, замкнутое, но ей отчего-то показалось, что так же думает и сам капитан.

— А вот я бы от такой не отказался. С женами порой так сложно жить из-за этого их широкого эмоционального спектра, — пошутил майор Калинин. И вояки рассмеялись. Только профессор все еще взволнованно косил на капитана Амира, а тот смотрел на журналистку все тем же непроницаемым взглядом. И она пошла дальше, рассматривая других прототипов, прочь от этих глаз.

Женских особей в саркофагах было вдвое больше мужских. Проскурина рассматривала очередное существо, словно парящее в невесомости. Еще один безупречный с виду «нечеловек». Юноша. Крупнее прошлой девушки и выглядит старше, мускулатура хорошо развита. Кожа гладкая, конечности длинные, сильные. Совершенство...

— О чем думаете, Калина Владимировна? — выплывая рядом, спросил Амир. — Хотели бы себе эту игрушку? Я вас понимаю. Вырастить такой прототип стоит очень дорого. Вам за жизнь столько не заработать.

— Откуда вы знаете?

— Видел ваше досье. В курсе вашего заработка.

— Зачем он мне, по-вашему?

— Женщине, даже такой отчаянной как вы, нужен мужчина. Сильные руки в хозяйстве. Тем более, при вашем нерегулярном общении с противоположным полом. А этот поможет, чем сможет. Куда нужно забьет гвоздь. Или не гвоздь, но тоже сумеет...

— Я не настолько отчаялась, что бы использовать это незрелое существо с интеллектом ребенка в роли секс игрушки, — холодно осадил она, задетая вульгарным подтекстом шуток. — Я уж лучше как-то по старинке...

— Это как? — оскалился он.

— С человеком! — отрезала Калина и отошла подальше.

Однако скептическое настроение журналистки не разделил никто. Все в один голос восхищались прототипами. Члены делегации жадно рассматривали безупречных существ, не смущаясь и щедро рассыпая похвалы. Казалось, они даже забыли, что перед ними вампиры. Какая-то всеобщая дружелюбность на волне позитива. Стерла все грани и преграды, что стояли до того. Что все еще стоят. Но о них почему-то вдруг забыли...

Калина отошла подальше от общего шума. Стала в стороне, рассматривая очередное существо.

— Государь приготовил вам подарок. Вы можете выбрать себе одного прототипа, — шепнул Амир. — Любого. Мальчик или девочка? Как пожелаете? Я не просто так спросил, хотели бы вы...

— Не хотела!.. Мне он ни к чему.

— Не обязательно «он», — мягко исправил капитан. — Можете взять «ее». Это подарок. Государь обидится, если откажете.

— И что я буду с ней делать? Нянчить ее времени нет. У меня постоянные командировки. Когда я делаю репортажи в горячих точках, могу неделями там находиться.

— Это ей будет положено нянчить вас, — улыбнулся бессмертный.

— Я не царских кровей. Мне прислуга не нужна. К чему это, Амир? Скажите, что я не

смогу ее прокормить, хорошо?

— Боюсь, государь станет посылать вам материальную помощь. Что-то типа дотации на прототипа, — острил капитан. — Но все равно стоит, чтобы вы его взяли. Даже если вы пристрелите существо по прибытии, не взять нельзя.

— Пристрелю?.. Вы шутите? Оно хоть и не человек, но живое. И потом, у меня ее все равно отнимут. Вы не знаете нашу бюрократию. Лучше ей остаться тут. Пойдет на благое дело.

— Еще одна секс игрушка для какого-то солдата? — усмехнулся капитан.

— Значит...

— Вы все верно поняли, Калина Владимировна. «Это», в том числе. Иначе, какой смысл их делать совершенными? Лишние затраты, — пристально глядя в глаза женщины шепотом сказал он.

— А что еще? Их ведь не едят?

— А какая, в общем-то, разница? Они не люди, как вы верно заметили. Даже не животные. Аноты и те больше боятся, когда им что-то угрожает. Пытаются спасти себя, сопротивляются. У этих же одна тупая покорность в глазах, — как-то разочаровано, не без злости шептал он, глядя на спящее в воде существо.

— Но ведь это вы их такими сделали, — холодно напомнила журналистка.

— А у нас был выбор? — вампир скосил глаза на женщину. Ни шуток, ни насмешек, сплошная серьезность сейчас. И внезапная открытость. Почему вдруг?..

— Исправьте меня, Амир. Разве выбор есть не всегда? У вас он был, когда вы отказались от крови людей и создали анотов. Хочу верить, что побуждения ваши были благими. Могли ведь создать этих существ полноценными.

— Они бы тогда восстали против нас. Как и вы в свое время.

— Злая шутка судьбы, не правда ли, капитан? — усмехнулась Калина.

Амир долго смотрел на собеседницу, размышляя, а затем улыбнулся не хуже, чем Проскурина до того — с насмешкой.

— Отличное платье. Цвет призван напомнить государю о вашей пищевой ценности?.. Тогда не могу не одобрить ваш выбор.

Нет придела женской глупости. Так обычно говорит ее отец. Правда выражается он менее литературно, но сейчас Калина не могла не согласиться с любимым стариком. Проскурина и сама в эту минуту считала себя дурой...

Выращивание анотов отличалось от создания прототипов. К тому же срок созревания этих существ был многим короче, а процесс полностью поставлен на поток. Профессор показал делегатам очередную лабораторию, а затем просто невероятные по размеру инкубаторы. Куда помещали животных, которых изымали из питательной жидкости на четырнадцатый день. Два дня давалось существу на акклиматизацию, после чего наступало время «детской», как называли помещение для самых маленьких животных, где они спали, ели и нагуливали вес. Кормили всех особей этого вида, невзирая на возраст, жидкой пищей, которая состояла из переработанных останков их же собратьев, уже прошедших процесс забора крови. Биомассу из тел этих существ усиливали питательными веществами и витаминами, нацеленными на быстрый прирост веса. Благодаря этой чудо-смеси аноты за считанные дни увеличивались в размерах и примерно через неделю достигали приблизительно ста килограмм. После этого животные поступали на фабрику забора крови. Предварительно пройдя поточный компьютерный анализ, который заключал, насколько они

пригодны в пищу, основываясь на состоянии здоровья крови. Девяносто девять процентов особей проходили этот осмотр успешно. Те же, что недотягивали по показателям, тут же утилизировались и шли на переработку. Отработанный материал служил удобрением клумб. Употреблять в пищу непригодное мясо запрещалось даже прототипам. У вампиров очень строгие законы качества и, как выяснилось, — полностью безотходное производство. Ни одной шерстинки, ни грамма крови не пропадает зря.

Просто бесконечная фабрика по производству всего. От крови до удобрений. Масса ответвлений, целый подземный город. Который, как выяснилось, уходил далеко за пределы подземной части дворца. Механизированный, стерильно чистый и тихий. Единственное исключение в смысле звука, место, где аноты поступали по транспортеру на конвейер, на котором происходил забор крови. Поскольку по технологии полагалось собирать кровь только у живого существа. «Мертвая кровь» теряла свою полезность за считанные минуты и считалась «пустыми калориями». Употребляя ее, не умрешь с голода, но, питаясь подобной пищей продолжительное время, можно заболеть от истощения. Поэтому в цехе стоял оглушительный вой. Всем членам делегации выдали наушники, чтобы как-то уберечь уши.

Процесс полностью автоматизирован, но от этого не выглядит менее кровожадным. Животное зажимают тисками, затем прокалывают в жизненно важных местах, где проходят самые крупные артерии, и забирают кровь. Умерщвленное оно переходит на другой транспортер, который ведет в переработочную. Там туши потрошит автомат, после того как стянет шкуру. Далее по потребности. Или вверх в пищеблок, или же на переработку и в холодильник. Холодильники тут же, под землей, и они бесконечно огромные. Их людям не показывали. Никто не пожелал смотреть. Делегаты устали.

Впрочем, и процесс забора крови у анотов никому не пришелся по душе. Военные смотрели бесстрастно, министерские же побелели как полотно. Зрелище не из приятных. Калина держалась, как могла, нацепив на лицо маску холодного безразличия к происходящему. Потому что чувствовала как Амир, сощутив глаза, наблюдает за ней со стороны. Не хотела выдать свою слабость.

— Что происходит с кровью дальше? — спросила журналистка у профессора, чтобы как-то отвлечься.

— Поступает в пищу. Лишнюю обрабатывают для лучшей сохранности и хранят при допустимых температурах. У нее хороший срок годности. Специально добивались этого.

— Значит, процесс пищи полностью механизирован? И более никакого варварства?

— Вы имеете в виду... охоту? Нет, в этом больше нет необходимости, — уверил бессмертный.

— А как же инстинкт хищника? — настаивала журналистка.

— Мы не звери, юная леди. Просто состав крови наиболее подходит для нашего процесса пищеварения. Нам нет разницы, как принимать кровь. В чашке или...

— «Из горла»? — хмыкнув, подсказала она.

— Совершенно верно. За последние десять лет мы это доказали.

— Правда? — иронично уточнила женщина.

— Что вы имеете в виду?

— Быть может, вы лишь показываете то, что мы хотим увидеть? Не более. Мир — это ваша идея. Разве не в вашей власти обмануть нас?

— По-вашему, мы соорудили все это, что бы бросить пыль в глаза человечества? — удивился профессор, указав рукой на огромный конвейер. — Дорогая получилась «пыль».

— Не спорю, что конвейер — это удобно. Но отказались ли вы от прежнего способа приема пищи? Лично для меня это сомнительно.

— Здоровый скепсис к лицу человеку вашего рода деятельности, — пространно ответил профессор. А как показалось Калине, попросту ушел от ответа.

— Что скажите, капитан?

Амир вопросительно посмотрел на женщину. Вызов в ее голосе не обещал ничего хорошего.

— Это вас удовлетворяет?

— Что именно?

— Подобный способ приема пищи?

— Вы хотите узнать, не грызу ли я кого-то по ночам, Калина Владимировна?

— Вот именно.

— А какой смысл, если я не голоден?

— Не знаю. Может быть... неудовлетворение?

— Вам виднее, госпожа Проскурина, что это такое.

— Вы не ответили, — холодно напомнил Васнецов.

— Нет, генерал, я ответил. Просто дал не тот ответ, который вас устраивает. Вы хотите верить, что мы опасны? Верьте. По сути это так. И мы всегда будем для вас хищниками, стоящими на ступень выше, как верхушка пищевой цепочки, потому что мы едим вас, а вы нас нет. Это правда, и никто ее не оспаривает. Но правда и то, что мы не испытываем больше острой нужды в вас, потому что создали десятикратно улучшенную замену. Зачем же нам развязывать кровавый конфликт, если цель того больше не стоит? Ведь это повлечет тысячи и наших смертей. Чистая математика, генерал. Вам ведь преподают ее в школе?

— Госпожа Проскурина в чем-то права, капитан. Если хищник сыт, это не значит, что инстинкт его мертв, — пропустив колкость мимо, ответил Васнецов.

— Мы существенно отличаемся от животных, генерал, — напомнил капитан, как показалось Калине, оскорбленный этим сравнением. — Мы способны мыслить рационально. А это значит выбирать из двух вариантов лучший, чтобы обезопасить свое существование. Животное беспокоится лишь о своем насыщении. Его волнует сегодня, и сытое оно или нет. Мы же думаем и про завтра. Будущее — вот что нас волнует. И нам нужен мир. Мы не хотим войны. Десять лет тишины это доказали. Или нет?

Васнецов какое-то время буравил Амира напряженными глазами, но затем отступил.

— Вы удовлетворены, Калина Владимировна? — спросил Амир.

— Еще нет.

— Тогда рад буду вас удовлетворить. По любому вопросу, госпожа Проскурина...

Сухенький профессор кашлянул, скрывая улыбку, и предложил продолжить после обеда, время которого уже подошло вплотную.

— Вы сделали прототипов такими не сразу, верно? — поравнявшись с Амиром по дороге на поверхность, спросила женщина. Догнала его на лестнице, оставляя усталых коллег позади.

— Первые прототипы отличались от нынешних во всем, и даже выглядели иначе. Скажем, красой не блистали...

— Я не об этом, и вы поняли. Это был вынужденный шаг, последующая коррекция. Верно? Вы понемногу лишали их эмоций и пришли к тому, что имеете сейчас, умышленно? Но лично вас это не радует, капитан. Вас даже бесит получившийся результат, —

анализировала она, пытливно изучая янтарные глаза. — Коррекция лишила вас главного удовольствия — игры в хищника и жертву. Ваш инстинкт еще жив. Вы, правда, хотели заменить нас ими во всем. Аноты — это для отвода глаз. Прототип должен был стать полноценной заменой. Но у вас не вышло.

— Я солдат, госпожа Проскурина, а не генный инженер. Первые прототипы жили очень короткой жизнью и отличались нестабильным поведением. Часто сами себе вредили. Не раз нападали на себе подобных под воздействием вспышек спонтанной агрессии. Они были лишены способностей мыслить как мы, изначально, и повысить их уровень так и не удалось. Слишком короткая жизнь. Ведь вы тоже не рождаетесь академиками, вы ими становитесь, верно? Годы взросления, учебы и приобретения опыта. Ученые искали выход, и нашли, какой сумели. И мы имеем то, что имеем. Прототип в среднем живет четыре года и умирает. Просто не просыпается в определенный день. Все.

— Знаете, что я думаю, Амир? — усмехнулась она.

— Вы же все равно скажите, не так ли, госпожа Проскурина? Хочу я это знать или нет, — спросил он с иронией.

— Ваши ученые умышленно понемногу отрезали их чувства. Раз за разом, пока не лишили их всего. Интеллекта, эмоций радости и горести, способности бояться или сопереживать. Потому что они наперекор тому, что хотели нам показать, получили людей или практически людей. Или же вообще прототипом вашего прототипа был живой человек. А остальное сделали по принципу клонирования. Это были мыслящие существа, да, Амир? Если столь совершенны их тела, почему не предположить, что таким был и их разум? А где есть разум, есть и воля. В том числе к свободе.

— Я еще в лаборатории понял вашу позицию, госпожа Проскурина. Вы всегда видели нас злобными тварями и не переменили мнение. Что я могу вам доказать, если вы уже сочинили про себя целый фантастический роман? Мои попытки отстоять правду будут выглядеть вяло и блекло на фоне ваших пестрых фантазий. Я не имею вашего богатого воображения. Вы озвучите это мнение, и люди вам поверят. Ими будет руководить страх. А какой он советчик, всем известно... Но все-таки я скажу, что думаю. Наши ученые совершили невероятное, но и им далеко до гениальности самой природы. Они не в силах контролировать все. Получившиеся существа совершенной формы, но это лишь пустой сосуд, они не люди. И вам это уже говорили.

— Но они были такими, не правда ли? — настаивала она.

— Знаете, как говорит мой отец?

— Интересно узнать...

— Зачем доказывать что-то зубочистке, она деревянная, она не поймет...

Поскольку экскурсия затянулась, возможности отдохнуть и освежиться до обеда членам делегации не предоставили. Калине пришлось вновь надеть измучившие ее туфли. Точнее, фактически вбить в них слегка опухшие от многочасовой ходьбы ноги.

Обед прошел в спокойной атмосфере всеобщего утомления и погружения в мысли. Делегаты обдумывали увиденное и услышанное.

Вишнар был не менее молчалив, хотя его нельзя было назвать озабоченным или опечаленным. Наверняка, ему уже передали суть произошедших в лаборатории разговоров. И вскоре он это подтвердил:

— Я уже в курсе, что у вас возникли вопросы по поводу прототипов и того, насколько они люди. Думаю, для полной картины вам необходимо познакомиться с ними лично. Вы

посетите этаж, выделенный им для жизни, и выберете себе любого или любую для беседы. Что бы вам никто не мешал говорить, не оказывал своим присутствием давления, отведете существо к себе в комнату. Думаю, так будет справедливо. Я даже думаю приставить к вам одну или более особей на все время вашего пребывания у нас в гостях. В принципе, вы можете их даже менять. По желанию. Изучайте себе на здоровье, — благодушно развел руками Вишнар.

— Государь, а я могу у вас спросить? — вступила в разговор Калина.

— Просто Вишнар, Ягода. Просто Вишнар. Спрашивайте, что вам угодно?

— Мы уже второй день находимся в вашем гостеприимном доме, но еще не повстречали ни одной его жительницы женского пола. Почему?

— Они у нас не общительные, — улыбнулся мужчина.

— А где они?

— Во дворце дамы не живут. Тут обиталище вояк и дамам тут просто не место. Ведь я, как и мой сын, холостяк. Они живут отдельно. Точнее, каждая в своем доме, возле мужей или отцов. Как и положено.

— Воспитывают детей?

— Верно. Это их первостепенная задача. Но в остальном они свободны, как птицы. Образованы, социально активны. Общаются друг с другом, ходят в гости. Все, как и у вас.

— Работают?

— Женами, — улыбнулся он. — Это знаете ли не просто. Моей покойной жене это серьезно подрезало век. В остальном, нет. У нас трудятся только прототипы. На них вся физическая работа.

— А чем заняты бессмертные?

— Политической, научной и военной жизнью страны.

— Правда, что восемьдесят процентов бессмертных военные?

— Нет, это не верно... Все, — исправил Вишнар и сверкнул улыбкой в глазах. Он был счастлив видеть удивление этой женщины. — Безусловно, речь о мужчинах. Каждый мальчик, что рождается в нашем мире, при рождении записывается в полк своего отца. Как преемник. И служит, поднимаясь вверх от рядового. А там кто как себя проявит.

— У вас нет права наследования титула и чина?

— Титул наследуется, чин нет. Даже мой сын начинал простым солдатом, как и я когда-то. Все равны перед службой.

— Так мы не увидим женскую часть населения?

— Ну почему же? Думаю, можно будет познакомить.... Если они сами пожелают. Дамы — это единственное, где даже я не указ. Все только по их желанию. А они, как бы так сказать... стесняются чужаков.

Далее еще череда кратких любезных обменов вопросами-ответами. Вишнар спрашивал о людях, Калина о бессмертных. Все прочие слушали. Видно было, что сил на разговоры более никто не имел. Калина тоже устала. Можно сказать даже выдохлась. Но близость Вишнара обязывала к ответной любезности, и она вынуждена была ее проявлять.

— Я думаю, будет уместно предложить вам немного передохнуть, прежде чем вы продолжите знакомство с укладом нашей жизни. Следующие на очереди прототипы. Все желают изучить этот аспект нашей жизни?.. Вечером вас ждет небольшое развлечение. Так что попрошу никого не опаздывать, Калина, радость моя, — Вишнар прижался к ее ладони губами и улыбнулся. Проскурина поняла — государь подразнил за утреннее опоздание. А

затем, коротко кивнув всем, исчез в сопровождении охраны. Тот час откланялись и прочие бессмертные. Чувство было такое, что они не уполномочены вступать в беседы без участия государя. Хотя ватным и управляемым не выглядел никто из них. Складывалось впечатление, что все тут строго оговорено и хорошо обдумано заранее. Кто, что и когда будет говорить людям. В общем, происходил спектакль. К такому выводу пришла Проскурина.

Вскоре в зале остались лишь стражи у входа и робкая обслуга под стенами. Довольнолюдно, хотя помещение большое. Единственное исключение Амир. Когда обед начался, его не было, но когда закончился, капитан уже стоял на своем обычном месте. Осторожно, в сторонке. Когда он тут появился, Калина не знала, зашел тихо и все время находился как раз за ее спиной.

— А когда обед у вас, Амир? — дружелюбно спросил министр Темерев. — Вы все время с нами, на ногах. Когда вы отдыхаете?

— Я уже пообедал, благодарю, — почтительно ответил он, слегка склонившись. Но тему не углубил. По мнению Калины, в этом бессмертном странным образом сочетались легкая надменность с удивительной воспитанностью и учтивостью. Этот субъект мог услужить. И делал это отлично, если его не задевали, и был при этом практически приятен.

Всех делегатов сопровождали в их покои. И снова Амир пошел проводить журналистку.

— Вы идете в покои государя? Или вам нравится возиться со мной? — поддела она.

— Я следую в покои преемника.

— На ковер с отчетом? — улыбнулась она.

— У вас еще есть силы на иронию?

— Я неплохо пообедала. А вы?

— Почему это всех так интересует?

— Потому что вы обедаете кровью, — серьезно ответила женщина.

— Первый заменитель был синтетическим. Ни одной живой клетки. Он даже не был красным, — внезапно сказал капитан. — Правда, в десяти случаях из ста испытываемые им травились. Сильная рвота, обезвоживание. Два случая летального исхода во время первых же испытаний.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Пытаюсь пояснить, как мы рисковали жизнью, не желая пить вашу кровь.

— Лишившись возможности, — исправила она. — Когда мы отгородились стеной.

— Пусть будет по-вашему. Хотя отгородились вы давно, на сорок лет раньше... До того дня, как был найден полноценный заменитель, погибло более десяти процентов испытываемых. Вы ведь этого не знали, верно? Это секретная информация.

— Зачем вы мне ее рассказали?

— Для полноты картинki. Чтобы вы могли составить двустороннее мнение. Мы играемся с творением живой плоти, чтобы не лишать жизни вас, близких к нам существ. Стоящих на соседней ступени. Думающих, чувствующих, разумных. Наделенных душами. Как и мы... — подчеркнув последнюю мысль, сказал капитан.

— Вы гуманист, Амир, — подразнила она. Но мужчина остался серьезен.

— Таковы все бессмертные. Это было всеобщее решение.

— Я думала, у вас тоталитарный режим.

— Невозможно лишить зверя желания убивать. Ваши слова? Если бы были несогласные, они бы себя проявили. Калина, какое ваше любимое блюдо?

— Что я слышу? Вы обратились ко мне по имени? Какая честь в адрес простой

ягоды, — подразнила она, беззлобно улыбаясь.

— Какое? — терпеливо настаивал капитан.

— Знаете, сытый вы не такой колючий.

— Кто бы говорил. Вы ответите?

— Если вы скажете, сколько потребовалось крови, чтобы так вас усмирить?

— Триста пятьдесят миллилитров. Это обычная моя порция.

— И этого достаточно, чтобы...

— Ощутить насыщение?.. Более чем. Желудок не треснет, конечно, но голова перестанет кружиться и сил хватит примерно на десять часов. Но до этого лучше не доводить. Есть чаще. Что мы и делаем. Или наступает ломка.

— Ломка?

— Да, жажда. Мучительная боль в теле.

— В области желудка?

— Нет, вначале в висках, затем распространяется мышцами, после уходит в суставы. Потом повышается общая температура тела. И, наконец, организм начинает пожирать себя сам. Впрыскивая отравляющие вещества в кровь. Тело перестает болеть, но организм разрушается.

— И бессмертный умирает?

— Нет. Вначале иссушается. Смерть приходит после безумия.

— Безумия?

— Да, от длительного голода и отравления собственным ядом мозг и нервная система необратимо страдают.

— Сколько крови нужно, чтобы прекратить этот процесс?

— На первой стадии хватило бы и ста миллилитров. Это мало, но боль прекратится. На второй нужно больше. Далее еще больше. Организм уже частично разрушен и не в силах полноценно переваривать и впитывать полезные вещества.

Калина растерялась от подобной внезапной искренности. Смотрела на капитана во все глаза, позабыв о своей обычной оборонительной холодности.

— Вы этого не знали?

— Нет. Думаю, никто из нас не знал.

— Чушь. Ваши ученые ставили эксперименты на наших собратях. Мы узнали эти сведения в большей степени от вас. Самим доводить себя до третьей необратимой стадии в голову не приходило. Любой из нас в силах поймать кота или птицу. Это не лучшая, но альтернатива.

— Вы же тоже нас изучали. И ели...

— Да, мы убивали. Сразу, а не мучили голодом недели напролет. Не измывались, наблюдая за болезненной ломкой.

— Вы же не можете поручиться за всех. У меня имеются иные сведения.

— Не могу поручиться, вы правы, — честно признал Амир, изучая глаза Калины. Настойчиво заглядывая в них.

Замолчали. Какая-то странная, непривычная откровенность, чувство открытости родилось в результате. Проскуруину это смутило...

— Так какое ваше любимое блюдо, Калина?

— Блины.

— А как вы относитесь к картофелю? Это такой клубнеплод семейства пасленовых.

— Я знаю, что это, Амир, — улыбнулась женщина. — И немало удивлена, что знаете вы. Но я не часто ем картофель.

— Это дорого и вам не по карману? — уточнил он. Странно, но голос звучал искренне обеспокоенным.

Проскурина повторно улыбнулась. Осведомленность капитана в одних вопросах поражала, в других возмущала, а незнание простых для каждого человека истин рассмешило. Лишнее напоминание, что они дети разных миров. Женщина улыбнулась в третий раз, уже широко и сверкнув зубами.

— Это доступная еда. И она мне по карману. Но это углеводы. Мне предпочтительней белки. От них форма тела, знаете ли, не так страдает.

— Значит, вы тоже хищница, Калина...

Настал черед капитана улыбнуться и сверкнуть глазами. Помолчали.

— Я спросил не случайно.

— Вы хоть что-то говорите случайно?

— А вы умеете дослушать без встречных колкостей?.. Если у вас есть выбор, блины или картофель, что вы выберете?

— Очевидно, что блины.

— При том, что и картофель вас насыщает точно так же?

— Насыщает. К чему вы ведете?

— Кровь анотов существенно отличается по вкусу от человеческой.

— Они такие вкусные?

— Как блины.

И снова тишина надолго и только внимательные взгляды с обеих сторон.

— Я поняла. И правда, не коснусь картофеля, если будут блины... Какова ваша цель? В этих мирных переговорах.

— Ответ заложен в вопросе. Мир, Калина. Вы думаете, мы нападём на вас, едва поднимите «железный занавес»?

— Не исключаю.

— Какие у нас мотивы?

— Господство и порабощение.

— Нас многим меньше, чем вас.

— Вы многим сильнее нас, — парировала она.

— Знаете, мне начинает казаться, что вы получаете удовольствие от того, что противопоставляете свое мнение моему на каждом шагу.

— Мой отец говорит, что общение со мной по ускоренному методу готовит мужчин к тяготам семейной жизни. Так что наше вынужденное общение вам только на пользу.

— Разве я говорил, что собираюсь жениться?

— Рано или поздно соберетесь.

— После вашего ускоренного метода никогда не соберусь. Убили на корню.

— Какой вы хлипкий и ранимый, Амир. Такое чувство, что у ваших дам нет зубов.

— Удачная острота. Женщины, с которыми я имел честь общаться до вас, существенно отличаются в умении вести диалог с мужчиной. Но я благодарен вам за суровую школу жизни. Я думал, вы так «нежны» со всеми, а вы, выходит, меня облюбовали особенно.

— Никаких любимчиков, Амир. Их нет у жизни, не будет и у меня. Вы просто солдат в строю. А я одинаково беспощадна ко всем, — с улыбкой говорила она.

— Интересно почему?

— Не ищите подвохов. Никакого насилия, пережитого в детстве, жестокости родителей. Вы же видели мое досье. Просто я не даю авансов и сужу о людях только по их поступкам. А не людей я даже не сужу.

— Досрочно осудили?

— Нет. Просто не воспринимаю как подобных себе существ. И в этом нет желания вас оскорбить. Я помню, что мы лишь звено вашей пищевой цепи. И это ничто и никогда не изменит.

— Вы выступите против мира с нами? — уже серьезно, покинув шуточки, спросил капитан.

— Еще не решила.

— Решили. Нет нужды юлить. Вас тут не обижают, какую бы позицию не заняли. Вернетесь к любимому целой и невредимой. Говорите как есть.

— Значит, вы все-таки поверили про жениха? — игриво улыбнулась Проскурина.

— Я про вашего кота, — осадил капитан.

— Вы уполномочены государем узнать, какую позицию я займу по возвращении к людям?

— Если государь желает узнать что-то, он делает это лично. Ваша позиция, в отличие от ваших коллег, ясна государю. И она его нисколько не беспокоит.

— Интересно, почему?

— Потому что у вас, как и у нас, мнение женщины мало что решает. Даже если она дотошней назойливой мухи.

— Лестное мнение.

— Я, как и вы, не имел цели оскорбить, — поддел капитан.

— Если государя не волнует моя позиция, почему вы спрашиваете о ней?

— Хочу знать, что вы думаете про мир между нами.

— Его никогда не будет. Но я не приняла решения.

— Решения?

— Что писать в отчете.

— Я знаю, что будет в вашем отчете.

— Что?

— Правда. Как есть. Все, что вы тут увидите. Но меня интересует не отчет. Ваше ощущение. Его еще называют женской интуицией.

— Вы опасны и нам не стоит поднимать железную стену.

— Об этом речь не идет.

— Тогда о чем идет речь?

— О возможности общения между видами. Вы бы стали свободно бывать в наших городах, а мы в ваших. Не сразу. Я понимаю, что это не просто. Предубеждение так легко не преодолеть. И мы готовы первыми открыть город для вас. Обеспечить безопасность и охрану. Все, что потребуется. Поверьте, Калина, в нас нет к вам, людям, агрессии и кровавой жажды. Мы хотим свободно жить под одним небом. Точнее, подарить эту свободу вам.

— Это невозможно, — отрезала женщина, смущенная тем, что голос капитана звучит искренне. Или ей только кажется?..

— Возможно!

— Никто из людей не рискнет бродить среди вас!

— Вы же рискнули. Хотя страх мучил вас. Я видел его в ваших глазах. Когда вы не успели подготовиться, первой реакцией был ужас. Помните, я коснулся вас? Там, на ковровой дорожке. Никто не дал вам гарантии, что тут вас не ожидает ловушка, что тут вас не съедят, не подвергнут пыткам и прочему. Но вы приехали! Вы тут, среди нас. Мы правда такие страшные, как вы ожидали?

— Да, мне страшно, Амир. Это уже не тот ужас, что раньше. Но я думаю про... Каждый раз, когда вижу как... Когда вы улыбаетесь... Ваши клыки... — Калина сбивалась, отчего-то не получалось выразить то, что назрело. — Это страшно.

— Но ведь вы сами признали, что ужас уже не тот. Нужно время и все. И этот страх пройдет... Закройте глаза.

— Закройте, я не обижу вас. Помните, вы член делегации? Это не в моих интересах.

Калина закрыла глаза и тяжело вздохнула, отчего-то волнуясь больше, чем хотелось.

— Вы не видите меня?

— Нет.

— Я очень отличаюсь на слух от человека? — склонившись ближе к уху, тихо шепнул Амир.

— Не отличаетесь, — ответила она, стараясь игнорировать этот тон и близость чужого мужского дыхания.

— А так? — Он сжал ее руку своей, и Калина открыла глаза, строго взглянув на мужчину.

— Это значит «нет»?.. Не молчите. Значит, вас пугают только клыки?

— И глаза.

— А что с глазами? Они янтарного цвета, такие бывают у ваших собратьев.

— Таких светлых и прозрачных не бывает.

— Вы ставите в вину прозрачность моих глаз? — мягко улыбнулся он.

— Вы все еще держите меня за руку, Амир, — строго напомнила журналистка.

— Я демонстрирую вам, что на ощупь ничем не отличаюсь от человека, — тут же даруя свободу женской руке, пояснил он, отстраняясь.

— Мне это не интересно. Я не собираюсь щупать бессмертного. И, Амир... Ни звук вашего голоса, ни вид тела, ни теплота вашего прикосновения не обманут знание моего разума о том, что вы не человек. Простите мне эту неприятную правду. Я не ищу новых экстремальных ощущений, не играю с вами в игру «кто — кого». В конце концов, это даже странно. Первый раз слышу, чтобы волк пытался взобраться на зайца.

— Вы неверно меня поняли... И знаете?.. У вас не может быть жениха, — после длительного молчания, объявил он. — Нет в этом мире такого человека, который сможет выдержать вас в не спящем режиме более двух минут.

— Вы выдержали минут десять, не меньше, — улыбнулась она, все же задетая его грубостью.

— Как вы верно заметили, я — не человек, — отрезал Амир и ушел, кажется, оскорбившись очередной отставке больше, чем прежде.

Калина отчего-то разозлилась. Что за заносчивый субъект! Обходительный как вилка, сразу норовит наколоть! Пара слов, лишенных издевки, и он думает, за ним побежит толпа влюбленных, размахивая предварительно снятым бельем? Красивое лицо — это еще не все. Ее всегда страшно злили мужчины этого типа. Слишком много самомнения! Спрашивается, почему таким в этом мире должно доставаться все?..

Глава 5. Прототипы

Делегатам предоставили немного свободного времени до продолжения экскурсии. Проскурина пыталась использовать его для отдыха, но сон к ней не шел. Слишком много мыслей, сомнений. Поэтому она поступила так, как поступала всегда в подобных ситуациях. Подарила свои мысли бумаге. Точнее, записала в своем ноутбуке. Но ничего путевого не получилось. Выводы были сумбурные и противоречили друг другу в каждом новом предложении. Нет, Амиру не удалось ее сбить с выбранной позиции. Так почему же она колеблется? Это злило. Все злило. Нужны факты, нужна еще информация. Нужно подвигаться. Движение приносит умиротворение, потому что успокаивает бурю в голове, избавляя тело от лишних сил.

Калина обула поношенные тряпичные балетки без каблука, поскольку это единственное, что налезло на ее ноги истерзанные дневной прогулкой. И вышла в коридор.

Куда теперь?..

Справа покои государя. Там он или нет, проверять совсем не хотелось. А что слева?..

Двигаясь вдоль стены, дошла до поворота и завернула. Вдалеке двери. Она подошла к ним и, осторожно прижавшись к поверхности, прислушалась.

Тишина...

— Снова вы скитаетесь? — неожиданно возникая рядом, спросил Амир.

— Это покои наследника? — и, не подумав смутиться, спросила женщина.

— Преемник. У нас его называют преимущественно так. Да, это его дверь.

— Он у себя?

— Не знаю. Постучите, получите ответ.

— И что я ему скажу?

— Здравствуйте, я назойливая муха. Меня взяли в делегацию составить мнение о вас. И он тут же поможет вам его составить, — рассмеялся капитан, не удержав веселья.

— Что, характерчик у преемника еще тот?

— Да, он властен. Но дело не только в характере. У него график работы едва ли не круглосуточный, от того и резкость в общении. Не высыпается.

— Поняла. Тогда прибейте тут щиток, что ли.

— Какой щиток? — растерялся капитан.

— Не влезай, а то убьет.

— Остроумно. И все же это вы зря... Игнорируете мои просьбы не бродить одной.

— Любого кто меня обидит, накажут, разве нет?

— Вам это чем поможет, уважаемая? Случись непоправимое, здоровье вам это не вернет. И у меня будут хлопоты. Я ведь не шучу и не устрашаю вас.

— Тогда о каком мире идет речь? Если вы даже своих военных, которыми тут кишит все не в силах контролировать?

— Ваш батюшка прав. Вы — то еще испытание.

— Я передам ему при встрече.

— Передайте еще и то, что я искренне надеюсь, что вы уродились такой не в вашу уважаемую матушку.

— Не волнуйтесь, я уродилась в отца. Именно поэтому он меня все время и упрекает моим характером. Как в зеркало смотрит. И злится ответной волне, — намекая на то, что и

сам Амир не без характера, улыбнулась Калина.

Капитан сощурился уловов намеков, и перед тем как двинуться прочь, шепнул:

— Сочувствую маме...

— Амир?

— Слушаю, сударыня? — тяжело вздохнув, капитан замер и оглянулся.

— А вы, почему тут бродите? Инспектируете меня лично?

— Безусловно. У меня ведь нет иных хлопот, — весьма почтительно ответил он. Но подтекст — насмешка, был очевиден.

— Как я погляжу вы только после полдника? Опрокинули еще триста пятьдесят?

— Четыреста. Знал, что нас ждет новая встреча... — И, натянуто улыбнувшись, капитан все-таки ушел.

Калина не успела осмотреть этаж до конца, чтобы свободно ориентироваться, когда ее нашел юный военный, переодетый в штатское.

— Вас ждут внизу.

Молодой бессмертный был довольно приятен лицом, если не сказать — мил до неприличного. Широко улыбнувшись и кивнув в знак приветствия, он внезапно спохватился. Вытянулся по стойке смирно и прокричал в форме рапорта:

— Прошу простить меня! Ваинаританум! Рад служить!.. Я приставлен к вам в качестве сопровождающего, на все время вашего присутствия во дворце!

— По чьему распоряжению?..

— Государя!

— Поняла, — поджав губы, кивнула женщина. — А это страшное слово, что вы произнесли, должно быть, ваше имя?

— Так точно, мадам!

— Мадмуазель... Тебя, кажется, забыли предупредить о конспирации? — улыбнулась Калина. Непосредственность этого бессмертного ее развеселила.

— Никак нет, предупредили! — скороговоркой рапортовал юноша.

— Ты уверен?

— Да! Государь сказал, нет нужды делать вид, что ты есть не тот, кто ты есть, солдат! Ягодка все равно раскусит! У нее ясные глаза и светлый ум! — вытягиваясь стрункой, отчитывался он так, что Калина глохла.

— Какая замечательная речь, солдат. Вы долго ее зубрили по просьбе государя? Должно быть, чтобы польстить мне? — хохотнула журналистка.

Юноша слегка зарумянился, скосив глаза на сторону. Поправил свой мундир без знаков отличия, тряхнул густой русой челкой и неловко признался:

— У меня отлична память. Я запоминаю все, что слышал, сразу. Когда делегация прибыла на первый пост города бессмертных, вы выглянули из окна и сказали: «По-видимому, они сосут не только кровь, но и деньги. Вот это размах!». Мне понравилось. Это вроде, похвала.

— Вот-вот, я вас хвалила, — Калина подавилась смешком. — А как вы меня слышали? Не отсюда же?

— Я был там, на посту, на дежурстве. Стоял сразу за дверью вашего транспортного средства. Они у вас смешные, мадмуазель Калина.

— Да, не ваши... А почему вы стояли на посту там, а не здесь?

— Наказан, проштрафился.

— За что?

Юноша ступевался и мялся какое-то время. Поглядывал на гостью прозрачными глазами и краснел, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну же, Ваинанини... как там тебя?.. — щелкала она пальцем, припоминая.

— Танум. Ваинаританум.

— Танум, так и запишем. Что ты такое сотворил? Люблю бунтарей...

Эта умышленная лесть понравилась юноше, как и взгляд, которым при этом в него стрельнула обаятельная чужачка. И солдат неловко признался:

— За недозволительную дерзость в адрес дамы. По приказу...

— Государя? — подсказала Калина.

— Нет, он шепнул мне, что и сам бы не прочь. Преемник наказал. Он скор на расправу, — тяжело, удрученно вздохнул юноша.

— Понимаю. А что ты сказал? И главное, про кого? Какая-то высокопоставленная куколка тебе приглянулась? — задорно подмигнула гостья.

— Государю как раз докладывали, что гости придут в положенный срок и в их числе все-таки будет дама. Ну, я и дерзнул шепотком... А преемник услышал. Всегда он все слышит, что я шепчу, — бурчал он обиженно. — И наказал.

— А что дерзнул, Танум?

— Вы только не... Черт, меня снова отправят в дозорные! — упал он духом.

— Не отправят, даю слово, что не выдам.

— Дерзнул сказать, что я бы ее... укусил. Вы только не подумайте ничего такого! Я не голоден! То есть, не за тем укусить! Честно-честно! Да и не туда, куда вы подумали! — тут же в ужасе стал оправдываться он. — Я за попу хотел, честное слово! Там же фото было в досье! Государь его смотрел, а я значит, за спиной стою и... тоже его вижу. А там такое!.. Ну, вот тут слегка прикрыто, — накрыв обеими ладонями свою грудь, сказал он, смешно выпучив глаза, — и тут позади, а вы еще как на грех задом повернулись! Ой-ей-ей! До добра не доведет такая одежда! У нас так дамы не ходят. Ни разу не видел. Нельзя. Ну и мы с государем сболтнули лишнего от переизбытка этого...

— Эмоций, — подсказала Калина.

— Ну да. Их самых, — удрученно признался он и снова густо покраснел.

Юноша был уже не просто красный — бордовый. И страшно нервничал. Калина смотрела на него какое-то время молча, а потом, осознав, что на фото она была в купальнике, стала истерически хохотать, чем лишила несчастного простодушного солдата остатков самообладания.

— Я жестоко оскорбил вас?! Да?! — бледнея выдохнул он.

— Все! — обращаясь к самой себе, потребовала она. — Хватит ржать, Каля!

— Каля?..

— Так меня называл в действе папа. Я не обиделась, Танум. У нас купальный костюм не зазорное одеяние. Иначе бы мы его не одевали. И я поняла, что ты имел в виду под «укусить». Все в порядке. Знаешь, столько приятных минут в этих стенах я пережила впервые. Думала даже тут у вас все кроме государя хмурые зануды, а оказалось, есть еще один приятный джентльмен. Спасибо, развеселил. А теперь соберись и пошли.

— А вы расскажите?..

— Нет. Но тебе стоит научиться держать свои мысли при себе.

— Я больше никогда такого не скажу, — винулся он, в приступе раскаяния уронив

голову практически себе на грудь.

— Я не про то! Болтун находка для шпиона. Зачем же ты так сам себя выдал? — пожурила женщина.

— Странно, мне государь сказал, что вы станете у меня все выпытывать. А вы учите меня вам ничего не рассказывать, — растерялся он, хлопая неприлично длинными ресницами. До того хорошенький, что даже уму непостижимо, что у юноши может быть такое милое лицо.

— Занятно. Сам государь подослал мне болтуна. Да еще такого наивного? Что вы с ним задумали? — пряча смех за хмуростью, строго выпытывала журналистка.

— Ничего! Я ничего не задумал! — испуганно убеждал Танум.

— Кроме как укусить меня за попу? — подтрунивала Калина и смеялась глядя на пунцовое лицо бессмертного.

Она шутила и подразывала не просто так. Ей было интересно, как себя поведет этот солдат. И пока простодушие этого юноши сильно сбивало с толка. И это вампир?! Он и правда такой? Наивный, милый, бесхитростный. Безобидный, доверчивый кровосос... Или только притворяется? Все это путало мысли, сбивало Проскурину. Но Танум лишь улыбался, краснел, прятал глаза, но при этом сверкал интересом в янтарных.

Всю дорогу вниз оживленно беседовали, словно старые друзья, которые давно не виделись. Танум — истинный джентльмен, открывал-закрывал двери, подавал руку, был невероятно предупредителен. Даже в этом мире хороших манер Калина терялась.

— Вот, пожалуйста, проходите сюда. Только осторожно! — воскликнул бессмертный. — Тут скользко, не оступитесь. Ни дай Бог еще упадете, ножку пораните или скажем... ручку!

Проскурина закусила губу, скрывая улыбку. Еще чуть-чуть и Танум будет сдвигать с вверенной ему гостьи пыль, такую обходительность демонстрировал юноша. Кроме всего прочего юный солдат награждал убийственным взглядом всякого встречного постового, стоило тому взглянуть на Проскурину. А солдаты, как правило, смотрели, ведь гостья не кто-нибудь, человек. Бессмертных одолевало естественное любопытство, понятное журналистке. Она ведь и сама их рассматривала. Но юный солдат на всякие признаки внимания к делегату Проскуриной реагировал крайне ревностно. Строго хмурил свои брови и давил постового такими глазами, что позавидовал бы сам начальник безопасности.

— Смотри мне! — сказал Танум одному из них, и Проскурина едва не прыснула со смеху. Так убедителен был юный бессмертный в роли строгой охраны.

Но что не просто поражало, возмущало — Танум невероятно открыт к любым темам. Увлеченно поддерживает разговор, чего бы он ни коснулся. Чувство было такое, словно Танум ловит каждое слово гостьи. Каждую букву. И тут же торопится дать ответ. А когда смолкает, смотрит на женщину таким взглядом полным надежды, словно мечтает «спроси меня еще о чем-нибудь». Невероятно напоминал Проскуриной щенка кокер спаниеля. Единственное, что не понимала Калина, чем была вызвана эта опека? Стремление угодить? Приказ Государя?.. Вероятно. Иного пояснения она пока не нашла.

Веселье вскоре окончилось. Когда члены делегации собрались вместе. Серьезные и неразговорчивые, сейчас больше чем всегда. И вновь экскурсию возглавил глава государственной безопасности. Когда журналистка появилась в кругу членов делегации в сопровождении Танума, Амир нахмурился до предела. Осмотрел провожатого Проскуриной убийственным взглядом, отвернулся, и далее почему-то старался игнорировать последнего.

По крайней мере у Калины сложилось именно такое впечатление. Словно Амир и вовсе не знал, кто и зачем приставлен к даме. Будто не он тут глава безопасности и охраны.

По дороге на хозяйский уровень журналистка неумышленно затерялась в хвосте делегации. Неторопливо спускаясь по лестнице, она глубоко погрузилась в свои думы и на миг оступилась. Всего лишь оступилась. Угрозы падения не было, но Танум увидел в случившемся именно угрозу. Он отреагировал молниеносно: подхватил женщину на руки и с криками: «Ей нечем дышать, расступитесь!», растолкал всех членов делегации. Шумнул на стоящих неподалеку, что идут они не правильно, именно потому «дама чуть не погибла». «Близ стоящими» оказались два генерала — Васнецов и Звягенов. Лица обоих вытянулись до предела, и Проскурина едва не прыснула со смеху. Им почему-то в голову не приходило так опекать единственную женщину в делегации, хотя вокруг были вампиры... Танум все-таки освободил журналистке дорогу, передал ее на руки майору Калинину — который растерялся, но схватил женщину мертвой хваткой, в то время как юный бессмертный попытался проверить целостность щиколоток пострадавшей — в такое нервное возбуждение пришел в результате происшествия. Совершенно не понимал неуместность своего поведения. Причем никаких хитрых или дурных умыслов у него не было. Глаза были кристально чисты как у младенца. Более того, волновался и суетился так искренне, что даже вспотел и пошел нервными пятнами.

— Каля, вы уверены, что ваши ноги целы? Может быть, я вас дальше понесу? Каля вы точно уверены?.. — суетился юноша и пытался вырвать «драгоценную ношу» из рук майора Калинина. Последний сопротивлялся и тянул журналистку на себя. Завязалась комичная перебранка с перетягиванием женщины...

— Каля?.. — возникая на месте событий, холодно переспросил Амир.

— Каля, — подтвердил Танум.

— Вы ничего не попутали, юноша? — уточнил капитан, тоном голоса внушая солдату некую мысль, которая до последнего никак не доходила.

— Нет... То есть — никак нет! — отрапортовал он и тут же растерялся. — То есть... Да?.. Но, нет. Каля ведь сказала...

— Каля?.. Вы не забылись? — капитан живописно смолк, вдавливая солдата в пол выражением своих глаз. Проскуриной показалось, еще миг и из этих глаза молнии полетят в бедолагу. — Тут нет никакой Кали, Ваинаританум. Тут есть делегат мира — Проскурина Калина Владимировна! И если вам это не ясно!..

— Ясно-ясно. То есть — так точно, господин капитан! Никакой Кали Владимировны... то есть — госпожи Проскуриной, тут нет! Я все понял! Я не дурак! Так точно! — заверил Танум и поспешно закивал.

Капитан выразительно смолк и растер свои виски, по видимому испытывая острое желание сказать солдату все, что он про него думает. Но сдержался. Вокруг чужаки — члены мирной делегации. Ни место и не время для эмоций.

— Все нормально, капитан, это прозвище придумал мой папа. Все друзья меня так называют. Я не возражаю, если Танум будет так обращаться.

— Танум?.. Каля? — сверкнув глазами, уточнил Амир и живописно посмотрел на журналистку, подчеркивая этим взглядом — но вы-то понимаете, что подобное обращение недопустимо?.. Но «Каля» не поняла.

— Амир, расслабьтесь и не ведите себя занудой. Или члены делегации сложат превратное мнение, что вы ревнуете, — пошутила Проскурина и пошла дальше по лестнице.

Тем более что, как оказалось — цель уже была достигнута, а майор все-таки выпустил ее из своих рук...

Во дворце прототипы занимали целый этаж, так много их было. Небольшие комнатки, в которых они жили парами, были лишены уюта, но выглядели более чем пристойно. Две односпальные койки, туалет в узенькой комнате, зрительно больше похож на шкаф, умывальник, что выдвигается из стены. Поразительно, что при этом никакого запаха нечистот в помещении не было. Места, правда, крайне мало, но все очень компактно. Одежды и шкафа в комнатке нет, ее выдают каждое утро из специальных комнат, где она стирается, гладится и хранится. В комнатке кроме кроватей только общий столик с ящиками, в которых расчески для волос, зубные щетки и еще кое-какие необходимые вещи. Впрочем, более ни в чем прототипы, по словам вампиров, не нуждаются. Ни книг, ни развлекательных телепрограмм. Они лишь работают, кушают, спят. Вот такой уклад жизни.

Условия труда вполне сносные. График труда посменный и отдых каждые шесть часов. Прототипов снабжают всем необходимым, правда, без излишеств.

Все жители этажа, что не были в этот час заняты делом, выстроились вдоль коридоров около своих комнат, как на большом военном осмотре. Все красивые, ни одного неприятного или изможденного лица. Чистенькие, ухоженные, хорошо пахнущие мылом. Проскурина смутила своих коллег не меньше чем бессметных, рассматривая прототипов. Заглядывая в комнаты, изучая чистоту ногтей, даже принюхиваясь.

— Что вы делаете, Калина? — спросил у нее министр Аршинов.

— Если у обслуживающего персонала хватает времени ухаживать за собой, они живут нормальной жизнью. По-моему это важно. Как к ним относятся. Как к мясу или... иначе.

Но придраться журналистке было не к чему.

Никто из бессмертных не сказал ни слова, как бы странно себя не вела Проскурина. Амир наблюдал бесстрастно, но ловил каждое движение гостьи.

Остановившись возле одной девушки, Калина ласково погладила ее по щеке. Прототип не изменилась в лице. Взглянула на женщину, ощутив прикосновение и только. Возмущения или неодобрения в глазах не было. Пустой ровный взгляд. Стекло, не глаза.

— Сколько раз ты сегодня ела?

— Дважды.

— Тебе хватает еды?

— Да.

— Тебя кто-то обижает? Как ты проводишь свой день? Как тебя зовут? Где ты спишь?..

Все задавали вопросы, но пристрастной была только Проскурина. Иные делегаты вскоре перешли на механический способ сбора информации. Задавая однотипные вопросы, и по-настоящему ничем не интересуясь. Кажется, все воспринимали этих существ так же как вампиры. Мясо. Безэмоциональное нечто. Калина же днем утверждая это, сейчас чувствовала глядя на этих «уродцев» странную щемящую боль.

Примечательно, что у прототипов лица не повторялись. Они не клоны друг друга, что было бы вероятно проще. Все они уникальные создания. Юноши как под линейку, почти одного роста. Ниже вампиров и явно слабее, но достаточно крепкие, что выполнять физическую работу. Девушки разного роста, кто выше, кто ниже. Фигуры в основном разнообразные. И пухленькие и худенькие. Так сказать, в ассортименте. Но все и неизменно притягательные. Также с цветом глаз и волос. На любой вкус.

— Живут отдельно или вместе? — спросила Проскурина.

— Мужские и женские особи? — уточнил профессор, который присутствовал при смотре.

— Отдельно.

— Почему? Спариваются? — заинтересовалась журналистка.

— Таков заведенный порядок.

Но Калине показалось, что дело в чем-то другом. Точнее, удобство размещения состояло не в этом. И решила подтвердить или опровергнуть свою вторую догадку.

— Кто к тебе ходит по ночам? — спросила она у ближайшей девушки, слегка шокировав членов делегации.

— Отвечай, — потребовал Амир, и Проскурина с интересом на него посмотрела.

Лишь слегка изумленно оттого, что капитан играет ей на руку, но тут же вернулась глазами к девушке-прототипу. Капитан потребовал ответ уверенным голосом. Значит, не боится услышать ответ.

— Она меня не понимает? Мне перефразировать? — спросила Калина профессора. — Или она боится наказания? Если ее накажут, я предпочитаю не знать ответ.

— Когда наступает ночь, и ты ложишься спать, кто-то приходит в комнату тебя навестить? — строго спросил Амир.

— Никто. В наши комнаты никому нельзя заходить, — бесстрастно ответило существо.

— Мне кажется, вы напрасно переживаете, Калина. Их хорошо кормят, содержат в чистоте, не обижают и очевидно, что не склоняют к лишнему труду... — вступился Темерев.

— Склоняют в подсобке, — вдруг добавила прототип, глядя пустыми как стекляшки глазами на стену.

— Что в подсобке? — растерялся министр.

— Склоняют.

— Я не понял? — Темерев оглянулся в поисках подсказки. — Вы поняли, Александр Александрович?

Аршинов молчал, но если судить по выражению глаз, он понял, точнее, догадку имел. Как и большинство присутствующих, к числу которых относилась и Проскурина.

— Склоняют... к труду? — робко, без веры спросил Темерев.

— Склоняют, — туповато повторило существо и продемонстрировало — наклонив тело вперед и слегка поддавшись задом вверх.

Воцарилось всеобщее молчание. Калина взглянула на Темерева, он густо покраснел. Кто-то из делегатов кашлянул от неловкости и уставился на стену. словно там живописное полотно. Только картины там не было. Голая белая стена...

— Никто не скрывал, что такое случается, — пояснил профессор в ответ на взгляд журналистки. — За их интимным здоровьем мы так же строго следим.

— Кто? — между тем расспрашивала Калина. — Кто водит тебя в подсобку?

— Кто встретит.

— Тебя обижают? Там в подсобке?..

— Обижают?.. — прототип задумалась. — Я не знаю. Наверное, обижают. Иногда я там плачу. Когда вдруг становится хорошо как после конфет.

— В этом смысле они полноценны поэтому... — пояснил профессор.

— Способны испытывать оргазм. Я поняла, — перебила Калина. Все делегаты были смущены предельно, но журналистка продолжала беседу: — А ты бы хотела, чтобы тебя перестали водить в подсобку?

— Не знаю. Мне все равно... Лучше пусть будет больше сладкого по четвергам.

— В четверг у них сладкий стол на полдник. Чаше нельзя. Эти сладкоежки от глюкозы быстрее приходят в негодность. А если дать им ее бесконтрольно, они наедятся до смерти. Но и без глюкозы нельзя. Мозгу иногда нужна именно эта еда.

Это показалось Калине интересным, что в голосе профессора звучала практически нежность. Чисто мужская теплота, перед лицом прекрасного и уязвимого. Калина с интересом посмотрела на бессмертного. Увы, профессор, уловив суть этого взгляда, увел свои глаза в сторону.

— Вы довольны, Калина Владимировна? — спросил Амир.

— Еще не вполне. Кто-то из твоих подруг жаловался тебе на грубость со стороны хозяев? Или может быть, они не хотят, чтобы с ними так поступал? Водили в подсобку и делали то, от чего им хочется плакать?

— Нет, никто никогда не жалуется. За это дают конфеты. Агата 8013 ходит в подсобку сама. Ждет там когда старший смены занят и не видит, что она пропускает график работы. Два, три раза в день. Если повезет...

Кто-то хохотнул, и Проскурина закусив губу на время смолкла. Капитан Амир стоял справа от журналистки, и она видела его боковым зрением. Но и видеть его нужды не было, так ощутима была насмешка. Капитан, так давил журналистку глазами, ожидая, что она взглянет в ответ, словно уже спрашивал: «Ну и как тебе такой ответ?». Захотелось дать ему оплеуху.

— Значит, ходит сама... Тебя научили мне это сказать? — нашлась Калина.

— Зачем? — стеклянные глаза прототипа смотрели на гостью в упор, только вопроса в них не было. Ничего не было.

— Иначе тебя накажут?

— А что это?

— Как тебя зовут?

— Агата 7983.

— Очень изобретательно с именами... — саркастично заметила журналистка и покосилась на профессора. — Наказание, это когда делают больно. Ты ведь знаешь, что это, боль?

— Да. Вчера мне было очень больно. Я ударилась об угол стола. — Прототип задрала юбку и показала всем синяк на белом безупречном бедре. Зато выяснилось, что и под одеждой они одеты во все, что и полагается. В белье. И тут не ущемлены.

— Это был единственный раз?

— Нет. Я порезала руку две недели назад. И потом три дня не работала. Мне не нравится когда больно. Сидишь, весь день в комнате и в подсобку не водят...

Калина выдохнула, растирая лоб и непроизвольно увидела, как на миг усмехнулся начальник службы безопасности. Это бесконечно испортило ей настроение.

— В общем, в подсобке тебе нравится, как и Агате 8013... — подытожила растерянно, просто не зная что еще сказать.

— Да, там дают конфеты.

— Тебе нравится там из-за сладкого?

— Да. Из-за конфет. Но иногда нравится без конфет.

— Значит и без конфет нравится... — Калина уже и сама была не рада, что затеяла этот разговор, желая защитить несчастную, которая, как оказалось, совсем не несчастна.

— Нет, мне не нравится без конфет. Это Агате 8013 нравится без конфет.

— Главное, тебе не делают больно те, у кого ты живешь?

— Кажется, ее не бьют, а в подсобке ей даже нравится. Что же, трудно не признать, у вас тут может быть и не рай, но прототипы не выглядят угнетенными, — заметил Темерев, смущаясь больше прочих и явно желая прекратить этот разговор немедленно.

— А что бы ты хотела изменить в своей жизни? — вдогонку спросила Калина.

— Сладкое. Я хочу сладкое не только по четвергам. А каждый день!

Вот и все пожелания. Стоит, смотрит в стену. Безупречное с виду «ничто». Даже больно от этого зрелища, такое пустое у Агаты лицо.

— А как их наказывают в случае неповиновения? — спросила Проскурина.

— Таких случаев не было.

— А как насчет провинностей?

— Лишают сладкого. Поверьте, это очень жестоко по их меркам. Как правило, второго неверного проступка не бывает...

Когда с вопросами было покончено, профессор объявил, что все могут выбрать себе прототипа или пару, он или они будут в распоряжении делегата все время визита. Эта идея Калине совсем не понравилась.

— Вы уж потрудитесь пояснить своим Агатам, что посещение кладовок с членами делегации за конфетку, даже за коробку, строго запрещено.

— Калина Владимировна, что вы себе позволяете?! — грянул Васнецов.

При всей отчаянности Калины, даже для нее были недостижимые рубежи. За хамство в адрес своих высоких чинов не пощадят. После будут проблемы. И все равно она не смогла смолчать, не смотря на всеобщее неодобрение в адрес ее комментария. Такое чувство, что они члены разных делегаций. Калина приехала отдельно.

— Я возьму на себя труд напомнить, что это не игрушки. А вас дома ждут жены.

— Не превышайте своих полномочий, милая моя! И не меряйте людей своим шаблоном желтогазетчицы. Не судите по себе!

Можно сказать, что в тот вечер она впала у своих в немилость. Калина понимала, что мудрее было бы смолчать, но она не смогла. Проклятая неуместная правдивость и принципиальность сыграли свою злую шутку...

Когда все и с воодушевлением выбрали себе прототипа, она одна категорически отказалась.

— Перед государевым решением все равны, даже почетные гости, — строго напомнил Амир и сам выбрал ей юношу. И с гаденькой улыбкой подтолкнул его к журналистке. — Служи верой и правдой. Выполняй все самые странные поручения.

— Если у меня нет выбора, я возьму Агату 7983, — строго возразила женщина.

— Нестандартные вкусы? — шепнул Амир. — Занятно...

— Вы только не ворочайтесь во сне, фантазируя на эту тему, капитан, — так же тихо вернула она.

За спиной журналистки задорно хохотнул Танум. Получил недобрый взгляд старшего по званию и стушевался как результат. Нет, Танум скорее растаял как снежинка. Обмяк, скис и крайне побледнел, сразу после того как пошел пятнами. Из чего пытливая журналистка заключила — начальника безопасности здесь боятся. Может быть и ей стоит?..

Глава 6. Меланхоличная дама

Плавню подошло время ужина, который Калина дожидалась в отведенных ей покаях. На стуле справа от нее нерушимо сидела Агата 7983. Смотрела на стену. По приходу в комнату женщина сказала ей, что та может присесть и вот девушка совсем не двигалась уже более часа.

Вначале Калина активно расспрашивала прототипа о быте бессмертных. Выпытывала, как все устроено во дворце, но она очевидно не понимала значения многих вопросов и тарасилась молча на стену или говорила что-то не то или же повторяла уже рассказанное по кругу. Оказалось, Агаты не так умны, как хотелось бы. Профессор не соврал. Конечно, можно было заподозрить, что ее запугали, если бы не выражение глаз. Пустота... Существо крайне ограничено умом, реагирует только на конфету в руке женщины. Увидит сладкое и старается, из кожи вон лезет, пытается что-то рассказать. А рассказать нечего. Это могло бы рассмешить, но Калине от этого хотелось плакать. Ничего более ужасного она в своей жизни не видела. Безупречная красота, даже ей хотелось погладить это лицо и волосы, но ущербность, и пустота глаз вызывали отторжение. Словно некогда безупречное создание кто-то изувечил, поизмывался, и получила Агата...

— Может быть, хочешь полежать?.. Тогда ляг, отдохни, — сказала журналистка, рассудив, что так долго сидеть недвижимо неудобно.

Агата легла. Но женщине показалось, скажи она — «хочешь постоять?», прототип бы встала.

Тяжко вздохнув, Калина продолжила сборы. На вечер было запланировано какое-то мероприятие и она готовилась.

За дверью стоит Танум. Пока юноша провожал Проскурина и прототипа в отведенные госте покои, дразнил Агату конфетным фантиком, а та как заводная бегала и прыгала вокруг, пытаясь выхватить бумажку.

«Как ребенок с котенком», — подумала Проскурина и строго отдернула юношу. Солдат тут же прекратил постыдное развлечение. И оставшуюся часть пути извинялся. Правда, перед Калиной...

— Часто ты так измываешься над ними? — строго спросила женщина.

— Я?.. Нет... Я не... Она ведь не настоящая, — краснея оправдался он.

— Может, и в подсобку не водишь?

В ответ юноша лишь покраснел еще гуще и увел глаза. И все стало на свои места.

— Агата, иди, поешь и возвращайся в свою комнату, — сказала журналистка, когда настало время ужина.

— Мне приказали быть с вами.

— Ты мне ночью не нужна. У меня тут нет кладовки, — уныло иронизировала Калина на радость Танума, что тихо посмеивался стоя в проеме открытой двери. — Я серьезно. Ты мне подчиняешься? Так тебе приказали?

— Вам.

— Я отпускаю тебя до утра. Придешь завтра. Задача твоя поесть и спать.

— А можно в кладовку?

— Матерь Божья... — выдохнула женщина. — Вас, наверное, программируют на функцию крольчихи, да?

Танум изо всех сил зажимал себе рот, чтобы не смеяться вслух. Но кивал, словно он с этим согласен.

— Ступай. Если тебе захочется с кем-то в кладовку, я разрешаю. Но только если ты захочешь сама. Поняла?

— А я могу взять конфетку? — глядя на вазу полную сладостей, спросила Агата.

— Бери, что хочешь. Как я устала...

Агата жадно уцепила сладость и быстро ушла прочь.

— Смотрите, как шагает, — вослед ей с улыбкой заметил Танум. — Но не сомневайтесь, предложат по дороге еще сладкое, в кладовку пойдет.

— Все! Слышать этого больше не желаю...

Ужин прошел в странной атмосфере. Калина не могла ее назвать потеплевшей или радушной, но что-то незримо изменилось. И она как женщина сразу это ощутила. Члены делегации оживились. Много говорили и не стеснялись высказывать одобрение. Именно одобрение всего увиденного днем. И такие резкие перемены сильно резали ее слух. Больше всего обсуждали прототипов, называя их творение чудом. Если и не все, то многие из делегатов смягчилась. И с обсуждения генетики разговоры плавно переключались на обсуждение темы мира. За столом зашла речь о встречном визите вежливости. Впервые в истории двух видов, вампиров пригласили в мир людей...

Когда это произошло, Проскурина онемела. Затаила дыхание и взглянула на государя.

Кажется, Вишнар этого очень ждал. Потому что после того как приглашение сорвалось с губ одного из министров, он как-то изменился. Блеск торжества сверкнул в его глаза. Хотя иначе он это никак не выразил. Даже не улыбнулся. Его поведение в этот вечер можно было назвать непривычно сдержанным. Лишь любезно слушал, благосклонно принимая похвалы, но держался при этом скромно. Что странно для его положения правителя, да и характера самолюбца который привык слушать хвалы. Но Калина кожей чувствовала, что свершилось что-то очень важное для него. Возможно именно то, ради чего он затеял эту встречу. Но выразил свое согласие государь весьма сдержанно:

— Благодарю, за вашу любезность. Непременно обдумаю ваше предложение. Подчеркиваю: наша главная цель была — продемонстрировать уклад жизни бессмертных.

Только женщину сдержанность этих слов не обманула. В общей беседе и тем более хвалах она участия не принимала. Была так же как Вишнар непривычно тиха и молчалива. Все на что ее хватило — краткие улыбки. Всего лишь дань вежливости, не более того. В душе ей было противно. Причем все. Беспокоило поведение коллег по делегации. Что их так подкупило? Естественно, что с ней своих мотивов никто не обсуждал. Для них она всего лишь вынужденный довесок. «Желтогазетчица», как сказал генерал. Ни ее мыслей, ни методов они не одобряли. Кто-то молчал об этом, кто-то говорил прямо. Но это было так, и она это понимала. После того как делегаты покинули этаж где обитали прототипы, Васнецов по дороге на верх выразил ей свое неодобрение в нескольких резких фразах:

— Вы забываетесь, дамочка! Все это будет в моем рапорте. В том числе ваш неуместный флирт и вольное поведение. Обещаю, что по возвращении у вас будут серьезные проблемы с трудоустройством.

— Он перекипит. Я побеседую с ним, — шепнул Аршинов, когда никто его не слышал. Министр стал непроизвольным свидетелем беседы журналистки с генералом. В прочем, ее слышали все. В том числе капитан Амир. Враг...

Все это не испугало женщину. В прошлом Проскурина не раз слышала вещи и хуже. Но

было неприятно. И она хорошо понимала, что Васнецов не перекипит. И проблемы у нее будут. С телевидения ее наверняка теперь уволят. Впрочем, это не первый раз. Она часто работала для печатных изданий под чужим именем. Это был даже более надежный источник дохода. Опять-таки такой график ей подходил. Больше ее волновали иные проблемы. Всяческие слежки, прослушки, проверки и прочие пакости. Вот это генерал запросто мог организовать. Точнее, натравить госслужбы которые этим занимались. Впасть в немилость в государственном масштабе, вот это и правда, неприятность.

— Ягодка, почему вы так молчаливы сегодня? — шепотком обратился к ней Вишнар, вырывая из власти неприятных мыслей. — Вы печальны. Я бы хотел знать, кто или может быть «что» вас так огорчило? Возможно, я могу как-то изменить ситуацию?

— Благодарю вас. Вы, несомненно, можете все, но вернуть мне силы не в чьей власти, — покорно улыбнулась она. — Это просто усталость. День был насыщенным.

— Вы довольны? Увиденным?

— Я узнал не мало, — уклончиво ответила Калина. И, кажется, это не ускользнуло от внимания бессмертного.

— Впереди, всего через час-другой, вас ожидает глубокий ровный сон. Если вы не предпочтете перед тем немного подышать со мной на пару. У меня чудесный сад. И я обещаю вам, что вы взбодритесь, — вновь накрывая ее руку своей, пообещал он тихчайшим шепотом.

Калина больше почувствовала, чем поняла, что он уже в курсе ее неприятной беседы с генералом, и угрозы последнего. Неужели он ее утешает?.. Было бы странно. Скорее преследует какую-то свою цель. Все происходящее очень настораживало. Не верила она вампирам, для нее они всегда были и будут враги. Кровососы ведут тонкую игру, которую она пока не понимает. Вот что шептало ей чутье журналиста. Или это была пресловутая женская интуиция?..

Вишнар был неизменно обходителен, не скрывая подтекста своего особенного расположения. Он откровенно говорил об этом глазами, подогугляя на нее.

— Зачем вы приставили ко мне этого забавного юношу, Вишнар? В чем коварство замысла?

— Что же вам кругом коварство мерещится, милая Ягодка?.. — возмутился он, раздувая щеки от притворной обиды. — Подумайте сами, зачем мне старому, больному... бессмертному, — сказал он, крикнув весело этой забавной противоречивой формулировке, — лишний раз переживать, что вы ходите по дворцу под пристальным взором какого-то грубого солдафона? Такая прекрасная, слабая и уязвимая. А это существо такое бесхитростное, что вам в его присутствии ничего не угрожает. Но при этом он в силах вас защитить. Мальчик наивен, но удивительно ловок и силен. Или шума наделает, в крайнем случае. Тоже польза.

— Ничего не угрожает?

— Это с Танумом? Тем, кто порывался укусить меня за хлебный мякиш?

Вишнар расхохотался забавной аллегорией:

— Кто донес?

— Он сам и донес. На себя же.

— Да, это он может. Забавно вы его прозвали. Танум... Это значит — душа.

— А что означает его полное имя?

— Небесная душа.

- Имя ему подбирали недавно?
- Нарекли при рождении. И как угадали, да?
- А что обозначает ваше имя?
- Мое главное имя?.. Несущий прогресс.
- А неосновное? Вишнар, что это означает?

— Так называла меня мама, как я уже говорил. К моему истинному имени это не имеет отношения, — пояснил он и какое-то время выжидал. Словно решая, говорить или нет. — Проказник...

- Очень точное имя, Вишнар, — улыбнулась Калина.
- Мама ведь назвала. Кому меня лучше знать?!
- А как зовут вашего сына?
- Его главное имя означает — желанный сын. Второе — долгожданный.
- А как это звучит?
- Катамиртас. Главное из его имен.
- А их много?
- С десяток. Моя покойная супруга хотела назвать сына — любимый.

— Вы так любопытны, милая Ягода, что скоро у бессмертных совсем не останется от вас тайн, — шутливо пожурил государь. В этот момент подали десерт, и тема разговора переключилась уже на него.

— Кстати, вас ждет сюрприз, — шепотом пообещал Вишнар, хитро улыбаясь. Однако какой он так и не сказал.

Огромный зал выглядел как старинный оперный театр. Все в парче и бархате, тяжелое и богатое, преимущественно в бордовых тонах. Массивная мебель с позолотой, и чувство, словно попал в далекое прошлое.

- У вас во дворце есть свой оперный театр? — изумилась журналистка.
- У меня тут многое есть. Лишь счастья нет, — притворно охнул государь.
- А чего для этого не хватает? — подыгрывая, вежливо уточнила журналистка.
- Любви. Только ее...

Места в ложе государя хватило бы не всем, и членов делегации за исключением журналистки разместили в соседних ложах, где наилучший обзор. Оперный театр был заполнен зрителями до отказа. Вампиры в военных мундирах цвета крови и с ними... дамы.

— А вот и мой сюрприз! Вы хотели их увидеть. Вот и они! — хитро прищурившись, шепнул Вишнар.

Калина не скрывая интереса рассматривала вампиров. Впрочем, они занимались тем же. И тоже не скрывали интереса. Правда, изучением гостей занималась мужская часть зала, женщины вели себя крайне сдержано. Калина видела очень много янтарных глаз направленных на нее. И слегка растерялась в первый момент, когда оказалась в ложе государя. Такой интерес проявили мужчины. Женщины оказались удивительно тактичными. Ни одна не взглянула в сторону людей. Не исключено, что это была особенность их воспитания, но так же возможно, что бессмертные дамы попросту бойкотируют чужаков.

Журналистка оценила количественное соотношение женщин и мужчин, и пришла к выводу — один к двум, в пользу сильного пола. Не мало. Странно. Ведь Проскурина на миг даже усомнилась в существовании женщин этого вида. И вот они, тут. Как и сказал Вишнар.

Все дамы пришли со спутниками. Ни одной одиночки. Одеты красиво, но неожиданно сдержано. Элегантное черное платье Калины, пусть и выгодно подчеркивающее фигуру,

просто жалкое рядом с шикарными одеждами бессмертных. Крой нарядов у вампиров своеобразный, но радует глаз. Одежда строгая, но потрясающе утонченная. Ни декольте, ни вырезов. Длина почти до пола. Женщины очень эффектные, даже порой изумительно красивые. Калина опешила, изучая некоторых из них. Впрочем, чему удивляться, ведь и мужчины большей частью хороши собой, пусть далеко не все красавцы. Но военная выправка, сильное тело, подчас значат для сильного пола больше, чем просто пропорциональные черты лица. По крайней мере, так думала Проскурина.

Практически все места уже были заняты, когда журналистка увидела внизу знакомую фигуру капитана. Амир тоже пришел, как и все в парадном мундире с серебряными погонами в тон узора на мундире, сияющий как новая монетка. И что удивило еще больше — не один... Правда, проводив изящную даму в черном пышном платье к ее месту, раскланялся и тут же покинул ее.

— Что там интересного, Ягодка? — уловив пристальный взгляд гостьи, спросил Вишнар.

— Ваш начальник безопасности тоже пришел в театр. Я думала, он круглосуточно занят на своем сверхответственном посту. А он в оперу ходит, — не без иронии заметила женщина.

— Паршивец! Даму свою бросил! Я думал, хоть вечерок отдохну от его навязчивой опеки, — охнул Вишнар. — Просто вынудил его прийти сюда! Сказал, уволью с поста! Он бы целые сутки маршировал и ходил строем, дай волю. Никакой культурной жизни у этого бессмертного!

— Вы за всех так переживаете, государь? — пошутила гостья.

— Только за тех, кто мешает мне быть с вами наедине, Ягодка, — подмигнул Вишнар, и дверь за их спинами отворилась, пропуская в ложу Амира. Четверо охранников на посту у входа расступились.

— Ну вот! А я что говорил?! Амир, вы покинули свою даму! — строго сказал государь. — Немедленно возвращайтесь. Меня тут никто не обидит. Не правда ли, Ягодка?

— На вашем месте, государь, я бы не доверял так ягодам. Они бывают ядовиты, — постным тоном напомнил капитан. — Я пришел по долгу службы.

— У вас всегда долги службы, Амир! Когда вы уже все мне их вернете? — в строгой манере отшучивался Вишнар.

— До смерти не управлюсь.

— Веселенький он у нас, верно?

— Да, с ним не скучно, — согласилась женщина, метнув быстрый взгляд в сторону пришедшего. Но капитан не удостоил гостью ответным. Этого офицера армии бессмертных интересовал лишь государь.

— Я и вижу! Как не скучно премиленькой особе в пятом ряду, — между тем продолжал Вишнар. — Что за красotka? Когда вы уже женитесь и остепенитесь, капитан?

— Если я женюсь, вы уволите меня с занимаемого поста начальника службы безопасности и вашей охраны. Потому что по ночам я буду сторожить свою жену. Если же я буду сторожить ваш сон, она уволит меня с должности мужа. Оба варианта меня не устраивают. Предпочитаю не нагнетать.

— Остряк! За словом в карман не лезет. Весь в своего уважаемого родителя, — хохотал Вишнар.

— Да, мой уважаемый батюшка умеет сказать, государь. И уже проел мне плешь на

голове тем же вопросом. Не составляйте ему компанию. Или сбегу от вас.

— Куда, интересно узнать? — изумился правитель.

— Хоть бы и к ним, — кивнув в сторону Калины, шутливо пригрозил Амир.

— Капитан, я что-то не вижу у вас плешь... — подразнила женщина.

— Нарачивание каждое воскресенье вечером, — подчеркнуто вежливо, без тени юмора в голосе, отрапортовал он.

— Я даже знаю, почему вечером! — весело воскликнул государь. — По воскресениям у капитана обеды с отцом. Привет ему от меня!

— Непременно передам, — склонился Амир.

— А теперь марш к даме и не мешайте мне наслаждаться! Начинается...

На сцену и правда уже вышла певица и заиграла музыка. Амир склонился в знак почтения и вскоре исчез за дверью.

— Отличный капитан. Но сын ужасный. Сострадаю его родителю. Редкий упрямец, как и мой собственный сын, только служба у них на уме. Не удивительно, что спелись...

До этого вечера Калина никогда не была в опере. И не предполагала, что это так интересно. В мире людей, это развлечение давно вышло из моды. Опера все еще жила, но была лишь отголоском прошлого. Отголоском, который ценили мало... В этом же зале наслаждались все.

Голос певицы был дивный, глубокий и сильный. Но что больше всего поражало, оперные дивы, как правило, были массивны, это помогало их голосам набирать силы и глубины, стоящая же на сцене дама была если и не миниатюрна, то стройна. Ее длинные волосы спадали вдоль плеч и спины бесконечным каскадом и доходили едва не до пола. Золотое платье подчеркивало красивые пропорции тела с пышным бюстом и широкими бедрами. Такую вполне можно было выдвигать в мисс бессмертные, саму по себе. А у этой женщины был еще и удивительный голос.

— Наша жемчужина, — не без гордости шепнул Вишнар. — Дива Калибриана. Моя любимая исполнительница. Может брать самые высокие ноты. Ее голосу нет аналогов в мире. Чудо.

Калина согласно кивала, изучая не столько диву на сцене сколько зал. Обзор был восхитительный, все как на ладони. Вишнар поглощен пением, и она позволила себе отвлечься от зрелища, пока государь не смотрел в ее сторону.

Через ложу справа у самого края, так что его было хорошо видно, сидел молодой бессмертный в штатском и, не отрываясь, смотрел на Проскурину как замороженный. Журналистка пару раз искоса поглядывала на него, ощутив это пристальное внимание, и даже по-настоящему смутилась один раз, когда встретила с незнакомцем взглядом. Потому что мужчина, поймав взгляд чужачки, резко встал и поклонился, приветствуя ее. Да так глубоко и поспешно, что журналистка испугалась, что он вывалится из ложи и схватилась за перила. Но падения не произошло. Произошла улыбка. Очень обаятельная и неожиданно приятная, когда бессмертный увидел волнение гостьи и понял, что он его причина. Сверкнул зубами и склонился повторно. И оттуда из поклона поднял к женщине свои глаза. И так на нее посмотрел, как, пожалуй, еще никто не смотрел, никогда...

В глазах мужчины была такая откровенная жажда обладания, что это и смутило, и разволновало одновременно. До самого конца представления Проскурина избегала открыто смотреть вправо. Хотя боковым зрением видела, что бессмертный по-прежнему не отводит от нее глаз. Вероятно, ни разу за все представление не взглянул на сцену...

Блуждая залом, глаза журналистки порой натыкались на вполне густую макушку без всяких следов плечи. Эти черные выющиеся кудри принадлежали начальнику службы безопасности. Калина видела, как он брал свою даму за руку и нежно целовал кисть. «Надо же, ухаживает...», — с улыбочкой думала Проскурина. Не то что бы это как-то ее задевало, но легкий укол разочарования женщина ощутила. У капитана есть возлюбленная, но это не помешало ему флиртовать с гостьей и посылать ей прозрачные мужские сигналы о желании более близкого знакомства. Так предсказуемо, что даже противно!..

На миг Амир показал свой профиль. Нос с горбинкой, немного резкие скулы и высокий лоб. Таким профилем вполне можно чеканить монеты. Очень выразительный и даже властный под этим углом. Когда смотришь прямо в лицо, слегка пухлые губы и овальные глаза смягчают картину. Но все равно чувствуется — этот бессмертный далеко пойдет. От него даже пахнет особо. Резкий запах — гордыня и жажда власти. Горчащий, насыщенный аромат... Но вот Амир улыбнулся, и след всякой надменности и высокомерия бесследно исчез. Чудно, что может сотворить всего одна маленькая улыбка с этим серьезным лицом.

Калина с интересом наблюдала как капитан, склонившись к спутнице, что-то ей шептал на ухо с легкой тенью улыбки. Странно было только то, что дама ему не отвечала, почти все время смотрела на сцену и лишь внимательно слушала. Наверное, она не любит своего капитана...

Отвлекаясь от Амира, Проскурина обнаружила, что сосед справа все еще пристально смотрит на нее.

Мужчина всегда, прежде всего самец. Вот о чем она подумала глядя на молодого бессмертного. Но в случае вампиров все было чуть-чуть сложнее, и Проскурина уже понимала и это. Бессмертные десять лет держали охоту под запретом, и вдруг к ним приехала женщина... Кто же не пожелает на глазах у всех, под аккомпанемент чужой зависти снять «вишенку с торта»? Точнее, «Ягодку». Сочное яство со сладким ароматом женщины. Как удержаться от желания вкусить этот плод? Быть может, даже удастся вновь ощутить давно забытый человеческий вкус. Вот о чем они думали, провожая ее горящими жадными глазами. Проскурина поняла лишь недавно значение этих взглядов. Как бы тобой овладеть, если укусить под запретом?.. Дышать тебе страстно в желанную шею, воображая, когда изо всех сил неистово любишь, что на самом деле вонзаешь свои клыки в это белое тело и пьешь сладкую кровь.

Жажда. Скрытая жажда крови. Женщина человек для кровососов запретный плод, давно забытый вкус прошлого. А может что-то еще... Экзотика? Новое, свежее. Мужчины все, по большому счету, что люди, что нелюди, такие гурманы, когда дело касается сладенького кусочка...

Когда закончилось представление все стали неторопливо покидать театр. Удивительно сдержанные и молчаливые. Ни перешептываний, ни тем более громких обсуждений.

— Восхитительно! Не находите? — один Вишнар казалось, был преисполнен позитива. И это было резким контрастом тишине внизу. Отчего-то это бросилось женщине в глаза.

— Не желаете познакомиться с Калибрианой?

Опустевшим коридором в сопровождении охраны Проскурина с государем прошли в примерную дивы. Женщина сидела за столом и снимала с лица грим. Без него она была как-то по-девичьи уязвима, молода и мила. В словах была очень сдержана, но улыбнулась, когда Вишнар склонился к ее руке с поцелуем. Пусть и слегка пустой, механической улыбкой. Очевидно, что очень устала.

— Как всегда, превосходны!

— Это мое дело, служить вам, государь. — Вот и все что она сказала за время краткого визита правителя. Калину это удивило. Впрочем, выступление утомительно, сил на вежливость у дивы вероятно совсем не осталось.

Они немного побыли в примерной. Все это время преимущественно говорил мужчина. Представил одну даму другой, восхитился пением, затем высказал надежду услышать какое-то незнакомое Калине произведение в исполнении дивы и все. После этого гостя и государь раскланялись и покинули закулисье оперы.

— А где остальные члены делегации? — спохватившись, спросила журналиста.

— Их сразу после представления должны были провести к себе. Вы хотели бы кого-то из них видеть, Ягодка?

— Нет. Мне просто интересно.

— А я думал, вы хотите принять участие в вечернем совете.

— Вы о чем?

Вишнар замаялся, но Калине показалось, что государь не оговорился, он хотел сказать то, что сказал.

— Они и прошлым вечером заседали. Думал вы в курсе, — обронил он.

Калина молчала. Все это ей не нравилось. Заседания за ее спиной она могла понять, но что ей на это указывает Вишнар, настораживало. Желает настроить ее против всех, расположить к себе? В этом она отдавала себе отчет.

— Милая Калина, я хочу, чтобы вы знали, я могу вам помочь. В силах повлиять на ситуацию.

— О чем вы, Вишнар?

— Я в курсе грубой выходки этого солдафона. Как там его?

— Васнецов.

— Вероятно. Так вот, я намерен переговорить с вашими политиками, этим Аршиновым для начала. И потребовать, именно потребовать, покровительства вам.

— Вы ждете, что в благодарность я напишу нужный вам отзыв? — прямо спросила она.

— Не жду. Увы, ваше мнение ничего не решает. Просто чувствую свою вину, это я навлек на ваше доброе имя тень своим, быть может, излишним вниманием.

— Я не боюсь недобрых теней. Благодарю вас за заботу, но знаю, что мне ничего не угрожает, — мягко уверила женщина.

— Вы уверены?.. Помните, что я всегда буду рад стать вашим заступником. И это ни к чему вас не обязывает. Это обязанность настоящего мужчины.

— Благодарю вас, Вишнар.

— Как на счет прогулки?

— Я...

В этот момент они вышли в просторный холл оперного театра. Тут все еще было шумно. Не все бессмертные успели разойтись. По ходу движения с государем здоровались и раскланивались. Кое с кем Вишнар посчитал необходимым кратко переговорить, не позабыв познакомить со своей гостьей.

— Я очень надеюсь на то, что визит к нам будет для вас приятным, — слегка склонившись, высказал свое пожелание один из бессмертных. Его звали Вариноминис. Он принадлежал к старинному княжескому роду Варимонгов. И по тому, как держался с ним сам государь, складывалось впечатление, этот вампир пользуется большим расположением

правителя.

— Благодарю. Все именно так, — вежливо улыбнулась женщина и настороженно покосилась на стоящего рядом молодого человека. Того самого, из правой ложи, который кланялся ей во время представления.

— Как вам опера? Как вам дива? — между тем расспрашивал князь.

— Они обе меня покорили. Ничего подобного ранее я не слышала и не видела. Благодарю, — вновь вежливо, но сдержанно ответила гостя.

— Вам комфортно в мире бессмертных? Надеюсь, вы не испытываете страх, находясь среди нас? Простите за мою прямооту, я испытываю большой интерес к традициям и миру людей. И возлагаю большие надежды на эти мирные переговоры. А так же, на ваш визит. Если вам будет угодно, двери моего дома открыты для вас. Понимаю, что время визита строго ограничено и вам нужно многое успеть, но имею надежду, что это не последний ваш визит и вы непременно посетите наш дом в будущем. Я бы хотел вас познакомить со своей семьей. Это мой сын и наследник, — он указал на молодого мужчину, что стоял рядом и все также пристально смотрел на Проскурину. Правда, теперь широко обаятельно улыбаясь. Вампир тут же склонился в почтительном поклоне. Вновь очень поспешно.

— Аримас, — разогнувшись, представился он, с интересом заглядывая в глаза женщины. Он словно в душу к ней пытался нырнуть этим взглядом. И делал это, не скрывая ни содержания своих глаз, ни интереса. Отец молодого человека изо всех сил делал вид, что это пристальное внимание нормально, в то время как государь кашлянул, просигналил — «остынь парень!». Правда, сигнал никто не заметил. «Парень» не остыл. Все-таки эта семья пользовалась особенным расположением Вишнара, потому как на удивление Проскуриной, государь так ничего и не сказал.

— Очень приятно. Почту за честь быть вашей гостьей, с позволения государя, — кивнула Калина, и еще раз взглянула на молодого бессмертного. Аримас вновь улыбнулся. Лицо аристократическое, с тонким профилем, выбрито до синевы, осанка прямая, чувствуется военная выправка, но кроме всего княжеская кровь о себе говорит — бессмертный держится с редким достоинством. По царски. Очень высокий, стройный, слегка худощавый. Ни на миг не пытается отвести от новой знакомой глаз. Фиксирует ее янтарными в обрамлении удивительно густых и черных как смоль ресниц. Не то что бы редкий красавец, но лицо неописуемо обаятельное, цепляет глаза. И на левой щеке, когда мужчина улыбается, появляется милая ямочка...

Вариноминис был безгранично доволен знакомством. Ему явно пришлось по душе обращение Проскуриной к правителю бессмертных с упоминанием титула. Не меньше чем ее спокойствие в их обществе.

— Очень рад знакомству. Еще раз благодарю и приглашаю вас к нам. Государь... — он склонился и оба мужчины, отец и сын отступили. Аримас все еще улыбался, не смея что-то сказать. И прижимая правую руку к области сердца, кланялся с невероятным достоинством. Подобное она видела первый раз.

— Демонстрирует особое расположение. Дань уважения, — коротко пояснил государь, сам с интересом наблюдая за сородичем. Аримас отступал, не разгибаясь очень долго, пока толпа не закрыла гостье обзор.

После были еще две беседы, в которых Калина почти не участвовала. Казалось, Вишнар демонстрирует ее сородичам, а ей показывает их, в том числе — отношение и расположение, которые нельзя было не заметить. Глубокое почтение. Ни в одном лице она не увидела

настороженности и предубеждения. Лишь уважительность и интерес. Более того, искреннее расположение и желание понравиться. Все это слегка путало ее карты. Она совсем не чувствовала в них фальшь. Этот вечер удивил Проскурина и немного сбил с толку.

— Это была демонстрация?

— Вы хотели показать, что бессмертные дружелюбно настроены к людям?

— Вы удивлены?

— Немного. И польщена. Почему они так относятся ко мне?

— Они хотят этот мир. И вы, люди, искренне интересны им.

Калине очень хотелось побеседовать с кем-то из дам, но, к сожалению, никто из вампиров кто пришел со спутницей не приблизился к ним. Почтительно склонялись перед государем, но лишь издали. Уже у самого выхода Калина случайно столкнулась с одной из женщин. Пока государь беседовал с сородичем, она на миг оглянулась и заметила, что одна из дам стоит неподалеку и задумчиво смотрит куда-то словно никуда. В руках она держит перчатку, вторая упала на пол. Проскурина пользуясь моментом, сделала несколько быстрых шагов и, склонившись, подняла потерянный предмет. И приблизившись к даме, протянула.

— Вы уронили, — Пришлось сказать ей, потому как на ее близость бессмертная никак не отреагировала.

Дама оглянулась и бросила на женщину безучастный сквозящий странной меланхолией взгляд. И более никакой реакции. Смотрит, видит, но ничего не говорит, даже не шевелится.

— Благодарю вас, — поспешно произнес седой бессмертный, кавалер безучастной дамы, и склонился, выхватив перчатку из руки журналистки.

— С вами все в порядке? — спросила Проскурина, которой женщина показалась очень огорченной. Если не сказать — странной.

— Дождь, — шепнула бессмертная. — Завтра будет дождь...

— Не будет дождя, Тания, дорогая. Пойдем, — уговаривал бессмертный и, прихватив свою странную спутницу за плечи увел за собой, бросая обеспокоенные взгляды на незнакомку, и куда-то за ее спину.

— Что-то случилось, Ягодка? — спросил Вишнар, появляясь рядом.

— У меня нет, но у этой дамы, да, — провожая взглядом изящную фигуру, протянула журналистка.

— Она всегда такая, — беспечно ответил Вишнар. — Общество не любит и придумает что угодно, чтобы муж ее к нему не принуждал. Меланхоличка редкая.

— Так это спектакль для супруга? — улыбнулась Проскурина.

— Что вы девочки только не придумаете! То у вас нет настроения на наших друзей, то голова по ночам болит... — бранил он ее шутливо и буравил недвусмысленным взглядом.

Калина улыбнулась, но странная дама не покинула ее мыслей. Но дело было даже не в ней. Все оставшиеся в холле бессмертные были мужчинами, женщины за миг растаяли как дым. Настолько не любят общества чужаков?.. Или это вампиры так их стерегут от людей? Тогда зачем им нужен мир?

Об этом и размышляла, когда знакомства завершились, и они двинулись дальше. Вишнар ступал рядом бодрой походкой — явно доволен вечером. Проскурина же что-то настораживало. Но что, пока понять не могла. Нужно было отдохнуть, отвлечься. Ответ придет. Она это уже знала...

— Так как на счет легкой прогулки парком, Ягодка? — напомнил Вишнар.

— Хочу увидеть ваш парк, мечтаю рассмотреть виноградники, но больше просто не в

силах стоять на ногах, — как можно более мягко отказалась она.

— Могу организовать транспортировку, — хитро улыбнулся бессмертный.

— В другой раз, умоляю...

— Тогда, не смею вас больше задерживать, Ягодка, — склоняясь к руке, согласился государь. — Доброй ночи.

— И вам.

Словно сам собой неизвестно откуда появился Танум и повел гостью за собой.

— Ты еще не спишь?

— Нет, я буду охранять ваш покой.

— А как на счет отдыха?

— В полночь меня сменят. А в шесть часов заступлю на пост опять.

— Шесть часов сна? Не мало?.. Постой, ты снова наказан преемником?

— А как вы догадались?

— Интуиция, — улыбнулась Калина. — Интересно, за что на этот раз? Капитан донес на тебя?

Но юноша не ответил, лишь забавно поморщился. И они двинулись дальше...

Глава 7. Первые неприятности

При всем желании прогуляться ночным дворцом, то есть, выйти на повторную разведку, она, во-первых, не имела сил, во-вторых, была лишена такой возможности. После полуночи, которая наступила вскоре, Танума сменил Рамсинг. Тот самый вояка с квадратным лицом. Хмурый и резкий.

Спать журналистка легла ближе к трем часам ночи, когда глаза уже отказывались видеть монитор. Хотя ей еще было что писать. Дело было в том, что Проскурина теряясь от количества информации, решила записывать все, что видит. Любые нюансы и детали. Словно создавала карту памяти. Что бы потом, перебирая все детали заново, воссоздать новую. Так сказать — полотно реальных событий.

В результате проспала. Ее пробудил будильник, но голова сильно болела и, позволив себе полежать еще немного, Калина не заметила, как снова уснула. И настойчивый стук двери осознала не сразу.

— Что такое? — сонно морщась и кутаясь в халат, спросила она Танума, который стоял за дверью. Юноша взволнован, притаптыкает за порогом, дергается, словно стоит на иголках.

— Вы еще не готовы?! Но ведь завтрак всего через десять минут! Государь не прощает опозданий!

— Скажите, что я приношу свои глубокие извинения государю, но на завтраке меня не будет. У меня кое-что произошло... Серьезное. Болит невыносимо... — врала она выкручиваясь. — Недомогание у меня. Плохо мне Танум, очень плохо. Ступай!

— Вам плохо?! — охнул юноша и тут же пошел багровыми пятнами.

— Доктор!!! — закричал он. — Доктора сюда!.. Я сам вызову вам доктора! — суетился он. Калина испугалась.

— Нет-нет, не нужно огласки! — взмолилась она. — Это пикантное недомогание. Я не желаю, что бы кто-то знал причину его происхождения! Танум, поймите, мне будет крайне стыдно, если об этом узнают!.. Танум, прошу вас... Скажите, что мне лишь немного нездоровится, но я возьму себя в руки и буду в числе делегатов сразу после завтрака.

— Вам плохо?! — восклицал юноша, кажется, не вполне понимая, что она ему говорит. — Вам же плохо! Я сейчас! Я скоро! Ложитесь и не двигайтесь! Я тот час вернусь!

— Танум! — кричала Проскурина, но юноша скрылся вдали коридора. — Что б тебя!

Чертыхаясь как портовый грузчик, Проскурина тут же бросилась собираться. Но не успела ополоснуться на скорую руку, как в двери снова постучали. Точнее, уже настойчиво барабанили. Ругая и себя, и Танума на чем свет стоит, женщина натянула халат и поспешила к двери.

— Почему вы не открывали?! — строго отчитал ее Амир.

— Мылась с вашего позволения, — запахивая халат на влажном теле, строго ответила женщина.

— Что тут произошло? Я привел доктора! — шумел капитан, поспешно осматривая комнату гостыи.

— Не стоило так утруждаться. Я буду жить. Уже приняла обезболивающее, — резковато ответила Калина, чувствуя неловкость от того как он пристально осматривает уже ее.

— Я не вижу на ней никаких повреждений. Осмотрите ее, доктор, — приказал капитан

молчаливому бессмертному стоящему в стороне. Новый персонаж. Этого вампира Проскурина еще не имела чести знать. Молодой, лицо благородное, но очень отстраненное. Замкнутое.

— Зачем это? — возмутилась женщина, еще раз взглянув на доктора с бесстрастным лицом.

— По приказу государя. Танум ворвался в зал для завтраков бледный как полотно, переполошил всех и разволновал государя! Сказал, что пока его не было с вами, другой солдат недосмотрел и вас кто-то покалечил ночью.

— Глупости... — растерялась Калина.

— Я заверил государя, что это невозможно. Рамсинг был у меня с докладом. Вы не покидали покои до тех пор, пока Танума заступил на пост. Но государь настоял и я тут. Что с вами?! — властно потребовал Амир.

— Легкое недомогание.

— Зачем вы уверили Танума, что вас обидели?!

— Я не уверяла! Это лишь недоразумение!

— Все равно, теперь придется пройти осмотр. Нужно было раньше думать!

— Я возражаю!

— Меня это не волнует! Я отвечаю за гостей своим положением и головой. И то и другое мне дорого! Немедленно раздевайтесь!

— Вы ударились головой о пушку или упали с танка, Амир?! — бледнее возмутилась женщина.

— Я имел в виду, — не смутившись, исправился он, — доктор осмотрит вас. И выяснит причину недомоганий. Я должен быть уверен, что вы здоровы, и никто не применял к вам насилия. Сибасиас, приступайте!

— Ко мне никто его не применял! Как вы верно заметили, я не покидала комнату. И я не позволю себя осматривать! Тем более, без одежды.

— Он доктор.

— Вы меня слышали?! Мне уже лучше!

— Боюсь, вы не поняли всей серьезности ситуации, — холодно выдохнула капитан, предельно взведенный и даже бледный. — Там, внизу, все не просто встревожены. На кону мой пост, но главное — доброе имя моего государя! Члены вашей делегации, благодаря недоумку Тануму поняли ситуацию под тем углом, что над вами этой ночью было совершено насилие определенного характера! Уточнить какого?! Танум сказал, вы были бледны, испуганы и явно не желали кого-то видеть. Желали остаться в одиночестве и говорили что-то о постыдных подробностях случившегося с вами! Вы понимаете, о ком делегаты подумали первым? Вы вчера остались с правителем, когда все пошли в свои покои. Для них он виновник. Если потребуется, я сам совершу над вами насилие, но принесу доказательства, что вы целы и невредимы! Я получу отчет доктора!

— Вы совершите насилие, что бы доказать, что насилия не было? Сразу видно, что вы солдат, Амир! Только что вами была жестоко убита логика. Та самая, пресловутая. Мужская! — рассержено насмеялась бледная гостья.

— Мне не до шуток, госпожа Проскурина. Дело касается чести моего государя. Вопрос лишь в том, вы пойдете с доктором одна или мы будем осматривать вас вместе?! Я подержу, он посмотрит, — теряя терпение, выдыхал он, склонившись к самому лицу журналистки. Чтобы донести суть. Холодное, едва не разъяренное лицо.

— Смотрите! — выплюнула она, бледнея от злости, и резко скинула халат на пол.

Очередной импульсивный поступок. Но пока Проскурина во власти гнева, его до конца не осознать.

Доктор вышел вперед и сразу начал осмотр. Все это время Калина стояла нерушимо и с вызовом смотрела в глаза Амира. Капитан ни разу не позволил своим янтарным спуститься от уровня ее лица. Так они и сверлили друг друга глазами. Кусая ими по живому. Взгляд прервался лишь на миг, когда раздалось протяжное «о».

Крутнув голову вправо, Калина увидела Танума. Вот кто не стеснялся смотреть ниже уровня ее подбородка. Видно он прибежал следом за капитаном, а может, явился по приказу государя на разведку. Но вынырнув из-за поворота, увидел то, чего никак не ожидал и врос в пол намертво там, где и стоял. Доктор, склоняясь, ищет следы насилия на теле. Какой-то машинкой прикасаясь к коже, скользит по ней и что-то измеряет. Аппарат издает звуковой сигнал похожий на звук «пи». Совершенно без эмоций и какого-то даже легчайшего мужского интереса, Сибасиас быстро проводит свой осмотр. Снял необходимые показатели четырьмя разными приборами с термодатчиками. Один из них, самый маленький синий в форме кольца, доктор одел женщине на палец. Датчик пожелтел, затем стал красным. Оказалось это значит — процесс окончен. Аппарат измерил пульс, давление, сердцебиение и температуру. Вторым, плоским и длинным размером с ладонь, доктор провел по областям наибольшего тока крови — шея, подмышки и, как ни прискорбно, между ног. Затем изгибы колен и локтей. Чего он добился, таким образом, не сообщил. Но показателями остался более чем доволен. Третьим с тонкой иглой, бессмертный проколол один из пальцев женщины. Таким образом, взяв кровь на анализ. И наконец, четвертый аппарат выглядел как свернутый швейный сантиметр, только пластиковый. Доктор развернул его, скрепив противоположные края, затем потрянул, и устройство приобрело форму круга диаметром примерно в метр. Этим устройством, что подсвечивалось изнутри синим, он провел от самой макушки Калины и до стоп, попросив ее не шевелиться, и не делать резких движений или «слепок» — как он назвал его, не выйдет четким.

— Никаких повреждений, телесные покровы чистые, вид здоровый. Все показатели практически в норме. Немного повышен уровень гормонов. Такое бывает при излишнем волнении. Избегайте стрессов. Возможно, виной тому близость женских дней, которые начнутся... — доктор смолк на минуту, изучая данные, что выдавал прибор, — через пять с половиной дней. Это точно. Боль в голове, в результате повышенного давления. Мне необходимо произвести еще один осмотр. Интимный. Это непременно. Вам придется прилечь.

— Взглянуть не желаете? Так сказать, окно в новый мир, — холодно с издевкой спросила журналистка у капитана.

Амир не ответил, удалился в коридор, плотно закрыв двери. Возможно лишь для того чтобы Танум не умер от сердечного приступа. Так бедолага смотрел, так напрягал глаза выглядывая из-за дверного косяка, глазные яблоки от напряжения потрескались сосудами...

Когда и с гинекологическим осмотром было покончено, доктор объявил стоящим за дверью, что никаких контактов, тем более, насильственных, не было. Калина спросила напряженным голосом:

— Это все? Я могу закончить сборы? Или еще проктологический осмотр намечается? Вдруг у насильника были нестандартные вкусы? И мне нездоровится поэтому.

— Ваши желчные комментарии неуместны, — холодно осадил капитан. — Вы, кажется,

так и не поняли серьезности ситуации. Ваше участие в переговорах теперь под вопросом. Об этом побеспокоятся ваши коллеги. Для нас же это угроза срыва переговоров в целом. Ваша беспечность и глупость будут нам очень дорого стоить!

— Моя глупость?.. Она состоит в том, что я пропустила прием пищи, потому что у меня разболелась голова? Ведь я же не кричала, что меня насиловали! И не просила помощи. Вы все истолковали по-своему и приняли самое удобное для мужчины решение — обвинили во всех своих бедах женщину! Знаете почему? Потому что я слабее вас. И коллеги ополчились простив меня, лишив своей поддержки, за то что я напомнила им, что дома их ждут семьи. В тот момент, когда они жадно смотрели на кожаные игрушки, что вы потрудились под них подложить на ночь. Или вы думаете, я не поняла цель этого мероприятия?.. Именно потому, что я правильно поняла их и ваши намерения они и обозлились на меня. Я теперь угроза. Вдруг расскажу всем по приезду домой? Но я угроза и вам. Не для того ли это спектакль, чтобы убрать неуютную обеим сторонам фигуру? Мне одной нечего противопоставить всем вам. Забавно, да? Я человек, вы нет. Но даже в этой ситуации, люди предпочли сплотиться с «не людьми», по половому признаку. Не такие вы и разные. Докладывайте государю. Я более вас не задерживаю.

— Я дам вам все необходимые лекарства, — вступил в беседу доктор, желая прервать этот поток взаимной желчи.

— В этом нет нужды. У меня все необходимое с собой.

— Возможно, наши препараты покажутся вам более прогрессивными? — настаивал Сибасиас. — Они проявили себя с меньшим количеством побочных эффектов, чем те, которыми все еще пользуются люди. Я подберу для вас универсальные в использовании. Человеку они подойдут, не сомневайтесь.

— Думаю, вы догадываетесь, что нам запретили принимать ваши препараты?

— Вы должны понимать, что при большом желании мы могли бы найти способ, не раскрывая себя ввести в вашу кровь любой препарат. С водой или даже через воздух. Какой смысл открыто травить вас?

— Я понимаю. Но протокол есть протокол. Соблюдать обязана.

Неприятное утро. Зато, наконец, стало понятно, почему Танум так часто ходил в штрафниках. Ну и кашу он заварил...

Визитеры ушли, более не проронив ни одного слова. Калина обессилено упала на кровать. Спешить теперь некуда. И главное, где взять столько сил, чтобы противостоять им всем? Еще не известно, что ожидает ее там, внизу, когда она спустится. Да и позволят ли ей теперь покинуть эту комнату? Или сразу вышлют прочь, за железную стену. С позором, за первую малейшую оплошность. От которой никто не застрахован. Теперь она очень сожалела, что не пошла на завтрак сонной и растрепанной.

На посту за дверью вновь появился солдат. Уже не Рамсинг, но лицо этого не многим приятней. Совсем не располагает к общению. Примерно через час после происшествия в дверь постучали. Калина думала, пришел кто-то из делегатов. Было бы логично узнать, как себя чувствует Проскурина, если они и правда, решили, словно над ней надругались. Но оказалось, это всего лишь вернулась Агата 7983. Проскользнула в комнату и молча села на тот же стул, что и вчера. Смотрит на вазу с конфетами, почти не моргает. Пришлось сладкое убрать...

Терпеть неизвестность было мучительней, чем смотреть в лицо трудностям. Поэтому женщина собралась, как могла наиболее тщательно, чтобы не ударить в грязь лицом хотя бы

в этом вопросе, и вышла за двери, приказав Агате сидеть и ждать ее.

— Я желаю видеть вашего государя, солдат.

— У меня не было такого распоряжения.

— А какое у вас было распоряжение?

— Присматривать за вами.

— Значит, покидать покои мне никто не запрещал? Отвечайте? Прямой приказ был? —

Солдат набычившись, молчал. — Тогда пойдемте. Будете присматривать за мной в пути. Это ведь не нарушает ваш приказ?..

Солдат привел журналистку к двери на первом этаже дворца, в самой уединенной его части. Впечатляющая дверь, натуральное дерево, большая, двустворчатая, резная, расписана золотом. Невероятно красиво и величественно. Не сложно понять — тут кабинет правителя.

На входе две нерушимые фигуры охраны в пафосных мундирах, многим шикарней, чем обычный наряд Вишнара.

Дверь распахнулась и предъявила внушительное количество помещений расположенное цепочкой друг за другом. Все это принадлежало правителю бессмертных единолично. И, как и предполагала Проскурина, являлось его рабочими комнатами — для встреч, торжественных и не очень приемов гостей. Штук пять комнат для отдыха, три библиотеки и несколько разных кабинетов. То, что кабинетов именно несколько выяснилось из диалога охранников, которые стояли на каждой двери в этом муравейнике. Целый отряд, если собрать вместе.

— В каком кабинете государь?

— Переместился в левое крыло.

Калина с интересом слушала, мысленно подготавливаясь к предстоящей беседе. От своего провожатого, точнее — конвоира, она уже узнала в паре фраз, что члены делегации проложили знакомство с миром бессмертных, без нее.

Наконец, журналистку привели к нужной двери. По правде говоря, женщина немного устала скитаться. Хотя в дороге ей было что посмотреть. Мебель кругом разная, но чаще резная деревянная, потолки бесконечно высокие, такие же огромные двери, невероятные люстры и паркет. Стиль помещений меняется, как и цвет, и отделка. Правда, преобладают преимущественно светлые, медовые или слепяще-белые тона.

Калина откинула волосы на спину и поправила свое белое платье. В меру строгое, оно выглядело элегантно и очень освежало. В нем она выглядела намного моложе и потому любила этот наряд. Платье не имело ни разреза, ни выреза, ни стягивало критично, но при этом ненавязчиво подчеркивало все лучшее, что было в фигуре журналистки. Но Проскурина выбрала его не поэтому. Ей почему-то показалось, что государю вампиров нравится белый цвет.

Дверь распахнулась, и Калина увидела правителя этого мира. За огромным стеклянным столом на фоне бесконечных и таких же прозрачных как стол книжных полок, сидит Вишнар. Без мундира, в простой белой рубашке. В руке ручка, но нет перед ним бумаги, пишет прямо по стеклянной поверхности стола. Текст отпечатывается на поверхности, но примечательно, что государь перелистывает написанное, словно это книга. Электронные имитации листов бумаги по всему столу. Но вот он положил ручку, провел ладонью по поверхности и все бесследно исчезло. Теперь стол это просто стол...

Встречает журналистку только глазами. Лицо сосредоточенное. И нет привычной радужной улыбки. Черты обострились, теперь они хищно-резкие, типичный бессмертный.

Внешне все вампиры в чем-то похожи, их легко узнать и по форме слегка выпирающих скул, виной чему мощные клыки и, безусловно, характерному цвету глаз — прозрачный янтарь.

У государя в лице нет ожидаемого гнева. Он просто занят. Нажал что-то пальцем, из недр прозрачного стола вырос бокал. Взял в руку, пригубил. Смотрит на Проскуру. Щурит глаза, анализирует.

Они безмолвно изучали друг друга какое-то время, пока охрана не исчезла за дверью по приказу государя.

— Я впала в немилость? — прямо спросила журналистка, когда остались одни.

— Вы обо мне?

— Я ведь здесь. Значит, именно ваша немилость меня волнует, Вишнар.

— Тогда вы напрасно тревожитесь.

И снова тишина, и он по-прежнему сдержан, глаза непроницаемы. Смотрит и думает. И это выводит журналистку из равновесия, вынуждает волноваться и мучиться догадками. Он понимает ее состояние, по глазам видно. Ни это ли вынуждает его так себя вести? Калина анализирует мужчину, что сидит перед ней и усилием воли берет себя в руки.

— Не представляю, почему Танум подумал, что меня кто-то обидел... — начала она.

— Если бы он думал...

— Знай я что так обернется... Потерпела недомогание молча.

— Зачем терпеть если есть доктор? Дали бы знать...

— Я не предала этому значения. Думала через час-другой все пройдет, к окончанию завтрака буду в строю. Вы сердитесь?

— Как я могу?.. Этот глупый мальчик опять создал проблемы. И пострадали, прежде всего, вы. Насколько я знаю, вас пришлось подвергнуть... Я приношу свои извинения за все, в том числе грубые методы капитана. Я уже в курсе деталей и сожалею... Мой глава службы безопасности слишком усердно служит. И тоже перегибает палку. Я наказал обоих виновников.

— А вы, Вишнар, разве не пострадали? Простите, мне очень жаль, что на ваше имя легла подобная тень. Странно, что до сих пор никто из членов делегации не пришел узнать как я. Но при встрече я заверю всех, что...

— Обвинения никто не выдвигал. Тень легла, но она была произвольной. А я, как и вы не боюсь теней. Вам не за что просить прощения.

— Есть. Увы, это всецело моя вина, — склонив голову, решительно созналась Калина. — Не Танума. И судить нужно меня, а не его.

— О чем вы?

— Танум не виноват. Он лишь домыслил неверно. Я проспала, и мне пришлось солгать, чтобы выйти из неловкой ситуации. Хотя, мне и, правда, было плохо. — Калина не кривила душой. Она сказала, точнее, всецело приняла вину на себя, без лишнего раскаяния в голосе, с достоинством и стойкостью настоящего бойца. Прямо, без женских уверток. Ей уже нечего терять. А вот про Танума так не скажешь.

Вишнар долго смотрел на гостью и молчал. Не было понятно насколько он порицает ее. Но в итоге государь поднялся и подошел, взял ее руку и поцеловал ладонь. Никакой нежности, ухаживаний, подтекстов. Дань уважения. Он оценил ее честности и попытку спасти солдата чужого государства. Если она, верно, поняла его жест.

— Вы благородны, Калина.

— Нет. Лишь честна.

— Тогда, благодарю вас за правду. Постараюсь, чтобы ее последствия не вышли вам боком. Но думаю, вы понимаете, что ваши коллеги вас за это не пощадят. Может быть проще представить все как оно выглядит сейчас — провинностью юного нерадивого солдата?

— Нет. Это моя вина. Я не хочу, чтобы глупый, но милый мальчик пострадал...

— Я об этом не забуду, Калина, — перебил он.

— Я призналась не поэтому. Несправедливо обвинять во всем этого наивного юношу. Ему ведь придется не сладко?

— Да, ему уже пришлось не сладко. Теперь его лишат мундира и чина, и уволят из полка.

— Это можно отменить?

— Нет. Увы, нет. Это решение его прямого командира — преемника. Даже я не в силах изменить его решение. Он довольно строго следит за дисциплиной. А произошедшим этим утром мой сын был крайне возмущен. И все глупец Ваинаританум.

— Но ведь вы правитель? И преемник, прежде всего, ваш сын.

— Калина, он, прежде всего — военный командир. Все сложнее, чем кажется. Проблемы отцов и детей в мире бессмертных такие же, как и у вас. Только длятся более продолжительное время. Бесконечно...

— Мне очень жаль.

— Мне даже больше чем вам... А теперь ступайте к себе, у меня много дел, — и государь, на миг склонившись к руке гостыи, вернулся за свой стол.

В сопровождении нового охранника, женщина шла пустынным первым этажом прочь. Глубоко погруженная в думы о своем непростом положении она и не сразу заметила, что рядом кто-то остановился и кланяется.

Бессмертный так и стоял, склонившись и выжидающе глядя на журналистку. Он прижимал свою правую руку к области сердца в знак почтения до тех пор, пока женщина не осознала, что поклон адресован ей, и кто именно перед ней склонился.

— Арамс?

— Аримас, — мягко исправил он и тепло улыбнулся, осветив выражением своих глаз.

— Прошу извинить, Аримас, не хотела обидеть. Была рада вас видеть, — без особого раскаяния механически ответила Проскурина. Но бессмертный не торопился уходить, кажется, он рассчитывал на полноценный разговор.

— Почему вы не на экскурсии с остальными членами делегации? Их повезли в город, я видел. Не обнаружил вас и стал переживать. Наводил справки, мне сказали — вам нездоровится.

— Меня никто не насиловал! — тут же строго объявила Калина, предполагая какие слухи уже успели обойти дворец.

— Про-шу про-щение?! Не совсем вас... понял, — слегка запнувшись, растеряно ответил вампир.

— Это вы меня простите. Я не то сказала. День не задался, — растерялась гостыя.

— По-видимому, — вежливо согласился военный, но уходить по-прежнему не собирался. Пытливо смотрел.

— Меня отстранили, Аримас. Думала вы уже в курсе страшного недоразумения, поэтому сказала, опережая.

Мужчина смотрел во все глаза. Калина видела, тысячи вопросов мелькают в янтарных. Но бессмертный их не озвучил. Возможно из такта. Точнее один все-таки задал:

— С вами, правда, все хорошо?

— Нет причин переживать. Недоразумение.

— Но вас отстраняют? Это, правда? И чем это вам грозит? — волновался он.

— Вероятно, отстранят. Так что в гости к вам я все-таки не попаду. Передайте мои сожаления вашему родителю, — снова из вежливости сказала она. И глубоко задумалась. Странно, но чем дальше, тем больше она непроизвольно демонстрирует своим отношением, что забывает кто они — вампиры. Впрочем, это происходит только пока бессмертные не улыбаются. Но только лишь это происходит, она тут же вспоминает, когда видит мощные выпирающие клыки. Во дворе ее дома часто выгуливают огромного питбультерьера. Так вот у него зубки многим... приятней на вид.

— Калина?..

— Да, Аримас?

— Солдат, вы не могли бы оставить нас на минуту? — мужчина требовательно обратился к сородичу. — Вашей подопечной ничего не угрожает, даю слово чести Варимонгов!

— У меня приказ, капитан.

— Понимаю... — раздосадовано протянул бессмертный. Примечательно, что пока юный наследник княжеского титула говорил с охранником Проскуриной, тон его голоса и выражение лица резко переменились, ушла теплота и мягкость. Появились характер, требовательность и даже властность. Значит он не всегда такой милый и далеко не со всеми...

— Что вы хотели, Аримас? — Калина только заметила, что бессмертный в военном мундире. Цвет нашивок серебрянный, значит — офицер. Количество полос на груди — четыре.

— Вы капитан?..

— Да, уже капитан. Недавно назначен, вчера получил новый мундир, — обаятельно улыбнулся мужчина.

— Это хорошо? Я плохо разбираюсь...

— Да, в мои годы не плохо. Отец стал капитаном, когда был почти вдвое старше. По нашим меркам у меня стремительная карьера.

— А сколько вам?

— Тридцать два, — далеко не с ходу сознался он.

— Так мы одноклассники?! — улыбнулась Проскурина. Почему-то думала, если вампир, значит ему сотни три, не меньше, а то и больше.

— Вам уже тридцать два?! — изумился мужчина, не скрыв в тоне и лице легкого разочарования. Но тут же спохватился. — Простите, это было грубо...

— Ну что вы, какая грубость?! Лишь на миг прозвучало как — жуть, какая старуха. В остальном чувствую себя безумно польщенной вашими голосом и выражением лица... Да, мне уже тридцать два, Аримас, — кивнула женщина и, не подумав смутиться. Напротив, слегка высокомерно посмотрела в глаза собеседника. И вновь неверно озвучила его имя. На этот раз — умышлено.

— Аримас, — вновь мягко, с улыбкой исправил он, хотя понял причину ее оговорки. Щелкнула по носу. И цель достигла. Бессмертный чувствовал себя крайне неловко из-за своей глупой оплошности.

— Да, вы уже говорили, что вы Аримас. Но я не уверена, что запомню и на этот раз, —

ответила Калина с невозмутимым лицом.

— Простите меня, пожалуйста. Я повел себя как дурак! Не знаю что со мной... Это совершенно не мой стиль. Я иначе воспитан. Думал... Дело в том, что вы ни на миг не выглядите... Совершенно. Совсем... Калина!..

— Я поняла, что не выгляжу такой старухой какой являюсь. Вы это пытаетесь мне сообщить? — кашлянув, улыбнулась журналистка, уже веселясь происходящему. — Вы тоже кажетесь многим моложе. Лет на двадцать пять, больше не дам.

— Проклятая молодость бессмертных! — посетовал Аримас. — Еще лет тридцать буду выглядеть так несолидно. Если повезет. А если нет, все сто. Вы простите меня? Умоляю, это было так грубо и глупо. Я не хотел вас обидеть. Просто удивился, все дело лишь в этом!

— Мне, в общем-то, все равно какое впечатление произвел мой возраст. Меня он не смущает... И не торопитесь стареть, капитан, успеется. Говорю вам это со знанием дела. Вы не понимаете своего богатства, молодость проходит и тает бесследно. У меня впереди скорое увядание и смерть. А у вас еще сотни лет молодой цветущей жизни. Радуйтесь.

Проскурина говорила с легкой невозмутимой улыбкой, и звучала слегка покровительственно, словно говорила не ровеснику, а незрелому юнцу. Хотя капитан таким не выглядел и вероятно, не являлся. Но результат речи ее изумил. Отчего-то молодой бессмертный откровенно огорчился. Лицо Аримаса посерело и глаза стали непривычно серьезными. Словно его и правда огорчила суть того, что она сказала.

— Калина... Ваш возраст не имеет никакого значения. Вы очень медленно стареете, значит, имеете очень хорошую генетику, — весело уверил он и рассмешил этим журналистку в очередной раз. — Вы еще долго будете выглядеть моложе. В этот нет сомнений! А возраст и правда, такая мелочь! Меня он вообще не пугает!

— Еще бы он вас пугал, вы же бессмертный! — рассмеялась женщина. — Но благодарю, вас. Это самый изысканный комплимент, который я услышала за последние дни. Про генетику... — с серьезным лицом подтрунивала она.

— Почему-то в вашем обществе я чувствую себя юным неопытным дураком, — тепло улыбнулся капитан и, не подумав смутиться. — Говорю глупости. Но вся странность в том, что это меня несколько не смущает. Когда вы рядом. Если вы рядом...

— Вот и хорошо, — улыбнулась журналистка и двинулась уходить.

— Да, капитан? — терпеливо спросила она.

— Не исключено, что переговоры все-таки пройдут удачно, Калина, — шагнув к ней, он настойчиво заглянул в глаза, словно хотел что-то узнать.

— Не исключено, капитан.

— Мне бы очень этого хотелось. Тогда я смогу приехать в гости к вам...

Калина этого не ожидала. Даже опешила слегка. Кажется, ее изумление не ускользнуло и от Аримаса. Он тут же исправился, раздосадованный своей очередной оплошностью и бестактностью.

— Я имел в виду к вам, к людям. Мне бы очень хотелось увидеть ваш мир. Я очень много слышал и читал про вас в книгах. Смотрел передачи... Возможно даже, если вы будете столь добры, вы могли бы показать мне какие-то достопримечательности столицы?

— Безусловно, Аримас. Буду рада, — всецело из-за вежливости согласилась она. — Но думаю о подобном визите говорить пока рано. Вы же понимаете, что люди... они...

— Относятся с предубеждением, — подсказал он не без огорчения. — Я понимаю. И

очень сожалею. Но я, правда, понимаю. У вас есть основания бояться нас. Но я надеюсь, вскоре вы измените мнение и тоже не без оснований.

— Калина? — в очередной раз позвал он, привлекая внимание собеседницы, так как журналистка вновь отвлеклась, и глаза ее уплыли в сторону от капитана. Впрочем, как и мысли.

Аримас внезапно поймал женскую руку и поспешно поцеловал. Тут же отступив, вероятно ожидая что-то типа пощечины за наглость. Но ее не последовало. Не так и хорошо он знал мир людей. Там давно не целовали женщинам рук. Даже тем, которые очень пришились по душе...

— Мы еще увидимся, — уверенно сказал он и в очередной раз поклонился. Снова очень глубоко, просто сложился пополам.

Калина удалялась бесконечно озадаченная подобным отношением. Пару раз она оглядывалась и видела: все еще стоит нерушимо и смотрит. Провожает глазами. Всякий раз отвечает на ее взгляд почтительным кивком и улыбается. Очень приятной улыбкой.

Как для вампира... Совершенно сбил с толку. И тут Калина резко развернувшись, стремительно пошла назад. Улыбка, которой засветилось лицо молодого мужчины не вписывалась ни в какие рамки типичного поведения бессмертных. Она вообще не вписывалась ни в какие рамки. Счастье — иначе не назвать.

Конвоир бодро пошел следом, несколько раздосадованный ее пикировке, но журналистка его остановила:

— Жди здесь. Или разжалуют как Танума!.. Всего пара слов.

— Почему? — строго спросила она, приблизившись к Аримасу.

— Что, почему, Калина? — не понял он.

— Почему вы так радуетесь меня видеть, капитан?

Своим вопросом она поставила его просто в тупик. Это не Танум, который смущается и розовеет, этот мужчина держался с достоинством, хоть и вел себя до края странно. Но сейчас он бесконечно растерялся.

— Я вам совсем не знакома. Почему? — строго настаивала Проскурина.

— Бывает так, что не знаешь, но все равно хочешь видеть, — уверенно держа ее взгляд, ответил капитан.

— Я знаю. Но все равно не понимаю, почему?

— Ваши глаза, Калина...

— Что с ними?

— Такие я раньше не видел. В них так много... эмоций.

Вот и все что он сказал. И все еще стоял, провожая глазами пока гостя не скрылась, глубоко задумавшись об услышанном. «В них так много эмоций». Что он хотел этим сказать?..

Глава 8. Неожиданный раскол

— Меня отстранили? — Калина прямо спросила Аршинова.

Встреча с министром состоялась перед самым обедом, когда делегаты вернулись после экскурсии достопримечательностями столицы бессмертных, на которую отбыли сразу после завтрака.

Министр пришел к журналистке сам. Проскурина очень ждала этот визит и надеялась, что это будет именно Аршинов. Хотя и предполагала, что навестить ее пожелают все. Но этого не произошло.

— Отстранили?.. Ну что вы?! Зачем же?.. Точнее, речь об этом и правда заходила. Удивлен, что вы знаете, ведь это обсуждалось в очень узком кругу, без свидетелей. Но решение не было принято, — подчеркнул он.

— Васнецовым?

— Да, но пока большая часть проголосовала против. Я в их числе.

— Почему же экскурсия прошла без меня?

— Нам представили ваше положение как очень серьезное. Точнее, сказали, вы плохо чувствуете себя из-за высокого давления и не в силах продолжить путь со всеми. Мы вынуждены были...

— Глупости! Него не понимаю... — удивилась она.

— Никто не ожидал, что вампиры окажутся, так щепетильны. Но если бы вы видели, что началось, когда этот юный солдат, что был к вам приставлен, появился за завтраком. Переполошились все. Правитель бессмертных в таком тоне говорил со своим начальником безопасности, когда прозвучала идея, словно вас кто-то обидел, что мне хотелось выйти прочь лишь бы не слышать этот разговор! Не смотря на то, что это нам на руку. Видеть их в реальных эмоциях.

— Мне сказали, будто вы все подумали, словно надо мной учинили сексуальное насилие и насильником увидели правителя бессмертных.

— Какой бред! Нет, мы, правда, беспокоились! И я очень рад найти вас в добром здравии!.. Но вначале вообще-то все подумали, что вы не явились на завтрак, оттого что возомнили, что находитесь на особом положении и протокол вас не касается. Можно не соблюдать. Васнецов искрил как дракон, но только шепотом мне на ухо. Нам скандалы не нужны. Хотя это выглядело хамством. То, что вы вынуждали всех ждать. Но когда появился этот юный субъект и стал рассказывать о том, что над вами совершили насилие. Естественно мы забеспокоились. Собирались все идти к вам, проверять. Майора Калинина едва удержали! Силой!.. Вы же знаете, какой он беспокойный и подвижный. Сразу в бой!.. Урезонили, лишь пообещав, что вас осмотрит личный доктор государя. И не пришли мы не потому, что нам было все равно, а из тактических соображений. Я не поверил в правдивость истории Танума и подумал, что вас оскорбит, если мы все явимся и примем участие в... досмотре. По сути, это ведь унижительно! И потом...

— Вы подумали, что доктор может выяснить, что интимные отношения имели место? Но не в ракурсе насильственных, а вполне одобренных? Не хотели ставить меня в неловкое положение? Потому что если бы это узнали все...

— Вот именно. Но делововсе не в такте. Это политика! Нельзя допустить подобный скандал! Вы член делегации ведущей переговоры о мире — человек, а он правитель

бессмертных, вампир. Это такой скандал, что вы даже вообразить себе не можете! Я-то давно в политике, уже не раз видел, что могут раздуть из крошки. А «это» вам не крошки!.. Нет, я не ханжа, не ждите чтения морали. Чем вы там заняты, когда вас никто не видит, целиком ваше дело. Но когда видят, уж будьте любезны! Одно дело не соблюдение самих приличий, и совсем другое — не соблюдение и видимости их. Первое огорчительно, второе взрывоопасно! В деле, которым мы с вами заняты. Тут все игра и все актеры. Даже если вас застукают в постели с Вишнаром и все делегаты станут смотреть на вас, с честным видом упрямо стойте на том, что вы просто чай пили.

— В постели? — не удержавшись, рассмеялась женщина.

— Да!.. Замерзли, потому легли и укрылись. И вообще, это старая традиция бессмертных. Пить чай, лежа и под одеялом!

— И голыми.

— Только так! Иначе не пьют! — С предельной серьезностью в лице министр обучал женщину тонкостям политической жизни. — А если бы вас там нашли не с ним одним — коллективное чаепитие. Точка! Все. Это политика. Врать с честным лицом. Стоять на своем. Наше оружие — слова. Они подчас сильнее пушек бьют. И правду, и неправду можно так выкрутить, что все уйдут из вашей спальни в твердой уверенности, что вы все-таки пили чай. Им даже будет казаться, что они видели в бороде Вишнара крошки от кекса.

— У вампира, который пьет лишь кровь и вино?

— Вот-вот. Теперь вы понимаете, что такое сила внушения? Они увидят эти крошки и поверят вам. Главное умело применить слова...

— Мне кажется с человечеством что-то не в порядке, если соблюдение видимости приличий для нас важнее самих приличий.

— Ах, Калина Владимировна, с человечеством давно не все в порядке. Это «давно» длится практически всегда...

— А без свидетелей, вампиры умолчали бы о том, о чем нельзя всем знать, что связь была, — подвела она черту.

— Да, без нашего участия в осмотре, возможность была бы. А интуиция мне подсказала, что не было ничего дурного. Произошло глупое недоразумение. Потому что это было очевидно по лицу и поведению...

— Вишнара, — перебила она.

— Верно.

— Вы были правы. Но в одном ошиблись. Между нами ничего не было. И проверку я успешно прошла.

— Я не мог быть уверен. А дело могло обернуться серьезно. Если бы выяснилось, что...

— Я понимаю. У меня были бы проблемы.

— Даже большие чем вы думаете. А мне нельзя этого допустить. Вы мне нужны... Поэтому я приложил все усилия чтобы никто из людей сюда не пришел с проверкой. И мы все терпеливо ждали известий. Когда же доктор вернулся с капитаном Амиром и уверил, что произошла ошибка, что у вас просто повышенное давление, в результате чего вы просто физически не способны на продолжение экскурсии, а мальчик все перепутал, мы все успокоились и двинулись в путь.

123... 7...

— А вдруг доктор соврал?

— Он принес доказательства. Все эти машинки. Датчики с образцами. Нам показали

удивительные вещи, очередные чудеса техники бессмертных. Мы видели так называемый слепок госпожи Проскуриной. Голографическую объемную картинку, практически живую копию, на которой были видны мельчайшие детали. Но главное — что никаких повреждений нет. Я первый раз видел подобное. Полностью воссоздали изображение ваших кожных покровов, а потом и внутренних органов. Все, даже шрамы и родинки. Чудо! Чудо!.. Объемный манекен в ваш полный рост. И на экране все показатели вашего здоровья. Мы, простите, все ваши трещинки, так сказать — морщинки рассмотрели. Могли увидеть даже детально состояние внутренних органов. Только от подробностей интимного характера отказались. Майор Калинин сидел красный как помидор, но смотрел так, что глаза трещали! Думаю, вы в курсе, что нравитесь ему... Главное, что мы узнали, насилия не было — и все. После для достоверности подобной процедуре подвергли еще двух делегатов, и все совпало до мелочей! Теперь мы даже знаем, что у министра Темерева геморрой. И ему страшно неловко... О чем это я? Ах, да! Подлога и обмана не было и не могло быть. Техника не врет. Сомнений не осталось. Лично я очень впечатлен этой демонстрацией уровня развития их медицинской техники.

— Почему никто ко мне не пришел проверить после того как установили правду?

— Калина, вампиры оказались просто кровососами в вопросах настойчивости, — сказал министр и рассмеялся своему каламбуру. — Вишнар запретил кому-либо беспокоить гостью, когда узнал про ваше самочувствие. Попробуй ему что-то возразить! И потом, я опять удержал тех, кто рвался. Рассудив, теперь точно ни к чему. После я сам. Правда всплывет.

— С моим трупом где-то в реке.

— Ну, зачем вы так?..

— Мы с вами вроде члены одной делегации, — обижено возразила она. — И мы не в деревне у доброй бабушки. Мы тут у бессмертных. Это был акт якобы заботы обо мне? После того как капитан Амир практически силой принудил меня к осмотру? Позаботился так сказать, от переизбытка теплоты и сердечности. Отвратный цирк!

— Калина, знаете, что удивило меня больше всего?.. Это не цирк. Это была искренняя забота.

— Экранизация, — хмурилась журналистка, скрестив руки на груди.

— Я старый прожженный политикан. Пережил трех президентов на своем посту и миллион передрыг связанных со сменой их власти. Я кое-что понимаю и уже могу отличить, кто демонстрирует, а кто искренне заботится. У вас на глазах пелена предубеждения.

— При всем моем уважении к вам, Александр Александрович, не рано ли вы смягчились к ним?

— И не подумаю об этом. Кто они я прекрасно понимаю. И куда они нас подталкивают.

— И куда?

— К миру. Он им нужен. Зачем?.. Это наша цель. Понять! Но ситуация сегодняшнего утра, вся эта шумиха, жесткое отношение к своим, когда на карту поставлена честь и безопасность гостя. Точнее, гости... Мне что-то подсказало, случись что-то со мной, меньше бы было возни.

— Намеряете на особенное расположение Вишнара?

— Нет. Он мужчина и большой любитель женщин, это очевидно. Я не питаю иллюзий, советую не питать их и вам. Вижу наметанным глазом старика, что к чему. Дело не в личном мужском интересе правителя. Тут скрыто что-то еще. Как бы это сказать... очень щепетильное отношение к вопросу женщин, что ли. Не могу понять подоплеку, но вижу

проблему именно так. У меня после утреннего происшествия даже создалось впечатление, что вы... — Аршинов смолк, а после не без удивления добавил: — самый важный для них член делегации. Они не просто так пустили сюда женщину и то, что вы журналист не стечение обстоятельств. Вишнар лично отбирал всех делегатов из предложенного списка. В этом я уверен. Вы были не единственным журналистом желавшим прибыть сюда, не лучшей из всех, но единственной женщиной. Мы имеем некоторые догадки, почему выбрали каждого из нас. Но как попали сюда вы?.. Точнее, почему?.. Это для нас тайна. Но вы, несомненно, очень важны для него. Для всех них. И глупенький птенчик, которого вы кличете Танум, это выдал. Он переполошился неспроста, это не оплошность, не глупость. Он выявил слабое место бессмертных. Ему приказано было вас сторожить особенно! Помните происшествие на лестнице?.. Лишнее тому подтверждение. Но переполох и забота продиктованы не той причиной, что очевидна для нас. Этим, своим интересом к вам как к даме, Вишнар просто прикрыл нам глаза. Мудреный он... А юноша неумышленно выдал. Вот откуда шумиха. Вот почему он так паниковал, когда вы дали понять, что вам плохо. Теперь нужно думать.

— Вы относитесь ко мне не так как все другие. Почему?

— Я не делю людей на классы и ранги, как делают некоторые из членов делегации. Вы верно заметили, мы в тылу у недруга. И мы действуем в общих интересах. Васнецов вояка, у него не самый острый ум, он бы не попал сюда, будь он умнее. Потому он и выказал слабость недругу, стал собачиться. И вы, между прочим, правы. Этих прототипов, использовали не по назначению. И Вишнар уже в курсе. Это было глупо со стороны наших, их оплошность выйдет боком всем. Теперь, желая скрыть правду, многие делегаты станут плясать под дудку вампиров. Уже пляшут, не заметили перемену? Впрочем, вас же не было днем на экскурсии... Эта утренняя демонстрация техники была ничем иным — сигналом, что все необходимые данные, о том кто и как именно воспользовался своим прототипом, у них уже имеются. Как и образцы сами понимаете чего... Все именно об этом и думали когда смотрели на ваш слепок. Я все по лицам понял. Посерели практически все, за исключением Васнецова. Зато стало ясно, вот кто точно не прелюбодействовал прошедшей ночью. Скверно, Калина, — тяжело вздохнул министр. — Одни дураки вокруг. Возможно вы единственный здравомыслящий человек. Я не могу себе позволить потерять вас. Вы мне нужны. Ваш острый ум и зоркий глаз. И потом, вы нужны им, значит, ваша ценность возросла и в наших глазах. Я обязан разобраться и побережь вас... Но я прошу, не раскрывайте мои карты ни иным членам делегации, ни тем более недругу. Мы не знаем, где и, главное кто, наш враг.

— Пусть вас не вводит в заблуждение мое радушное отношение к бессмертным.

— Ну что вы?! Это первое правило дипломатии. Любезность, обходительность. Особенно с теми, кто сильнее. И будьте сдержаннее с нашими вояками. Не стоит давать им знать, что вы про них думаете. Будьте хитрее.

— А почему вампиры выбрали вас? Вы ведь далеко не дурак, как Васнецов.

— Снова вы совершаете откровенную ошибку. Никогда никого не ругайте. Ни в глаза, ни за глаза. Даже если знаете, что говорите с другом. На самом деле вы можете ошибаться. Это мой совет человека, который усвоил этот урок на своем горьком опыте. Примите его и пользуйтесь всегда. Идет большая игра... А что до вашего вопроса... Тут все просто. Я веду политику терпимости. Во мне нет предубеждения к бессмертным. Вот и ответ. Они понимают, что я им нужен. Со мной хотят дружить. И еще... Думаю вы должны это знать.

Нас могут слышать и даже видеть. Не забывайте об этом. Не факт, но могут...

Следующий обед во дворце стал для журналистки не самым приятным в ее жизни. Не смотря на то, что практически все выразили радость снова видеть ее бодрой и здоровой. Проявили беспокойство, отсутствие которого так беспокоило Проскурину, и какое-то время активно интересовались ее самочувствием. Беседа велась оживленная, обсуждали поездку городом, вопросы мира. Но атмосфера за столом все равно была какой-то натянутой. Причиной тому были отчасти бессмертные, которые отражали настроение Вишнара. А правитель был немногословен и словно вовсе отсутствовал. Просто наблюдал за происходящим. Но большей частью дело было все-таки в генерале Васнецове. Он все время бросал откровенные неодобрительные взгляды в сторону женщины, вероятно записав ее в свои личные враги, и точно обвинив в утренней неразберихе. К тому же наметился явный раскол среди членов делегации. Потому что Васнецов в своей антипатии к журналистке был не одинок. Но Проскуриной упорно казалось, что дело было не столько в ней, сколько в вопросе власти и влияния. Утром, вероятно, Аршинов продемонстрировал генералу кто тут на самом деле главный и амбициозному «вояке» это не понравилось. Последний стал бросать некоторые комментарии, просто во всем без исключения не соглашаясь с Аршиновым. Выглядело это хамовато, и не заметить подобное поведение было нельзя. Тем более в этой компании. Проскуриной стало очевидно, что этим люди только играют на руку хозяевам положения. Но как уже заметил Аршинов, Васнецов не блистал большим умом. Все же прочие словно метались между двух огней. Желая угодить и одним своим, и другим, и про хозяев дворца не забыть. И естественно в этих метаниях чуть не порвались. Потому что неопределенность безумно выматывает.

К сожалению, если ситуация будет обостряться так стремительно, Аршинову придется пойти на примирение с генералом, а для этого ему необходимо будет чем-то поступиться. И этим чем-то будет Калина Проскурина. Вот о чем она подумала. И как ни странно, на эту мысль ее навел Вишнар. То как он внимательно наблюдал за происходящим, и какие взгляды бросал на гостью, нисколько не скрывая их значения. Словно внушал эту мысль. Смотри и думай.

Женщина проследила движение янтарных глаз государя, и мысль сама собой сложилась в мозгу. Ей даже стало не по себе. А не прочитала ли она ее? Потому что как можно настолько легко понять чужие мысли? Точнее, осознать, что он хочет тебе сообщить. Или ей только мерещится, что он хочет донести это до ее разума?..

Но сразу после обеда Вишнар развеял все сомнения гостьи. Когда попрощавшись со всеми, поинтересовался ее самочувствием еще раз, во всеуслышание:

— Не нуждаетесь ли вы в услугах моего доктора?

— Нет, благодарю.

— И все же, мне будет спокойней. Знать, что вы еще раз побеседовали с Сибасиасом. Уверен, вам сразу станет лучше.

Кожей ощутив, что это не любезность, так нужно, она согласилась. И не ошиблась. Все разошлись по своим комнатам, до начала первого этапа переговоров было выделено несколько часов отдыха. В это время к Проскуриной и пришел ожидаемый визитер. Доктор еще раз осмотрел гостью, уточнил, какие она принимает препараты, вновь предложил свои, от чего она повторно вежливо отказалась. И только напоследок, замаявшись, Сибасиас добавил:

— Государь просил вам передать, что по его глубокому разумению, женская мудрость

не имеет границ. Особенно в уступках по отношению к представителям сильного пола.

— Что это означает?

— Государь уверил меня, что вы поймете. Надеюсь, он не ошибся. Потому что иных разъяснений он мне не дал.

С этими словами Сибасиас ушел, а Проскурина осталась. Думать, точнее, пытаться понять, так ли она поняла значение переданных слов. Вишнар просил ее быть мудрее? Это, по его мнению, должно повлиять на ситуацию?..

Но в чем именно должна проявиться ее мудрость? И главное, какой ему от этого прок? Почему государь бессмертных просит ее об этом, по сути, какая ему разница? Или она есть, и не такая маленькая?.. Если Калина, верно поняла значение взглядов государя, он пытался дать ей понять, что Васнецов может сделать так, что уже вскоре ее выставят из состава делегации. Прямо посреди переговоров. С позором. А ему хочется, чтобы она осталась... Или нужно? Это огромная разница. Хочется — это желание, нужно — необходимость. Это значит — для дела. Возможно, сама не зная того она играет на руку бессмертным. Тогда даже лучше если она покинет состав делегации. Ведь не ясно в чем состоит план Вишнара. Или дело в чем-то еще? Может быть, он понимает, что журналистка важна Аршинову, а Аршинов нужен ему и тогда будет мир?.. А Васнецов настроен более критично. И с ним, как говорится, «каши не сварить». В делегацию он попал, потому что не блещет умом. Да, мир ему не интересен и это минус. Но возможно, вампиры отобрали его только потому, что другие претенденты был еще жестче настроены. Этого она не знает. Может лишь догадываться. А это в корне не верно — гадать. Нужно опираться лишь на факты. А они таковы — Вишнар желает, что бы она осталась. Или ведет другую, более хитрую игру. И все это как не крути ей не на руку.

Калина поняла, что мозг ее уже вскипает. И решила откинуть все доводы кроме одного. Что интересно и нужно ей самой?.. Узнать бессмертных лучше, понять, что они затевают. А для этого нужно остаться и проявить требующуюся от нее мудрость. А в чем она должна выразиться? В примирение с Васнецовым? Кажется, это логичней всего предположить. Еще ее отец всегда говорил, что в силах женщины добиться всего от мужчины, если вовремя склонить перед ним голову. Подарить ему ощущение силы и власти, даже если это далеко не так. В этом женщины большие мастера. Водить сильных за нос, демонстрируя свою слабость... Значит именно так и стоит поступить!

Дверь открылась, и брови генерала сошлись на переносице. Не ждал он подобного визита.

— Госпожа Проскурина? Чем могу помочь? — довольно холодно поинтересовался Васнецов.

— Генерал, нет ли у вас аспирина? — Женщина улыбнулась и, пожившись, добавила. — Холодно тут, я зайду?..

Калина шагнула в комнату и закрыла дверь перед носом солдата стоящего на посту, не дожидаясь ответа.

— А что с вашим? Тем, что выдали перед поездкой в наборе экстренной помощи?

— Я сказала это для вашего «телохранителя». Мне нужен был повод для встречи.

— Неужели? Пришли проверять, не изменяю ли я своей супруге с этим изделием массового производства бессмертных?

— Насколько я вижу, ее тут нет. И знаю, что вам едва ли не одному не в чем себя упрекнуть.

— Верно. Ночью ее тут не было. Отослал к себе сразу как провел беседу.

— Генерал, я адресовала свой комментарий не вам. И очень жалею теперь о своем поведении... Мне нужно с вами переговорить.

— Слушаю вас, — состроив скептическую мину, сказал мужчина и замер в недоступной оборонительной позе.

— Когда я шла сюда не была уверена, что вы захотите меня выслушать, ввиду сложившихся между нами отношений. Но это слишком серьезно. Тут уже не до личных мотивов. Мне нужен человек с ясным взглядом на вещи, незатуманенный предубеждениями и достаточно умный чтобы во всем разобраться.

— Почему я, а не Аршинов?

— Политики всегда и во всем политики. Он дипломат. Его дело избегать острых углов и оставаться в любой ситуации угодным всем. Как еще он мог бы пересидеть в своем кресле троекратную смену власти?.. Вы быть может, и не любите меня, да и я не ярая ваша поклонница, у нас были и будут разногласия, но одного у вас не отнять, вы поступаете так, как велит вам долг. И если что, не побоитесь ничего и никого, примите волевое решение, а не будете метаться влево-вправо, что бы вам ни прищемили телеса. Как некоторые. И вы знаете о ком я говорю... У вас хватит полномочий и власти. В конце концов, вы главный в этой делегации. Думаю, я обязана забыть о своих личных мотивах.

— Довольно лести! Переходите к делу, — строго потребовал Васнецов, но Калина кожей ощутила, что все ее слова достигли цели. Генерал поверил ей, потому что именно так думал о себе сам. Это она верно рассчитала.

— У меня есть основания предполагать, что бессмертные ведут нечестную игру. Они желают рассорить членов делегации. И для этого используют меня как пешку в своей игре. Я точно знаю, что у них имеется досье на каждого из нас, но не те, что были предоставлены нами. Свои. А как они их получили, судите сами. Я полагаю, что у них есть свой человек среди нас. И это не вы и не Аршинов. Потому что они срамливают именно вас. Если бы вампиры были заинтересованы в ком-то из вас, то дело бы коснулось других. Вы самые сильные фигуры в этой игре. Как не крутите, вы военный генерал, он — главный из министерских, и тоже имеет некоторый вес. Пусть и поменьше вашего. И если подумать, то вы нужны Аршинову, да и вам он очень пригодится. Вместе вы мощная команда. Вампиры это понимают и хотят ослабить. Что бы остался только один.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Угодный им Аршинов.

— Я тоже так подумала, но потом пришла еще одна мысль. А что, если это только на первый взгляд? После они найдут способ изжить и его из команды. И если хотите знать, не думаю, что Аршинов устоит, если вы наступите на него хорошенько. Так что вампирам все равно кто выпадет из игры первый. В результате все равно, останутся одни мухи. Когда разберутся с вами двумя. С оставшимися пешками они станут делать что пожелают. Вы же видите их методы? Нас хотя разделить.

— Вы пришли по просьбе Аршинова?

— Нет, он не знает об этом визите. Не удивлюсь, если он не предполагает что происходит. К вам я пришла к первому. Потому что решение зависит от вас. Он политик, он прогнется туда, куда наклоните вы — военный генерал. Решение за вами. Так о чем и зачем его спрашивать? Хочет ли он мир с вами? Естественно. Без вас он не выстоит. Всем же и так очевидно, кто тут главный!.. Если вы сочтете что все мои слова лишь бред, что я все это

надумала, я не пойду к Аршинову. Вдвоем с ним мы не вытянем эту игру. И его сразу затопчут, если вы уйдете. А я вообще всего лишь пешка. Но кожей чувствую, что мной вертят. Сегодня утром, этот солдат все придумал. Я долго думала, зачем это ему? И поняла. Очерни они меня, им поверят. Я имела глупость поссориться с вами у них на глазах. Теперь меня можно кинуть в самый центр водоворота, и я не выплыву. А какой смысл вам меня спасти? Я гребу против. Да и Аршинов без вашей поддержки все равно не в силах на кого-то повлиять. И тут я поняла, что в этом и был замысел недруга. Смотрите сами. Я — не первой красы женщина и вдруг сам правитель бессмертных обращает на меня пристальное внимание, точнее демонстрирует его всем. Зачем?.. Я думала и не могла понять. А тут как вспышка. Я была так устранена. Теперь благодаря его вниманию никто не воспринимает меня серьезно, я в этой ситуации выгляжу нимфеткой. Постыдная женщина. И вот одного делегата уже нет. Одного настроенного против вампиров, заметьте! Но бить они решили нас все-таки не пошгучно. Хитрость была в другом. Возгорается конфликт, я сама сыграла им на руку, своей глупостью, признаю. Когда бросила вчерашний комментарий. И они тут же воспользовались моей оплошностью. Возможно, мне что-то подмешали в воду, ту, что была у меня в комнате, и мне стало дурно. Я просила передать, что не могу прийти на завтрак. Вместо этого солдат несет какой-то бред про то, что меня подвергли насилию. «Или не насилию?», — подумали все. И вот я уже окончательно уничтожена как делегат! Но все-таки не это главное...

— И зачем это вампирам?

— Как зачем? Конфликт, который назревал какое-то время, тут же разгорелся. Произошел разлом в кругу своих. В нашем кругу! Каждый принял какую-то сторону. А им именно это и нужно. Потому что тут же выяснилось что слова солдата глупый вымысел, тень с репутации правителя была снята быстрее, чем легла на нее. Но члены делегации уже неотвратимо перессорились! А меня при этом унизили.

— Чем и как? — спросил Васнецов, заинтересовываясь все больше.

— Генерал, капитан охраны ворвался в комнату, и приказали мне раздеться! После на его глазах доктор и проводил осмотр. Это ли не унижение? И чем я это заслужила? Тем, что у меня заболела голова? А может быть, это умышленно подстроили? Чтобы она заболела, чтобы солдат сказал то, что сказал и ко мне пришли с проверкой. Главное случилось — раскол в наших рядах только усилился. Именно после этого происшествия. Это был хитрый план, убрать всех разом. В том числе меня. Я ведь журналист. Но все знают, как я отношусь к вампирам. Что я напишу, когда вернусь отсюда. Ведь перетянуть меня на свою сторону им не удалось. Я им тут не нужна. Согласны?

— А так не скажешь, что плохо относитесь. Улыбаетесь...

— Это моя работа, генерал, быть со всеми на короткой ноге. Чем нога короче, тем информации больше. А теперь скажите мне, что вы думаете про это? Если вы думаете, что это мои выдумки, я больше никому этого не скажу. Более того, я уеду. Без вашей поддержки, меня тут сотрут, в порошок. Я боюсь их. Еще одно подобное утро и я пешком отсюда пойду. Если хотите знать, думаю, что-то происходит прямо у нас под носом.

— У вас бурная фантазия в силу профессии, Калина Владимировна, — ответил мужчина. Но она тут же подметила, что вновь стала Калиной, а не госпожой Проскуриной. Да и лицо изменилось. Уже не ледяная глыба. Задумался, кажется, клюнул. Не воспринял весь этот бред, но цель была и не в этом. Главное было тонко польстить его самомнению.

— Думаю, вы девонька, переутомились. Вот и мерещится всякое. Давление вот тоже

шалит, а это верный показатель. Но в чем-то вы правы. Этот осмотр, это пардоньте, хамство чистой воды! Расчет что некому вас защитить. Как вы верно заметили, впали в немилость у меня. А кто еще так силен, кто прямо скажет вампирам, что он про них думает? Потребуется извинений! Не побоится шумихи, скандала? Мы же ту слабы... А я не побоюсь! Этот капитан воспользовался своим положением, чтобы полюбоваться красивой женщиной, а быть может, чтобы унижить в вашем лице всех нас. Вы же женщина, с вами проще. Да, вы правы. Я переговорю об этом с их правителем. Что бы наглеца наказали!

— А вдруг на это и был расчет? Может они хотят именно так вывести вас из игры? Нет, генерал, даже ради своей чести я не могу так рискнуть вами. Вы для нас тут гарант! Придется это проглотить. До поры...

— Возможно вы и правы. Это именно под меня они так зашли... — склеывая наживку, согласился Васнецов. — А наш Аршинов все-таки не большого ума человек вот и играет на руку недругу. Я же мыслю более масштабно и не позволю ему утянуть нас всех на дно. Вы правильно сделали, что пришли с этим ко мне. Пусть это будет нашей с вами тайной. Но я хочу, чтобы вы делились со мной всеми своими сомнениями. Даже если они кажутся вам бредовыми. Глаз у вас наметанный, это есть. Может быть, вы что-то не поймете, а я сразу дам критическую и верную оценку. В одном вы правы. Мы в тылу врага и держаться стоит вместе. А дома уже разберемся, что к чему. Пока же, никаких поползновений. Только командная игра. Стоит переговорить с Аршиновым. Что-то он косит не туда.

— Вы только помягче с ним и похитрее. Он все-таки не так умен, как думает. А самолюбец редкий. Был бы поумнее, разве стал бы он с вами ссориться? Этим он меня просто удивил! — тяжело вздохнула Калина.

Васнецов к счастью не стал ей напоминать, что причиной ссоры была как раз Калина. Это было уже не важно. Главное для него состоялось. Авторитет его власти был восстановлен.

— Вы знаете что?.. Вы сходите сейчас к Аршинову и поделитесь с ним своими мыслями. Пусть он изложит вам свои. После обсудим.

— Хорошо генерал. Думаю это мудрое решение, — стараясь не переиграть, задумчиво отозвалась Проскурина. — Ведь если он заупрямится, значит, он враг. Никогда не знаешь, где он скрывается. А мы с вами его проверим. Пойдет он на мир с вами или нет?

— Верно. Вот и я так подумал. Сходите...

Аршинов очень долго и громко смеялся. Никак не мог успокоиться. Когда журналистка ему рассказал состоявшуюся с генералом беседу.

— Почему вы к нему пошли?

— Голос разума. Конфликт произошел из-за меня. Это подрубило бы нашу команду на корню. Возможно именно в этом цель бессмертных.

— Я понял, — прижав палец к губам, он дал сигнал не продолжать. Возможно, слушают.

— Сходите к себе, после к генералу. Пусть думает, что я долго думал своими тугими мозгами, но осознал необходимость мира с ним и признаю его власть. Только без подбострастия. Он не идиот, поймет, что мы его... как это нескромно говорится — сделали. Скажите, я осознал ошибку и пришел к выводу, что мне не на руку эта ссора. Все!

Когда все закончилось и все остались довольны результатом, каждый в тайне помышляя о том, что он кукловод, Калина двинулась к себе, размышляя о том, кто им реально был. Нет, не она. Вишнар. Это игру вел он. Ее руками... Она ему помогла. Потому что их интерес

сходились в этом вопросе. Общей была цель. Журналистка должна остаться в составе делегации. Но вот зачем это ему? Не из-за сексуального же интереса вести тонкую закулисную игру? Очень бы польстило, и в принципе были случаи в истории, но в это не верилось совсем. Тут что-то еще. Потому что ни по каким соображениям он не мог желать мира между Аршиновым и Васнецовым. Один был практически готов на мир, второй же ему противился. Единственная очевидная выгода — Калина останется тут. Или, нет?..

Официально начался первый этап мирных переговоров. В большом просторном зале для встреч собралось около пятидесяти персон. Пятнадцать человек делегатов мира, остальные — вампиры. По центру помещения длинный квадратный стол, с одной стороны его возглавляет правитель бессмертных, с другой генерал Васнецов. Аршинов умышленно пошел на этот шаг, дал оппоненту уступку, вроде как ретироваться за утреннее происшествие. Чтобы иметь, таким образом, преимущество. Пусть вояка думает, что он главный.

Вдоль одной стороны стола сидят бессмертные, с другой, люди. Четырнадцать человек. Калины Проскуриной за столом нет, она участвует в переговорах в качестве репортера. Фотографирует, внимательно слушает, иногда записывает...

За все время экскурсий журналистке не позволили сделать ни одного кадра. Очень вежливо, но именно запретили фотографировать. Это сделал Амир. Безусловно, по приказу государя или преемника, но это был он.

На переговорах же фотографировать разрешили. И журналистка восполняла упущенное.

Глава безопасности так же присутствовал на переговорах, стоял у стены и присматривал за всеми. Его дело безопасность государя, и он его хорошо выполняет. В этом торжественном зале для встреч немало солдат в мундирах — охрана правителя. Словно каменные изваяния стоят нерушимо под стеной. Тихи, но смертоносны.

Проскурина фотографирует, двигаясь за спинами делегатов. Глава безопасности смотрит неодобрительно, вспышка и щелкающий звук аппарата, по его мнению, отвлекают сидящих за столом. Калине предложили на замену беззвучное устройство, но она отказалась. Лучше их старых добрых проверенных «зеркалок» ничего в целом мире нет. Вот и злится капитан нескончаемым серией щелчков и череде ослепляющих вспышек. Журналистка понимает это, и фотографирует чаще, улыбаясь себе под нос. Подошла к капитану вплотную и сделала шпук двадцать его фото, чтобы подразнить. Сорвется или нет?.. Но Амир пока держится и в глаза «вредительнице» не смотрит.

— Для историков, капитан. Знаменательное ведь событие, — шепнула и щелкнула вспышкой в правый глаз Амира.

Обратил внимание, наконец. Так посмотрел, что Проскурина вынуждена была отступить. Правда, широко улыбаясь.

— Ваши дети будут смотреть на это фото, и гордиться вами, капитан, — шепотом подразнила она.

За всеми этими перемещениями женщина не переставала следить за ходом переговоров. На данном этапе обсуждали требования сторон. И если люди действительно что-то требовали, то позиция вампиров удивила, потому что запросы были скорее видимыми. Например, не пересекать без предварительного предупреждения воздушное пространство их земель. Все дело в том, что это была обычная позиция государств по отношению друг к другу. Люди крайне редко пересекали границу соседей, так как после этого следовал незамедлительный удар по летчику нарушителю. Кроме того территорию вампиров надежно защищал невидимый силовой барьер. Последний случай нарушения воздушных границ

бессмертных произошел на памяти Проскуриной более четырех лет назад. Тогда группа экстрималов, тайно покинув столицу, двинулась в сторону нейтральной территории — общих владений двух миров. Решив покататься на небольшом летательном аппарате. Дело кончилось тем, что они сгорели, столкнувшись с защитным барьером. Самолет вспыхнул как спичка, и был просто испепелен, причем так стремительно, что до земли долетел лишь пепел. Людям даже нечего было передать...

С тех пор залетать в воздушное пространство вампиров никто не рисковал. Если возникала подобная необходимость, бессмертным заранее сообщали о готовящемся полете, чтобы получить разрешение. Только в таком случае понижался обычный уровень высоты защитного барьера, что всегда и неизменно защищал столицу бессмертных невидимым куполом.

Получалось, что вампиры заявили людям уже известные требования, добавив всего несколько новых пунктов, совершенно незначительных. Кажется всецело для порядка. Но еще до того объявили, что по окончании переговоров официально открывают границу.

— Для свободного въезда людей? Всех без исключения? — спросил министр Темерев. — Без виз?

— А зачем нам визы? — улыбнулся Вишнар. — Естественно мы будем запрашивать у вас информацию о тех кто нас посетил, но уже после того как они попадут к нам. Ввиду этого нам необходимо открыть что-то вроде посольства на вашей территории. А вам, у нас. Для удобства общения...

Все изумленно молчали. Проскурина замерла посреди зала переговоров с таким выражением лица, что это показалось комичным даже предельно серьезному в этот миг государю бессмертных и он вынужден был скрыть неуместную улыбку рукой, кашлянув для прикрытия.

— У вас вспышку заело, госпожа проныра? Прошу извинить, оговорился — Проскурина, — шепнул Амир журналистке с долей ехидства.

Калина оглянувшись, неожиданно сделала снимок лица капитана крупным планом, на миг ослепив его ярким светом.

— Спасибо, господин генерал. Простите, оговорила. Вы всего лишь капитан... Но как видите, все отлично работает.

— Вероятно, вас интересует вопрос размещения гостей? — тем временем уточнил Вишнар у делегатов. — С этой целью мы возвели в центре столицы комфортабельную гостиницу. Она войдет в эксплуатацию через пять дней. Завтра вы можете ее осмотреть, чтобы убедиться, что она полностью соответствует всем необходимым нормам.

— Вы рассчитываете на туристов? Пополнить, таким образом, казну?... Я думаю это провальный проект, — настаивал Темерев.

— Проживание полностью за наш счет. И питание...

Люди были поражены. Калина перестала фотографировать. Смотрела на Вишнара. Он улыбается, спокоен, уверен. Какую же игру он ведет?

— С какой целью, разрешите узнать? — осторожно спросил Аршинов.

— Показать наши добрые намерения. Не более того. Снять отчуждение. Пусть люди сами узнают бессмертных. Естественно, мы обеспечим всем круглосуточную охрану. Хотя в этом нет необходимости, но для психологического спокойствия туристов мы на все готовы. За это не переживайте. Вы уже имели возможность увидеть, что тут вам никто не угрожает.

— Вы, правда, думаете, что люди придут? — спросил Васнецов.

— Надеюсь, — благодушно кивнул Вишнар.

— Вы знали, что они строят гостинцу для наших туристов? — шепотом спросила Калина у Аршинова, когда первый этап переговоров подошел к концу и делегаты направились напрямиком на ужин. Все без исключения усталые и погруженные в глубокие думы.

— Нет, но на экскурсии городом, мы, правда, видели огромное сооружение в центральной части столицы. Кажется, вампиры рассчитывают не просто на гостей. Они рассчитывают на большое количество приезжих, если судить по размерам строения...

Глава 9. Поцелуи стоят дорого...

Когда ужин того трудного дня подошел к концу, Вишнар торжественно объявил, что гостей ждет сюрприз. Это подарок бессмертных дорогим гостям — делегатам мира. И попросил всех спуститься следом за ним в парк.

Дворец Вишнара располагался по отношению к городу так, что перед ним протянулось пустынное пространство лишенное всякой растительности, лишь серое полотно земли, сколько хватает взгляда. Но за стенами замка раскинулся настоящий оазис. Царство зелени, мир ярких красок.

Уже наступила ночь, в парке посвежело. Весна в разгаре, но ночи еще холодны. Растерянных делегатов провели через густой парк к месту, где ряды деревьев, подчиняясь ровному ряду, заканчивались, и начиналось прямоугольное пространство покрытое сочной травой и освещенное многочисленными фонарями. По краю, в виде границы, кустарники, стриженные в форме шара и аккуратные скамейки. Когда все собравшиеся шагнули на траву, свет резко погас. Легкое волнение длилось не больше секунды, военные спохватились, ожидая нападения, но уже в следующий миг небо разукрасил огонь фейерверков. Все вздрогнули, но тут же, когда поняли что это не залп орудий, а лишь огоньки в небе, стали нервно посмеиваться. А потом просто залюбовались картиной. Фейерверк. Тысячи огней рассыпались небом, сложились в узоры. Переливались, падали и гасли. Словно звезды, сотни звезд сгорали разом.

Фейерверки давно не по карману людям. Напрасная, глупая трата средств. Последний раз Калина видела настоящий фейерверк много лет назад, еще в детстве. Это был первый и последний раз в ее жизни. Но это зрелище запомнилось навсегда, заморозило глаза маленькой зеленоглазой девочки. Только тот памятный был лишь жалким подобием этого.

Калина смотрела в небо и забывала дышать. Пожалуй, это всегда было ее мечтой. Увидеть фейерверк хотя бы еще раз. И когда журналистка увидела все эти огни в небе, на миг забыла обо всем. Вновь ощутив себя маленькой, счастливой девочкой.

Внезапно Проскурина ощутила, что кто-то осторожно взял ее за руку, и больше поняла, чем увидела, что это Вишнар. Скосив глаза на их сплетенные руки, а затем, оглянувшись ни видит ли это кто-то еще, журналистка посмотрела на правителя бессмертных. Он тоже смотрел на нее, и улыбался... А затем все погасло на мгновение и новый яркий залп красного цвета осветил небо. Самый большой и мощный из всех. И на миг узор сложился так причудливо, что ей показалось — это ягоды. Красные спелые ягоды калины рассыпались небом. Они сложились в какую-то надпись исконным языком бессмертных и погасли.

Проскурина скосила глаза на Вишнара и увидела, что он пристально смотрит, ловит ее реакцию. Очень напряженно ждет. Словно желает понять, осознала ли женщина смысл послания?

Несколько секунд Проскурина пребывала в растерянности, вероятно потому, что точно знала, что значит надпись, которая появилась на небе в виде красных огоньков.

Она льстит себе? Или государь бессмертных и правда, написал на небе ее имя? Огнями фейерверка, ее любимого развлечения? Это не совпадение. Неужели и правда, все есть в ее досье?

Когда загорелись фонари, Вишнар уже стоял на расстоянии от журналистки. Возле Васнецова.

— Что, генерал, думали, мы вас на расстрел вывели? — улыбнулся правитель бессмертных. — Я без злого умысла! Даже в голову не пришло, что вы так можете подумать. Мне немного обидно. А мой советник еще уверял, что вам понравится...

Правитель говорил, гости со смехом отвечали. Калина думала. Точнее, понимала. Государь отвлек гостей шуточной беседой от главного вопроса. Что за символ высветился на небе в самом конце?.. Поняли делегаты или нет, сложно определить. Уже и сама Проскурина сомневалась, было ли то, что было. Или ей показалось.

Когда всех членов делегации развели по комнатам, провожатый журналистки резко развернулся и приказал следовать за ним. Калина вначале испугалась, затем осознала, что Вишнар, скорее всего, желает побеседовать с ней. Лично узнать, как обстоят дела с ее здоровьем. Но когда ее привели назад в парк, растерялась...

Это не то место откуда делегаты смотрели фейерверк. Вокруг, сколько хватает глаз, горят свечи. Небольшой столик просто неба, на нем цветы, бокалы и вино. Правитель бессмертных в полном одиночестве ждет ее. Ни единого солдата охраны.

Вишнар встречает глазами, взгляд которых даже ей, женщине, трудно описать. Кажется, он любовался с истинным умилением ценителя и знатока.

Солдат, что сопровождал Проскурину поклонился государю и исчез. Тут же заиграла музыка и Калина рассмеялась. Даже это учел. Ее любимая песня — «Будь моей», и даже в этом намек...

— Что это значит?

— Я просто хотел с вами хоть раз танцевать, — забавно оправдался Вишнар.

— Танцевать? — хитро сощурив глаза, уточнила Калина.

— Обнять, — признался он, покорно склонив голову.

— Обнять?

— Поблизко. И чтобы никого вокруг.

— А вы уверены, что мы тут одни? — шепнула журналистка, и оглянулась, не изменяя улыбке. Кажется и, правда, никого... Вишнар тем временем подошел вплотную.

— Не уверен, — шепнул государь. — Думаю где-то залегли.

— Или засели в ветвях. А ближе всех ваш начальник безопасности. Торчит с ближайшей ветки бдительным сучком. Что бы первым явиться вас спасать, когда «ягода» постарается вас отравить, — без порицания и желчи шептала она, тепло улыбаясь. Обоим казалось, что это смешно.

— Его тут точно нет. Он в немилости, за то, что сделал утром. Пусть радуется, что пока не лишился глаз за свою дерзость смотреть на вас... — шепнул мужчина. — И Калина... Я уже отравлен. Смертельно...

Он скользнул по ее волосам рукой, едва касаясь, и осторожно обнял за талию, пока женщина осознавала значение слов.

— Что вы делаете?

— Танцую...

Вишнар, правда, тут же повел ее в танце... Очень странная была ночь. Необычным было все. Она танцует под звездами с бессмертным под звуки любимой мелодии. На нее внимательно, с нескрываемым желанием смотрят медовые прозрачные глаза. Но самое странное, она не чувствует ни страха, ни отторжения. Ей приятно, она даже возбуждена. Его лицо, близость и тесное кольцо сильных рук. До чего же он мужественный и волнующий. Никогда прежде не встречала подобных мужчин. И пусть звучало это безумно даже в

собственных мыслях, но такому хотелось принадлежать. Она не сосредотачивалась на этой мысли, гнала ее прежде всякий раз, когда встречались глазами, но теперь, но сейчас — не могла отрицать, что это правда. Как жаль, то он вампир! Почему он вампир?! Почему такого человека она так и не повстречала? Поцеловать бы его хоть раз...

Словно уловив ее мысли, миг и податливость в нем, Вишнар внезапно склонился и сильно прижался к женским губам.

Проскурина замерла от неожиданности, сжалась, слегка паникуя, но поцелуй был необыкновенным и длился очень долго. Ведь это именно то, чего она хотела. Калина так боялась его клыков, но оказалось, что при умелом обращении они не причиняют вреда. Порой непроизвольно она касалась их языком, но это даже больше волновало. Они тут, они близко, но не ранят ее...

Поцелуй с вампиром, эти губы, что несут смерть. Но даже об этом она сейчас не думала, кровь горячило другое — он был теплый, даже горячий, сильный и такой мужественный, все-таки таких мужчин она еще не встречала! За миг вскружил голову, как ни разу не бывало до того. Сила его рук, его запах и вкус на губах. Она не ожидала, что это будет так. Что с ним она испытает нечто подобное. Настоящий. Мужчина. Ей хотелось один запретный поцелуй. Лишь один. Но испробовав его, она пожелала многим большего. Всего Вишнара. И прежде с ней такого не случалось. Так стремительно и бесповоротно терять голову от мужчины, после единственного поцелуя. Всего лишь поцелуя. Возможно потому, что он единственный в своем роде и другого такого случая у нее не будет. Ощутить себя женщиной до кончиков ногтей, когда сожмут такие руки и будут смотреть эти глаза. Сейчас он совсем как человек, очень желанный, очень сильный. Такой умный, хищный и бесконечно опасный. И он желает ее. Всякий голос здравого разума утонул в этом коктейле ярких эмоций — чувствовать жгучие губы на своих губах. Ощущать руки, что уже сжимают, прожигая своим теплом ее плоть.

Как же ей захотелось, как это деликатно назвал Аршинов — «выпить с ним чаю». Просто безумно. Такая жажда, просто пустыня внутри! А еще кекса! А лучше — два...

— Калина, — вдруг шепнул Вишнар в самую ее шею, и женщина в ужасе замерла... Он так близок к самому уязвимому, что сердце больно дрогнуло внутри. Откуда пришел этот страх? Но он захватил все ее существо. Ведь он вампир! Как она могла забыть?!

— Как давно этого не было. Как давно, если бы ты знала, — шептал он. — Как я этого хочу...

Он так страстно выдохнул эту фразу с такой энергией, что ее охватил уже дикий ужас. Сейчас он ее укусит. Прямо тут, посреди поцелуев, когда она впервые в жизни настолько потеряла голову, что стала ватной в его руках. Не ожидает беды, а ведь он хищник!

Проскурина дрогнула, в панике изо всех сил цепляясь за крепкие плечи мужчины. Судорога прошла телом, когда Вишнар прижался к ее шее губами. Калина болезненно застонала, не сразу осознав, что это лишь поцелуй.

Ошиблась. Как глупо. Даже смешно... И женщина нервно хохотнула, тут же глубоко облегчено вздохнула, когда государь потесней прижал ее к своей груди и заглянул в глаза.

— Пойдем со мной? — ласково попросил он.

— Куда? — с трудом обретая способность мыслить, спросила женщина.

— Ко мне.

— Я думала, мы будем здесь...

— Еще минута здесь и все сучки на этих ветках сгорят от стыда за своего государя. Ты

была права, они там, я видел даже Амира. Пока танцевал рассмотрел... Пошли со мной, — шептал он ей в самое ухо. Ах, как он ей это шептал!..

— Ты пожалеешь, Проскурина...

— Что? — не понял Вишнар.

— Я говорю, «да».

Когда это случилось? Когда от него так закружилась голова? Но в тот момент импульсивная Проскурина не могла себе противостоять. Она хотела этого мужчину, хоть он и не человек. Даже если потом и права, придется пожалеть. Почва ушла из-под ног. Все что она хотела сейчас — его!

— Пусть меня отведут к себе. А после ты придешь. Только чтобы охрана не стояла за дверью. Чтобы не знал никто. Ты же можешь это устроить? Чтобы не узнал никто? Прошу тебя, это очень важно для меня!..

— Хорошо, — отстраняясь, сказал он. — Как скажешь. Все что попросишь!

И Калина пошла прочь, к входу во дворец. По дороге невесть откуда возник, словно вырос из земли, ее конвоир. Оглянулась — Вишнар провожает глазами. Он так смотрел, что женщина вновь непроизвольно улыбнулась. Крылья за спиной выросли. Словно и она не человек. Словно она!.. Богиня. В эту секунду не меньше.

Поняли или нет их план, те, кто за ними наблюдали, не важно. Главное она ушла к себе одна.

Когда двери покоев распахнулись, Калина замерла. Все ее романтическое настроение как рукой сняло, вся страсть вмиг растаяла. На полу возле самого стола свернувшись клубочком, лежала Агата 7983. Почему она легла спать прямо тут, на голом полу?

— Агата, иди к себе, — потребовала журналистка. — Солдат, что с ней?

Калина встревожено оглянулась на провожатого, что стоял за спиной, хотя к ужасу своему уже имела догадку, почему прототип не ответила. Искусственная девочка лежал, утопая в конфетных фантиках. Конвоир прошагал в комнату, склонился над телом и, потрогав Агату ладонью, прокомментировал:

— Холодная.

— Что?! — Женщина кинулась к недвижимому телу на полу. — Кто положил тут сладости? Я же убрала их все! Кто поставил конфеты на стол?!

Она с ужасом смотрела на хрупкое тельце на полу. Картина произошедшего прорисовывалась сама собой. Кто-то, кто был тут, решил, что гостя съела все сладости, и принес новые. Агата соблазнилась и вот результат.

— Агата... — шепотом позвала она и тронула рукой. Не шевелится. — Агата!

— Она мертва.

— Позови доктора! Немедленно! Что же ты стоишь?! Сделай что-то, она же умрет!

— Этот прототип уже мертв. Это не первый случай. Не стоило оставлять ей конфеты, — бесцеремонно отчитал солдат.

— Ты не слышал меня? Я убрала сладости. Кто их принес сюда? Агата, вставай!

— Я уберу...

Проскурина рухнула на пол, на колени, и ошарашено смотрела, как солдат поднимает хрупкое тело. Глаза закрыты, словно девушка лишь спит. Прекрасная и мертвая... Калина была так шокирована произошедшим, что не удержала эмоций. Слезы побежали из глаз. По сути, Агата не человек, солдат даже глазом не моргнул. Но для журналистки это было какой-то дикостью. Она провожала немигающими глазами вампира с невесомой ношей на руках.

Всего полтора года было этому существу. Всего полтора...

Калина так и сидела на полу, смотрела в одну точку, и минуты не прошло после ухода солдата, как в комнату вошел министр. Проскурина встрепенулась, слегка теряясь. Она совсем забыла, что вскоре придет Вишнар.

— Калина, где вы были? — спросил Аршинов.

Министр растерян, и все время тревожно оглядывается на распахнутые двери.

— Что случилось с вашим прототипом? Я видел, как ее отсюда вынес солдат.

— Она умерла, министр, — вытирая слезы, устало шепнула Проскурина. — Солдат говорит, моя вина. Но я убрала конфеты. Правда!

— Какая неприятность... Надеюсь, у нас не будет хлопот.

— Кто-то принес сюда конфеты, и она их все съела. Им нельзя так много сладкого за один раз. Это саботаж?

— Милая девочка, что же вам все заговоры мерещатся? Конфеты приносят каждый день. Я вот отказался. И так все зубы в пломбах. А вы знаете, сколько у нас стоит лечить зубы. Нужно было сказать, чтобы вам их не приносили больше.

— Я не подумала об этом. И теперь ее нет. Это правда, моя вина...

— Ну не будьте такой впечатлительной. Я знаю, для вас она живое существо, почти человек. Но это не так. Ваш разум это понимает, сердце вот только противится очевидному. Единственное, что не безразлично этим девочкам — сахар. В остальном они, правда, полностью лишены чувств, желаний, эмоций. Всего.

— Эмоций?.. Да, странно, что я только сейчас задумалась об этом. Эмоции в глазах...

— Что вы говорите?

— Да, так. Все думаю, что он мне тогда сказал, — задумчиво шептала Калина.

— Кто?

— Один капитан.

— Так где вы были?

— Солдат водил меня к доктору, — соврала она. Правда была неприемлема.

— Опять давление?

— Увы, да. Много волнений было.

— Тогда немедленно ложитесь! Завтра переговорим. Хотел знать, что вы думаете про решение вампиров на счет «открытых дверей»? Но это потерпит... А Васнецов очень переменился. И про вас дурно уже не говорит. Даже наоборот. Я был у него. Все-таки вы мудрая женщина. Удивили, смогли... Ну спите, доброй ночи.

После ухода министра Калина хотела освежиться, но уже тут же, сходу, в дверь постучали опять.

— Входи, — распахнув двери, пригласила она. Но на пороге стоял совсем не тот, кого она ждала.

Капитан. Холодный лицом, даже жесткий. И глаза такие, что ничего хорошего ждать не приходится. Где же Вишнар? Наверное, ждет, по ее же просьбе, когда все уляжется, и она останется одна. Чтобы не было свидетелей.

— Амир?.. Что вы хотели? Я слегка занята...

— Узнать, зачем вы накормили своего прототипа сладостями? — строго спросил начальник безопасности.

— Уже в курсе?.. Это не я. Зачем у вас их тут рассыпают повсюду? Я убрала те, что были вчера. Но кто-то принес другие.

— Прототип не мог взять что-то без дозволения. Вы ее накормили? И я хочу знать, зачем?

— Я не кормила ее сладким!

— Больше некому. Комната ваша, прототип тоже.

— А может это сделали вы?

— Зачем это мне? — изумился он.

— А кто вас знает?! Досадить мне! А мне, зачем ее убивать?

— Будем разбираться. Следуйте за мной.

— Вы шутите?! Ночь на дворе, — возмутилась журналистка.

— Считайте, что я арестовал вас, до выяснения подробностей.

— Нет, вы точно издеваетесь!

— Нисколько. Пройдемте.

— Государь вас по голове не погладит.

— Вас тоже. По крайней мере, сегодня. Это приказ преемника. Я подчиняюсь ему. С ним государь и будет оспаривать это решение. А мое дело выполнять приказы вышестоящего командира.

Калина была обескуражена. Что за игры идут за кулисами мира бессмертных? Кажется, на это и намекал Вишнар, когда говорил, что в их отношениях с преемником все сложно. Почему один противопоставляет себя другому, ведь они отец и сын? И какое им дело до гибели одной из Агат? Для них она лишь мясо. Сам Амир ей прямо про это сказал. Так что же тут происходит? В какую мясорубку она непроизвольно попала?

— И куда вы меня ведете? Или правильно сказать — конвоируете?

— Потерпите и узнаете.

Когда они покинули дворец, Калина занервничала.

— Что происходит, Амир? Куда мы идем?

— Скоро узнаете.

Солдаты охраны на выходе дворца отдали старшему честь, и вновь стали нерушимо. Капитан провел Проскурину не центральным ходом, а задним. Оказавшись под небом, Амир направился к правому крылу дворца. Там на парковке стояли необычные транспортные средства — шарообразной формы, слегка приплюснутые сверху и снизу. В глаза бросалось, что они не имеют колес.

Амир открыл стеклянную крышку люка, и жестом руки пригласил даму к «посадке». Женщина забралась внутрь корабля и тут же утонула в мягком кресле, которое едва не лежало на дне. Капитан запрыгнул на соседнее сидение и двухместное «нечто» с прозрачной крышей плавно тронулось с места. Корабль мягко понесло вперед, а затем резко вверх. Проскурина ахнула от неожиданности, но и секунды не прошло, как они с капитаном летели над городом. Женщина какое-то время растерянно оглядывалась изучая открывшийся вид, потом заинтересовалась салоном корабля. Руля или же штурвала, перед пилотом не было, зато имелись сенсорные кнопки на панели управления. Амир нажал всего парочку из них, и корабль полетел сам.

Лишь только изучив все, журналистка задала вопрос капитану:

— Вы меня что, украли?

Спросила она не случайно, дворец давно исчез вдалеке, под кораблем проносились живописные виды ночного города. Дворцы, парковые аллеи, центральные площади, огромные монументы, улицы и прочее.

— Считайте как вам угодно, я везу вас к преемнику, по его приказу. Пока государь не совершил фатальную ошибку.

— Вы отравили Агату?

— Нет. Это не первый случай обжорства у прототипов. Доктор сделает ей чистку, прогонит кровь через специальный аппарат.

— Нет, это вы! Я знаю, что права! Но не знаю, зачем?

Начальник безопасности молчал какое-то время, смотрел на небесный путь впереди, имея такой вид, словно не видит и не слышит женщину. Но вопреки ожиданиям, Амир все-таки ответил:

— Что бы внести корректировку в план ночи, что вы с государем себе наметили. Преемник считает, это повредит делу. Шашни с одним из делегатов неуместны. Вы должны знать, что не нравитесь ему.

— Преемнику? Я это переживу, — съязвила Проскурина. — Он что же, настроен против мира с людьми?

— Нет, он за мир. Именно потому вас и приказано увезти из дворца из-под опеки государя.

— Вы только что совершили государственную измену. Предали своего правителя. За то лишь, что он вас наказал за утреннее происшествие?

— Вы очень много говорите, Калина. Я от вас устал, — раздраженно сказал Амир. — Молчите или вынужден буду усыпить.

— Что?! Вы с ума сошли!

— Я предупреждал, — сказал мужчина и, щелкнув каким-то предметом в правой руке, резко проколол женскую левую. Проскурина ойкнула и прижала руку к груди.

— Что вы?.. — Сознание резко затуманилось, говорить, как и логически мыслить стало проблематично. Какое-то время она еще видела ночной, горящий огнями город, а потом все куда-то исчезло, и Калина провалилась во мрак.

Когда журналистка открыла глаза, нашла себя лежащей на мягкой кровати в полумраке. Лишь слабый свет ночника тревожил глаза. Амир был тут же, стоял у окна и смотрел непроницаемым взглядом на улицу.

— Где я? — хрипло спросила женщина.

— Дом преемника, — мгновенно оживая, сказал начальник безопасности государя и приблизился.

— Разве он живет не во дворце?

— Как тут у вас все сложно, — оценила женщина, шумно сглатывая. Во рту сухость и все еще нет сил подняться. В теле легкая слабость, но сознание четкое.

Амир наблюдает. Сосредоточено-хмур, напряженные складки залегли в уголках его рта. Не трудно понять — недоволен, обеспокоен и все еще зол.

— И где он сам? Не познакомите?

— Мы тут одни, не считая охраны. Преемник передумал. Пока он не желает вас видеть. Думаю, ему не нужна была эта встреча. Главное было увезти вас, до того как государь совершит ошибку.

— Я в плену?

— Не стоит сгущать краски. Сын переговорит с отцом, и я верну вас во дворец еще до наступления утра.

— К чему такие сложности?

— Сложности?.. На кону течение переговоров в нужном нам ключе. Преемник ждал их и готовил многим больше чем государь. Никаких заговоров! Просто необходимо не допустить ошибочных импульсивных поступков, — холодно чеканил Амир. — В которых вы, уважаемая, такая мастерица! Как я понимаю после утренней демонстрации, вам совершенно все равно перед кем раздеваться? Знал бы это государь, вероятно, отнесся бы к вам иначе! — холодно выплюнул капитан.

— Так просветите его!

— Сплетни не мужское дело.

— Но преемнику вы сообщили. Так в чем разница?

— Не сообщал. Он и сам всегда знает, что происходит в его городе.

— Его городе? Уж не готовите ли вы с ним переворот? Город принадлежит государю. Как и власть.

— Вслась, Калина, всегда у того, кто управляет армией. Государь мудрый политик, но преемник управляет солдатами, он фактически военный глава.

— Это сразу видно, что ваш преемник не мудрый политик, а лишь глава армии. Зачем так обострять отношения со своим государем из-за интрижки с человеком? О ней бы никто не узнал. А теперь столкнись они лбами — начнется война. Глупо!

— Не состоит недооценивать преемника. Он чтит своего отца и помнит, что он фактический глава государства. Все что сын делает, лишь для того чтобы защитить отца!

— От меня? Ядовитой ягоды, — с издевкой протянула женщина.

— Нет, вы всего лишь еще одна женщина — игрушка в постели... От фатальной ошибки!

— В чем же она состоит? Мне не очевидно.

— Это потому что вы не так умны, как пытаетесь казаться. Но ошибка могла произойти, и она была бы губительной для государя, госпожа Проскурина. И я уполномочен передать вам слова преемника. Вам придется прекратить всякие неформальные отношения с государем или вы пожалеете, что ослушались, — потребовал он.

— Вы с преемником мне угрожаете? Члену делегации мира?

— Кажется, член делегации забыла, зачем она тут. Интимные услуги не входят в перечень ваших обязанностей! Или я ошибаюсь?.. — желчно спросил вампир.

— Никого не касается, с кем я желаю проводить свой досуг.

— Преемника касается, если это может отразиться на течении переговоров. Он с самого начала предполагал, что в этом и состоит приезд смазливенькой вертихвостки. Журналистка, это прикрытие. Или совмещенные обязанности? Государю передали слишком подробное досье и массу премиленьких фото. Интересно зачем? Что бы он заинтересовался и отобрал именно вас? В конце концов, почему не выбрать журналиста, на которого будет приятней смотреть, верно, госпожа вертихвостка? Преемник был против, но государь настоял. Наживку заглотили. Вас уполномочили лечь под правителя? Не с этой ли целью вас наставляет ваш министр, что ходит к вам для бесед по ночам?

— А вы разве не прослушиваете наши разговоры? Знали бы наверняка, — нахмурилась женщина.

— В этом нет необходимости, все ясно по вашим поступкам. И тому, что он защищает вас, хотя ваше поведение нарушает всякие нормы.

— А что по этому поводу думает государь? Неужели вы считаете, что он глупее вас с преемником?

— Государь не занимал бы пост правящего, если бы не обладал самым пытливым умом в нашем мире. Но он всего лишь мужчина и в некоторых ситуациях желает мыслить только в этом ракурсе. Думаю ему приятно думать, что вы заинтересованы в нем не меньше чем он в вас. Легко ошибиться, когда ведется умелая игра...

— Умелая игра? — перебила Проскурина.

— Да. И говорят льстивые вещи.

— Льстивые вещи?! — возмутилась она.

— Не вы ли говорили мне, Калина, что помните кто мы? Что между нами пропасть, еще и зайцев вспоминали, что не спят с волками и все прочее. Или вы говорили это потому, что перед вами был простой солдат? А с государем повели речи иначе? Потому что в этом и была ваша задача? Вы лицемерили, хотя выглядели убедительно. Надменная самовлюбленная...

— Кто? Договаривайте! — вспыхнула она. — Или боитесь последствий? Что донесу на вас государю?

— Сучка!.. — хлестко выплюнул Амир. — Я не боюсь доносов и гнева государя. Время рассудит нас. Я всегда служил верой и правдой. Неужели вы думаете, что это так просто забудут ради ваших лживых глаз?

— Надумали очернить меня в его глазах? Валяйте! Я знаю, как можно вывернуть любую правду, когда на карту поставлена власть. Я понимаю страх вашего преемника, он боится за своего отца. Надеюсь, дело в этом, а не том, что он затеял подсадить его. И пользуется первой же слабостью родителя. А вы играете ему на руку из долга... или в своих каких-то побуждениях?

— Своих побуждениях? — переспросил капитан, нахмурившись до предела.

— Да, своих. Месть отвергнутого мужчины! Редкого заносчивого самолюбца. Вам даже в голову не приходит, что вы можете быть мне неприятны по своей сути, да? Вы предпочли списать отказ на свой невысокий ранг. Сколько в вас комплексов, Амир! Кто бы мог подумать. Так ведь и не скажешь. Грудь колесом, вид напыщенный, а выходит вы мыльный пузырь. Озлобившийся и далеко не высокого о себе самом мнения, потому и беситесь, и пыжитесь. Завидуете силе и власти вашего государя? Желаете выслужиться перед преемником, потому что считаете, что он скоро займет пост правящего в этом мире? Чтобы стать поближе к кормушке? Рассчитываете на повышение? Вы мне стали еще противней! Предательство государя, который верит вам, это низость!

Проскурина приподнялась над постелью, выплюнула эти слова в лицо капитана и тут же дрогнула, когда мужчина схватил ее за волосы на макушке и крепко их сжал. У Проскуриной сердце подскочило в груди, но она не попыталась вырваться. Упрямо смотрела в ответ, держала натиск. Какое-то время Амир просто тяжело гневно дышал ей в самое лицо, вероятно обретая способность спокойно говорить или пытаясь обуздать бурю в груди, чтобы не пустить обидчице кровь. Это бы и, правда, дорого ему стоило.

— Я и не предполагал, что в этом мире есть существа подобные вам, — с трудом выдохнул он, наконец. — Именно существа. Вы не имеете права носить имя «женщина». Вы в принципе противоречите всему, что они собой представляют. Мне жаль, что государь так в вас ошибается и не видит, какая вы на самом деле.

— А вы, Амир, видите какая я? Наверное, вам держащему за волосы, превосходящему весом и силой в два раза, сейчас именно поэтому правда очевидней, чем государю, — шептала она, так как говорить громче не было ни нужды, ни силы. Он причинял боли, всего

пара сантиметров разделила их лица.

Слова попали в цель, рука разжалась мгновенно.

— Вам позволили применять ко мне силу, капитан? Или вы такой отчаянный?

— Я вас не сдерживаю. Можете донести на меня, — отворачиваясь, сообщил Амир.

— Не меряйте меня по себе. Я не стану пользоваться своими преимуществами. Пусть это будет вам лишним напоминанием пропасти между нами.

— Вы усвоили мысль, которую мне поручено донести до вас?

— А если нет, вы расправитесь со мной, не чураясь никаких методов? — с иронией уточнила Калина.

— Никаких кровавых расправ. Мы нейтрализуем вас, опорочив в глазах вашей общественности. Средств существует не мало.

— Вы думаете, государь вам это позволит?

— Мы сделаем так, что он первый отвернется от вас. Так что будьте благоразумны. Его переменившееся мнение, быть может, вас и не огорчит, но вам не может быть все равно, что ополчится и ваш мир. Люди станут плевать на улицах в когда-то любимую ими Калину Проскуру. Лишат работы. Всего, что было ей дорого. Гарантирую.

— Что же такое вы для меня наметили?

— Не имею приказа раскрывать вам карты. Но прошу не сомневаться, что для решительного удара уже все готово. Мне нужен ваш ответ или я действую без промедлений.

— Пугаете меня котом в мешке? Думаете вы первый? Думаете, испугаюсь?

— Думаю, задумаетесь. Большого мне пока не надо. Ваше дело держать государя на расстоянии. Остальное выполним мы. Преемник не даст ему возможности приблизиться к вам. Мы сделаем для этого все. Ваше дело лишь не вмешиваться в наши планы. И естественно, придержать суть разговора, что был между нами.

— Естественно, — желчно добавила она, тут же иронично уточнив: — А как ваш преемник планирует удерживать за пределами моей спальни разгорячившегося мужчину получившего согласие?

— Вы говорите как куртизанка, — с отвращением поморщился Амир.

— Так ведь я и есть она, — саркастично возразила Проскура. — Мне все равно с кем спать. Вы же с преемником как в воду глядите и читаете в сердцах как в открытой книге. Отвечайте, как?!

— Пусть вас это не беспокоит. Ваше дело не давать государю авансов. Вы плохо себя чувствуете, у вас женское недомогание.

— Какие вы изобретательные с преемником! Еще можно сказать, давай в другой раз, дорогой. У меня голова болит. И послушать, что он скажет. Даже мужчины небольшого ума знают, что это старая как мир отговорка. Ваш государь мужчина небольшого ума?.. А про женское недомогание это вообще смехотворно. Я почему-то думаю, даже не знаю почему, что от вида крови ваш государь не сомлеет. Исправьте если я не права, ваш государь боится крови? — издевалась она насмехаясь.

— Вот и придумайте что-то убедительное. Вы же у нас мастер водить кого-то за нос. А остальное доделаем мы. Мне нужен ваш окончательный ответ.

— Безусловно, я принимаю ваши условия. Свои за провал операции меня по голове не погладят, конечно. Но это ведь лучше чем всеобщее осуждение, да? — насмешничала она подыгрывая.

— Вот и хорошо, что вы с преемником все продумали. Мы можем возвращаться назад?

— Не раньше утра.

— Бойтесь не удержать государя? Не напрасно переживаете. Он очень разгорячился. Редкий мужчина. Впервые радуюсь своему постыдному ремеслу продажной женщины. Могла ведь получить удовольствие. А теперь все псу под хвост. Но я думаю, вы его не удержите. Разве что если станете вдвоем с преемником держать за то самое место. Станете держать, Амир?

— У вас чувство юмора портовой девки.

— Определитесь. Портовая или куртизанка? Это знаете ли высшее мастерство у продажных — куртизанить. Тут нужно обладать незаурядным умом и редким обаянием.

— Скорее портовая.

— Пусть будет так. Станный вкус у вашего правителя, не находите? Он такой изысканный, а любит портовых девок.

— Вы меня не спровоцируете, Калина. У вас странная тяга будить в мужчине зверя. Нравится, когда к вам применяют насилие? Напрашиваетесь на грубость?

— Нет, просто проверяю, где вы сломитесь?

— Где-то в области вашей шеи.

— Укусите?

— Скорее задушу. Это вероятно будет приятно. Вдеть, как вы медленно задыхаетесь.

— Вы любите медленно задыхающихся женщин, Амир? Думала вы торопыга и скорострел.

Калина заверещала, так резкого бросился в ее сторону мужчина, а затем и залилась звонким смехом, когда он сжал ее в руках и хорошенько потрянул. Уже белея от злости. Он едва держится, что бы ни задушить ее, а она смеется.

— А говорили, не спровоцирую.

— Любите острые ощущения? — шипел капитан и тряс Калину за плечи. Затем резко отпустил, и женщина рухнула спиной на кровать, а приземлившись, улыбнулась.

— Слабо. У нас на дорогах и то сильнее трясет. И не думайте, что я общаюсь так со всеми, капитан, — тут же обретая холодность лица и тона, сообщила журналистка. — К вам я отношусь лишь так как вы того заслуживаете. Я груба лишь потому, что вы так относитесь ко мне. Безо всякого уважения и пытаюсь лишь задеть, оскорбить и унижить. Папа всегда говорил, что я зеркало. Всегда лишь отражаю того кто в меня смотрит. Поэтому мне так пришелся по душе ваш государь, что я даже на миг забыла кто он такой. С ним я почувствовала себя распутившимся цветком. И захотела подарить ему свой аромат и сладкую пыльцу. Это мое право женщины. Простите за вычурность. Цветы всегда открываются навстречу солнцу. А он солнце. Просто вы слишком молоды чтобы понять сердце женщины. Мы выбираем заботу и любовь, даже если они длятся лишь вечер. И неважно седой старец дарит ее или молодой красавец. Морщины не видны в темноте, зато в ней ощутимо тепло и сила того кто тебя обнимает... Но откуда вам это знать? Верно, Амир? Ведь дела с женщинами вы не имели. Только с заменителями своего «синтетического» производства!

Амир молчал и смотрел странным взглядом, поэтому Калина победоносно улыбнулась. Глаза ее так и говорили: «удивлен, что я поняла?».

— С чего вы это взяли, госпожа Проскурина? — совсем не так высокомерно и самоуверенно как до того, заговорил он.

— Все было очевидно.

— Что было очевидно?

— Ваши неумелые спектакли, — Калина вновь улыбнулась, выражению лица собеседника. — Ошибки были одна за другой.

— И в чем мы ошиблись? — невероятно спокойно и как-то даже тихо уточнил капитан. Вся спесь сошла.

— Почему, «мы»? Вы! Речь только о вас.

— Просветите меня, госпожа Проскурина, в чем была моя ошибка?

— Вы совсем не умеете вести себя с женщиной. Логично предположить, что это происходит, потому что вы с ними не общаетесь. Маршируете с утра до ночи и с ночи до зари на пару с преемником. Когда вам успевать? Оттого и манеры как у боевого топора. Думаете, сказать, подчиняйся мне женщина, достаточно, чтобы понравиться? Это только с прототипом. Вот к ним игрушечным вы и ходите. Поэтому и сказали мне тогда, что я отличаюсь от женщин, к которым вы привыкли. Еще бы мне не отличатся, я живая, а они искусственные. У меня чувства, разум, эмоции. А они лишь шарики с кровью.

— И по этой одной фразе вы пришли к выводу... Поняли что...

— Разве я не права?

— Вы делились своими домыслами с другими членами делегации? — осторожно спросил Амир, отворачиваясь и что-то напряженно обдумывая.

— Зачем? Думаю ни Аршинову ни Васнецову не интересно с кем вы справляете свою мужскую нужду.

Амир оглянулся, и лицо его замерло на миг, а затем он покорно склонил голову:

— Вы правы, мои личные мужские проблемы с дамами не будут интересны членам делегации. Вот разве что вам и то лишь из-за переизбытка наблюдательности. Тем более что вы правы и обхождению я не научен, потому что лишен такой возможности.

— И кто же вас ее лишил?

— Вероятно, как вы точно подметили, мои комплексы и непомерное самомнение. С нерезиновыми женщинами мне общий язык не найти. Глухой, не услышу ничего кроме голоса своего эго.

Его покорная само-язвительность и угнетенный тон, показалась Проскуриной странными. Почему вдруг капитан так легко с ней согласился? Калина задумчиво смотрела на мужчину, он отвечал ей тем же.

— Вы не глупая женщина, госпожа Проскурина. Примите решение, преемник ждет. И тогда я смогу вернуть вас во дворец. Безусловно, с моими нижайшими извинениями за все, что тут было. И за все, что было не тут, — он низко поклонился. Причем без издевки, не так как обычно. Но цели не достиг. Не убедил в своем раскаянии. Калина напряглась. Что все это значит?

— Меня накажут за рукоприкладство, но я сам доложу о нем. Знаю, вы этого не сделаете. Прошу простить меня за слабость и понять, что я действовал в интересах государства. Кроме того, преемник просил меня передать вам, что если вы примете его предложение, он будет считать себя обязанным вам, и вы можете рассчитывать на любую благодарность.

— Вы что, взятку предлагаете?

— Безусловно, нет. Вас тут же поймают свои, мы не настолько глупы. Речь идет о возврате услуги. Или любом другом вопросе, в решении которого вы будете нуждаться. Все что в наших силах. Преемник далеко не самый милый бессмертный, он бывает резок, груб,

но он держит свое слово. В этом можете не сомневаться. Он будет считать себя вашим должником. Можете рассчитывать и на меня.

— Вначале желчь и угрозы, а теперь я могу уже рассчитывать на вас? Может быть, даже слезки мне промокнете, если меня посетит желание порыдать вам в мундир?

— Могу и промокнуть. Никогда не поздно научиться обхождению с настоящей женщиной.

«Проскурина он тебя сделал!», — поняла она.

Это была настолько тонкая ирония, что даже возразить было нечего. Столь изящно и так же сходу чтобы не оскорбить, не выйдет даже у нее.

И словно в доказательство своего уважения капитан склонился еще раз, но в глазах что-то такое сверкнуло. Понял, что ответа не будет, но при этом суть издевки жертва осознала.

— Передайте преемнику, услуги возврата мне не нужны. Я не рассчитываю на вашу помощь. Более того, критически против. Не думайте, что я оказываю вам услугу. Вы меня вынудили, вот и все, — раздраженно чеканила она.

— Как прикажите, — вновь преувеличенно почтительно склонился капитан.

— Еще раз так сделаешь, кину что-нибудь! — пригрозила Калина, теряя терпение.

— Как при... — с улыбкой начал вампир, но осекся, и склоняться ниже не стал. Калина потянула в руки тяжелый подсвечник с очень серьезным намерением в глазах.

Проскурина вернулась в свои покои во дворце только перед рассветом и сразу легла спать. Пробудилась она от стука постового в двери. Таким образом бессмертные перестраховалась, чтобы женщина не проспала и на этот раз.

Разбудили заранее, времени на сборы хватало с запасом. Поэтому присев на кровати, и все еще сонно хлопая глазами, журналистка глубоко задумалась. Когда она приехала сюда затемно, усталости не было, во дворце преемника ей удалось поспать. Все равно делать там было нечего. Амир вскоре покинул пленницу на попечение двух солдат стоящих за дверью. Но теперь на нее навалилась усталость. Позади тяжелый день и не простая ночь, сон дважды прерывали. Сознание туманилось. А ей было что обдумать.

Пыталась принять решение, что делать. Не очень получалось. Учитывая все произошедшее, нужен был совет, но с одной стороны, говорить с кем-то о требованиях преемника ей запретили, с другой стороны, скажи она Аршинову что произошло, возникнет вопрос, а почему сложилась эта ситуация? Тогда придется рассказать о произошедшем между ней и государем. Можно было преподнести все в более мягком варианте, что преемник всего лишь перестраховался на ее счет, и между нею и Вишнаром ничего нет. Но Аршинов ведь не дурак, у дурака она не стала бы спрашивает совет. Министр все сразу поймет. Если уже не понял, что именно происходит у всех за спиной. Не зря же он про Вишнара и чай намекал... С учетом особенного внимания правителя, заподозрить роман не мудрено. Вряд ли Аршинов поверил, что она правда была вчера у доктора, и точно не исключил места, где она действительно провела эти тридцать минут.

Ситуации легли одна на другую и Калина Проскурина, к огорчению своему поняла, что рассчитывать на кого-то она не может. Для всех она лишь пешка. А раз так — придется пока смириться с обстоятельствами и действовать по ситуации. В конце концов, Вишнар не может не вмещаться, он точно призовет всех виновных к ответу. И начнет со своего змееныша сына.

Делать было нечего, Проскурина встала и начала собираться.

Однако ее надежды не только не оправдались, они воплотились прямо наоборот.

Вишнар не только не призывал никого к ответу, он еще и ополчился против гостыи. Вот уж чего она никак не ожидала. Но в это утро, впервые с момента приезда делегации Калина обнаружила кресло правителя одиноко стоящим во главе стола. Ее стул, что был парой трону государя все эти дни, исчез, как и не бывало. Теперь ей было отведено место в самом конце правого ряда. Самая крайняя точка по отношению к Вишнару. Север его отчуждения.

Этого не могли не заметить и члены делегации. Но они, к счастью, восприняли перемену позитивно. Осознали, что их коллега дала, наконец, отпор притязаниям бессмертного, в результате чего он и рассердился. И убрал более не угодную персону с глаз долой.

Вишнар ни разу не заговорил с журналисткой, даже не взглянул. Интуитивно ощущая опасность, Проскурина и сама не подала голос за столом. Могла нарваться на недобрый комментарий. Но пару раз она пыталась поймать взгляд правителя, что бы понять, что произошло. Вчера еще он смотрел на нее нежными глазами. Кроме всего прочего в янтарных глазах была нежность. Кроме всего, она там была! И вот там холод. Жесткие губы слегка изогнуты уголками вниз, черты лица опасно заострились. Он вежлив, но вежлив подчеркнуто, от благодушия ни следа. Впрочем, его расположение духа более ни на ком из членов делегации не отразилось.

Амир стоит на своем обычном месте. Свеж и спокоен. Никакого следа разносов или немилости. Что же произошло? Почему весь гнев достался ей?

Смешанные чувства в душе — досада, горечь и уязвленное самолюбие. Как без него?.. Еще вчера этот мужчина готов был на руках носить, а сегодня охладел настолько, что даже не захотел поговорить. Последнее было даже оскорбительно. Не ожидала...

После завтрака женщина непроизвольно приблизилась к государю, умысла не было, так вышло случайно. Калина шла к выходу, Вишнар разговаривал с генералом Васнецовым о предстоящем втором этапе переговоров, стоя на ее пути. Навстречу резко шагнул солдат и жестом руки остановил женщину. Указав, что путь к правителю ей закрыт. Калина опешила, изумленно уставившись на профиль Вишнара, так демонстративно все это было, что даже Васнецов осекся и замер на миг. Но тут же спохватился, чтобы не акцентировать внимание на подобном грубом обхождении с членом «его» делегации и невозмутимо продолжил. Калина все еще смотрела на резкий профиль государя, и он не мог не видеть ее. Но вида не подал. Не взглянул, не повернулся. Холодно игнорировал, а затем и вовсе повернулся спиной, пригласив Васнецова следовать за ним:

— Я хотел вам показать свой кабинет, генерал. — И они вдвоем удалились. Польщенный Васнецов и правитель бессмертных. А Калина осталась стоять там, где стояла. На всеобщем обозрении. В этот неприятный, унижительный момент, она подняла глаза на начальника безопасности. Амир ничем не выдавал свое отношение к происходящему, но и журналистка не выдала своего. Но это был знаменательный обмен взглядами. В этот момент она и ощутила жесткий укол унижения. До того была лишь обескуражена.

Там тебе и место. То, которое ты занимаешь теперь. Кажется, так думал не только капитан, так думали все. И что самое обидное — и свои тоже. Калина вышла из зала и пошла прочь. Просто куда-то неизвестно куда. Немного побыть одной.

— Калина Владимировна?

Проскурина оглянулась. Аршинов. Стремительно догоняет и приглашает жестом руки отойти в сторонку.

— Нельзя так откровенно реагировать на ситуацию.

— Еще один закон дипломатии? — устало спросила она.

— Самой жизни. Или съедят живьем. И это я не только про наших «гостеприимных» хозяев... Что произошло между вами? Неужели он так оскорбился только потому, что вы ему отказали? Не верю я что-то...

— Не знаю... — пожала она плечами.

— Я так и думал. По вашему лицу это было слишком хорошо видно. Что удивлены его поведением.

— Я такая открытая книга? И не думала...

— Нет, просто я давно в политике, Калина. Что вчера произошло? После того как вы с ним расстались?

— Мы расстались друзьями.

— После чая с кексом, простите за нескромность?... Хотя думаю, кекса не было. Чай, не исключаю.

— Почему вы так уверены?

— За то время что я вас ждал? Я вас умоляю! По напору видно, не тот он мужчина, что бы за полчаса с кексом разобраться. Он бы его до утра растягивал, — пошутил министр.

— Вы правы. Чаепитие было без кексов. Мы расстались очень хорошо после небольшой прогулки. Но мне запретили вам об этом говорить.

— Преемник.

— Вы его видели?

— Нет, не счел достойной. Меня увезли из дворца сразу после вашего ухода.

— Что бы... Понимаете, «кексница» государя работает преимущественно ночью...

— Намекаете, что государь собирался к вам с визитом?

— Не исключаю...

— И?..

— Преемнику не нравится повышенный интерес государя к члену делегации. Он выкрал меня и поставил требования нам обоим. Что он сказал своему отцу, не знаю. Мне — что бы держалась на расстоянии. Или он уничтожит мое доброе имя в глазах всей общественности. Не знаю, правда, или нет...

— Не исключаю, что он может. Вы согласились?

— Вам запретили это обсуждать с нами?

— Естественно.

— Задумка была в другом, — внезапно задумчиво сказал Аршинов.

— В чем?

— Вначале ответьте мне на один вопрос. Вы ждали государя этой ночью с визитом? И не лукавьте. Была договоренность?

— Вот вам и ответ! Им не нужно было ваше согласие. Только лишь забрать вас на ночь из дворца. Что бы государь это узнал. Вас желали опорочить в его лазах и только! Вишнару представили ваше исчезновение так. Преемник позвал вас в гости, и вы упорхнули у него из-под носа. Скажем, польстившись вниманием принца.

— Какая глупость!

— Ничего подобного.

— Притянуто за уши! — возмущалась журналистка.

— Я уже предупреждал вас, как можно вывернуть правду. Найти слова. Сыграть на слабости. Кому как не сыну о них знать?! Вы дали согласие на визит одному и ушли к

другому! Или и того хуже, умышленно обманули или даже решили унижить как мужчину. Раззадорили и бросили, притом ради сына. Или — не пожелали прямо отказать, просто убежали. Он вампир, вы их не жалуете. Они об этом знают. Отомстили, скажем, за бабушку, которую покусали...

— Какая глупость! Нет у меня бабушки...

— Вот видите! Ее покусали, и больше ее нет!.. Глупые шутки, знаю. Но дело в том, что вариантов может быть тысяча! Это неважно, суть одна — он поверил.

— Я не ушла, меня увезли!

— Как вы это ему теперь докажете? Вам же пригрозили, теоретически вы даже не станете оспаривать это мнение государя. Или преемник воплотит свою угрозу. У Вишнара нет оснований верить вам — предавшей его надежду, потому что обманутая страсть, плохой советчик мужчине. Неудовлетворение плоти подъедает душу сильнее любого яда. Оно мучает и помогает видеть вас такой, какой вас представляют.

— Но ведь он далеко не глуп!

— Он не первый далеко не глупый мужчина, который наступил на эти грабли. И каждому из них они больно вмазали полбу. Вишнар после поймет, предположит уж точно, что вы были пешкой и вами вертели, а его обманули. Но тогда уже будет поздно. Переговорить и развеять сомнение возможности уже не будет. Вы уедете в мир людей. А пока что-то доказать он вам сам не позволит. И чем сильнее станете пытаться, тем толще будет стена. Правда, не станете пытаться, он будет думать еще хуже и больше верить в ту грязь, которой вас так хитро покрыли для его глаз. У правящих мира сего свои недостатки. Самолюбие размером с дворец который они занимают. А чем больше самолюбие, тем легче его ранить. Потому как прикрыть такой масштаб ни рук, ни другого чего-то не хватит. И дело очень усложняет тот факт, что вы правда нравитесь ему, Калина. Вы как личность. Поверьте моему опыту. Он видит то, кто вы есть, а не только то, как вы выглядите. Уже достаточно пожил и может оценить главное. Он нашел в вас равную, если хотите. Разумом и зрелостью. Плюс ему нравится ваш не кроткий нрав, пытливый ум и уверенный взгляд. Он очень внимательно наблюдает за вами, когда вы не смотрите на него. Нет, не на губки там и все что ниже. Это просите даже вульгарно при его уровне и масштабе. Он смотрит именно в глаза. Ловит их выражение и анализирует. Не думаете же вы, что сразу понравились ему? Государь узнавал вас постепенно. Проверял и наблюдал. Говорил что-то и слушал. Создавал какие-то ситуации, о которых ни вы, ни я не знаем. Первая волна его комплиментов была механической, реакция на близость новой женщины. После в ход пошли настоящие взгляды и улыбки. Вы его очаровали Калина. Я понял это только сегодня. По масштабу его обиды. Именно это сразу почувствовал неуловимый наследник. Которого нет, но который есть.

— Чем это ему помешало?

— Кто знает? Увидел угрозу в вашем лице.

— Точнее в вашем. По его мнению, я была именно вами натаскана понравиться Вишнару. Близость входила в обязанность.

— Ну, он в чем-то прав. Это не лишне. Так делали издревле. Ловили сильных мира сего на мужской интерес. Женщины вертят мужчинами лучше чем страх, жадность, зависть и жажда власти. Влюбленный мужчина способен на все. Вот вам и довод. Я понимаю преемника. Судя по тому, что мы видим, то, что отец и сын никогда не сидят за одним столом — тут происходит дележка за власть. Вероятно, преемник не желает этого мира.

— Капитан Амир говорит иначе. Сын государя тоже желает мира, поверьте, он его

правда желает! Но они не ладят, отец и сын. И дело тут, правда, во власти. Преемник рвется к ней и уже возомнил себя истинным главой государства. Это я поняла из ночной беседы с капитаном.

— Этот капитан не так прост, как кажется.

— Это вы мне говорите? Я и сама знаю.

— Да-да, в нем есть услужливость, мнимая покорность. Кланяется на право и налево. Лицо спокойное, доброжелательное в определенные моменты. Такой себе одуванчик с клыками. Но все это видимость. Вы обращали внимание, как он отдает приказы? Точнее он говорит так, словно отдает приказы. Даже с теми, кто выше рангом. Что — то такое в лице и голосе... В нем есть тяга и жажда власти. Не удивлюсь, если узнаю, что этот серый кардинал и есть главный дирижер в оркестре. Это он вертит преемником. Вся информация к тому идет от него. Он тут и днем и ночью, и все видит, а преемник только фигура, которая якобы принимает решения. Думаю, даже государь не понимает, что происходит. У этих двоих тандем за его спиной. Они крутят государем. Вот и ситуация с вами это доказывает. Эх, нет в этом мире никого настолько сильного, чтобы не нашлось кого-то сильнее. Или умнее...

— Я зря рассказала это вам? Как думаете, они воплотят угрозы?

— Нет. Для них главное, что бы Вишнар не знал правду. Мы же им не угроза. Прежде всего, потому что не станем вмешиваться. Тут идет серьезная внутренняя борьба и нас просто как в жерновах разотрут, если станем совать нос не туда. На чужой территории мы слабы. И они понимают, что мы это понимаем. Точнее, что вы все-равно придете ко мне на отчет, и я вам это скажу. Вы же сами сказали, они видят вас ведомой фигурой. А я ваш кукловод. Явно не Васнецов. Ввиду ваших конфликтов стало очевидно, что вы ему не подотчетны. Вас защищал я. Да, сами им всю схему своих взаимоотношений выдали, — удрученно вздохнул Аршинов. — Не люблю когда в команде одни якоря. Плыть, придерживаясь курса не с кем. Все тянут назад или тормозят... Но я знал куда еду. Точнее, те, кто меня сюда направили. Работать придется едва ли не самому. Еще и видимость силы других поддерживать. Это я про нашего генерала. Тонко за ниточки дергать. Но тонко не получилось. Меня, по-видимому, тоже переоценили в штабе. Старею... В общем, так, Калина. Вскроем карты, поскольку я ваш настоящий кукловод, то не рекомендую говорить что-то государю о реальном положении вещей. Цель наша вывести, что у вампиров на уме и перевести переговоры на другой этап.

— Какой?

— Вам этого знать не положено. Вам же будет лучше не знать. Вампиры правы, ни вам, ни нам не нужны сложности. А они бы случились, если бы вы нашли, так сказать, общий язык с государем в прямом смысле этого слова. Если между бессмертными завяжется конфликт, еще не известно чем он обернется для нас. Возможно, именно Вишнар сдерживал эти десять лет кровавую жажду соплеменников. Мы не можем этого знать. Согласитесь, нам не на руку, если столь лояльно настроенный к людям кровосос, вдруг потеряет свое место государя.

— И что же мне делать?

— А зачем вы сюда приехали? — улыбнулся министр. — Вот и выполняйте свою работу. Приятные приключения закончились, начинаются суровые будни. Смотрите по сторонам. Записывайте свои мысли, фотографируйте. словно вы просто журналист.

— Я и есть журналист!

— А я и есть министр, но, тем не менее, играю роль министра. Представляете, какое

совпадение! — посмеялся он. — Пойдемте искать нашего генерала, который играет роль тупого валенка и прекрасно с ней справляется.

— Вы же учили меня не говорить плохо ни про кого, — укорила Калина.

— А теперь новый урок. Иногда нужно делать провокации. Что бы проверить кто перед тобой.

— По возвращении отсюда я блестяще сдам экзамен на дипломата, вашими стараниями.

— И это тоже один из законов политики. Немного изящной лести никогда не повредит... — благосклонно сказал Аршинов и, встретившись взглядом, они дружно рассмеялись.

Глава 10. Невинные развлечения

Переговоры намеченные на одиннадцать часов дня прошли. Общая политика бессмертных не изменилась в свете ночных событий. За все время произошел всего один неприятный инцидент, который в очередной раз напомнил всем и прежде всего Калине, что ее положение переменялось.

Правитель бессмертных изящно отражал вопросы делегатов полные сомнений, говорил Вишнар убедительно, и все проникались его настроением. Этого было не отнять — государь умеет убедить, он виртуозный оратор способный внушить доверие. Но, не смотря на весь его энтузиазм, радушие и силу звучащую в голосе, бессмертный вдруг запнулся посреди очередной фразы и довольно резко потребовал. Именно потребовал тоном истинного правителя:

— Госпожа Проскурина, вы не могли бы перестать щелкать своей невыносимой машинкой?! Капитан, потрудитесь снабдить фотографа необходимой, а главное — бесшумной техникой!

Вишнар тут же вернулся к любезному тону в адрес своих собеседников. Калине же пришлось отступить за спину государя, чтобы не раздражать. И ждать в стороне пока ей не принесут новый фотоаппарат, бесшумный. Но поскольку принесли его далеко не сразу, сложилось впечатление, что Вишнар не столько не желает слышать щелчки фотоаппарата, сколько не желает видеть ту, что им пользуется.

Переговоры закончились, настало время обеда. Почти для всех он прошел очень хорошо — в приятных беседах. Для журналистки практически также как завтрак. В немилости. Но последней неприятной каплей стало для нее умышленное жестокое отношение. Впрочем, чего же еще ждать от кровососа?.. Калина внушала себе, что не огорчилась, но задеть за живое ее все-таки удалось.

Волею судьбы ей было дано столкнуться с государем в коридоре. Ее ведет солдат, вокруг него — неизменная охрана — впереди, сбоку и позади. Проход не был узким, но она все же посторонилась. Однако это не помешало ближайшему к ней охраннику государя задеть ее плечом. Сила была небольшой, но учитывая ее каблук и скользкий пол, гостья упала и больно ударилась. И в результате вскрикнула, от досады и неожиданности. Даже слезы выступили на глазах. Когда же оглянулась посмотреть на обидчика, что и не подумал принести свои извинения, увидела холодные глаза Вишнара. Он вскользь глянул на женщину, не прекращая движения и отвернулся, словно ничего не произошло. Самое неприятное, что в этот момент в коридоре появились прочие члены делегации и именно такой они ее и увидели — стоящей на коленях. Еще один щелчок по носу — солдат стоящий неподалеку руки ей не подал. Это сделал начальник безопасности. Амир двигался по коридору навстречу делегатам, чтобы сопроводить на обещанный заранее осмотр гостиницы для туристов.

— С вами все в порядке? — заботливо поинтересовался он, но женщина не ответила и помощи не приняла.

— Калина Владимировна, что с вами? — стремительно приближаясь, спросил Васнецов и возмущенно взглянул на капитана. Счел его виновником.

— Поскользнулась, Артур Вадимович. Все хорошо.

— Будьте осторожны, — придерживая ее, назидательно сказал генерал, демонстрируя

просто смешную заботу. Точнее сказать, желая показать капитану, что он тут главный даже в таких мелочах.

— Вы хорошо держитесь, Калина, — сказал Амир гостье, когда представилась такая возможность, и никто не мог их услышать.

— У меня есть выбор? — холодно уточнила она.

— Выбор есть всегда. Разве не вы это сказали? — тепло напомнил он.

— Преемник уполномочил вас передать восторги моей стойкости?

— Нет. Я сам... себя уполномочил. Но сын государя доволен, что вы ведете себя именно так.

— Не усложняю его жизнь?.. Не вижу необходимости оправдываться, тем более, в том чего не совершала, капитан. Что вы сказали государю?

— Вам нет необходимости это знать. Вы все верно делаете. Пусть все так и остается. Но мне жаль, что все обернулось для вас подобными неприятностями.

— Вам жаль, Амир? — сощурившись, переспросила Калина. — Вы решили подружиться со мной? К чему и, главное, откуда эта мягкость?

— Не могу не отметить вашей стойкости. Она меня восхищает. Учитывая слабость свойственную вашему полу. Потом, вы правы, подружиться никогда не поздно. Думаю с вас довольно немилости государя. Вы можете мне не верить, но я ощущаю долю своей вины, хотя всего лишь выполняю свой долг и следую приказам. Это не мои решения — преследовать вас. В конце концов, вы женщина. Как мужчина я не в праве об этом забывать, хотя бы когда никто не видит нас.

— Не забывайте, Амир, — сказала она благосклонно, глубоко задумавшись об истинный причинах перемены произошедшей в этом мужчине. Капитан улыбнулся, и легко кивнув, отступил.

— Вы совершенно правы, Калина, — подтвердил позднее Аршинов. — Дело не в переменившемся о вас мнении. Это приказ преемника — установить с вами доброжелательные отношения.

— Зачем? Это же глупо.

— Нисколько. Если они думают, что вы выполняли приказ, когда налаживали контакт с государем. Теперь же вы лишены его расположения, задание провалено. Вам нужен иной объект для влияния. Или же сбора информации. Поэтому они подсовывают вам Амира. Точнее он сам подсовывается, но согласовав это с преемником, не сомневайтесь.

— Если они понимают, что я работаю на вас, они понимают и то, что вы понимаете их истинные мотивы. Так в чем смысл?

— Конечно, понимают. Как и то, что выбора у вас нет, и вы ухватитесь за эту соломинку по моему приказу.

— А я ухвачусь? — возмутилась она.

— Почему нет? — изумился министр. — Узнайте, что они хотят этим добиться? Воспринимайте как игру. Но не слишком активно в нее играйте.

— Ну, вот. А говорили, я всего лишь журналист, — тяжело вздохнула Проскурина.

— Я тоже всего лишь министр, но играю роль покладистого старика для Васнецова. Главное достижение цели. Реальной вашей роли это не отменяет. Нет, я вас не вынуждаю, Калина Владимировна. Все на ваше личное усмотрение. Но думаю, вашим целям журналиста это соответствует — узнать, что затевают бессмертные.

— Как все быстро меняется в вашей политике. Вчера куртизанка, сегодня поутру

журналист, сейчас вот разведчик. Такими темпами, как бы не забыть к окончанию визита, кто я. Репортер, а не шпион от людей на задании.

— А мы тут все шпионы на задании, Калина. По крайней мере, для этого капитана.

Аршинов не ошибался в одном, Калина горела желанием узнать, что затеял «высокомерный многоликий интриган» — Амир.

Для построения гостиницы бессмертные выбрали самую живописную часть города. Просторная улица, неподалеку парк с ровными рядами деревьев, повсюду клумбы с цветущими растениями, хотя для подобного буйного цветения еще не сезон.

— А почему у вас уже распустились цветы? У нас еще только пробиваются.

Журналистка обратилась к бессмертному, которого выделили делегатам в качестве гида. Приятный услужливый господин неопределенного возраста с легкой проседью в волосах. Его звали Гриндингвард, но он предложил людям называть себя — Гринд. Особенностью этого бессмертного было то, что он умел улыбаться, не размыкая губ, и потому ни разу не испортил о себе впечатления. Демонстрация клыков никого из людей по-прежнему «не восхищала».

— Это специально выведенные сорта. Не прихотливы к погодным условиям. Их сдабривают необходимыми веществами, и они растут круглогодично. К тому же благодаря защитному куполу температура в городе выше, чем должна быть.

На всем протяжении дороги, гостей окружают странные по форме дома. Не такие больше как дворец Вишнара, но величественные строения. Башенки. И трудно не признать, что все эти сооружения очень напоминают по форме мужской детородный орган. Члены делегации со значением переглядываются, но никто не рискует расспросить про странность архитектурного решения.

— Это частные владения, — охотно рассказывает Гринд. — В центральной части города живут представители княжеских родов.

— В таких больших сооружениях живут всего лишь члены одной семьи? И сколько их там?

— Не так и много, — отвечает гид. — Большая часть жильцов — обслуживающий персонал. Но положение обязывает иметь соответствующее рангу жилье.

— А где дом преемника?

— Мы только что его покинули, — растерянно ответил бессмертный. — Сын государя живет во дворце.

— Его никогда нет там, вот я и подумала, что он живет отдельно, — Солгала журналистка и покосилась на капитана Амира, что с невозмутимым видом сидел в конце прогулочного корабля. Игнорировал немой вопрос в глазах журналистки.

— Да, преемник большей частью обитает в казармах. Как и все военнообязанные жители города.

— Разве они проживают не в домах своих отцов? — удивилась Калина.

— Ну почему же? Там тоже. Ведь существуют отгулы и выходные. Но большую часть времени в казармах.

— А свои дома у них появляются, когда они заводят семью?

— Нет, поколения проживают под одной крышей.

— Вот почему дома такие большие? Все жители бессмертные, накаливаются веками. И как они там помещаются?

— Все проще, чем кажется. Дети у князей рождаются не так и часто. Все это

происходит из-за того, что только один ребенок вправе унаследовать титул родителя.

— А если рождается больше детей?

— Тогда младший сын предоставлен сам себе. Он рядовой гражданин и сам пробивает себе дорогу. Добивается положения и строит свой собственный дом. Но уже в другой части города. Как я сказал, титул переходит к старшему сыну и в этой части столицы живут лишь именитые члены города.

— А получить титул иным путем нельзя?

— Можно. Но это не такая частая практика. Хотя я знаю такой случай на своей памяти.

— И кто он?

— Наш уважаемый правитель. Он был третьим сыном своего отца.

— И как он стал правителем?

— Это замечательная история, но наша сегодняшняя цель состоит в другом, — любезно улыбаясь, ответил Гринд. Дав понять, что у него нет полномочий рассказывать. По крайней мере — сейчас.

На горизонте показалось здание гостиницы. Это было впечатляющее, если не сказать грандиозное сооружение, состоящее из трех огромных прямоугольных строений соединенных стеклянными проходами. Конструкция казалась простой, и при этом выглядела изящной. Гостиница казалась состоящей большей частью из окон. Трехступенчатая крыша с плоским верхом напоминала корону. Но там наверху имелись дополнительные строения. Из беседы с гидом делегаты выяснили, что на крыше построены: рестораны, площадка для волейбола, бассейн и многое другое. И это только лишь крыша здания.

— Кроме всего там предусмотрена парковка для шаропланов — нашего традиционного городского транспорта. На случай транспортировки особо-важных гостей из мира людей, — пояснил гид.

Корабль, на котором перевозили членов делегации, был необычен — некая вместительная платформа без колес с комфортными сидениями. Она плавно летела по улицам города управляемая автопилотом. И все время держалась на небольшом расстоянии от земли. Но, по словам гида, могла подниматься на несколько метров в высоту. К счастью было уже достаточно тепло, а скорость не была большой, поэтому никто не замерз.

— Гринд, — обратилась журналистка, — А если пойдет дождь, что вы делаете на этих ковралетах?

Бессмертный улыбнулся и, проследовав к пульту, что стоял во главе платформы, нажал кнопку, предупредив всех, кто стоял у края, что необходимо посторониться. В этот же миг по краю пола начали выдвигаться, наслаиваясь одно на другое полосы стекла. Они ритмично постукивали и складывались, вырастая в высоту до тех пор, пока не достигли своего предела, образовав четыре стены метра три высотой. В итоге стены сомкнулись посередине над головами делегатов.

— А мы не задохнемся?

— Вентиляция в полу.

Калина поискала глазами и обнаружила отверстия по углам, в которых двигались вентиляторы, прогоняя воздух по кругу.

— Очень удобно, — оценила она впечатленная представлением.

Члены делегации с интересом осматривались, кто, трогая стену рукой, кто, задрав голову рассматривая прозрачный потолок. Капитан Амир сидел в самом конце платформы в углу и подрагивал уголками губ, наблюдая за реакцией людей.

— Да, это вам не «Лада Калина»! — сказала журналистка майору Калинину, что сидел по правую руку от нее.

— А я люблю наши отечественные автомобили, — вступился он.

— А что вам остается майор? — пошутила женщина.

— Это название транспортного средства? — спросил Амир. — Забавно. И что, хороша «калинка»?

— Она умеет ездить, капитан, — улыбнулась Проскурина.

— Очень хорошая характеристика для автомобиля. А могла не ездить?

— У нас?.. Могла и не ездить. Гордо стоять. Почетное звание автомобиля у нее бы за это не отняли.

— Калина Владимировна, — сделал замечание генерал Васнецов. Намекая, что чернить отечественного производителя на глазах у врага неосмотрительно. Если не сказать — предательство.

— Генерал, я свою «Ладу» не обменяю и на два таких «кубика» как этот, и даже на три «шарика», как те, на которых обычно летают наши уважаемые бессмертные.

— Похвально, — оценил Васнецов.

— У вас Лада, генерал?

— Нет, — кашлянув, неловко сознался Артур Вадимович. — Другая машина.

Генерал Васнецов стал активно интересоваться видом из окна, по-видимому, желая избежать продолжения разговора, и Проскурина закусил губу, скрывая улыбку.

— Старый запас, да? — уточнила журналистка.

— Какое это имеет значение? — возмутился генерал и ушел в самое начало транспортера. Подальше от настырной женщины.

— Старый запас? — заинтересованно спросил капитан.

— Машины того времени когда у нас еще делали машины, — иронично ответила журналистка. — Удовольствие для избранных.

— У меня тоже машина из старого запаса, — расправив грудь, в диалог вступил майор Калинин. Он как всегда не уловил иронии в словах журналистки и нашел время удобным для ухаживаний. — Калина Владимировна, вы хотели прокатиться? Когда мы вернемся домой, я буду счастлив, прокатить вас с ветерком на своем резвом скакуне!

— Благодарю вас, майор, — развеселилась женщина. — С радостью познакомлюсь с вашим скакуном.

— И познакомите меня со своей девочкой?

Проскурина до боли закусил губу, силясь не расхохотаться от двусмысленности прозвучавшей фразы. Капитан, который был свидетелем диалога, имел до края заинтригованное лицо. Кажется, он не до конца понимал привычную для любого человека игру слов, но очень старался вникнуть в ее суть. Впрочем, Калинин, очевидно, тоже недопонял, что сказал.

— Если вы про мою «Ладу Калину», непременно, — выдавила журналистка.

— А у вас есть другая девочка? — растерялся он.

— Как вам сказать, майор?.. — сдерживаясь из последних сил, Калина изобразила на лице задумчивость. — Да, еще одна есть, и в принципе на ней тоже можно прокатиться, но она, так сказать, не доступна широкой общественности...

— В ремонте?..

— Калина Владимировна! — перебил Аршинов. — Вы должны это видеть! — с

нажимом в голосе, добавил министр, взглядом прекращая неуместные шутки, потому что в отличие от майора подтекст он понял сразу. За гостями наблюдали бессмертные и внимательно слушали. А нравы у них другие и подобные шутки они могли и не оценить.

После краткого диалога с Аршиновым, журналистка вернулась на свое место и обнаружила — начальник безопасности смотрит из окна транспортера с отсутствующим видом. И не ясно, какие его одолевают думы.

— О чем задумались, капитан?

— О «калине»...

— Обо мне или ягоде? — уточнила журналистка.

— О машине, — задумчиво глядя сквозь стеклянную стену транспортера, отозвался Амир. — Полагаю, это было бы интересно. Никогда не катался на человеческом транспорте.

— Это у вас «человеческий транспорт», капитан, — присаживаясь рядом, признала женщина.

— И все-таки, на что это похоже? — поворачиваясь к женщине, спросил вампир.

— На что похоже?.. Вас когда-нибудь немилосердно трясло, беспощадно подбрасывая в процессе? Так чтобы потом некоторые места, подсказываю, близкие пятой точке, саднили и побаливали?.. Вот такое оно, близкое общение с «Ладой Калиной».

— А у меня тоже будет саднить и побаливать? Место близкое к?..

— Нет, это у людей, саднит и побаливает, а вампиры сразу рассыпаются в прах, — иронизировала женщина.

— Машина так плоха?

— Сложно сказать, ни разу не ездила на ней по нормальной дороге.

— А что вам мешало?

— В основном их отсутствие, — с постным лицом все шутила гостя. — Вы любите кататься на машине, капитан?

— У нас весь транспорт воздухоплавающий. Сухопутный водить не доводилось.

Помолчали. Неловкость длилась минуту, затем журналистка спросила:

— У вас богатый опыт, Амир?

— В смысле?

— Я оседлала своего первого жеребца в девятнадцать. А какой у вас рекорд?

— Что, простите? — растерялся капитан.

— Говорю, первый раз это случилось в девятнадцать. Лихие были дни, жаркие ночи. Так нарезилась, еле оттащили.

Бессмертный смотрел на собеседницу сосредоточенным взглядом, и было очевидно, напряженно анализирует.

— Я не совсем понял, о чем именно вы меня спрашиваете, госпожа Проскурина?

— О первом опыте, капитан...

— О моем первом опыте? — не без удивления переспросил он, умышленно тихо. Сидящий неподалеку майор напряженно пытался уловить суть чужой беседы.

— Да, о вашем первом опыте.

— А вам... очень необходимо это знать? — поколебавшись, уточнил мужчина.

— Очень, — уверила Калина.

— Семнадцать лет.

— Вы были один или с вашим отцом?

— Ваш папа при этом присутствовал?

— А ваш, что, был рядом? — теряясь все больше, уточнил Амир.

— Нет, конечно!

— Тогда почему мой отец должен был это видеть?

— Вы же цивилизованный народ! Не то что мы. Все тайком, все украдкой.

— В этом вопросе, мы, позволю себе это слово — цивилизованы не больше вашего.

— Вы были один?

— Нет, почему же один?.. — стушевался капитан. — Вдвоем.

— А нас было трое! Правда, еще двое набивались, но мы решили, что нам будет тесно такой кучей. Слишком много впечатлений, знаете ли. Втроем как-то надежней.

— И как вам ваш первый опыт? — деликатно спросил Амир.

— Общее впечатление?.. Ужасно. Накаталась до одури! Резину стерла. Дома был большой скандал.

— Я могу узнать причину конфликта?

— Да. Отец не любит когда кто-то берет его машину. А я ее еще и разбила.

Проскурина силилась не расхохотаться. Амир держал себя в руках, лицо в целом не изменилось, но что-то такое было в его глазах, у Проскуриной руки чесались сделать пару кадров. Кажется, капитан до последней секунды думал, что речь идет совсем о другом «скакуне».

Путешествие завершилось, транспортное средство замерло возле огромного строения. Когда стеклянные стены транспортера исчезли в полу, делегаты по ступеням спустились вниз. Капитан шел перед журналисткой и внезапно предложил ей руку, опереться, когда оказался снаружи.

— Благодарю, — шепнула Проскурина. Капитан покорно кивнул и тут же отступил. Делегация между тем неторопливо втягивалась в здание.

Вначале осмотрели просторный холл, затем прошли служебными помещениями, где тоже было что посмотреть. Просто бесконечная гостиница, ноги стоптали, но не увидели и меньшей части всего, что имелось в современном здании. Шкафы в комнатах открывались по команде, так же раздвигались шторы. По голосовому сигналу открывалась вода в кране и регулировалась ее температура.

Внутри было все — развлекательные центры, магазины сувениров, кинотеатры и спортивные центры. Номера большие и малые, для разного рода гостей. Для одиночек и больших семей. Но все одинаково благоустроены и комфортны.

— Внушительный размах. Целая инфраструктура, — оценила женщина.

— Нам хотелось создать максимально комфортные условия проживания, — пояснил гид.

— Думаю, после такой жизни никто не пожелает возвращаться домой, — намекая на непростую жизнь людей, подытожила Проскурина.

— Никто не возражает, если визиты станут повторяться. И длительность их никто не ограничивает никакими рамками.

— А если визит станет длиться неделями?

— Значит, мы создали то, что хотели. Настоящее гостеприимство.

— А где подводный камень? Он не может не существовать.

— Думаю, госпожа Проскурина подразумевает, нет ли подвоха? — пояснил капитан, поскольку Гринд смотрел на журналистку в недоумении.

— Думаю, госпоже Проскуриной тяжело будет найти то, чего тут нет, — ответил

бессмертный и экскурсия продолжилась.

Делегаты задавали множество вопросов и получали более чем подробные ответы и вскоре от количества информации, а так же от простора и обилия осматриваемых помещений, утомились все. Экскурсия завершилась досрочно. Калина успела сделать множество снимков, на свой обычный фотоаппарат. Тут ей замечаний никто не делал. И фотографировать разрешили все без исключения. Вероятно, потому что это было в интересах вампиров. Что бы люди увидели, что их тут ждет. И пожелали приехать...

Но до окончания экскурсии был еще подъем на крышу. С которой город бессмертных просматривался как на ладони. Зрелище было завораживающее, все любовались видом в полной тишине. Здание гостинцы было практически той же высоты, что и государев дворец. Вторая наивысшая точка в городе. Но когда Проскурина поинтересовалась высотой обоих строений, оказалось, что высшая точка города — все-таки дворец. Выше его возводить ничего нельзя.

— Ну, еще бы. И эти меряются, у кого больше.... — шепнула она себе под нос.

— Что вы говорите? — переспросил гид.

— Я говорю — большой у вашего государя! Просто огромный у него дворец!

Где-то вдали виднелась, хотя и была едва различима железная стена ограждающая мир людей, перед ней пустынное серое пространство — сколько хватает взора. А сразу за очертаниями дворца — зеленый мир с частыми причудливыми строениями домов. Парки, аллеи, дороги. Стремящиеся куда-то шаропланы, кое-где мелькающие жители города. Улицы практически пустынные, вероятно, все заняты делом. Солдаты маршируют на окраине города на отведенных им просторах, дамы, вероятно — стирают-убирают по домам. Город выглядит тихо и неожиданно мирно. Город будущего, город — сон.

— А где ваш дом, Амир?

— У меня его нет. Я живу во дворце, — отозвался капитан, возникая справа. Калина обратилась наугад и оказалась права, это он стоял позади, сразу за ее спиной.

— А куда вы меня возили ночью?

— Во дворец преемника.

— Почему гид сказал, что такового нет?

— А зачем ему знать, что он есть? — взглянув на журналистку, спросил мужчина.

— Тайны, да?

— Вы изменились, Калина, — вместо ответа сказал мужчина, внимательно изучая ее.

— Вы сами предложили мне мир, нет?

— Не думал, что вы его примите, — пожав плечами, ответил он.

— Сама не знала.

— Импульсивность в действии?

— Вот именно. Настроение хорошее.

— Жаль, что оно часто вам изменяет.

— Все в ваших руках, капитан. Я зеркало мира, — улыбнулась женщина и тряхнула русыми волосами, которые рассыпались по плечам.

— Значит, сейчас в зеркало смотрит обаятельный парень? — намекая на ее приятное поведение, поинтересовался Амир.

— С парой премилый клыков, — легко поддела она. — В остальном он милаха. Когда не треплет кобыле гриву.

— Это какая-то понятная только людям игра слов?

— Аналогия пережитого.

— Я уже извинился за волосы.

— Вам еще извиняться и извиняться, капитан. Не вы ли желали обучиться тонкостям общения со слабым полом? Так вот первое правило — волос на первом свидании не рвать!

— А на втором, стало быть, можно? — усмехнулся он.

— Не раньше, чем на третьем. И то если кобыла любит твердую руку, — глядя в глаза подразнила она.

— Нужно иметь немало терпения, что бы дожить до третьего раза, — с серьезным видом шутил он.

— До третьего раза еще нужно вытерпеть свиданий десять, не меньше. И то, если дама сговорчивая.

— Не понял вас...

— А как вам меня понять? У нас до первого раза принято куда-то водить и ухаживать какое-то время. Или этого первого не будет. Что говорить про третий раз? — подразнивала она с серьезным видом. Амир с интересом слушал, вникая в суть. Все-таки это своего рода познание мира и нравов людей. — Это вам не за конфетку в кладовку. Хотя суть примерно та же. Но дивидендов больше.

— Простите? — снова не понял он.

— Отдача говорю, многим больше, если ухаживать. Приятней, то есть... Ну, хватит с вас на первый раз. Усвойте пока первое правило. Волос категорически не рвать! — И покусывая губы чтобы не смеяться, удалилась к остальным, что бродили кучкой, перемещаясь по огромной крыше, и осматривали окрестности с высоты. Один раз Проскурина оглянулась, Амир смотрел ей вослед. Лицо погруженного в себя мыслителя. Понял, что над ним подшучивают, но не обиделся как всегда. Вероятно, следует приказу — «больше не конфликтовать!». Размышляет теперь, к чему она завела это разговор. Ну и пусть думает. Калина ждала ответного шага и знала, что он последует. В конце концов, это была двусторонняя игра.

Поздним вечером того же дня, после ужина, Калина сидела в своей комнате и записывала все свои мысли и наблюдения, размышляя в процессе. Пока, картина не прояснялась. Члены делегации в очередной раз проводили свои совещания без участия журналистки, поэтому она была предоставлена сама себе.

В этот вечер их вновь развлекали необычным способом — повели в парк, в закрытую стеклянную оранжерею и показали необычный искусственно выведенный вид растения.

По поверхности небольшого бассейна окруженного карликовыми деревьями плавали птицы, очень похожие не лебедей. Только миниатюрные. По крайней мере, такое впечатление сложилось издалека. Когда же члены делегации приблизились вплотную, все они изумлено охнули. Стало понятно, что это никакие не птицы — цветы! Растения были недвижимы какое-то время, но когда солнце, что просматривалось сквозь стеклянную стену, коснулось линии горизонта, растения зашевелились. Лепестки-крылья стали подниматься и складываться. А когда сложились полностью, цветы стали погружаться в воду и вскоре исчезли.

— Они всплывут с рассветом. Очень светолюбивые, — пояснили людям.

Члены делегации по достоинству оценили очередное чудо, но после прототипов их уже мало чем можно было удивить. Но зрелище и правда, выглядело незабываемо. Огромный лик уходящего солнца неторопливо спускается вниз и следом за ним причудливые растения

погружаются в воду. На этой волне приятных эмоций всех делегатов развели по отведенным комнатам на ночь.

В дверь постучали, и Калина встрепенулась, откидывая воспоминания прочь. За дверью ее ждала еще одна неожиданность.

— Капитан Амир? Вы что-то хотели?

— Побеседовать с вами, — кивнул гость.

Калина покосилась на нерушимого стража за дверью, что не смотрел в их сторону, но все отлично слышал.

— Если это не терпит до утра, то говорите.

— Я бы предпочел зайти, — осторожно сообщил вампир.

— А вам не кажется, что это, после вчерашнего, будет выглядеть странно?

— Нисколько. Я на службе.

— Ну, если вас привели ко мне дела государственной важности, как я могу вас не впустить? — иронизировала журналистка. — Прошу...

Когда двери были закрыты, Калина взглянула на визитера вопросительным взглядом.

Амир осматривался, словно был в комнате впервые. Но поскольку это было не так, Проскурина предположила, что мужчина выискивает, за что бы зацепиться взглядом.

— Я подумал, что после того что произошло с вашим прототипом, вы бы хотели получить другого.

— Не хотела бы. Мне достаточно нервных потрясений. Агате не стало лучше?

— Ее утилизировали.

— Тогда точно не хочу.

— Вы узнали все, что требуется? — вежливо осведомился мужчина, с интересом рассматривая складки горечи, что появились в уголках женских губ. Этот взгляд Амира заинтересовал Калину. Мысль заработала. Ей чудится или все вампиры как-то странно, остро реагируют на проявление эмоций?.. Ее эмоций? Или любых эмоций? Общие человеческих эмоций или чисто?..

— Более чем.

— Я спрашиваю, потому что иные члены делегации...

— Не трудитесь пояснять. Я знаю, чем они заняты в свободное от переговоров время.

— Откуда?

— Интуиция.

— Агата не человек. Это всего лишь часть гостеприимства.

Женщина закатила глаза, теряя самообладание. Фыркнув, она немного отошла от двери и стоящего возле нее визитера. На удивление Амир проследовал за женщиной вглубь комнаты. Словно и не собирался уходить.

— Это все что вы хотели?

— Ваше хорошее настроение вам снова изменило? — улыбнулся мужчина.

— Пожалуй, что так. Не знаю вот только, с кем... Вам пора, капитан. Доброй ночи, — нисколько не стесняясь того что выпроваживает его прочь, проговорила Калина. Амир покорно кивнул и направился к двери.

— Еще секундочку, — спохватился капитан.

— Я слушаю вас?

— А что это у вас за устройство на кровати?

— Мой ноутбук, капитан. Это как у вас калькуляторы, только многим-многим хуже.

— Калькуляторы?

— Счетная машинка. Как счеты, только без костяшек.

— Костяшек?.. — в глазах Амира появлялось все больше недоумения.

— Доброй ночи, — громко объявила она, опережая очередной вопрос. Распахнула перед капитаном двери и замерла.

На пороге стоит Вишнар. И в полном недоумении смотрит на начальника своей службы безопасности. Затем на женщину и как результат скулы его напрягаются, а взгляд тяжелеет. Калина успевает заметить, что со своего поста исчез солдат и это кажется ей тревожным сигналом.

— Капитан?.. Потрудитесь объяснить, почему я вынужден бродить по дворцу и искать вас в этот поздний час? Если вам положено быть у меня с отчетом! Еще час назад!

— Прошу прощения, государь, — кланяется Амир. — Я просил вам передать, что сегодня задержусь с отчетом. Не понимаю, что могло произойти. Вас не проинформировали?

— Проинформировали. Мне было интересно знать, что вас так задержало в пути? На целый час! — едко заметил Вишнар.

— Капитан пришел пять минут назад, — пояснила Калина, но ее не удостоили взглядом в ответ. Государь развернулся и пошел прочь, в сторону своих покоев. Капитан поспешно последовал за ним...

Проскуруину очень волновал вопрос — куда делась охрана? Кто из этих двоих ее «выпроводил»? И главное, для чего? Вишнар, чтобы поговорить с ней или Амир, потому что знал, что государь придет к женщине и хотел, что бы он подумал, что они тут «кексами баловались»?.. И главное, зачем в этой ситуации куда-то отправлять постового? Если охраннику все и так ясно. От кого тут еще прятаться?!

Солдат появился за дверью примерно через четверть часа. Еще минут через двадцать с повторным визитом пришел капитан.

— Теперь что? — холодно поинтересовалась Проскурина.

— Нам нужно поговорить, — протискиваясь в двери, заверил ее Амир.

— Слушаю, — сказала женщина, когда остались одни.

— Я должен прояснить ситуацию. Я не знал, что государь станет меня искать. Он так никогда не поступал. Ни разу. А я служу ему не первый день. Кроме того помыслить не мог, где он меня станет искать. Не знаю, почему именно тут? Это не какой-то коварный план, просто глупое недоразумение. Уверяю вас, я убедил правителя, что ничего такого тут не было. Да он и не подумал бы так, потому что я всего лишь простой солдат. И ему не равня. Мне бы совсем не хотелось усложнять наши и без того не простые отношения, Калина.

— Зачем вы отослали мою охрану?

— Я не отсылал. Вероятно, это сделал государь. Возможно, он был тут, чтобы поговорить с вами, Калина. Смею вам напомнить, что ему не стоит знать о прошлой ночи. Мне бы не хотелось, что бы преемник воплотил свои угрозы. Он воплотит их, уверяю, Катамиртас не из тех, кто колеблется и терзается сомнениями. Вы пострадаете, а я не хочу этого. Слово даю, что это так. Вы верно заметили, потрясений за последние дни у вас было и так не мало. Хотелось бы сделать все, что бы окончание визита прошло спокойно. В конце концов, это мирные переговоры и от вас успех дела зависит не меньше чем от остальных. Это же вы тут представляете глас вашего народа. Это на самом деле так. Вы говорите с ним через свои статьи и репортажи, и имеете влияние.

— Вы что-то поздно это поняли.

— Лучше поздно.

— Хорошо, капитан. Я принимаю ваши объяснения. А теперь доброй ночи, — женщина повторно выпроводила гостя прочь. Нисколько не поверив его словам, хотя и не отрицая их возможную правдивость. Быть может все. Тем более тут. Искал ли Вишнар своего капитана или ее, как и то, подстроил эту ситуацию Амир, или все сложилось само собой, было неизвестно. По крайней мере, пока. Но то, что последний стал шелковым и милым в общении не случайно, в этом она была убеждена...

Калине не спалось. Уже неторопливо завершалась ночь, оставалось часа два до рассвета, а она так и не смогла уснуть. Стресс или обилие мыслей, а скорее и то, и это, сделали свое черное дело, расслабиться не удавалось.

Вконец измотавшись вертеться на огромной постели, журналистка поднялась.

— Свет!.. Меньше света! — попросила она зажмурившись.

Выпила теплой воды и бродит комнатой. Она бы приняла снотворное, но побоялась проспять завтрак. Отчего-то ей казалось, что после вечернего происшествия Вишнар не станет относиться к ней лучше. Даже наоборот, наибольшее беспокойство этой ночью ей причиняли мысли о правителе бессмертных. Словно чувствовала на расстоянии его гнев и готовящиеся новые неприятности. И это волновало. Неприятно беспокоило и даже пугало.

Примерившись ногой к стулу, журналистка внезапно его ударила. Стул отлетел и с грохотом упал на пол. Легче не стало, зато в двери постучали.

— Все в порядке солдат! — заорала она и, не подумав открыть дверь. Прошлась по комнате и ударила уже ножку стола. Не рассчитала силу, от боли мгновенно потемнело в глазах. Пошатнулась и, не удержав равновесие, упала спиной на стену, а потом и сползла по ней вниз. Но и секунды не прошло, провалилась куда-то.

Озадаченная лежит на полу, ногами в комнате, головой и телом в каком-то темном проеме, пытается понять, где она и что произошло.

Как только Проскурина приподнялась, стена плавно заскользила, и журналистка осталась в крошечной темноте обнаруженного тайника.

— Эй-эй! — в панике воскликнула она и кулаками забарабанила по стене. Проем тут же открылся и Калина, как и была на корточках, поспешно поторопилась наружу. Вероятно, имея потешный вид. Такой себе тараканчик стилинга в полупрозрачной рубашечке.

Минут пять Проскурина не мигая смотрела на стену, а затем вновь ударила ее.

С виду обычная стена, такая, как и все остальные. Но примерно на метр от угла она открывалась проемом. Громящая сердцем, Калина осторожно ступила внутрь и стремительно пошла, пока проем не закрылся позади, лишив ее света и как результат возможности видеть.

Уже наощупь она нашла противоположную стену, буквально через пару метров. Повторив процедуру и с этой стеной, женщина открыла проход.

— Свет! — требовательно заявила Калина.

Честно говоря, ее нисколько не беспокоило хамство этого поступка. По положению тайного хода было сразу ясно, что за стеной находятся покои преемника, а не государя. Но если это субъект счел возможным поместить гостю в комнату, в которую имел круглосуточный доступ, почему же не поступить также с ним? Почему бы не познакомиться, наконец?..

Однако комната внешне очень похожая на покои журналистки, была пуста. Постель застелена.

Калина обошла все, заглянула даже в ванну, предварительно тактично поинтересовавшись, давась от смеха:

— Ваше Высочество, надеюсь, вы не пишете?

И когда обнаружила и это помещение пустым, вздохнула облегченно:

— Ну и хорошо! Преемник без штанов, такой конфуз!.. Или конфликт международных масштабов? — задумалась она.

Заглянула в шкафы — висят мундиры. Значит, наследник тут все-таки обитает. И где же он сейчас?.. Впрочем, у мужчины могло быть иное пристанище на ночь. Например, в женских объятиях. В иных покоях или даже другом дворце. Например, том куда ее увозили недавно.

— Очень интересно, но совершенно напрасно! — не без сожаления заключила Калина, когда обыскав все что можно, ровным счетом ничего интересного или полезного не нашла. Никаких бумажных или электронных носителей информации. По-видимому, в этой комнате только спали. И то не сегодня.

— А ведь могла увидеть неуловимого преемника своими глазами. Жаль... Или не жаль? — тут же оживилась гостья. Приблизилась к двери в коридор и осторожно ее открыла. К счастью, а может быть, потому что в комнаты необходимо было оставить возможность доступа обслуживающего персонала, дверь никакими дополнительными замками снабжена не была. И охраны за ней не наблюдалось. Дверь в покои журналистки находилась дальше по коридору, за поворотом. И временной охране гостьи было совершенно не видно, кто выходит из комнаты преемника.

В голове Калины тут же созрел план.

— А почему бы не прогуляться?..

Она знала, что ее все равно найдут, но дело того стоило! Сборы заняли не более пяти минут. Проскурина стремительно вернулась к себе, переоделась, обула мягкие туфли, чтобы не шуметь и поспешила покинуть свою комнату чрез покои преемника.

В местности она уже немного ориентировалась, что сильно облегчило задачу. Знала, где и куда нужно свернуть, чтобы не столкнуться с постовыми, которые, как оказалось, стоят на всех этажах и не только по причине приезда делегации. Охрана дворца — дело обычное.

Прячась и отступая, если что, и сворачивая, где необходимо, Калина достигла желаемого подземного этажа. По слепящему белизной коридору она прошла вдоль огромного окна в стене до самого тупика. Транспортеры были вновь нерушимы, в огромном помещении за стеклом пусто. Сразу за поворотом женщина обнаружила огромный грузовой лифт и очередную лестницу. Выбрала последнюю, на случай если движение лифтов как-то отслеживалось службой безопасности. Спустилась вниз на один пролет и к удивлению своему обнаружила, что дальше спускаться некуда. Минус четвертый уровень. Тот самый...

За массивной дверью очередной коридор, ведущий в две стороны. Журналистка повернула влево. По пути ей часто встречались совершенно одинаковые двери, но все они были закрыты. Только в самом конце коридора последняя была широко распахнута.

В комнатке которую обнаружила журналистка было светло и потому все отлично видно. Два пустых кресла и перед ними на панели пульт управления с обилием кнопок. На стене огромный монитор и еще один с другой стороны. Но сейчас оба выключены. Прямо перед глазами огромное окно, оно дает отличный обзор, именно сквозь него в комнату попадает яркий свет. Внизу огромное усыпанное песком поле. Его окружают высокие белые стены с частыми рядами однотипных окон в три этажа. За этими окнами расположены похожие друг

на друга смотровые комнаты. Все это напоминает ложи в театре.

По полю спасаясь от бессмертного, бегает и мечется ают. Довольно крупный и очень резвый.

Тайное развлечение — игры хищников. Калина замерла, наблюдая за зрелищем. Животное уже роняло пенную слюну на песок. Оно было ранено, измотано, но очень активно сопротивлялось. Издавая мучительный звук страха. Довольно громкий вой транслировал динамик в операторской. И женщина слышала все, даже напряженное дыхание бессмертного...

Ают, несуразное с виду существо, нелепое — излишне крупное тело для слишком тонких конечностей. Отверстия для обзора в его черепе едва ли можно было назвать глазами. Что-то мутное, белесое, влажно поблескивающее. Но это существо было живое и сейчас безумно страдало, испытывая дикий страх, потому что ощущало близость и неизбежность смерти. Это не могло не тронуть.

Хищник следил за жертвой одним лишь движением глаз. Так продолжалось какое-то время, пока ают не оббежал арену по кругу, все еще пытаясь выбраться из этой глухой клетки. Но выхода не было. Все они заблокированы. Держался зверь поближе к стене, на безопасном расстоянии. И вертел головой, чтобы видеть неудобными для обзора щелями в черепе, где находится угроза.

Когда он вновь побежал по кругу, бессмертный кинулся наперехват. Прыгнул вперед, цепляясь руками за длинную шею животного. Ают подпрыгивал, брыкался, пока не скинул хищника и не отбежал, издавая жалобные пронзительные звуки. Мужчина кубарем покатился по песку. Бессмертный тоже уже был изрядно вымотан, рубаха выбилась из штанов, волосы всклокочены, на лице кровь аюта.

Вампир медленно встал на одно колено и, наклонив голову вперед, посмотрел на добычу тяжелыми глазами, какие могут быть только у зверя. Пантера что притаилась перед прыжком. Немигающим пронзительным янтарем он следил за своим поздним ужином, а затем, издав жуткий низкий звук, сорвался с места и как пуля стремительно полетел вперед, развивая просто убийственную скорость. Врезался в аюта мощным торсом, безжалостно ударяя того о стену. Животное опрокинулось на бок, и бессмертный нанес удар кулаком. Он несколько раз врезался в него то правой то левой, а затем, повторно издав свой нечеловеческий вой, устремился вперед головой и впился в жертву клыками. Ают трепыхался, издавал устрашающие звуки, захлебываясь своим страхом, более не имея сил сопротивляться. И вскоре стал ослабевать и наконец, затих.

Пятно крови распространялось вокруг, быстро впитываясь в песок. Хищник, наконец, оторвался зубами от горла поверженной добычи и откинул кусок мяса на сторону. Отлетев, тот ударился об стену с мерзким хлюпающим звуком и тут же пополз вниз, оставив багровый след.

Бессмертный тяжело поднялся на ноги и неторопливо повернулся.словно оглянулся на зрителя.

Калина резко пригнулась, чтобы не быть замеченной. Ее уже била дрожь. Журналистка только теперь осознала, что эта дверь не была брошена кем-то нерадивым. Ее открыл именно тот, кто теперь внизу. И скоро он сюда придет, чтобы закрыть за собой.

Женщина стремительно поползла к двери. Не зная себя от ужаса, она выбралась на лестницу, затем пулей пронеслась коридором и вновь пролетом лестницы вверх. Вперед и вверх. Только вверх. Дважды чудом не наткнулась на постового. Но удача в ту ночь была на

ее стороне. Небо ее хранило. Добралась до комнаты преемника не обнаруженной, не веря при этом своему счастью. Вихрем пролетела по чужим апартаментам и скрылась у себя. Забралась под одеяло с головой, но так и не смогла уснуть, после того, что ей довелось увидеть. Предсмертный вой анота все еще звучал в ушах. Лицо, перепачканное кровью, ее потоки, льющие изо рта на грудь и белая рубаха, что насквозь промокла. Вот что она опишет в своей статье по возвращению. Вот что будет в ней. Бессмертные все еще хищники, в них это не искоренить. Впрочем, она это знала. И теперь уже никогда не сможет забыть...

Но эта ночь так просто для нее не закончилась. Случилось кое-что еще. Через время, когда Проскурину перестала бить дикая дрожь, она нашла в себе силы переодеться и вновь легла в постель. Натянув одеяло по самые уши, женщина ждала рассвет, который должен был наступить вскоре, хотя ночь за окном была все еще черна. В это самое время она услышала, как дверь в ее комнату стала открываться. Не основная, а та самая, смежная с покоями преемника. Она скользила, издавая характерный звук, очень тихий, но отлично различимый в окружающей ее идеальной тишине. Калина замерла, прикрыв глаза рукой, словно она так спала. Но ничего не смогла рассмотреть в щелки между пальцев. Идеальная темнота. Она лишь слышала осторожный звук ног ступающих по полу. И сердце ее стучало тем быстрее, чем ближе к ее постели был неизвестный. И вот, наконец, он замер. У самого изножья кровати.

Глядя в щель между пальцами, Проскурина уже чуть дыша. Силуэт у постели, это все что она смогла увидеть. Ужас сковал. Оцепенела.

Неизвестность, что может быть страшнее?.. Эта невыносимая ситуация длилась по ее меркам бесконечно, но вот тень неизвестного шелохнулась и двинулась прочь. Назад к проему в стене. А затем некто исчез. Ему для этого даже не пришлось бить дверь.

Глава 11. Преемник, кто ты?

Калина лежала недвижимо какое-то время, а когда страх отступил, и она обрела способность двигаться, встала и пошла к секретной двери. Догадка оказалась верна, дверь открылась по легчайшему касанию.

Перед второй дверью Проскурина на секунду замерла, восстанавливая учатившееся дыхание и тронув и эту, зашла. Но комната оказалась пуста. Кто он неизвестный, что к ней приходил? Вначале она думала — преемник, кто же еще может прийти из его комнаты? Но сейчас поняла, что прийти к себе лишь для того чтобы «полюбоваться» гостьей и уйти, сын государя не мог. До рассвета еще есть время, ночь продолжается, он мог остаться, чтобы отдохнуть, принять душ или переодеться. Сын государя что же, не моется, не спит? Неправдоподобно. А раз он этого не сделал, значит, это был кто-то другой. Кто? Хороший вопрос..

— Вы бледны, Калина Владимировна и вид у вас изможденный. Дурно спали? — спросил за завтраком генерал Васнецов. Калина замерла так и недонеся до рта вилку с содержимым. Курятина и спаржа. Не любили ни то, ни это, но предпочла бы съесть, вместо ответа...

Умышленно или непроизвольно, генерал поставил ее в щекотливое положение своими речами. Отчего можно иметь поутру изможденный вид? Что может подумать «кое-кто» из сидящих за столом, кто застал у нее накануне мужчину?..

— Вероятно, я чем-то отравилась вчера. И как результат не спала часов до трех ночи. Вот и не выспалась, — солгала она.

— Надеюсь вам лучше? Может быть вам нужен доктор?

— Уже нет, спасибо.

— Почему же вы его ночью не вызвали? Ведь возле двери дежурит круглосуточная охрана? — подключился Калинин.

— Как-то неудобно было беспокоить. Если я не сплю, зачем лишать сна кого-то еще? К тому же в моей аптечке было все необходимое...

— Вы всегда так переживаете за других? — спросил Вишнар. Не самый любезный тон, скорее даже нелюбезный, желающий уязвить. Но он обратился к журналистке, чем немало всех удивил. И прежде всего — Калину.

— Я не люблю доставлять хлопоты, — вежливо отозвалась она. Но взглянуть в янтарные глаза правителя не решилась.

— Неужели?.. А вы всегда отвечаете избегая глаз собеседника? Не слышали, что это не вежливо?

Повисла напряженная многозначительная пауза. Все ждали ответных слов женщины. И ждали их не без опасения.

— Я немного близорука и с такого расстояния не вижу глаз того с кем говорю. Вероятно, поэтому не придаю особенного значения куда говорить.

— То, что вы близоруки, очень прискорбно. Выходит, видите не дальше своего носа?

— Ваш точно не вижу, государь, — без вызова согласилась она. — Для этого вы слишком далеко от меня сидите.

— Нет, это вы недосыгаемо далеки, — пренебрежительно заметил Вишнар, и все поняли, что слово «недосыгаемо» — главное в его речи. Ей никогда не достигнуть его высот

— величия положения, силы ума.

— Когда-то люди смотрели на луну и думали, что она недосягаема. Но настал день, и они дотянулась до нее.

— Прошлись по ней своими ногами, вы хотели сказать? — жестко исправил ее правитель бессмертных.

— То, что вы называете «прошлись ногами», там, в космосе, выглядело как легчайшее касание. А ногами потому, что люди не ходят на руках. Возможно, они с радостью касались бы желанного лика луны лишь губами, но обстоятельства непреодолимой силы помешали им сделать так. Иногда все не так просто как кажется со стороны. Разве астронавты летели в космос, чтобы истоптать луну? Она слишком величественна в сравнении с ними. Они просто смешные букашки на ее фоне. Желали оставить свой след, потому что вскоре никого из них уже и в помине не будет, а луна все еще будет там, где она есть. Она и не вспомнит со временем, что люди к ней приближались. Но разве они в силах забыть, что прикасались к луне?..

Речь достигла цели. Правитель бессмертных откинулся в кресле и усмехнулся.

— А что же будут делать астронавты, когда снова вернутся на землю?

— Смотреть в небо и вспоминать, тот вечер... когда прикасались к луне, быть может?

— Почему вечер? — вступил в разговор майор Калинин, недопоняв исинного подтекста происходящего диалога. — В космосе всегда ночь. Точнее, там нет понятия суток. Эх, Калина Владимировна, говорите красиво, да и вообще, во всех отношениях женщина вы исключительная, но элементарных вещей недопонимаете! Но, между прочим, сейчас кое в чем вы правы. В те времена, когда мы, люди, еще летали в космос, дед моего близкого друга был в космосе, так вот он рассказывал. Когда они прилетели на луну, если бы не скафандры, он бы ее расцеловал!

— Что и требовалось доказать, — спокойно заметила женщина и невозмутимо продолжила свой завтрак, под пристальными взглядами многих пар глаз.

— Какая речь, Калина Владимировна! — при первой возможности сказал ей министр Аршинов. — Вот только совершенно напрасно. Понимаю, что опороченной в глазах правителя вам живется не очень комфортно...

— Это, мягко говоря, — исправила она.

— Только ведь может быть еще хуже, если оправдаетесь. Что вы тогда станете делать с обеими сторонами? Преемником и государем?.. Вот и капитан Амир считает так, нахмурился до предела, когда вы говорили, я видел... Напрасно вы затеяли этот диалог про луну.

— Поддержала, а не затеяла.

— Развили! А могли промолчать. Капитан все понял. И не только он. Все поняли, о чем вы говорили.

— Не думаю, что это так. Майор Калинин точно не понял.

— Единственный кто. В любой команде не без идиота. Он отличный солдат, волевой и преданный делу. Таких хоть ножом на куски режь! Хоть гвозди в них забивай! Не предадут. Но умом не блещет, если мягко говоря. Оттого он и здесь. Стань вампиры применять грубые методы воздействия, его хоть на шнурки режь, он будет молчать. Да и что ему говорить? Даже если бы хотел сказать, было бы нечего. Никаких тайн он не знает... Калина Владимировна, это вы зря! Я вас не ободряю, — заключил Аршинов. — Мы с вами в щекотливом положении. И лучше будет, если все останется так как есть. Более никаких

высоких речей! И надежд никому не давать. Пусть государь примет ваш отказ. Да, самолюбие пострадало, но к счастью на его решении о мире это не отразилось. Вы уедете вскоре, и он все забудет. И никто не пострадает. А помирись вы... Еще неизвестно чем обернется эта ситуация для всего человечества. Серьезные намерения и ультиматум преемника не стоит забывать. Он вам не простит. Будет метить в вас, а попадет по всем нам. Калина, не будьте ребенком, задумайтесь! К тому же желание выглядеть хорошей, может очень тяжело отразиться на вас самой. Не думайте, что вы сильнее, чем есть! Неизвестно каким будет удар. Возможно, и не оправитесь...

После этой не самой приятной беседы Проскурина пошла к себе в комнату. Аршинов не повышал голоса, даже не давил, но его слова казались женщине справедливыми. Ее желание оправдаться неуместно в той игре, которую ведут обе стороны. Если она станет «трепыхаться», сделает плохо всем и главное себе.

С этим неприятным осадком в душе она зашла в свою комнату. Но там ее ждал сюрприз. Точнее, неожиданный визитер.

— Заходите, Калина и закройте двери.

Женщина подчинилась и неторопливо продвинулась внутрь комнаты. Выражение лица гостя не согревает теплотой, но лучше чем при прошлой встрече. Пока журналистка размышляла, как ей поступить, учитывая угрозу преемника и предупреждение Аршинова, бессмертный приблизился.

— Вы удивлены, что я пришел?

— Удивлена, Вишнар. Или мне больше не стоит обращаться к вам так? — Калина старалась держаться с достоинством и при этом без лишнего вызова. С правителем этого мира он неуместен.

— А знаете, чем удивлен я? — игнорируя вопрос, строго спросил визитер, останавливаясь перед женщиной на расстоянии вытянутой руки. — Что вы сами не искали со мной встречи. Что бы извиниться.

— Прошу прощения? — удивилась она.

— Не прощаю! — внезапно жестко отрезал государь. И стало ясно, что он пришел не мириться.

— Это было не извинение, а вопрос. Не вижу необходимости просить прощение за то, о чем понятия не имею. В чем вы меня обвиняете? — уже холодней заговорила она. — И потом, искать с вами встречи глупо, когда вы дали понять всем и прежде всего мне, что вы не желаете не только говорить со мной, но и видеть. Очень грубо дали понять. А вот почему вы так грубы, не объяснили.

— Вы спрашиваете почему, Калина? Вы смеетесь надо мной?! — Вишнар обнажил клыки в жутковатом подобии улыбки. При желании вампира, вид зубов в оскале мог внушить дикий страх даже без видимой агрессии. В лице же государя она присутствовала с лихвой.

— Я выгляжу насмешливой или быть может веселой? — слегка теряясь на миг, покорно уточнила гостя.

— Нет, вы выглядите измотанной. Только поэтому я пришел. Или это очередной продуманный спектакль?

— И какова его цель?

— Достучаться до меня, пробудить жалость!

— А это возможно? — выдав тоном глубину своего недоверия, уточнила Проскурина. — После того как вы со мной поступили?

— Как я поступил? Смешно звучит, Калина! Вы жестоко оскорбили меня, как только может оскорбить мужчину женщина. Зачем вы поехали к моему сыну, обнадежив меня перед тем? Чтобы я ощутил себя дураком?

— Я уехала не по своей воле. Меня арестовал капитан Амир.

— Арестовал? Чепуха! За что? За поцелуи под луной?

— За то, что я накормила прототипа сладостями и Агата 7983 умерла у меня в комнате.

— Что за чушь? Из-за куска мяса?.. Впрочем, зачем вы так поступили?

— Я этого не делала.

— Сама она не могла. Прототипы ничего не берут без дозволения. У них установка на послушание. Они безвольны.

— Я знаю. Это сделал начальник вашей охраны.

— Зачем это ему?! — возмутился Вишнар.

— Чтобы арестовать меня и увезти у вас из-под носа.

— Зачем?! — раздраженно рявкнул государь, уже теряя терпение.

— Чтобы продержат до утра и дать вам возможность поговорить с преемником. Это был его приказ, увезти меня и не дать вам совершить ошибку. Он считает меня угрозой.

— Что за глупые выдумки? Вы не могли, придумать что-то умней? Как вы, смертная женщина можете навредить мне, правителю этого мира? Да еще и у меня во дворце? Где полно охраны и смерть для вас за каждым углом! Это самая большая глупость, которую я слышал!

— Может быть, он боится, что вы слишком близко воспримите наше общение?

— А я должен был его так воспринять? — желчно спросил государь.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? Ваше сердце, кому его еще знать?

— Мое сердце, Калина? Так вот куда вы метили?

— Я никуда не метила! Это вы меня пригласили в парк! А затем меня увезли, — теряя терпение, что вынуждена оправдываться, возмутилась журналистка.

— Куда увезли? — приближая свое лицо, опасно тихо зашептал Вишнар. — С какой целью? Что там происходило? Отвечайте!

Вишнар выглядел жутковато. Безжалостный вид, холодное лицо, злые глаза. Практически ненависть в них. Но за что? Почему? Калина не могла понять. Лишь смотрела на вампира молча в предельной растерянности. Пока попытка оправдаться, которой ей изначально хотелось избежать, выглядела жалко и только больше злила государя.

— Я уже сказала вам это, Вишнар, — с нажимом, стойко ответила Калина. — Больше мне добавить нечего.

Государь так и стоял перед гостьей, склонившись к самым глазам. Смотрел в них какое-то время, затем его правая рука поднялась, и осторожно коснувшись волос, откинула их в сторону и легла на шею. Калина шумно сглотнула, но не воспротивилась. Вишнар какое-то время гладил тонкую кожу большим пальцем руки, затем тихо проговорил:

— Я могу задушить тебя одной рукой.

— Это угроза?.. Какой в этом смысл? Это будет означать конец мирных переговоров.

— Да. Это будет конец мира, — опасно спокойным, текучим, как ручей тоном, подтвердил государь, выдав этим то, что он нисколько не блефует. — Но иногда есть вещи, которые значат намного больше.

— Какие, например? — непроизвольно сглатывая, спросила Проскурина, все еще уверенно глядя в медовые глаза государя.

— Правда. Я хочу ее знать, — тишайшим шепотом проворковал он.

— Вы ее знаете. Я уже все рассказала.

— Не стоит демонстрировать бесстрашие, которого не ощущаете, — покрутив головой, предупредил он, с нажимом глядя в глаза журналистки. — Я вижу искорки панического страха в ваших глазах, Калина. Вы боитесь меня и делаете это не напрасно. Я сожму руку, и мир не состоится. Для меня это будет огорчительно, но я переживу любую скорбь. Возможно, я даже найду из этого положения иной выход и лет через десять, когда воспоминания людей слегка померкнут, к власти придут иные политики, я устрою другие переговоры. Отсрочка, вот что это значит для меня. Не больше. Для вас же это будет точка в истории вашей жизни. Ведь еще восьми как у кошки у вас нет в запасе?.. Я задушу вас, отсрочив желаемое, но выйду из этой комнаты с ответами на волнующие меня вопросы. Потому что когда вы станете задыхаться, пока я медленно буду душить вас, вы поймете, что я не шучу. Что убью вас в ту же секунду, если вы станете упираться и продолжать врать мне. И никто меня за это не накажет. Если я пожелаю, я могу уничтожить человечество. Если я только пожелаю... — вкрадчиво доносил он до нее. — Я принял вас в свой дом, а до того подарил десять лет мира. А вы платите мне этим?!

— Чем «этим»?

— Ложью и унижением! — рявкнул государь, и рука его сомкнулась сильными пальцами на женской шее. — Что было той ночью? Говори?!

— Я уже сказала вам, — непроизвольно хватаясь за его руку, ответила Калина.

— Что там было?! Что было между вами?

— Я даже не видела вашего сына!

— Между тобой и капитаном? О чем вы договорились? Почему вчера он был тут у тебя?

— Он хотел, чтобы вы увидели нас вместе. Предупреждал... что сделает все... что бы думали обо мне так как нужно ему, — в панике закричала женщина, потому что рука уже давила ощутимо, перекрывая кислород, а беспощадные глаза смотрели в упор.

— Чтобы я не приближалась к вам.... Это потребовал преемник. Он сказал, что уничтожит меня, если послушаюсь.

— Что ты просила взамен? Говори! — сильнее сжимая ее горло, требовал государь.

— Ничего! Это же глупо!.. Меня сразу уличат и запишут в предатели, если что-то возьму. Мое дело было только стоять в стороне, не пояснять вам правду.

— А в чем она заключается? Ты, правда, подстилка? Тебя за этим привезли? Соблазнить меня? Шептать мне нужные вещи? Неужели ты, правда, думала крутить мной? Неужели они думали крутить мной через тебя? — ревел он гневно.

— Это глупо! Я не... Отпустите... — Калина задыхалась, дергаясь в руках Вишнара все больше. Безуспешно пыталась как-то ослабить силу давления на горло. Воздух все еще поступал, но в меньшем количестве, чем требовалось, а рука государя причиняла сильную боль. Но самое неприятное было в том, что Проскурину охватила страшная паника, вынуждая делать ненужные конвульсивные рывки, которые ничем не помогали. Сердце колотилось как ненормальное. Ужас от мысли, что смерть случится сейчас, здесь и вот так. Она почти висит в правой руке вампира, вынужденная порой подниматься на носочки и мучительно втягивать воздух, когда он сильнее сжимал горло. Затем бессмертный резко ослаблял давление, давал вздохнуть, что бы тут же снова сдавить ее шею.

— Даже моя смерть не стоит того... Вы слишком желаете мир... — прохрипела она из последних сил.

— Я хочу знать! — заревел он в самое лицо женщины, лишая последних остатков самообладания. — Кому ты служишь? Кто твой хозяин? Тебя хотели подложить под меня?

— У меня нет хозяина... Я свободная женщина...

— Ложь!

Калина осознала, что правдой она ничего не добьется и так он и, правда, вскоре задушит ее. Какой смысл быть честной, но мертвой?.. Никакой.

— Хорошо, хорошо... Я скажу... Отпустите!..

Рука мгновенно разжалась, и Проскурина рухнула на пол. Какое-то время тяжело дышала, обретая силы, а затем отползла ближе к кровати и оперлась на нее спиной. Сердце колотилось, руки дрожали, а глаза слезились.

— Говори! — холодно потребовал Вишнар. — Какова цель твоего приезда?

— Соблазнить вас.

— Чтобы узнать, зачем вампирам мир.

— Кто главный в делегации? Кто отдает тебе приказы?

— Аршинов.

— Я так и думал. Что он затевает?

— Не знаю. Я всего лишь исполнитель. Меня не посвящают.

— Так мне и сказали. Ты всего лишь пешка. О чем ты договорилась с преемником за моей спиной?

— Я не видела его. Со мной говорил капитан.

— Ты сказала ему правду?

— Он мне не поверил.

— Что он тебе приказал?

— Держаться от вас на расстоянии.

— Зачем он вчера приходил?

— Сказал, что я хорошо держусь. Напомнил, что я не должна нарушать уговор.

— В чем состоял уговор?

— Я игнорирую вас, преемник не воплощает свои угрозы. И все довольны.

— Кроме твоего правительства. Что ты сказала Аршинову?

— Все как есть.

— И что он приказал тебе?

— Выполнять свою работу журналиста, раз другого толка от меня нет.

— Разве он не приказал тебе найти другой объект? Моего капитана, например? Амир сказал, ты предлагала свои услуги, если он позволит тебе переговорить со мной и убедить в твоей невиновности.

— Капитан, это не надежный источник информации и нет особого смысла тратить на него время и силы.

— Так считает твой господин?

— У меня нет господина. Министр сказал, все на мое усмотрение.

— И что ты решила?.. Все-таки соблазнить и его? Ваш гид сказал, ты флиртowała с капитаном у всех на глазах. Отвечай!

— Безусловно. В случае если ему будет что мне сообщить, я все-таки рассмотрю эту информацию, — импровизировала она.

— Таков приказ?

— Приказ?

— Что велел тебе Аршинов? — теряя терпение, крикнул Вишнар.

— Да, это и приказал. Вы снова правы, — покорно кивнула она. Дыхание уже восстановилось, слезы перестали поступать из глаз. Проскурина холодными глазами наблюдала за правителем. Его лицо разгладилось морщинами, буря стихла. Разве что уголки губ как-то болезненно выгнулись вниз.

— Хорошо, — наконец, сказал бессмертный, по-видимому, всецело довольный беседой.

— Какие будут приказания? — спросила с легким оттенком иронии, прекрасно понимая, что «приказаний» не может не быть.

— Только одно — никаких контактов с моими поданными. Или пожалеешь.

— И это все? А как на счет, не выдавать сути состоявшейся беседы Аршинову?

— Бессмысленно просить. Ты все равно расскажешь ему все по возвращении. С тебя вытрясут правду, когда станет ясно, что ты провалила свое задание.

— А может, я умело солгу? — уточнила она, наблюдая и все еще пытаясь его понять.

— Не солжешь. У меня бы не солгала...

«Какая ирония. Ведь это уже произошло», — подумала Калина, но вслух озвучила лишь:

— Значит, я могу сказать правду?

— Можешь. Но если это случится до конца визита, и переговоры как результат сорвутся — домой ты не доедешь. Обещаю.

— Тонкий намек понят. Что еще?

— Это все.

— Подытожим, — иронично шепнула Калина. — Ничего руками не трогать и рта не раскрывать.

— И засунуть свою иронию очень глубоко!

— И вас не беспокоит, что люди узнают, как вы со мной обошлись?

— Думаю, ваши политики не ждали бережного отношения с подстилкой. Пойманной с поличным и завалившей дело, тем более! Думаю, об этом будут молчать. Разве им интересно со мной ссориться? Они будут делать вид, что не заметили моего отношения к тебе, даже если не примут мир. Война им точно не нужна. Про тебя постараются забыть.

— Не понимаю только одного, если вы считали меня подстилкой, к чему был этот спектакль? Вино, музыка и мое имя горящее огнями на небе? И вы, такой убедительный в роли влюбленного... — задумчиво рассуждала она.

Вишнар не ответил, отвернулся.

— Вы не знали наверняка. Подозрения имели, но и только. Вас в этом убедил ваш сын, — вслух рассуждала Проскурина. — Когда капитан увез меня прочь, доводы стали убедительней... Не забудьте его поблагодарить, что не позволил совершить ошибку.

— Не смей иронизировать. Ты говоришь не о ком-то, а о моем сыне и преемнике!

— Как я могу? Вы же меня задушите. И капитан порывался. Безусловно, как не задушить столько коварное и опасное для вас всех существо?.. Как слепа мужская ненависть. Подумаешь шлюха, могли просто проигнорировать. А вы с ним раздули целый конфликт и даже поставили мир с людьми под угрозу, хотя желали его десять лет. Ради слепой жажды мне в глаз высказать, что я недостойна вашего внимания? Когда это и так всем очевидно. Вы, самый могущественный мужчина мира могли бы просто пройти мимо низкой недостойной вашего взгляда женщины и не оглянуться. Окунуть ее в забытие. А вы оказали мне столько чести своим презрением. Почему? Почему ваш сын так меня испугался? Меня, далеко не самую молодую и уж точно не самую красивую женщину в этом мире? Почему вы

так близко к сердцу восприняли то, что по рангу могли даже не заметить? Обязаны были! Что тут у вас происходит? Аршинов сказал мне, чтобы я не вздумала с вами объясняться, по поводу этого недоразумения. Иначе ваш перепуганный невидимка сын сотрет нас всех в порошок и будет война! Никто не приказывал мне с вами спать. Никто не желал ехать сюда, все ведущие тележурналисты побоялись. У них семьи, дети, а у меня только кот и навязчивое желание сунуть нос всюду, невзирая на последствия. Даже не знаю, каким чудом я смогла пройти отбор, если честно. Меня не жалуют, я вечно говорю не то, что ждут. Отправила анкету и мне вдруг позвонили. Я не особенно задумывалась, почему я? Мне очень хотелось увидеть все своими глазами. И я не пожалела. Сложила о вас всех определенное мнение и если мне удастся выбраться отсюда живой, я изложу его людям, даже если наши политики попробуют закрыть мне рот. Найду способ, даже посмертно. Мне все равно, что вы думаете обо мне, потому что я больше не вижу вас. Я благодарна вашему сыну, что он вовремя вмешался и не дал мне совершить ошибку. В которых я такая мастерица. Единственное что меня правда волнует, это мнение моего отца. Ваш сын пугал меня всеобщим презрением, но его бы я пережила. Единственное что я не смогу пережить, это презрение седого старика, что ждет свою непутевую дочь домой, все время, ругая за неудачный выбор ремесла и порицая все ее статьи. Только потому, что он боится за нее и надеется, что все-таки настанет день, и она бросит все это, чтобы завести семью и дом. И всякий раз страшно ссорится с ней на очередной ее день рождения, показывая семейные фото друзей одногодок, и напоминая о ее возрасте. Но он всегда сидит перед телевизором, когда там показывают горячие точки. Надеется, что увидит свою дочь. Увидит живой... И он бы не принял моего падения с вами в одну постель, если бы узнал. Но я совсем не думала о нем. Не думала о последствиях. Ни о чем не думала! Напрасно, не находите?.. Нужно думать всегда!

— Я должен быть впечатлен твоей речью? — высокомерно спросил Вишнар. — И правда, довольно жалкая тирада как для журналиста.

— Мне все равно. Теперь, да. Моего решения ваше мнение не переменит. Аршинов сказал, пройдет время, и он все сопоставит. Поймет, что ты была пешкой, но станет поздно. Так вот, уже поздно. И никакая вы не луна. Вы астронавт. При том в отставке. Бывшему астронавту уже не дотянуться до луны.

— Я могу получить все, что пожелаю.

— Думаете?.. А может вам только кажется?.. В одной из книг моего отца есть история про одного бедняка, который пришел в осенний сад после сбора урожая. Там уже нечего была брать. Но он искал в ветвях. И, наконец, увидел последнее яблоко и стал тянуться к нему рукой. Но кто-то другой тряхнул дерево, и яблоко выскользнуло прямо у бедняка из рук. Упало на траву и покатилося. Бедняк рассердился на яблочко, ведь он был очень измучан голодом. Догнал, и раздавили его ногой. Смотрит на него и думает, как его теперь укусить? Ведь на нем след его собственных грязных сапог, — сказала женщина и усмехнулась.

— Станный конец глупой истории.

— Мой отец не пишет глупых историй. Их в принципе не бывает у жизни. Ни тех, что вымышлены, ни реальных. Есть лишь нежелание понять, о чем в них говорится. И это не конец. После бедняк обрушил свой гнев на дерево, потому что был очень зол, что так и не утолил голод. Он бил его кулаками и ногами. Пока не обессилел и не понял, что и дерево ни в чем не виновато и стал искать того, кто тряс дерево, пока он этого не видел. Но это был всего лишь еще один голодный бедняк. Он сидел на траве и улыбался. Потому что пока

первый наказывал дерево, второй преспокойно съел остатки яблока прямо со следами грязи чужих ног...

— На что ты намекаешь? Мой сын очернил тебя в моих глазах, чтобы самому получить?

— Понимайте, как хотите. А не хотите, не понимайте. Я не знаю вашего сына. Вам лучше знать, чего он может желать или не желать.

Вишнар ушел и тут же явился новый визитер. Калина наспех разыскала в своих вещах шарфик и обмотала им шею, по виду которой нельзя было не понять, что с ней делали. И распахнув двери, обнаружила на пороге начальника безопасности. Постового вновь нет.

Женщина и капитан молча смотрели друг на друга пару секунд, а затем Амир потянул свою руку и резко сдернул с женской шеи шарф.

— Вам придется одеть кофту с высоким воротом. Ту, в которой вы приехали. Тогда вы еще закрывали шею, чувствуя страх перед нами. А после открыли. Перестали бояться? — рассуждал Амир, бесстрастно изучая следы на женской коже.

— Что вы хотели? — холодно спросила Проскурина.

— Узнать, что желал государь? Что вы ему сказали?

Врать было бессмысленно. Капитан мог прослушивать комнату и все прекрасно знать.

— Правду.

— Врать стало несколько проблематично, когда меня начали душить, — язвительно призналась журналистка.

— Он поверил?

— Понятия не имею. Меня это не интересует. Общий язык мы не нашли.

— Вы дали понять, что дальнейшие отношения между вами невозможны?

— Думаю, он и сам это понял. Даже не знаю, почему мне так кажется, — с задумчивым видом иронизировала она, демонстративно потирая горло. — Наверное, интуиция. Или это логика, Амир? Дамы не любят когда их душат на втором свидании. Запишите новое правило. После состоявшейся душевной беседы с массой пламенных признаний, что-то навело государя на мысль, что он перестал мне нравиться. Но он не выглядел убитым горем. Думаю потому, что втайне знал, как женщины необъяснимо переменчивы. — Калина усмехнулась.

— Он вышел отсюда в худшем настроении, чем пришел. Я думал, после вашей речи за столом, вы примиритесь.

— Это все моя импульсивность, Амир. Он пришел сюда такой нежный, почти прилетел на крыльях любви, а мое горло возьми и начни атаковать его руки. И вот с этого момента как-то не заладилось у нас, не срослось...

— Я понимаю, что вам придется сообщить об этом коллегам, но просил бы для начала сообщить министру Аршинову. Он не допустит обострения ситуации. Ваш генерал не такой хороший стратег как хотелось бы. А для ведущихся мирных переговоров это очень важно. Может вспылить и наломать дров. Думаю, вы понимаете, что ваш личный конфликт с государем не имеет никакого отношения ко всем остальным людям и бессмертным, что живут в этом мире. Отношения между нашими видами не должны ухудшиться из-за этого маленького недоразумения. Всем будет лучше и прежде всего вам. Я приношу вам свои глубочайшие извинения за поступок нашего государя. Надеюсь, вы понимаете, что отчасти сами виноваты в том, что...

Калина резко захлопнула дверь прямо перед носом капитана, не дав ему договорить. Она очень надеялась, что дверью хоть немного задело и его наглую, самодовольную «рожу»!

— Да пошел ты! — сказала она, не сомневаясь, что Амир ее прекрасно слышит.

Как бы ни было оскорбительно, унизительно и возмутительно положение, в которое эти двое поставили ее, Проскурина и сама понимала, что озвучивать ситуацию бессмысленно. Ее или замнут или раздуют. Первое обидно для нее, но главное, ни к чему не приведет. А значит — лишнее телодвижение. Второе может закончиться плохо, потому что люди на территории врага беззащитны. Вспыли генерал Васнецов или же поведи беседу с бессмертными мирно, все равно ничего не добьется. Извинений ей никто не принесет. Скорее всего, преемник, желая прикрыть отца, воплотит свои угрозы и тогда от журналистки отвернуться уже все. А пока сближения с государем не произошло, может и помиловать. Не исключено и то, что ее очернит сам государь. Он крайне прагматичен. Совершая этот поступок, Вишнар наверняка загодя его продумал. Значит, придумал, чем себя защитить. Возможно, он изобрел такую ложь, что она будет многим хуже уже пережитого унижения. Теперь Калина ожидала всего. Ведь существовал еще и третий вариант — ее могли затоптать свои же. Кто знает, какая у них установка? Если Вишнар прав, и журналист Проскурина попала в делегаты не просто так? Не подозревая о тех планах какие строят на ее счет люди, была ведома через мудрое расположение того же Аршинова. Ведь именно он указывал ей в тех или иных ситуациях как именно поступить. Калина клонила в нужную ему сторону, потому что не видела иного пути. Речь о большой политике. На кону мир, а точнее — власть! Развяжи бессмертные войну, человечество пострадает больше. Вооружены бессмертные лучше, да и сами они сильнее. Если люди проиграют, те, кто ими правят, потеряют власть. Именно этот вопрос, вопрос власти на самом деле решался в этих мирных переговорах! Он был той самой тонкой красной нитью, скрытой от всех. Кто сможет хитрее повести себя, удержав желаемые позиции, тот и выиграет этот бой! Правительство людей боялось сближения с бессмертными, но многим больше оно боялось войны. Поэтому первостепенной задачей этих переговоров было — сохранить мир. Нейтральная позиция, вот что они выбрали. Если некая журналистка станет неудобной Вишнару, свои же разотрут ее в порошок, и сделают это очень тихо. Человечество даже не узнает или узнает совсем не то, что было. Политика как игра в шахматы — иногда приходилось что-то отдать, чтобы выиграть партию. В глобальных масштабах одна пешка не фигура. Калина не могла с этим не согласиться, с той лишь поправкой, что быть этой пешкой совсем не хотелось.

Что случится, если она расскажет Аршинову о случившемся в ее комнате?.. Не сказать по его настойчивому уверению права не имеет. Министр, несомненно, утаит истину от всех до возвращения к людям. Ему нужен мир, скандалы недопустимы! Там, за железной стеной правда выйдет наружу, и начнутся бесконечные отчеты. Как это случилось, почему?.. А надо ли это ей? Можно ли как-то избежать подобного? Может быть, плюнуть на все и промолчать? Не говорить даже Аршинову. Что-то устала Калина от игр в шпионы... А что если именно на это и рассчитывал правитель бессмертных? Что ей придется умолчать. Потому и бесчинствовал? Как известно подавляющая часть жертв насилия, особенно женщины, умалчивают о своем горе. Кто-то из соображений стыда о пережитом, кто-то понимая, что доказать правду будет очень непросто и придется потратить слишком много сил восстанавливая ее. Силы, которые разумней сохранить на то, что бы все пережить и забыть.

Калину охватила безумная, а главное совершенно напрасная горечь обиды и разочарования. Ужасающе непросто пережить подобное от кого-то чужого, но многим тяжелее от того, кто был тебе не безразличен. Невозможно было обманывать саму себя. Вишнар ей безумно понравился. Искра вспыхнула быстро, горела ярко, ослепила на миг и

подарила столько боли в результате. Устала. Безумно устала от разочарований. Быть сильной, все время что-то кому-то доказывать. Выглядеть упрямой и делать вид, что на все наплевать, когда мучает страх. Но и упасть на колени не могла. Была просто бессильна перед упрямой стойкостью своей натуры. Чем больше в нее плевали, тем выше Проскурина задирала голову. Наперекор всем.

Как-то в детстве мальчишка, которому нравилась Калина, подговорил приятелей забросать ее помидорами. Вот такое вот выражение чувств. Иначе, вероятно не мог сообщить...

Калина стояла нерушимо, пока не прекратился обстрел. Мальчишки смеялись и дразнили, а потом растерялись и перестали бросать. Они не понимали, почему девочка не убегает, только стоит упрямо и смотри на них, упрямо поджимая губы и сжимая кулачки.

Десять лет спустя тот самый мальчик признался Проскуриной в любви. И она сказала ему: «Я не забыла, как ты бросал в меня незрелыми помидорами и они били меня до синяков». Не говорила слов презрения, не смеялась, не выражала ненависти. Только лишь «я помню», уверенно глядя в глаза. Юноша ушел пристыженный, словно она облила его помоями. Такой это был взгляд.

— Нельзя быть такой озлобленной! — сказал ей тогда отец — Владимир Проскурин. — Хороший парень. Подумаешь, обстрелял когда-то помидорами! Когда это было?

— У меня же все тело было в синяках! Ты отругал меня, что не звала на помощь, и хотел отвезти в больницу! Забыл?

— Парень вырос и изменился.

— Для меня он всегда будет мальчиком, который подговорил друзей поизмываться над более слабым. Я не могу не призирать таких. Жаль, что ты не понимаешь...

Тогда Калина снова поссорилась с отцом. Впрочем, они часто ссорились. Но отчасти именно после этого случая Калина занялась журналисткой. Не молчать, когда все молчат. Быть там, где другие быть побоятся. И стоять под градом «незрелых помидоров». Да и камней, если придется...

Не просто жить в мире мужчин, если ты хорошенькая женщина. И не давать им никаких авансов, порой хуже, чем давать. Даже если тебе самой это не нужно. Ведь никогда не известно, что обернется большей болью. Твое «да» или твое «нет»... Амир сказал, что Калина отчасти сама виновата в сложившейся ситуации, подразумевая то, что гостья отвечала на флирт правителя. Было ли это так, был ли у нее выбор? Все что она сделала, это в один краткий миг поддалась соблазну и сказала роковое «да». И он счел ее своей вещью, уже что-то обязанной ему, как результат. И малейший шаг в сторону был воспринят государем как предательство, дающее право карать. Проскурина не давала авансов Амиру, и он покарал ее уже за это. Как бы не упирался капитан, утверждая, что лишь выполняет долг, женщина слишком хорошо понимала, что доля жестокости была применена им именно по причине ее отказа. Это тончайшее искусство, высочайшее мастерство говорить мужчине «нет», так чтобы оно звучало практически «да». И улыбаясь ему, сохранять необходимую дистанцию. А если не соблюдешь баланс, попадаешь под раздачу жестокости.

Калина размышляла об этом, собираясь. За окном моросит дождь, небо хмурое, тяжелое. Угнетает не меньше чем все произошедшее за последние сутки.

К обеду журналистка была готова. Белый тонкий свитер под голо обтягивает верхнюю часть тела. Синевы разливающейся горлом не видно. Внизу черная классическая юбка и элегантное украшение на груди в тон ей. Получилось строго, но со вкусом. Единственное

яркое пятно — губы в кровавой помаде. В остальном на бледном лице практически нет макияжа. Точнее он есть, но его как бы нет. Но глаза смотрят уверенно. Дух не сломлен. Она боец и снова в строю. Это ей в самой себе нравится больше всего. Скорее жизнь замучается бить Проскуру, чем она устанет упрямо стоять всем на зло.

Майор Калинин, как учтивый кавалер, сияя улыбкой, придвинул единственной даме стул. Калина его кратко поблагодарила. Вежливо, но почти без эмоций. Правитель бессмертных со своего трона наблюдает за людьми и анализирует.

«Она не рассказала», — понимает он. В лицах собравшихся нет перемен. Делегаты тихо вежливо переговариваются с бессмертными. Все даже лучше чем всегда. Переговоры идут в нужном русле. Гости довольны и привыкли к вампирам настолько, что уже не подозревают беды, не чувствуют угрозы. Наконец расслабились. «Это хорошо, — думает Вишнар. — Просто замечательно». Впереди последний прощальный ужин. А пока последний совместный обед.

— Калина Владимировна, вам уже лучше? — учтиво интересуется государь.

— Да, благодарю. Все просто замечательно.

— В следующий раз, если станет дурно, вызывайте моего доктора. Не нужно стесняться, — с показной заботой настаивает Вишнар.

Калина понимает, что именно «с показной», но для всех окружающих это выглядит искренним участием. Какова цель участия? Возможно, простил обиду после отказа своенравной дамы?.. Журналистка же понимает, что цель этого поступка показать всем видимость дружелюбия и то, что отношения их наладились. Это отразится в отчетах всех участников. А это очень важно, какой будет финальный аккорд. Визит в мир вампиров прошел не идеально, но завершился хорошо. Вот такой будет последняя точка на этой странице. И ее вот-вот перевернут.

Завершился последний этап переговоров. Уже были оговорены все общие детали дальнейших взаимодействий двух миров. Удалось достигнуть соглашения по всем вопросам. Естественно в общих чертах. Никто из сидящих за столом людей не мог принять окончательного решения. Все они лишь пешки и бессмертные это понимают. Но все условности соблюдены и обе стороны довольны. Люди настроены благодушно. Мир бессмертных пришелся им по душе. Практически всем...

Калина была у себя, отдыхала в ожидании последнего ужина. Более никаких экскурсий и мероприятий не намечалось, она складывала вещи, и время от времени возвращалась к своему ноутбуку перечитать записи и дополнить их новыми мыслями. Ручной труд помогал разгрузить голову, точнее отвлечь и освободить дорогу новым мыслям. В один из таких моментов, когда она только отошла от ноутбука к огромному шкафу в стене, где висели вещи, ее посетила новая мысль. Проскура кинулась к ноутбуку и перечитала все свои заметки по преемнику. Тут что-то не состыковалось. С самого начала эта фигура ее беспокоила. Почему его никогда нет, хотя он есть?

— Это вымышленный персонаж, — заключила она. — У государя просто нет сына!.. Но кто же тогда отдает приказы вместо него? Не сам же Вишнар?..

С первого взгляда заподозрить это было абсурдом, но кажется именно на это и рассчитывали, создавая эту фигуру. У государя нет никакого сына. Иначе, почему за все время их визита он не только ни разу не появился вблизи, его даже издали не видели? Преемник существовал только на слуху.

Но тогда кто разыграл все эти спектакли с его якобы участием? И главное, зачем?..

Детали не сходились, но Калина чувствовала, что она на верном пути. Прогулявшись туда-сюда по комнате, она решилась и пошла к проему секретного хода.

В комнате преемника снова пусто. Идеально заправленная постель, ни соринки вокруг. Ничего. Только на столе стоит пустой стакан с остатками крови...

Значит, он все-таки есть. Или... кто-то другой оставил тут стакан. Тот, кто реально занимает эти покои. Или пытается воссоздать декорацию существования преемника. Значит, этот некто знает, что Проскурина знает про тайный ход. Этот стакан оставил тут тот, кто приходил к ней прошлой ночью. Потому что вчера он понял, что Калина не спит и видит его!..

Или все это плод ее воспаленного воображения? А как ему «не воспалиться» после всего пережитого?.. Какой смысл прятаться от людей, мира с которыми ты так желаешь? Не уродливые же шрамы на лице он скрывает? Глупо. Он без пяти минут государь, ему нечего стыдиться! Ну, пусть без десяти, но глава государства. Сильнейшей империи мира. Не может быть сын правителя так занят, что за несколько дней не нашел одной свободной минуты познакомиться с гостями, мира с которыми так желает. Вишнар все время за столом среди гостей, хотя это очень много времени, а у него наверняка плотный график. Тут что-то есть. Знать бы что?..

Если остаться в его комнате и подождать? Причины держать свое знание о существовании прохода в тайне, больше нет. Завтра она уезжает. Тогда почему нет?

Долгих полтора часа длилось ее напряженное ожидание. Правда, Калина себе ни в чем не отказывала. Прямо в туфлях забралась на постель сына государя, нисколько не заботясь о том, как он к этому отнесется. После всего, что она пережила по вине наследника, потерпеть хоть что-то неприятное и от нее ему просто придется.

Принесла из своей комнаты фрукты — виноград, бокал с вином и сладости, и стала ждать. Ест, пьет, поглядывает на дверь. И вот она неторопливо открывается...

Две секунды они смотрят друг на друга — журналистка и долгожданный гость, и женщина первой нарушает тишину:

— Что вы тут делаете, Калина?

— Жду вас, преемник.

Амир в непонимании резко оглядывается себе за спину, словно ожидает там кого-то увидеть, затем в том же недоумении смотрит на журналистку.

— О чем вы? Последствия стресса?.. Вам плохо? — последнее уже без холодка, тон искреннего вопроса.

— А как вы объясните то, что вы тут?

— А вы?

— Ну, я точно не могу быть неуловимым преемником. Во-первых, дама. Сын государя ведь не дама?

— Насколько мне известно.

— Ну вот. Во — вторых — я человек?.. Сын государя человек?

— Прекратите цирк. Как вы оказались в этой комнате?

— Это вы тут циркач, Ваше Высочество. Зачем вы поселили меня в комнату, к которой имели круглосуточный доступ? Вы каждую ночь приходили на меня посмотреть? Как и вчера? С какой целью вы это делали? Я жду ответ, — с улыбкой давила она, сверкая глазами. Безмерно счастлива, что уличила и, кажется, слегка пьяна.

Амир выглядел озадаченным, но молчал.

— Я не преемник, Калина. Если бы я им был, к чему мне этот спектакль? Зачем представляться всем кем-то другим и терпеть ваши насмешки, когда вы могли оказать должное уважение с самого начала.

— Не знаю. Ведете свою игру.

— И в чем она заключается?

— Вам видней.

— Глупо бросать необоснованные обвинения, — прикрывая двери, сказал Амир и вошел в комнату.

— А что же вы тут делаете?

— Пришел по просьбе преемника.

— Неужели? — задорно рассмеялась женщина. — Как можно прийти по приказу себя самого или того, кого нет? Что тут у вас происходит? Вы преемник или вы тот, кто должен создавать видимость его существования? И с этой целью вы оставили тут этот пустой стакан из-под крови?

— У вас слишком богатое воображение.

— Так что вы тут искали? Капитан?..

— Мундир его высочества. Он пролил на себя когда принимал пищу. Сын государя сейчас ждет меня в своем кабинете.

— И бегать за мундиром обычное дело для главы государственной безопасности? — насмешливо спросила она.

— По приказу преемника тут бегают все. И не только за мундирами. Я шел сюда к вам, Калина и предложил совместить.

— Шли ко мне? — вновь расхохоталась женщина. — Признаться в любви? Или передать о любви преемника? Или вы оба меня любите? Или государь вам приказал поведать о его любви? Он переменял свое мнение?

— По-моему вы напились, — холодно подытожил бессмертный.

— С одного бокала?

— Это вино коварно. Оно из личного запаса государя. Его носят только в ваши покои, по его приказу. Чтобы вы были не такой... бдительной.

— Капитан, вы меня убедили. Я пьяна дура!.. Или куртизанка?.. Портовая девка! Точно! Чуть не забыла... Так вот, я пьяна портовая куртизанка, а вы не сын государя. Вы носите тут мундиры всем, кто не попросит, когда не бегаете ко мне тайным проходом чтобы травить моих прототипов конфетами или порицать, что я куртизанка и сплю с вашим отцом. Кстати, вы не очень-то и похожи, — задумчиво подытожила она все с той же улыбкой.

— Потому что государь мне не отец, — не разделяя пьяного веселья собеседницы, возразил Амир. — И слезайте с кровати преемника. Вы испачкаете ее ногами.

— Ну, еще бы! В порту куртизанки грязные. Это же порт! Хотя там и бродят персоны государственного масштаба. Отцы и их невидимые сыновья, — насмешничала она и правда уже не вполне трезвая. — А вы берите пока мундирчик, Ваше Высочество. Надо же, как насмешил!

— Вы пьяны, Калана, и это отвратительно! — холодно одернул ее мужчина.

— Да неужели?! — скинув туфли, она легко спрыгнула на пол, пролив остатки вина на покрывало и несколько этим не озабочилась. Кинула бокал туда же и неторопливо двинулась к капитану, не мигая, пристально глядя в его янтарные. — А что, такую ты меня уже не хочешь, капитан?

Они стояли близко-близко, настолько, что чувствовали запах друг друга. И смотрели в глаза. То, что делала Калина, можно было назвать игрой с открытым пламенем. Она понимала, что искрит рядом с взрывоопасным газом. Но не искрить она не могла, он больно задел ее своими комментариями.

— Не любишь портовых, капитан? — шептала женщина глядя недвусмысленным взглядом в его глаза и слегка приоткрыв губы.

Коснись меня, коснись, манил ее облик. Поцелуй, ты же хочешь... И капитан, скользнув рукой, сжал затылок, зарыл пальцы в русых волосах, все еще глядя в зеленые глаза. Ноздри его раздувались, лицо было напряженное. Возбуждение проступило на нем столь откровенно, что это даже удивляло. Хотя именно этого Калина и добивалась. Но когда Амир все же склонился к желанным губам, женщина резко вывернулась из захватившей руки и отступила на пару шагов назад.

— Мы портовые народ гордый. Ты себе не портовую поищи, — и, развернувшись, пошла прочь к секретной двери в стене.

Уйти далеко Проскурина не смогла. Капитан догнал и повалил на кровать. Калина была в скверном настроении и расцарапала нагледу лицо. Только и Амир был решительно настроен — закинув ее руки над головой, впился в губы. И целовал очень долго и жадно. Пока Калина не начала задыхаться под тяжестью его тела и напором губ. Но это, к счастью было все. Ничего другого не последовало. В какой-то момент, тяжело шумно сглотнув, Амир вдруг прекратил целовать. Он лег, уткнувшись в женскую шею, и Калина слышала, как громко бьется его сердце. Сердце бессмертного вампира.

— Твой язык не доведет тебя до добра, женщина, — устало сказал он сползая. Упал на сторону, затем присел. Растер лицо руками и вышел прочь, закрыв за собой дверь. А Калина так и лежала, усталая и недвижимая. Смотрела в потолок и думала о своем.

Журналистка серьезно размышляла, стоит или нет рассказать Аршинову о своих домыслах на счет персоны преемника? И решила пока не говорить. В чем-то Амир был прав. Без доказательств ее слова звучат глупо. И логика пока не прослеживалась. Зачем придумывать того, кого нет? А если посмотреть с позиции Вишнара — вообще абсурд! Зачем ему ссориться с несуществующим сыном из-за нее? Для чего в таком случае Амир увез из дворца журналистку в ту ночь? Или же все-таки капитан и есть таинственный преемник? Если это так, почему он представился начальником службы безопасности и чуть не поссорился с отцом из-за гостыи? Правда, логики мало.

Делегаты собрались за столом нарядные и торжественные. Приготовились все. Калина не стала исключением. Белое строгое платье, черный шарф на шее. Плотно обтянула синюющую кожу, обмотав от верха до низа. Смотрелось немного необычно, но женственно.

Все дружелюбно общались, обсуждая увиденное и пережитое, шутили и улыбались. Такое чувство, что за столом старые друзья. Нелепо до безумия...

Калина наблюдала за всеобщим праздником, решая, стоит или нет задать вслух вопрос: «А где ваш сын государь?», и как изящней его преподнести, когда двери в зал распахнулись. Вошли два солдата и расступившись дали дорогу еще одному бессмертному.

Высокий и крепкий, даже мощный в груди и плечах, слегка сбитый, с короткой бородой. Он вошел и окинул всех присутствующих оценивающим взглядом. Это был зрелый мужчина с приятными чертами широкого лица, сильно выпирающим подбородком и резко очерченным орлиным носом. «Гость» имел черные брови вразлет и прямые темные волосы, точь в точь как у государя. И был одет в невероятный военный мундир, многим шикарней

обычных одежд правителя. Этот мужчина представлял собой величественное зрелище. От его фигуры так и веяло силой и характером. Легчайший кивок гостям и более глубокий, почтительный государю:

— Отец, — сказал он.

— А вот и ты! — улыбнулся Вишнар. — Успел вернуться до отъезда гостей? Чудесно!.. Уважаемые гости, позвольте представить — мой сын и преемник — Катамиртас!

Все слегка растерянно переглядывались, а затем стали подниматься, чтобы поприветствовать сына государя как полагалось. Но поскольку никто не представлял, как именно полагалось, поднявшись, замялись.

— Прошу вас, садитесь! — преемник махнул рукой и пошел вдоль стола.

В этом бессмертном не было ни радушия, ни очарования его отца. Вишнар мог демонстрировать поистине царское обаяние, если желал. Катамиртас по-видимому не мог, или же не желал. Но держался вежливо.

Тем временем в зал внесли еще один трон, и установили на противоположной стороне от государя. По забавному стечению обстоятельств возле впавшей в немилость журналистки. Преемник присел и положил одну из рук на стол. Крепкая кисть, сильные пальцы. Посадка головы боевая, уверенная.

Калина с интересом рассматривала сына государя, нисколько не смущаясь своего поведения, интереса и того, что так беззастенчиво этим занимается у всех, и главное у него самого, на глазах.

Изучила высокий лоб, морщины на нем, резкие и явные. Лицо не такое благородное, как у Вишнара, но практически не уступает ему в силе и мужественности. Последнего, пожалуй, было даже через край.

Прошлась по фигуре, сколько позволил стол, оценила осанку. Да это военный глава, тут никаких сомнений. Взгляд, выражение лица, крепкий торс. Даже походка и зычный глубокий голос — резкий бас. Привык командовать.

— Госпожа Проскурина, — протянул Катамиртас, какое-то время, наблюдая за нескромным изучающим взглядом госты. И желая слегка осадить добавил: — И как я вам? Оправдал надежды?

— А как вам я? Оправдала ваши? — парировала Калина и, не подумав смутиться.

За столом уже минуты две гробовая тишина. Никто ни ест, ни пьет, все наблюдают за сидящими в конце стола, их взаимным обменом изучающими взглядами.

— Мой капитан говорил мне, что вопрос это ваша любимая форма ответа.

— А что еще вам говорил ваш капитан? — нисколько не теряясь, с обворожительной улыбкой спросила Проскурина.

— Что вы мне не понравитесь.

— Мне очень жаль. Но у нас говорят, я не денежка, всем нравится.

— А я думал, у вас говорят: «Я не красна девица, чтобы всем нравиться».

— Да, так у нас говорят... преимущественно мужчины. Поскольку красота почитается как чисто женская добродетель.

— А что у вас почитается как мужская добродетель? — с интересом спросил преемник.

— У нас, у людей, или у меня, Калины Проскуриной, конкретно?

— У конкретной Калины Проскуриной.

— Сила.

— Грубая физическая сила? — вскинув правую бровь, удивился он.

— Сила духа и разума мужчины.

— Насколько я знаю, люди почитают в иных то, чего им самим не хватает. А насколько я знаю вас, со слов моего капитана, силы духа вам не занимать. Ее так много в вас, что, простите, так просто шарфом на шее не прикроешь, — намекая на свою осведомленность, заметил он.

— Это комплимент, я так понимаю? — и, не подумав польститься, уточнила женщина, изучая глаза собеседника.

— Я не говорю комплиментов. В этом я совсем не похож на своего глубокоуважаемого отца. Я констатирую.

Взгляд у преемника был тяжелый, и смотрел он, ни на секунду не отрывая глаз от собеседницы. Внимательно изучая ее и анализируя. Жесткий как ерш.

— Но ваши констатации звучат как комплимент. А я совсем не ожидала хвалы от вас. Мне отчего-то казалось, что вы не особенно мне симпатизируете. Хотя мы с вами и соседи. Как я понимаю, вы по долгу службы не спите и по ночам. И много ходите по своим покоям. Я даже слышу вас иногда. Словно вы ходите прямо возле изножья моей постели.

Глаза преемника сверкнули, и один из уголков жестких губ на миг дрогнул в легком намеке на улыбку.

— Мне тоже иногда кажется, что я чувствую ваше присутствие рядом. Словно вы так близко, что даже могу видеть следы вашего присутствия в комнате. Странное ощущение не находите?

— За последние три дня у меня было так много странных ощущений. Одно странней другого. Вскоре я настолько к ним привыкну, что и вовсе престану замечать. Даже если мне случится вдруг начать ходить сквозь стены или если так станут поступать другие. Вероятно, вино вашего уважаемого батюшки и, правда, коварно.

— А вы его больше не пейте.

— Больше не буду. Но и меньше не стану, — улыбнулась она.

— Тогда почему бы нам не выпить, господа? — предложил преемник. — За скорый и долгожданный мир между людьми и бессмертными... Надеюсь, ваши статьи не будут беспощадными? А мы в них не предстанем кровожадными монстрами, госпожа Проскурина?

— Ну что вы, Катамиртас! Я могу вас так называть или это фамильярность? — уточнила она для порядка и, пригубив вместе со всеми, отставила бокал.

— Будьте столь любезны. Мне будет приятно.

— Ну вот, а говорите вы не как отец!.. Не вижу тут ни одного кровожадного монстра. Зачем же придумывать то, чего нет и пугать людей? А ваш капитан, так тот вообще редкий милаха. Он мне очень понравился. Просто родной как брат, которого у меня не было. Так бы и обняла и к груди прижала. Вот так взглянешь, и даже в голову не придет, что он пьет за обедом кровь. Складывается впечатление, что он вдыхает аромат цветов и только этим и насыщается. Оттого так мил и благодушен. По крайней мере, со мной. Может быть, других он и рвет за волосы или там еще что хуже. Но лично я в такое никогда не поверю. Кстати, капитан Амир. А что у вас с лицом? — обратилась она к стоящему на своем обычном месте начальнику безопасности. — Вас словно бешеная кошка поцарапала.

Проскурина умышлено оглянулась и наградила бессмертного несмешливым взглядом. И в этот миг ей было плевать, что она дает слишком откровенный намек всем, откуда именно появились на лице капитана многие царапины. Именно этого Калина и добивалась. Амир ни дрогнул, лишь сощурил глаза и уже собрался что-то ответить, но его перебили:

— Он человек военный, у нас это дело обычное. Учения, — опережая подчиненного, с долей иронии сказал преемник.

— Учение это хорошо, — с преувеличено серьезным видом рассуждала журналистка. — Это свет. А не учение — тьма. Учитесь, капитан. Но очень осторожно. Особенно обхождению с кошками.

— С бешеными? — уточнил Катамиртас.

— Какие попадутся, — развела руками Калина. — У вас много кошек, Катамиртас?

Кажется, этот вопрос слегка шокировал преемника, но виду он не подал, разве что вновь слегка приподнял правую бровь.

— А почему вы спрашиваете?

— Ага! Теперь вы понимаете, почему я отвечаю вопросом на вопрос? — улыбнулась Калина и откинулась в своем удобном стуле с высокой спинкой. Хмурый бессмертный внезапно разомкнул губы и подарил миру практически улыбку.

— Как я понимаю, ответ вам не требуется, Калина Владимировна?

— Безусловно, нет! Или мне придется вежливости ради рассказать вам про своих котов. Кстати, он у меня всего один. Уже не молод, но бодр душой. Знали бы вы, как он муркает обнимая меня лапками и утыкаясь в шею. Трудно голову не потерять.

Катамиртас какое-то время смотрел внимательно, пытаясь понять аналогию и внезапно рассмеялся. Имела ли она в виду государя с которым танцевала недавно в парке или говорила про своего кота о существовании которого преемник знал из досье? И то и это подходило по описанию. Что именно позабавило вампира, было не понять. Возможно непосредственность этой женщины. Но как результат преемник едва заметно смягчился в области глаз.

Этот урок она усвоила давно, со всеми и всегда держись наравне. И тогда и только тогда — будешь равной.

— Котик муркает, значит? — уточнил преемник, прищуриваясь и не изменяя улыбке. И Калина закивала, задорно сверкая глазами. Она откровенно дурачилась, но как не странно именно это вызывало к ней симпатию строгого наследника.

— Калина Владимировна, мужчинам случается недооценить глубину женского ума, в силу своего эго. Женщинам случается ее переоценить в силу своего. Но лично для меня теперь неоспоримо, что вы во всех смыслах хорошо «вооружены». А самое сильное ваше оружие — обаяние. Вот тут и правда, мне нечего вам противопоставить. Увы...

— Вы скромны, Катамиртас. А я, к сожалению, не очень. Зато честна, как мне кажется. Правда, неуместно и непростительно. Не терплю лести, но при этом хочу сказать вам, что завидую. И теперь, когда вижу вас своими глазами, тем более...

— Я могу узнать, кому и чему?

— Каждому горожанину этого красивого города и, наверное, вашему отцу.

— Интересно... И почему?

— У них есть такой защитник. Для меня уже очевидно по вашим поступкам, что вы ни перед чем не остановитесь, защищая то, что для вас дорого. Свой мир, своего государя и отца. И я не могу не горевать о том, что тем, кто живет за железной стеной, моим «братьям», не так повезло как бессмертным. Надеюсь, вас здесь ценят как вы того действительно заслуживаете...

Это была не лесть, это была даже не хвала. Это была правда. Проскурина заговорила решительно и серьезно, покинув улыбки и блеск глаз. Хотела подчеркнуть, что она помнит,

знает и понимает, чем для нее обернется любая игра против воли преемника, но при этом она признает, что сожалеет о том, что они находятся по разные стороны баррикад.

Бессмертный какое-то время смотрел на собеседницу пытаясь понять игра ли это или женщина сказала искреннюю хвалу. Непонятно было, к какому выводу пришел сын государя, но как результат мужчина кивнул. Дал сигнал, что принял слова.

— Чрезвычайно раз нашему знакомству, — сказал Васнецов, едва наметилась продолжительная пауза в разговоре преемника и журналистки.

— Взаимно, генерал, — выдавая свою осведомленность в лицах, сидящих за столом, кивнул Катамиртас.

Завязалась беседа между делегатами и сыном государя. Все торопились выразить ему свое почтение и благодарность за гостеприимство. Преемник принимал их не без доли спокойного равнодушия и большей частью молчал, бросая взгляды на своего отца, который отвечал сыну тем же.

— Прости, — внезапно сказал Катамиртас. — Мне жаль... Я все понял, но уже, увы, поздно. Мне пора по неотложному делу! Прошу простить, господа. Приятного продолжения ужина и завершения визита. Госпожа Проскурина!

Преемник решительно поднялся и, прощаясь, кивнул журналистке глубже, чем она могла ожидать, и удалился стремительной походкой. Солдаты охраны последовали за ним.

Калина провела взглядом крепкую фигуру и взглянула на государя. Вишнар смотрел на нее. Но взгляд длился не долго, женщина увела свои глаза первой. Она думала о том, что только что случилось. Ей почудилось? Или сын просил отца простить его за то, что вмешался в их отношения? При всех? Поняли ли это прочие члены делегации, трудно было сказать. Отчего-то казалось, не тот Катамиртас бессмертный, чтобы извиняться даже перед отцом. Тем более в присутствии людей. Это спектакль? Для кого? Для нее или отца?..

Глава 12. Унижение

Последний ужин завершился. Делегатов повели в отведенные покои. И в этот раз, как и в тот памятный первый, Калину Проскурину провожал капитан Амир.

— У вас нет свободных солдат? — поддела она.

— Есть и вы это знаете, — спокойно признался он.

— Тогда почему вы меня конвоируете?

— Сопровождаю, Калина. Потому что это ваш последний день во дворце и вероятно это наша последняя возможность поговорить.

— Вам еще есть, что мне сказать? Не все изложили? — высокомерно уточнила журналистка.

— Я даже не представляю, что вы могли бы вдруг заговорить без язвительных замечаний. Но странность в том, что я к этому даже привык.

— Подождите, вы еще станете скучать. По большому счету, вам было даже интересно. Потому что я отличаюсь от ваших обычных дам. Верно? Было не скучно?

— Скучно не было, Калина, — серьезно признался мужчина. — Моя... то есть, наша жизнь. Во дворце еще никогда не было так интересно как во время вашего, я хочу сказать, визита делегации... И мне есть, что вам сказать. Я хотел извиниться.

— К чему это, Амир? — останавливаясь перед своей дверью и открывая ее, спросила Проскурина уже многим холоднее, оставив показное веселье. — Зачем вначале делать что-то нехорошее, а затем извиняться?

— Не знаю. Но с вами не выходит иначе. Даже если я очень стараюсь...

Калина поколебалась на миг. Даже не в тоне дело, тронули глаза. Казалось, сейчас он искренен. Возможно, первый раз.

— А вы старались? Даже очень? Не заметила.

— Вы сами говорили, что близоруки.

— Я соврала.

— И это меня почему-то не удивляет, — кивнул капитан, нисколько не порицая гостью своим видом. — Мне, правда, жаль. Что я был груб с вами. По долгу, и не очень.

— Боитесь, что уделю вам особенное место в своей статье? — усмехнулась журналистка.

— А вы уделите? — серьезно спросил Амир. Даже слишком серьезно.

— Непременно, в колонке — «очень опасный гад».

— А говорили, я милый парень.

— Врала, — беспечно развела она руками.

— Врала. Я знаю.

— Вы сказали, что хотели? Я тоже скажу, но уже в статье. Чего вы ждете? Что приглашу вас к себе на чай?

— На чай? — растерялся Амир.

— Да, на чай с кексом. Вы же пробовали кекс, Амир?

— Кекс? — переспросил он, наморщив лоб, припоминая. — Это продукт... кажется злаковый. Нет, не пробовал.

— Неужели ни одна девушка не угощала вас кексом?.. Почему? — улыбалась Калина и хитро шурила глаза.

— Не думаю, что он придется по вкусу моему желудку. Я вампир, Калина. Сомневаюсь, что вы могли вдруг это забыть.

— Не обязательно есть. Можно иначе попробовать, насладится ароматом или скажем... лизнуть.

— Лизнуть кекс? — переспросил он. — Зачем?

— Некоторые дамы считают это приятным, — загадочно сверкнув глазами, шепнула она. — Это вам мой третий прощальный совет. Почаще лижите кексики и проблем с дамами больше не будет.

Амир смотрел исподлобья тяжелым недвижимым взглядом. Понял, что она его дразнит, и осознал чем именно.

Происходила мучительная внутренняя борьба. А может и нет. Но капитан смотрел на гостью, слегка поджав губы. Женщина шаловливо улыбнулась и, подмигнув на прощание, вошла в свою комнату.

Она оглянулась и вопросительно посмотрела на капитана.

— Если бы мне представилась такая возможность, я бы попробовал... твой кексик.

Она улыбнулась и мечтательно закатила глаза, словно всерьез размышляет над его предложением, а затем резко сказала:

— Но такой возможности не представится. Доброй ночи, — и в очередной раз хлопнула дверь перед самым его носом, более чем довольная собой.

Утро. Журналистка Проскурина готова к отъезду. Стоит возле огромного окна, смотрит на бескрайнее серое пространство, что протянулось от дворца до самой железной стены.

Несмотря на усталость, Калина проснулась рано, еще до будильника. В это утро завтрак принесли в комнату, и женщина принимала пищу в полном одиночестве и тишине. Думала. Собирала воедино мысли и как ни странно, прощалась. Этот визит был не простым для нее, но Калина вдруг поняла, что не готова уезжать. Гостья из мира людей получила не все ответы на свои вопросы. А они копились так долго, и было их так много, что горечь разочарования и доля сожалений закралась в душу. Небо вновь хмурое, хотя дождя нет. Проскурина как результат грустна. И стыдно сознаваться даже самой себе, что это приключение ей почти понравилось. Дворец и все что тут происходило. По крайней мере, вначале. Когда страх перед неизвестным отступил. Первый страх... Она нашла этот неизвестный мир приятным. Если бы его жители не были теми, кто они есть, она бы стала сюда приезжать. Она бы стала... Тем более что с завтрашнего дня бессмертные откроют границу. Для этого уже все готово. Позиция укреплена. Поскольку это будет единственная брешь в обороне города и силовое поле в этой части будет снято, там уже возвели несколько примыкающих друг к другу сооружений.

Строили вампиры быстро, Калина следила за этапами строительства из своего окна. Стена выросла за ночь, строение возле нее еще за одну.

Под стенами дворца вновь лежит красная ковровая дорога и вскоре журналистка пройдет по ней, в числе прочих делегатов покидая город бессмертных.

Ночью, перед тем как лечь спать, Проскурина вновь подошла к секретной двери в стене. Проклятое женское любопытство! Но к удивлению своему нашла дверь не активной. Как она ее не трогала, где не била, стена стояла нерушимо. Была ли она отключена и с другой стороны, было неизвестно. Женщина изо всех сил желала это узнать и даже не сразу уснула — не смотря на предельное утомление, ожидала ночного визитера. Но сон незаметно сморил ее, и проснулась Калина уже утром. И первым делом посмотрела на двери.

Был ли преемник у нее и этой ночью?.. Впрочем, теперь это было ему ни к чему...

В просторном светлом холле первого этажа, том, что следовал сразу за входом, собрали делегатов. Они в сопровождении охраны стеклись сюда практически одновременно. По двум сторонам под стенами стоят солдаты в парадных мундирах. Все как один — под линейку, и смотрят только перед собой, недвижимые как статуи. Красиво.

Распахнулись боковые двери, и с многочисленной охраной в холл вышел преемник. Легко кивнул всем в знак приветствия. И тут же повернулся к соседним дверям. И они вскоре качнулись, пропуская уже государя, с еще более многочисленной охраной.

Прощание было вежливым, но довольно сдержанным и не многословным.

— Я надеюсь, никто из вас, господа делегаты, не разочарован этим визитом, и мы вскоре соберемся опять. А до тех пор, не прощаюсь. Просто желаю счастливой дороги назад, — сказал Вишнар. Лицо не строгое, но закрыто в эмоциях. Легкий кивок и государь покинул холл не глядя ни на кого. Прощание, вежливое по форме произошло.

Преемник прощался без слов. Кивок от него и он следом за отцом исчез за своими дверями в сопровождении охраны.

Члены делегации потоптались на месте в легкой растерянности, вероятно ожидая, что их будут так же провожать, как и встречать, и вопросительно взглянули на капитана Амира, что появился со стороны выхода в тот же час. Начальник безопасности жестом руки пригласил гостей на выход и все подчинились, следуя за ним.

На огромной лестнице на ступенях торжественными рядами стояли бессмертные. Солдаты везде, сколько хватало взгляда увидеть. Многим больше чем в день приезда людей. Все стоят по стойке смирно. Командиры слегка впереди. Подобные проводы выглядели торжественно, и члены делегации местами заулыбались, вновь ощутив свою весомость. Кого еще и главное, где, так провожали, когда тут стоит целая армия, не меньше?!

Спускаясь по лестнице, Калина увидела Аримаса. Он стоял неподалеку чуть впереди своих солдат и, поймав взгляд гостьи широко улыбнулся.

Журналистка ответила благосклонной улыбкой, и Аримас совершил странное движение рукой — отсалютовал, поняла она и слегка кивнула в ответ. Приняла дань уважения.

Аримас коснулся правой рукой области сердца и раскрыл ладонь, словно выложил сердце из груди и протянул своей даме. Калина шутки ради совершила легкое берущее движение павой рукой и сжала пальцы. Словно взяла подношение и снова улыбнулась. Весело и даже не без тепла. Капитан совсем как желторотый юноша не смог скрыть своей радости. Покорно кивнул, тряхнув головой от преизбытка эмоций, словно снимая наваждение. Он тут же кратко скомандовал, и все солдаты, стоящие на ступенях за его спиной, резко вскинули вверх правую руку, издав тот же громкий, краткий, отрывистый звук, что и командир. Затем все как один синхронно прижали руку к виску, в сторону, а затем не менее резко вниз.

Сложилось впечатление, что это не оговаривалось загодя. Спонтанный поступок, выражение почтения и особенного распоряжения. Зрелище смотрелось неожиданно эффектно, и все члены делегации оглянулись, оценивая происходящее.

Члены делегации многозначительно переглядываются и делают друг другу знаки глазами.

«Ты это видел?».

«А я мог это не увидеть? Когда они так орали?».

Аримас провожает гостью глазами и тоскует в этом взгляде. Хотя на губах улыбка, это

скорее улыбка горести.

У подножья лестницы стоит, ожидая капитан Амир. Встречает журналистку глазами. Проскурина все еще улыбается своим мыслям. Польщена. Их глаза встречаются, и женщина усмехается, замечая:

— А ведь он всего лишь капитан. — И Амир понимает, что она желает сообщить. Напоминает его нелепые претензии.

По ковровой дорожке делегация следует тем же путем, что в день приезда. В самом конце их ожидает автобус, который приехал из мира людей. Члены делегации неторопливо поднимаются в него один за другим. Калина идет в числе последних. Она оглядывается на дворец, что остался далеко позади. Солдаты стоят нарушимо. Там на ступенях вдали она видит Аримаса и улыбается, хотя он не в силах увидеть ее улыбку с этого расстояния. Женщина улыбается своим мыслям. Хмурое небо над головой, впереди дорога домой. Только сейчас она почувствовала, как соскучилась по городу, что сжался на узких улочках по ту сторону железной стены. Порой журналистка встречается глазами с Амиром, который идет чуть позади, но рядом, очень близко. Его лицо замкнуто и холодно. О чем он думает не понять. Она не тешит себя иллюзией, что о ней. Она никогда не тешет себя подобными иллюзиями. Слишком умна...

Подошел чред Проскуриной подниматься в автобус. Подножка была высоко и, учитывая ее каблук и узкую длинную юбку, подняться было не просто. Поколебавшись секунду и примерившись, женщина слегка подтянула свой подол с одного края и подняла ногу на первую ступень. Внезапно капитан Амир шагнул к ней и поддержал под руку, помогая при посадке.

— Какая неожиданная галантность, — оценила Проскурина, издеваясь своим видом, тоном и даже улыбкой. Даже у самой мелькнуло: «Ну, зачем ты его так? Почему ты так с ним жестока?». И тут же ощутила, как стальные пальцы сжались на ее запястье, удерживая. Журналистка вопросительно посмотрела в глаза бессмертного. Лицо Амира исказила настоящая гримаса. Глаза лихорадочно горели, а губы кривились в усмешке.

— Настанет день, женщина, и ты станешь меня умолять!

— О чем, о пощаде? — высокомерно, спросила она, не изменяя ледяному спокойствию.

— О любви. Ты будешь просить моей любви!

— Непременно, капитан. Так и будет, — легко согласилась Калина, не придавая ему должного значения и тем еще больше оскорбляя.

— С тебя слетит твое высокомерие!

— Сразу как оно слетит с тебя. Мое последует примеру. Он, как известно, заразителен, — Проскурина вырвала свою руку из цепких пальцев и поднялась в автобус.

— Калина! — громко окликнул ее капитан, так, что пол автобуса на него оглянулось. — В следующую нашу встречу я отделаю твою девочку так, что ты неделю не сможешь ходить!

Проскурина видела как после этих слов бессмертного из рта майора Калинина выпала сигарета, так он его распахнул.

— Безусловно... — отворачиваясь и присаживаясь на сидение спиной к окну, ехидно заметила журналистка. — Еще один супергерой. Ни сдохни после первого раза...

Резкий удар по корпусу автобуса там, где сидела гостья, заставил Калину испуганно воскликнуть и обернуться. Все военные повскакивали со своих мест. Это капитан Амир ударил автобус своим мощным кулаком. Вампир стоял теперь у самого стекла и горящими ненавидящими глазами смотрел на женщину. Так, словно хотел убить этим взглядом. Все

переполошились. Но бессмертные не вмешивались. Стояли нерушимо с бесстрастными лицами.

— Я сделаю, как ты меня учила, вылижу твой кекс, пока не зарыдаешь, а потом намажу булочку маслом и введу туда со всего жару! Прокатишься на моем стальном жеребце, норовистая кобыла? Что, удивлена, что я знаю ваш вульгарный сленг? Думала, я идиот? Издевалась? Я накормлю тебя йогуртом досыта! И затрахую до полусмерти! Жди, дорогая, мы скоро увидимся. И смотри, что бы рубаха-парень майор Калинин не очень близко к тебе сидел. Я ревную мою девочку. Ее кексик мой, майор! А я не делюсь своим удовольствием. Всем счастливой дороги, господа! — Капитан еще раз со всего маху грохнул кулаком по устаревшему железу и резко отступил.

Автобус ехал стремительно удаляясь. Все члены делегации бросали на журналистку бесконечные пытливые взгляды. Калина сидела с непробиваемо высокомерным и холодным лицом. Но то, как оно при этом горело, дрожали хрупкие руки, что женщина сжимала в кулаки, было лучшим ответом на вопрос — удалось ли капитану вывести ее из равновесия?

Ему это удалось...

Глава 13. Опальная журналистка

Как только проем в железной стене был закрыт, и члены делегации прошли второй пост, из-за линии ограждений на них кинулась толпа репортеров. Вспышки фотоаппаратов со всех сторон и однотипные вопросы, которые раздражали, как и суета и шумиха. Солдаты сдерживали натиск журналистов и простых зевак, но они так сильно давили, что кое-где уже раздавались крики боли. Растерялась даже привычная к подобной суете Калина.

— Госпожа Проскурина, — пробиваясь, к ней тянул микрофон бойкий сотрудник центрального телеканала. — Как коллега коллеге, ваши впечатления о визите в мир бессмертных?

— Я все изложу в своей статье, коллега. Вы вскоре ее увидите. Но пока скажу, что поездка была изнурительной. Словно из меня высосали всю кровь! — сообщила женщина и, стянув шарф со своей шеи, промокнула им воображаемый пот на лбу. А на самом деле — продемонстрировала всем свое синее горло.

Шум, который поднялся после этого провокационного замечания и демонстрации пугающей на вид женской шеи, был подобен артобстрелу. Вопросы летели со всех сторон и вскоре из-за давки начались беспорядки и драки.

— Над вами измывались?! Вас подвергали пыткам?! Ответьте хоть на один вопрос?! — кричали со всех сторон.

— Господа, вскоре состоится пресс-конференция, где вы сможете задать любые вопросы! Пока же дайте нам возможность пройти. Мы проделали долгий путь и очень устали. Думаю, вы понимаете, что мы были не на игровой площадке и не лепили там куличики. Но уверяю вас, над нами там никто не измывался. Напротив, нам был оказан очень радушный прием, — вступил в диалог Аршинов, грубо оттесняя журналистку на задний план.

— У госпожи Проскуриной следы удушений на шее, как вы это объясните? — кричал репортер.

— Я все объясняю на пресс-конференции, господа. И вы поймете, что причин для паники нет. Все не так как кажется! До скорой встречи.

— Калина Владимировна, вы сошли с ума? — шепнул министр, и взял женщину под локоть. — Не вздумайте озвучить произошедшее!

— А вы не очень удивлены? — усмехнулась женщина.

— Это потому, что я знал. У меня был капитан Амир и все пояснил. Еще и принес свои глубокие извинения. Но он, в общем, прав, вы сами навлекли на себя гнев государя бессмертных, своим необдуманном поведением!

— Меня чуть не задушили, а вы говорите, что виновата в этом я?

— Я вас предупреждал. К тому же подробности, которые мне передал капитан, все поясняют более чем!

— Какие подробности?

— Пикантные, — холодно отрезал министр. — Просто молчите! Чтобы не навредить себе еще больше!

— Это угроза?

— Лишь дружеское предупреждение, Калина, — с нажимом жестко сказал политик.

Весь облик министра вмиг переменился. Аршинов больше не играл роль мягкого

политикана. Взгляд стал жестким, волевым. В его сухощавой фигуре появились сила и мощь, не смотря на небольшой рост и обычно открытое доброжелательное лицо. Подобного перевоплощения женщина не ожидала и смотрела во все глаза, изучая. Что-то подсказало, что она попала в ловушку. Еще в тот день, когда поднялась в автобус, что отправился за железную стену.

Проскурина не ошиблась. На пресс-конференцию она даже не попала. Была арестована до выяснения обстоятельств. Когда во время досмотра личных вещей в ее чемодане на глазах у всех нашли увесистый мешочек драгоценностей. Три колъе с бриллиантами, серьги с рубинами, кольцо с изумрудами, и всякая мелочь — заколка и брошь с жемчугом. Безумно красивые украшения достойные королевы, особенно учитывая количество драгоценных материалов, что ушли на их изготовление.

— Это ваше? — хмуро спросил сотрудник таможни.

— Первый раз вижу, — оцепенев, выдавила женщина.

— Сумка ваша?

— Моя, — кивнула она и поискала глазами Аршинова. Министр наблюдал за происходящим с бесстрастным лицом. Но по глазам Проскурина поняла — не удивлен.

— Тогда, это ваши вещи?

— Трусы и колготки, — холодно ответила журналистка. — Драгоценности вижу впервые.

— И как, по-вашему, они могли попасть в ваши трусы и колготки?

— Не знаю. Подкинули.

— Подкинули? — изумился мужчина. — В этом мешочке только камней на миллионы! Зачем подкидывать кому-то целое состояние?

— Это скоро станет известно.

— Что станет известно?

— Неправда. А правда останется под замком. Ведь так? — улыбнувшись Аршинову одними губами, спросила журналистка. — Поэтому тут и лежат эти побрякушки? Устранили угрозу, министр? У меня только один вопрос, это придумали они или вы?

— Калина Владимировна, вы сейчас совершаете большую ошибку. Ссоритесь со своим единственным другом в высоком кабинете, — отозвался он.

— Я никогда не тешу себя иллюзиями, министр, — без вызова, ровно ответила Проскурина. — Вы мне не друг. И не были им там, когда подталкивали туда, куда было нужно вам. И, конечно же, вашим друзьям вампирам. Вот и нашелся тот, кто передал столь подробное досье, да?.. Мне интересно только одно, почему выбрали именно меня? Это единственное, что не вяжется в этом пошлом сюжете! Но я знаю, что это не совпадение, причина есть. Должна быть.

— Пройдемте, — холодно сказал солдат, что приблизился по команде таможенника. Одел на руки журналистки наручники и вывел прочь, на глазах у изумленных делегатов.

— Александр Александрович, что происходит? — суетился «рубаха-парень» майор Калинин. — Это же наша Калина... Владимировна...

— Как оказалось, майор, не очень-то и наша, — пробасил генерал Васнецов. И тут двери за спиной Проскуриной закрылись, и журналистка перестала слышать голоса бывших коллег.

У нее изъяли все вещи, в их числе и ноутбук в котором были материалы по делу: все ее мысли, наблюдения и выводы. Словестные портеры и характеристики всех участников.

Наверняка все это пригодится в «высоком кабинете». Жаль только потратить свои усилия не на тех, на кого рассчитывала.

Ближе к вечеру из камеры предварительного заключения, где она находилась в одиночестве, журналистку забрали на первый допрос. Довольно долго расспрашивали обо всем и ни о чем. К сути беседы так и не придвинулись. К истинной сути... Ночью был еще один допрос, с другим следователем, только вопросы остались те же. Как под копирку. Затем еще один утром. Калина толком не спала и ужасно устала. В конце концов, она отказалась отвечать на вопросы.

— Вы не желаете сотрудничать?

— С вами, майор, да. Позовите сюда того, кто и правда что-то решает. И пусть мне, наконец, выдвинут обвинения или требования. Я понимаю, что вы лишь винтик — исполнитель. Зовите сюда отвертку, которая вас подкручивает. А еще лучше руку, которая держит отвертку. На знакомство с мозгами, что контролируют процесс и все это придумали, я, безусловно, не рассчитываю. Скромность, знаете ли...

Майор, который вел очередное дознание, выглядел оскорбленным, но когда покинул комнату для допросов, женщину не увели прочь, как это бывало ранее. Напротив принесли крепкий кофе и сладкое. Калина не прикоснулась к подношениям, не смотря на голод. Все это время ее не кормили, приносили лишь воду. Женщина выжидала, а затем произнесла вслух:

— Не уводите, значит, обдумываете мое предложение. Думайте быстрее, я готова говорить серьезно.

Вскоре после этого дверь в комнату для допросов открылась, и вошел министр Аршинов.

— Винтик, отвертка или рука? — усмехнулась женщина.

— Может быть, мозг?

— Спинной.

— Вы в добром настроении, если юмор вам не изменяет.

— Не изменяет, и расположение доброе. Говорите с чем пришли? Меня сразу расстреляют без суда и следствия или разрешать передать привет маме? — холодно улыбалась она.

— Никаких расстрелов, Калина.

— Тогда что?

— Соглашение.

— Излагайте.

— Вы забудете все, что произошло за железной стеной и никогда не станете об этом писать говорить или же как-то иначе делиться своими мыслями с другими людьми. В благодарность за это с вас снимут обвинения в государственной измене и освободят.

— Но?..

— Да, оно есть. Писать, как журналист вы более не будете. Из редакции, где вы работаете вольнонаемной и куда пишете разгромные статьи, за которые вас так любят читатели, и не любим мы, политики, вас уволят. Тоже касается и вашей карьеры тележурналиста. Никаких больше программ, блоков новостей из горячих точек, громких разоблачений. Ничего. Работы связанной с вашей профессией более не ищите. Не найдете. Об этом мы позаботимся.

— Чем заниматься?

— Поменяйте профессию. А лучше, наконец осуществите мечту вашего отца — заведите семью. Вы красивая женщина, умная и в глубине души очень добрая.

— Где-то очень глубоко, настолько, что это место неизвестно даже мне, — сострила она.

— Известно. Просто ершиться отчего-то. Легко можете, если пожелаете, сделать счастье какого-то мужчины.

— Вероятно, не так легко как вам кажется, раз до сих пор не сделала.

— А вы пробовали? Вы как зомби с установкой на служение своему делу, — присаживаясь, удручено заключил политик. — Откажитесь от одного, тут же придет что-то иное. Закон перераспределения энергии...

— Ну да, давайте поговорим о моих проблемах с точки зрения метафизики. Ведь это на сегодня самая актуальная проблема в мире, — иронизировала бывшая журналистка. — Вопрос на прощание можно?

— Слушаю и если смогу, отвечу.

— Вы передали вампирам полное досье на меня? Я права?

— Да, Калина. Это сделали мы.

— Они его затребовали после первичного, краткого.

— Они?

— Да. Вами одной заинтересовались. Тут я вас не обманул. Мы передали досье на всех возможных кандидатов. Ваше попало к вампирам по ошибке, секретарь вложила в конверт не тот бланк. Невероятно, но факт. Никто не планировал брать вас в делегацию из-за вашего, простите, непрошибаемого упрямства и честности. Но через два дня к нам пришел ответ. Точнее, просьба предоставить полную информацию о журналистке Калине Проскуриной. Мы удивились, но посоветовавшись, решили, что если вами так заинтересовались, мы обязаны взять в делегацию именно вас. Не смотря ни на что. Чтобы понаблюдать за врагом. Что именно их так заинтересовало? Ведь они кропотливо подбирали всех участников этих переговоров. С той позиции, что бы собрать команду позитивно или нейтрально к ним настроенных. И вдруг вы! Самая что ни есть ярая их противница! Удивило. Особенно их требование — полный доступ ко всем уровням информации о вашей личности. Мы выполнили просьбу. Все гадали, в чем коварство? А его не было. Смешно, верно? Вы ведь чуть им все дело не сорвали. И теперь, и вам, и мне, очевидно, что вас взяли в группу только потому, что государь бессмертных вами заинтересовался лично. Но почему и зачем, это уже иной вопрос.

— Зачем же вы фото мои в неглиже вложили? Это же вы меня подстилкой им представили. Даже всех моих мужиков сосчитали-указали! — усмехнулась она.

— Да, фото были очень нескромными, и было их не мало. Это была провокация. Зато мы узнали, что хотели. Оно того стоило. Что до ваших так называемых «мужиков». Их было не так много как вы демонстрируете. Мы ведь оба с вами это знаем, — улыбнулся Аршинов. — Вы только пытаетесь выглядеть такой самоуверенной. Не хочу сказать развязанной и вульгарной. Потому что хорошо понимаю, это лишь маска, которую вы одеваете при необходимости. Прячетесь за вымышленной личиной, да? А на самом деле вы не такая. Даже слегка ранимая. Оттого и жалитесь без конца. Особенно остро реагируя на мужской интерес. Отчего вы их так отталкиваете от себя?

— Кровососов?

— Вы сейчас о бессмертных? Или, в общем, о нашем мужском роде высказались? —

понимающе улыбнулся Аршинов. — Вас часто обижали, Калина?

— Я сказала про вампиров. Но в целом тоже подходит... — игнорируя второй вопрос, ответила она.

— Так от чего жалитесь, Калина Владимировна? — улыбнулся мужчина. — В целом, отчего?

Женщина молчала и в глаза не смотрела. Думала о чем-то своем.

— Скрываете уязвимое свое место. Вы чувствительны, сентиментальны, но при всем этом страшно недоверчивы. В досье этого вывода не фигурировало, мои наблюдения. Но все биографические факты о вас были четко и подробно указаны. Когда родились, где, как и чему учились. С кем встречались, дружили. Чем были увлечены. В общем, все.

— Чтобы понаблюдать, зачем им простая смертная женщина, — подытожила она устало.

— Прекрасный телерепортер, журналист и неординарная личность.

— Так называлось мое досье? — усмехнулась Проскурина.

— Это часть характеристики.

— И какой вывод вы сделали о том, зачем я вампирам?

— А какой вывод сделали вы, Калина?

— Вы уже знаете, мой ноутбук у вас. Мне вернут его?

— Увы, нет. Точнее да, но только почистив все необходимые папки. Надеюсь, вы понимаете.

— Я само понимание, министр.

— И еще... В доступ общественности не попадет известие о взятке члену делегации, но вас слегка очернят. Без этого никак.

— Естественно. Вам же нужно подстраховаться, на случай если я открою рот. А как мне это сделать, если я запятнана с ног до головы?

— И как меня планируют устранить морально?

— Ничего нового мы не придумали.

— Связь личного характера с врагом, — уныло кивнула она. — Я так и думала...

— Вот именно. Просто возмутительная связь женщины, делегата с одним из кровососов. Но это будет не государь. Сами понимаете... Мы рассчитываем, таким образом, слегка пробудить интерес людей к вампирам. И слегка смягчить общий настрой в массах.

— Смягчить? Как?..

— Ну, если такой тертый калач как вы, Калина, прельстились обаянием одного из бессмертных, после непродолжительного визита... Как не заинтересоваться тем, что же именно вас прельстило?

— Вот почему они меня позвали! — охнула Проскурина и побледнела. — Они сразу готовились меня использовать таким образом! Ярая их ненавистница, сходу влюбилась в бессмертного! Какая сенсация! Вот почему он так за мной ходил-бегал! Как же я сразу не поняла!.. Это будет Амир? Да?! Говорите, их идея или ваша? Я права? Они это придумали? А я еще думала — неужели он и правда, влюбился?! Вот так вот, сразу, с первого взгляда, такой заносчивый, высокомерный красавец и голову потерял! Чушь!.. — злилась она рассуждая. Впила ногтями в собственные ладони до боли, так сильно сжала кулаки. Как же ее теперь мучала эта мысль. Пекла раскаленным железом, душу ядом выедала.

— Не имеет значения, чья идея, — избегая глаз журналистки, сказал министр. — Мы будем вас очень хорошо характеризовать. Высоконравственной и прочее...

— Это тоже часть плана, да? Дешевка безнравственная им не нужна. Им подавай высокие принципы и чистоту! Самую непробиваемую глыбу льда, самого главного врага! Тупая дура ты, Проскурина! Как же сразу не поняла?! — в сердцах ругалась она.

— Ну, зачем вы так? Вы очень умная женщина, слишком умная. Просто поддались чувствам, сила притяжения была непреодолимой. Ведь он и правда, очень красив. Забыли, что вампир... — излагал легенду министр и журналистка бледнела. — Знали бы вы, как теперь страдает майор Калинин!.. А это известие его просто убьет. Бедолага не достаточно умен, что бы понять, что на самом деле происходит. Ему уже сообщили, что драгоценности в сумке это провокация вампиров, и он тут же поверил и так жаждет вас увидеть! Но вскоре мы сообщим ему, что это была не провокация, а дар вашего любовника. Так что проблем у вас с ним не будет. Он не перенесет этого известия... Или может быть мне как-то осторожней ему об этом сообщить, что бы на отношении к вам не отразилось? Очень хороший экземпляр. Будет добрым мужем. Понравится вашему отцу. Он вас тут же простит.

— Не терплю глупых мужчин, — холодно бросила Калина, пребывая во власти дурных мыслей.

— Ну, еще бы!.. Я имел счастье видеть ваш вкус. Вам государственного значения мозг подавай, — улыбнулся он. — Не осуждаю. Даже понимаю. Вы бы скучали в семейной жизни с добрым парнем Калининым. Его размеренная теплая любовь претила бы вам не меньше чем его тугодумие. А помните, как он шутил при нашем первом общем знакомстве? «Вы Калина, а я майор Калинин. Или я Калинин майор?». Это было так мило... М-да... В общем после широкого освещения вашей связи с бессмертным, люди должны задать себе вопрос: быть может, вампиры не так и ужасны? Даже милы.

— И вас не смущает, что вы играете на руку врагу? — возмутилась журналистка.

— Всего лишь преследуем свои интересы, Калина. А наш главный интерес, это не допустить войны. Вот что вы должны себе уяснить. Мы спасаем человечество. Вампиры чего-то хотят от нас, мы почти знаем, что, и дадим им это. Если в благодарность они дадут нам возможность жить. Быть может, даже чуть лучше, чем до того.

— Чуть лучше?.. Вампиры предложили вам что-то взамен того что они хотят? Что они хотят? Что предложили взамен?! — вопрошала она. Нет, она требовала.

— Этого вам совсем не нужно знать. И естественно, что вы не попадете в участники повторных мирных переговоров.

— Естественно. Я буду очень об этом сожалеть! — иронично воскликнула женщина.

— А я думаю, будете. Вам на самом деле не так и не понравилось. Еще бы, столько внимания для столь тщеславной дамы. А вы тщеславны, Калина. Ваше тщеславие поистине королевских масштабов. Не поэтому ли вы так понравились государю бессмертных? Как в зеркало смотрел... Даже его сын просил у него прощения что встал между вами. Лишил отца желанного куска. Сдается мне, Вишнар станет поминать это, как одну из наибольших потереть своей бессмертной жизни. Всего лишь женщина, а какой переполох вы там сотворили. Меня переполняет практически отцовская гордость за вас. Это не ложь... Жаль, что ваш отец будет другого мнения. Увы, близким порой не понять ценности тех, кто живет с ними рядом. Я бы гордился вами. А я и горжусь, тем как вы держались. Тем, что вы демонстрировали врагу. Вами как неординарной личностью и женщиной. Но я уже не в силах вам помочь. Я предупреждал вас. Пытался защитить. Вы мне очень симпатичны, Калина.

— А вы мне больше нет. И ваши слова — речи политика. Не желаете ссориться,

сглаживаете. Пытаетесь создать впечатление друга. Оттого и льстите. Вдруг буду еще нужна, — холодно анализировала она.

— Будете... А на счет «больше не нравлюсь» — глупости. Это всего лишь обида. Но она пройдет и возможно даже быстрее чем вам думается. Не забывайте, что вы можете ко мне обратиться, если станет тужо. А это может случиться. Я подыщу вам работу в министерстве. Возможно, вам даже понравится. Вы очень умны. Я найду достойное применение вашим талантам. Всего доброго...

Калина не ответила. Проводила сосредоточенно-хмурым неласковым взглядом. Впрочем, министр и не рассчитывал на прощальные объятия.

Калина сидела у стойки любимого бара, что располагался на той же улице, где она жила. Тут она частенько писала свои статьи, днем, когда бар открывался, но еще практически не было посетителей. Бармен, старый знакомый — мужчина средних лет, стоя за стойкой неподалеку, протирает стаканы. Крепкая фигура бывшего военного, лицо со шрамами и квадратным подбородком. Его побаивались все кроме завсегдатаев. Они знают, Данила так же опасен, как выглядит, только если его вывести из равновесия, но если этого не делать, он поразительно спокоен и молчалив. Впрочем, лишить его самообладания сложно. Обычно бармен только внимательно смотрит по сторонам, замечая все без исключения, и слушает.

Этот бар был самым тихим подобным местом в городе, тут реже всего происходили потасовки, как раз из-за того кто стоял за стойкой. Хозяин и бармен в одном лице.

Калина знала Данила давно, а последние три года они были соседями по дому. Оленев сдал Проскуриной небольшую квартиру на третьем этаже, которую ему с того ни с сего отписала одинокая старушка за которой он приглядывал с тех пор как уволился из армии. Сам Данила жил на том же этаже в противоположной стороне длинного коридора. В тесной неудобной однушке которая стала ему платой за семнадцать лет преданной службы в армии и десятки ранений.

Это жилище далеко не образец шика и респектабельности, как и район, но вполне доступно при заработке Калины. Плюс неподалеку есть крепкий заступник, если что.

Проскурина скосила глаза на бармена, он ответил ей невозмутимо спокойным взглядом и вернулся к своим делам. Телевизор в углу над стойкой снова показывает ее лицо. Очередные новости, и она их звезда. Бывшая журналистка тяжело вздохнула и отвернулась.

— Выключить? — спросил Данила и убрал звук.

— Зачем? Нам интересно.

Неподалеку за столиком сидят три посетителя, не самые приятные лица, скорее даже «рожи». Они слушают, что говорит диктор и косят на женщину за стойкой. Не узнать ее нельзя. Впрочем, Проскурину теперь кругом узнают. Хотя меняй внешность. Уже целую неделю длится этот кошмар. Ее лицо повсюду, ее имя у всех на устах. «Возмутительный скандал», — так сказал Аршинов в их последнюю встречу. Он очень преуменьшал. Вчера на улице Калину забрасывали грязью, которой в избытке после прошедшего дождя. Город не самое чистое место. Это не столица мира бессмертных, хотя и самый многочисленный и богатый город людей в этих широтах. Узкие неухоженные улочки между серыми безликими громоздкими домами, копоть и мусор. Люди снуют туда-сюда как мыши в подворотне. Хмурые озабоченные лица. Не протолкнуться, так перенаселен город. Муравейник. Только какой-то неопрятный и не такой систематизированный как настоящий. На улицах горят таблоиды, рекламный ссор на страницах газет. Безработица и вечное безденежье. По

дорогам едут старенькие авто... Родной и любимый он показался ей чужой после приезда из мира вампиров. И дело не только в неприязни, которой тут встретили Проскурину. Дело в общей атмосфере не уюта, суеты, и нужды. Тут нет порядка размеренной жизни бессмертных. А ведь Калина даже вообразить не могла, что нелюди живут как люди, в то время как люди...

— Ну и как оно? Быть подстилкой вампира? — присаживаясь рядом и выдыхая ей в лицо запахом табака и дешевого спиртного, спросил посетитель.

— Лучше чем было бы с тобой, — не глядя бросает Калина.

Позади раздаются улюлюканья. Это собутыльники хама оценивают нелестный комментарий, посмеиваясь над более храбрым товарищем, что озвучил волнующий всех вопрос.

— Смотри, какая гонористая шлюшка! — оскаливается он и подмигивает друзьям. — Что снюхалась с вампиром, дрянь? Хорошо было, когда он загонял в тебя свой осиновый кол?

— У вампира хотя бы кол и он отлично стоял, а встанет ли твоя заезженная зубочистка?

Рука Данила вовремя перехватила кулак посетителя и, вывернув, крепко придавила к спине. И когда он только успел обойти стойку?..

— Драки в этом баре запрещены. А хамские комментарии в сторону других посетителей, тем более, — жестко предупреждает бармен, другой рукой давая знак товарищам ублюдка, не двигаться, или пожалеют.

— Что, она и тебе дает натереть у себя между ног? — оскаливается в ответ мерзкий тип.

— Шуруй отсюда и не возвращайся! — толкает посетителя суровый великан. — Каля ты как?

— Жить буду.

— Рассуждай позитивно. Ты жива и все еще на свободе. А такие как этот поплюют и престанут. Едва появится новый объект для насмешек.

— А слабо было ему руку поломать? — надевает она.

— Слабо. Это клиент, он мне деньги носит. Но главное, он отморозок и сломай я ему руку, пришел бы, когда меня нет и стекла побил. А ты знаешь, сколько стоит вставить новые. Да вообще, сколько у нас теперь все стоит. Снова цены подняли за аренду и коммуналку, пока ты там была за стеной... И так уже все делаю сам, без персонала. Но с такими темпами мне и себя вскоре придется уволить. Платить будет нечем...

Хмурый Данила покосился из-под густых бровей на женскую фигуру у стойки.

— Деньги есть?

— Есть.

— Врешь? — прищурился он. — Могу подкинуть?

— А сам где возьмешь? — усмехается она. — Есть, Даня.

— Много? Мне одолжишь? — шутит мужчина.

— Нет. Но могу помочь ручным трудом.

— Не смогу платить.

— Я бесплатно. Все равно ни черта не делаю. Работы мне нигде не дают. Вообще. Даже уборщицей. Разве что по профилю новой деятельности.

— Это какой?

— Шлюхи... — уныло признается Калина.

— А что, шлюхи хорошо зарабатывают. Вот на политиков посмотри, — острит он. —

Брось, Каля. Все скоро забудут...

— Лет через десять. Как бы не умереть с голоду.

— Будешь помогать, стану харчами делиться. Другим ничем не могу. Трахать буду бесплатно, но только потому, что уважаю твою маму. Не могу брать с тебя деньги за секс...

— Иди в жопу, шутник.

— Ты не в юморе. Раньше всегда ржала с этой шутки.

— Потому что это не шутка.

— А что делать? Я хоть и друг, но прежде всего мужик и холостой. Хочу бабу, а ты хоть и друг, но прежде всего баба. Сидишь тут глаза мозолишь. Тоску на член нагоняешь...

— Я тебе не баба! Хозяин тоскливого члена, — огрызнулась Калина.

— Тоскующего, это не одно и то же... Каля, что ты злишься? Хочешь кофе?

— Я уже три чашки выдула. Даже сердце уже стучит.

— Оно и должно стучать, — заметил он. — Как отец? Все совсем плохо?

— Не отвечает на мои звонки, — хмуро ответила она.

Два часа дня, город гудит. А тут, в этом маленьком неуютном баре тихо. Только бармен и его унылая подруга...

— А мама?

— Звонит каждый день и причитает, как я могла так опозорить ее и отца?..

— Она что, верит? — На невозмутимом лице Данила одна из бровей слегка дернулась вверх.

— Нет. Пока не включит телевизор. Затем начинает верить и звонить. Причитает и плачет опять. И так раз пять за день. Я пробовала отключать телефон, она соседке звонит. Та из жалости к ней зовет меня презренную к своему телефону. И после разговора с матерью мне приходится выслушивать еще и соседку.

— Как друзья?

— А как ты, Даня? — вскинув бровь, оценивает она с грустной иронией.

— А другие?

— А вот они все, за стойкой стоят! Кроме тебя, как оказалось, друзей нет. Все отвернулись.

— Город слепых, — забавно морщит он нос с небольшим шрамом на переносице. — Хорошо!

Он отставляет стакан прочь, откладывает полотенце и объявляет:

— Это было самое крайнее средство, но этот черный день, как видно, настал. Давай поженимся, родим ребенка. Всеобщего одобрения не гарантирую, но старик твой смягчится. А бабке будет некогда плакать, пеленки внуку станет стирать. Употеет!

— Жениться, ха! Чем ребенка кормить станем?

— А все же есть! — развел он руками вокруг. — Пиво, кофе...

Калина упала лицом на стойку и долго смеялась тихим задорным смехом.

— Вот ты и рассмеялась. И жизнь уже не такое дерьмо, — возвращаясь к протирке стаканов, и не подумав улыбнуться, подытожил Данил.

— Что там было? — спрашивает он через время. Вопрос назревал давно, только такой невозмутимый тип как Данил мог выдержать, не озвучивая его неделю.

— Расскажу, убьют! — усмехнулась Калина.

— Лучше пуля, чем та дерьмовая жизнь, которую ты теперь ведешь, — и, не моргнув глазом пробасил он.

— Ты прав! К чертям собачьим их запреты! Даже если расскажу тебе, что будет? Ты же не побежишь по улицам с этим. Пришьют и тебя.

— Вот и хорошо, дерьмо моей жизни не лучше твоего, — в той же невозмутимой манере отвечает бармен. Ничем его не испугаешь, не прошибешь. В свое время он рвал бессмертных на куски, бывало и голыми руками. Оттого теперь все лицо в шрамах. Не сказать, что стал уродом, но и симпатягой не назовешь. Калина часто злится на старого приятеля, так он выводит ее порой своей немногословной манерой и непробиваемым лицом. Но не может не признать, что этот угрюмый человек ей ближе, чем весь иной мир. Даже родители. Поэтому она всегда возвращается в этот бар. Или бывало среди ночи без разрешения приходит в его комнату в конце коридора. Просто поговорить. Или помолчать. Когда ей совсем паршиво, как вот сейчас.

— Правда. Но, правда и в том, что бояться этой протечки им нечего. Мало ли что ктс болтает?! Это все домыслы. Они им не страшны. У них рычаг давления на массы через экран и газеты. Никто не поверит мне, если вдруг заговорю. А если и поверят, то единицы. Никто не боится протечки. Боялись бы, не допустили. Устранили тихо или закрыли сразу.

— А мозги еще работают, — шутит Данил себе под нос. — Вещай, радио свобода! Я же знаю, что хочешь. Все время косишь на меня, и глазки горят. «Сказать или нет?». Молчишь только чтобы не навредить мне. А там язык уже печет, да?

— Я не боюсь. Говори.

— С чего начать?

— Один хрен! — махнул он.

— С этого и начнем. Хрен у него огромный!

Данила опустил руки со стаканом и полотенцем на стол и вскинул светлые брови.

— Я всегда мечтала увидеть это лицо! — выдохнула Проскурина и засмеялась. — Тебя удивленным! Почему я без оптики?!

— А я думал ты фригидная, — постно отшутился Данил.

Далее последовала продолжительная беседа. Уже всецело без шуточек, серьезная. Точнее отчет в общих чертах лишь без некоторых деталей.

— Знаешь, тысячи не состыковок, даже после пояснений Аршинова. Я все еще пытаюсь составить картину и не могу. Словно главного он мне так и не сказал...

— Не сомневайся, что так и есть. Это политика, а ты лишний персонаж. Какой смысл говорить тебе все?

— Меня раздражает не это, а то, что я не понимаю самых важных деталей. И знаешь, что еще?.. На один краткий миг у Вишнара почти получилось, — не без сожалений констатировала она. — Я почти поверила в их неопасность. Точнее, что эта опасность не так и велика. Например, когда он приставил ко мне милого юношу. Такого добродушного, бесхитростного, как зайчик.

— Зайка с клыками?

— Да, но я не видела его клыки. Он был первый из всех, к кому не было ни грамма страха и предубеждения. Сразу! На это и был расчет Вишнара, это я поняла. Но почему я, заведомо зная, что это уловка, не чувствовала опасности? Не знаю... — исповедовалась она, обнимая руками бокал с пивом.

— Тяжело найти то, чего нет.

— Почему ты это сказал?

— Потому что так и есть. Возможно, ты и, правда, предубеждена.

— Ты защищаешь их? — возмутилась Калина.

— Нет. Они пьют кровь и это никто никогда не изменит. Но это не значит, что они лишены человеческих качеств.

— Они не люди, по сути! — возмутилась она.

— А кто они?

— Вампиры!

— А что это значит? — спокойно вопрошал он.

— Что они высосут твою кровь, если встретят.

— Но твою же не высосали и даже не пытались.

— Даже тебе телевизионщики замылили глаза, смогли?!

— Они больше десяти лет не нападали и теперь готовят с нами про мир. Будь они, так же как и раньше кровожадны, случались бы вспышки, хоть иногда. Но они держатся. Значит это не приказ. Потому что даже приказы нарушаются. Я знаю, я бывший солдат, синий берет — элита. Еще молодой был, сопляк, и ночные убийцы тогда еще нападали на наши города. По всей территории пробивали стену по ночам, отчего и прозвище, и совершали набеги. Я видел во время одной операции, как бессмертный вытягивал из завала девочку. Она плакала, и он вытер ей слезы и подтолкнул, чтобы она шла прочь. Почему он ее не убил? Бездушный бы убил. Но увидев меня, кинулся в бой. Я его опередил. Ты можешь пояснить мне его поступок? Я уже больше семнадцати лет не могу...

— Там было все так плохо? — спросил он после паузы. — Ничего хорошего, что бросилось в глаза?

— С мирными жителям мы не общались. Только с военными, а они не многословны. Перед нами разыгрывали спектакль и показывали то, то было необходимо. Военную мощь, слаженность государства, полное подчинение государю или преемнику...

— И все при этом выглядели страшными кровососами. Лицемерами, что вот-вот укусят исподтишка, — прокомментировал Данил, скосив глаза на подругу.

— Нет. Они выглядели целиком нормальными. Он выглядели как люди... — устало подтвердила она. — Только все равно они пьют кровь. Хотя и не лишены человечности и сострадания.

— Вот ты и признала это.

— Я никогда не забуду, кто они, — с вызовом заявила она.

— А забывать и не нужно. Я первый не забуду, это я воевал с ними лицом к лицу и видел смерть товарищей и мирных жителей. Но я не считаю их бездушными монстрами. Просто, они не такие как мы с тобой. Но они тоже живут здесь. Это наш общий мир. Ни разу не видел ненависти в среде животных.

— Это потому что они лишены тех чувств, что имеем мы!

— Но вампиры их не лишены!

— Ты меня раздражаешь! — заверещала женщина.

— Потому что ты понимаешь, что я прав, — усмехнулся Данил. — И хватит бесплатно дуть мое пиво! Пойди, пошевели ватрушками, подмети что ли!.. Скоро клиент повалит.

Работу по-прежнему не удавалось найти. Калина все время отсиживалась в баре со странным названием «Последнее пристанище мертвого оленя», если не лежала на диване в своей квартире и не таращилась в потолок. Размышляя, как выкрутиться из сложившейся ситуации?

Уже три недели был открыт круглосуточный доступ в мир бессмертных. Но пока никто

не рискнул им воспользоваться. Ни один человек... И власти не подталкивали. Скорее, даже, слегка пугали. Они вели свою, двойную игру. С одной стороны бессмертные верят в то, что готовится мир и лояльны к правительству людей, с другой стороны — жители городов по собственному желанию не покидают территорию обнесенную стеной. То, что нужно.

В каждом выпуске новостей показывают фотографии ожидающего людей гостеприимства другого мира, но при этом голос за кадром осторожно напоминает всем, что это может быть небезопасно. То есть, не опасно в принципе, но гарантии на сто процентов никто не дает. Так сказать, все на ваше усмотрение, но государственные службы за это ваше решение ответственности не несут...

Припоминаются события прошлых лет. Транслируются отрывки документальных фильмов. И все по-прежнему боятся. Что, конечно, не могло не радовать Калину. Потому что недоверие вампирам было ее твердой позицией. И только это ее успокаивало в сложившейся ситуации. Она сама пострадала, но человечество в целом пока в безопасности.

Все так и оставалось пока в один из дней по телевизору не объявили, что вскоре из столицы бессмертных приедет делегация с ответным визитом вежливости.

— Что? — Проскурина едва не упала со стула, на котором сидела. Самое утро, посетителей в баре нет, Данил варит кофе и жарит им омлет, она ждет. Потому что пока не поест, она не человек, она хуже любого кровососа, и терпеливый бармен уже хочет выгнать ее вон, потому что сил не хватает даже у него.

— Даня, ты слышал?

— Да, я слышал, моя госпожа! Не пережарить гренки. Не волнуйся, не пережарю. Хлеба нет. Машина с провизией приедет не раньше часа.

— Они их пустят к нам! — появлялась на кухне и в ужасе глядя просто огромными, как блюдца зелеными глазами, констатировала она. — Пустят к нам вампиров... И они снова станут нас убивать. Иной причины быть тут, у них нет...

— Ну, пустят и пустят, чего орать?... — Данил не обманул ее своей беспечностью, глаза его сверкнули настороженно и вообще он теперь не просто спокоен, хмур. Он быть может и не считает бессмертных бездушными тварями, но точно не желает видеть в этом городе. Потому что слишком хорошо помнит про их клыки...

Ответный визит откладывали дважды, и трижды переносили. Уже заканчивалось лето, а вампиров так и не пустили к людям. Проскурина бедствовала, выживая лишь благодаря Даниле Оленеву, но в душе радовалась, что пока вампиры не получили того, что желали. Но день воплощения ее кошмаров все-таки настал, делегация бессмертных приехала в город...

Глава 14. Сердечко на запотевшем стекле...

Калина сидела за стойкой бара и, поджав побелевшие губы, хмуро смотрела на экран телевизора. Прямое включение. Вначале показали корабль движущийся вдалеке. Нечто невообразимо огромное плавно летело по воздуху над самой поверхностью земли, неумолимо приближаясь к железной стене. Картина имела крайне пугающий вид, особенно потому, что первый корабль сопровождали еще десять машин немногим меньшего размера. Вытянутые, обтекаемые строения из металла без окон. Многоэтажный дом — не меньше, который зачем-то уложили набок.

— Ни черта себе, машинка! — охнул Данил и присел на стул рядом с Калиной. — Или это самолет? Оно летит или едет? С такого расстояния не понять...

— Летит. У них весь транспорт воздухоплавающий.

— Очуметь! Каталась на таком?

— Нет, только на кубике и в шарике...

— Не понял, — растерялся Данил.

— Летала на городском транспорте — шароплане и... ковролете, — пояснила Проскурина.

— Как ты сказала?

— Второе название я сама придумала. Такая платформа со стульчиками, летающий стеклянный квадрат. Прогулочный вариант, его называют просто — транспортер. А это военная техника. Наверняка бронь!

Жуткая обтекаемая махина подлетела к городу и опустилась. Сбоку откинулась часть стены и тут же сложилась ступеньками. Это было как представление фокусника на глазах у малышей. Диктор комментировала восторженным и при этом до предела взволнованным голосом, который слегка охрип в процессе комментария, пока по ступеням стремительно спускались солдаты. Именно солдаты, но не в парадных кровавых средневековых мундирах. Это была настоящая военная форма современного образца. Черные пуленепробиваемые термокостюмы под самое горло, с ног до головы увешанные непонятным оружием. Во время мирных переговоров людям один раз довелось их увидеть, как и услышать подробный рассказ о всех качествах этих одеяний. Сохраняют тепло, не допускают переохлаждения, в них можно плавать и главное, они способны некоторое время выдерживать высокие температуры. Например — открытое пламя.

Эта мини армия, вооруженная и готовая в случае чего к бою, выстроились двумя рядами от лестницы до самой железной стены. К ним навстречу двумя шеренгами вышли солдаты людей. Эти последние, тоже в своих лучших униформах. Вероятно, всей армией собирали им одежды для этой демонстрации. Поскольку финансирование последней находится просто таки в плачевном состоянии. Но сегодня, солдаты людей сверкают пуговицами на темно-зеленых костюмах, как и сапогами и все равно блекнут на фоне вампиров, проигрывают и ростом и выправкой, и теми самими уже упомянутыми одеяниями.

Военные в зеленом расположились вторым рядом для конвоирования и защиты прибывших гостей. Тем временем на лестницу по порядку ступили члены делегации, все без исключения в парадных кроваво-красных мундирах. Калина напряженно всматривалась в лица, выискивая хоть кого-то, кто был ей знаком. Напрасно.

Затем пошли штатские — сопровождение делегации. В их числе один знакомый

бессмертный нашелся. Проскурина замерла, в то время как сердце ее подскочило в груди.

Амир, шагал последним. Одет в черное. Самый обычный гражданин с виду. Ничего примечательного. Не изменился, но без мундира он выглядит как-то не так. За счет цвета одежд он кажется еще выше и даже стройней. Или он похудел?.. Лицо не такое пышущее здоровьем и сытостью как она его помнила. Слегка бледный, но выглядит скорее хорошо, чем плохо. И все-таки красивый. А ей уже казалось, что память слегка приукрашала его преимущества.

Капитан с интересом осматривался. Особенно активно, когда делегаты вошли в широкий проем железной стены, настоящий тоннель, который в диаметре достигал более трех десятков метров — толстой обшивки из прочнейшей брони. В свое время на изготовление этой стены собирали все, что можно по всей стране, любой метал, уже после, постепенно заменяя его броней, которой изначально просто не было в необходимом количестве. Первая стена была каменной, после обшита железом и только через годы стала тем, что представляет собой сейчас. В то нелегкое время горожане голодали, собирая деньги всем миром на строение этой защиты. Чтобы уберечь себя от ночных кошмаров. Только и стена их не спасала. Она была скорее психологической защитой. Вампиры приходили по ночам, совершали спонтанные набеги, убивали и воровали горожан. Пока в один из дней это внезапно не прекратилось.

— Высматривает слабинку, — шепнула Калина, с прищуром наблюдая за сосредоточенным лицом Амира.

— Я говорю, выискивает, где в стене брешь?

— Просто смотрит. Я бы тоже смотрел, как она выглядит изнутри, если бы увидел первый раз. Массивная вещь. Единственное, что в нашем мире сделало на совесть и внушает почтение.

— Я говорю тебе, эта сволочь разнюхивает! На черта бы сюда приезжал глава государственной службы безопасности?! Почему он в штатском, когда остальные в мундирах?!

— Так это тот самый кровосос? — присвистнул Данила и выразительно посмотрел на подругу. Калина нахмурилась, и сложили руки на груди. Смотрит трансляцию, игнорируя пристальный интерес в лице бармена.

Делегаты тем временем успели переместиться на территорию города. На посту их проверили металлоискателем на наличие оружия и изъяли все, что вызывало подозрение. В то время как вампиры делегацию людей никакому контролю не подвергали. Когда же с первичной проверкой было покончено, гостей повели улицей в сторону здания таможни. Вампиры с интересом осматривались, косили ввысь на стометровую стену, изучали лица людей. Им, если судить по виду, было интересно все. За оцеплением из плотного кольца солдат собрались репортеры и зеваки из числа простых жителей города. Время от времени доносились крики. Ничего лестного в адрес вампиров не прозвучало. Но последних это, кажется, нисколько не смутило. Когда делегаты продвигались по улице, сотрудница одного из телеканалов исхитрилась схватить ближайшего к ней гостя за руку и попросила сказать несколько слов. Лицо бессмертного тут же взяли крупным планом.

Вампир с интересом смотрел на руку женщины, которой она держала его за запястье. Кажется, ему понравилось, что женщина не боится и, невзирая на протесты официальных представителей со стороны людей, гость выразил согласие сказать несколько слов.

— Как вас зовут?

— Амир.

— Амир, что вы чувствуете? Впервые за последние десять лет вы находитесь на территории людей, — сказала журналистка.

— Радость. Я очень мечтал побывать в этом городе. Читал про вас книги и хотел увидеть достопримечательности своими глазами.

— Увидеть он хотел, — кривлялась Калина. — Жаль я не там. Я бы забросала его помидорами!

— Ты вначале дойди туда, что бы тебя саму не забросали, вампирская потаскушка, — постно комментировал Данила, приплетая для своей радости прозвище, которым Проскурину называли теперь повсюду.

— Нет, все-таки нужно было пойти, закидать эту сволочь! — горячилась она, игнорируя обидный комментарий.

Амир говорил формулируя ответы очень вежливо и не жалел обаяния улыбаясь журналистке.

Но тут произошло кое-что... Некто из толпы с воплем «подавись, сволочь!» на радость Калине воплотил ее мечты. В кадр влетел помидор, для которых был самый сезон, ударился с немалой силой о крепкую грудь вампира и прилип. Амир стряхнул его невозмутимым жестом, игнорируя лицом общественную неприязнь так лихо, словно все именно так и должно быть. А обстрел помидорами — это вообще часть радушного гостеприимства людей. Ведь он и об этом читал!

— Получил! — Калина радостно захлопала в ладоши.

Бессметный на миг исчез из кадра. Он возник в нем уже с помидором в руках.

— Это овощ семейства пасленовых. Я читал про него. Совсем как на картинке в наших учебниках... — без малейшей доли огорчения рассуждал гость, с интересом рассматривая находку.

— Ты смотри, какой милый одуванчик, — усмехнулся Данила.

— Да, эта сволочь умеет прикидываться, — прошипела Калина.

— А он не такой как я себе представлял из твоих рассказов, — скосив хитрые глаза на женщину, признался Данил. Ей кажется или он улыбается?..

— Вампир как вампир. С клыками, — буркнула она.

— Клыков не вижу. А вижу что он... Видный парень.

— Да ну, брось! Заурядный тип. Вообще не интересный, — скривилась она.

— Ну да, рожа не в шрамах. Не твой тип, — посмеивался Данил.

— Он выродец!

— Вижу. И явно никому не понравится. Журналистке вот уже не нравится, потому она его за руку так и держит, — посмеиваясь, бармен встал и дальше протирать свои стаканы. — Не понимаю только, отчего ты так горячишься, если я не прав?

— Он мне угрожал!.. Давай переключим?

По другому каналу показывали тоже самое, но уже под другим углом. Демонстрацию жителей города, возмущенных приездом вампиров. Небольшую и ее тут же разогнали. Транслировали потасовку, связанную с этим. Людей с увечьями, лежащих на улице, военных в касках с дубинами и крики: «Вампиры прочь!».

— А это мы, пожалуй, посмотрим, — с воодушевлением проговорила Калина. Данила покосился на нее исподлобья и заметил:

— А кто полы будет мыть?

— Чуть позже, хорошо?

— В следующем году мне не нужно. Иди, работай, дармоедка! — строго призвал он ее к порядку. — Кыш я сказал! Верни мой пульт!

— Вампиры прочь! — скандировал Калина, и посмеивалась, поднимая стулья ножками вверх.

Данил тем временем переключил обратно на прямое включение от железной стены. Амир все еще давал интервью.

— А что бы вы хотели сказать жителям города?

— Всем жителям? — переспросил он и задумался. — Мы пришли к вам с миром. И очень ждем вас к себе, чтобы все увидели и оценили нас сами.

Замаялся на миг и, взглянув на журналистку, неуверенно спросил:

— А я могу сказать еще кое-что, но уже не всему городу, а одному конкретному жителю?

— Да, безусловно?

Выжидал несколько секунд, явно волнуясь.

— Тяжело говорить, когда не видишь глаз того, кому адресуешь послание, — пояснил он как-то по-детски неловко. — Но я надеюсь, что она меня видит и понимает, что я приехал только из-за нее... Это все. Спасибо.

— Что за хрень он только что сказал? — роняя стул, спросила Калина и резко оглянулась.

— Что приехал из-за тебя. И нечего ронять мои стулья! Я вычту из твоего жалования!

— Лишишь меня булки на завтрак? — съязвила она. — Ты мне платил хоть раз?

— Кофе будет теперь без сахара.

— Даня, что за ерунду он только что наговорил? Зачем? — глядя на экран, Калина нервно постукивала пальцами по столу.

— Ну запал мужик, с кем не бывает? Словно он первый так влип, — бурчал бармен.

— С ним не бывает. И это не мужик, это чертов кровосос! И он с меня этой крови там у себя выдул немало, и когда я уезжала, он угрожал мне, а глаза имел такие, что будь у него молоток!.. Даже без молотка! Вбил бы мне гвоздь в голову по самую шапочку! Только гвоздя у него тоже не было... Что это значит, я желаю знать?! Я не люблю не понимать ситуацию...

— Было бы что понимать, — нахмурился Данил и отвернулся протирать стойку. — Полы лучше вымой. Опять отлыниваешь! Лишь бы фигней маяться и не работать. Заговори ей кругом мерещатся...

— Скучный ты человек, Данила! — рассердилась женщина. Накинула ветровку на плечи и, прихватив свою сумку, пошла прочь, купить сигареты. Уже третий месяц как она курила. Хотя денег не было и на это.

— Где деньги взяла? — крикнул ей вослед бармен.

— У тебя в кармане.

— Отсосешь за это! — шутил он в своей беспардонной манере. — Это уже десятый отсос за месяц ты мне должна! Дармоедка...

На четвертые сутки пребывания бессмертных в городе, в маленькой квартирке Проскуриной раздался телефонный звонок.

— Калина Владимировна? — голос Аршинова звучал взволнованно.

— Вы же звоните мне, министр. Кто еще, по-вашему, может ответить? Разве что Рамзес второй, но он редкий лентяй и думает, что я его секретарша...

— Мне не до шуток про вашего кота, Калина! У меня большие неприятности. Очень нужна ваша помощь.

— Странно, что вы звоните с подобной просьбой именно ко мне. Самому не расположенному человеку в городе, — холодно отозвалась женщина.

— Калина, я же предлагал вам помощь? Мне далеко не плевать, что вы попали в политическую мясорубку. Я не переменял своего намерения, даже наоборот. Сделаю все возможное, что бы у вас вскоре была возможность для пристойного существования. Вы вернете себе свое доброе имя. Даже, возможно, вы будете вновь работать в любимой сфере. По крайней мере, я приложу для этого все усилия.

— Сколько благ сразу. Что у вас случилось, что без меня никак?

— Калина, пропал один из делегатов бессмертных... — выдержав паузу, что бы собеседница успела осознать, что это значит, министр быстро заговорил опять: — У меня есть все основания полагать, что он направился к вам!

Калина шумно сглотнула и села на диван.

— Калина? Амир был у вас?

— Калина, это очень важно. Прошу вас скажите правду, — уговаривал министр.

— Зачем мне врать? Я расположена к этой встрече еще меньше, чем помогать министерству внешних связей.

— У вас есть мой телефон, прошу вас, позвоните, если он появится у вас. Задержите его как-то.

— Непременно, я его займу. Пока капитан станет душить меня или пить мою кровь вы успеете доехать с комфортом. Я отчего-то думаю, он растянет свое наслаждение, — серьезным голосом насмешничала Проскурина.

— Вы не понимаете, насколько серьезно обстоит дело. Амир исчез прошлой ночью. Как он сумел выбраться, минуя пять постов охраны, не представляю. Как и то, где он бродит более восемнадцати часов? Представьте, что начнется, если жители города узнают, что среди них без сопровождения ходит вампир. Мы не можем заявить о его исчезновении во всеуслышание. Пока об этом знает очень узкий круг лиц. Если информация просочится, мирным переговорам конец, поднимется бунт! Полетят головы, меня снимут с должности. Вся существующая система власти под угрозой. Я буду считать себя вашим личным должником, Калина, если сообщите мне, когда он придет к вам.

— Если придет. До сих пор же не пришел. Или вы думаете, он пока ромашки на лугу собирает для торжественной встречи? Луг далеко, ромашек нужно много, я ведь обижена. Задерживается... — иронизировала она, скрывая за этим нервозность.

— Он придет. Это мое чутье. И не для того что бы душить. Он хочет поговорить. Капитан просил меня устроить вам встречу, но я счел это ненужным мероприятием. Из-за вас. Хотел оградить он неприятных воспоминаний... Свои домыслы на счет того, что Амир придет к вам я не озвучиваю никому. Ваш дом тут же нашьпигуют венными. Если он почует подвох, не придет, и тогда ищи-свищи. По городу уже пустили караулы, но открыто искать нельзя. Не думал, что доживу до такого ужасного дня.

— Сами затеяли с ними эти переговоры и пустили их в город. Кого винить?

— Я всего лишь исполнитель. Кукловоды выше, Калина. У меня не было особенного выбора. Разве что уйти в отставку. Но стоять в стороне иногда хуже, чем порой делать что-то не то. Потому что уйти, значит не повлиять на действительно важные вопросы. А я борюсь за мир изо всех сил! Я думаю про своих детей, — что-то в голосе Аршинова поколебало

Проскуруину. По сути, министр прав. Из-за своей личной обиды она забыла о самой важной подоплеке этих переговоров. «Важной» для всех одинаково. Избежать войны...

— Не стоит так сгущать краски, министр, — уже немного теплее успокоила женщина. — Погуляет и вернется. Им просто руководит давний интерес. Мне ли не знать, что это такое?! Капитан смотрит город.

Аршинов тяжело вздохнул в трубку и, изменяя умоляющему тону, устало проговорил:

— Вы забыли одну немаловажную деталь, Калина. Ему нужна кровь каждые четыре часа. Хотя бы раз в шесть часов. А он бродит где-то незамеченный уже восемнадцать. Кое-где в городе есть еще рабочие камеры наблюдения, в торговых центрах, на вокзалах и прочих общественных местах. Но ни одна из них его не засекала. Я ума не могу приложить, где капитан. Вы понимаете, что с каждой секундой Амир ближе к срыву?.. Вокруг же люди, дети...

— Он же не дурак, наверняка запасася перед прогулкой пакетиком с любимой едой.

— В том-то и ужас, Калина. Кровь анотов хранится в специальных холодильных установках и к ним строго ограничен доступ. Можно сказать, что кровь берегут даже лучше чем самих делегатов. Мы боялись провокаций своих же, вдруг кто-то испортит холодильники и тогда быть беде. У этого мира много недоброжелателей. Там в хранилище все на месте. Еду выдавали вампирам порционно с одним дополнительным пакетиком. Запас на всякий случай, во избежание проблем. Он ушел пустой. Сразу после ужина. Все что у него было на руках, это ночная порция, и он давно ее принял... Теперь вы понимаете всю серьезность сложившегося положения?

— Понимаю, — тихо шепнула она.

— Калина, мы ищем. Мы делаем все и даже больше. Но я прошу вас, умоляю, если моя догадка верна, дайте мне знать. Но только на мой личный номер. И я тогда все сделаю для вас. Хорошо?

— Я поняла вас, министр...

Проскураина сидела в оцепенении несколько минут, молча смотрела на стену. Затем стала нервно бродить по комнате. Ей вдруг стало страшно и как всегда в такой ситуации потянуло туда, где ей становилось спокойно. К Оленеву.

Наспех натянула старые тесные джинсы, тонкий гольф и удобные кроссовки и поспешила в бар. Переговорить с Данилой, чтобы он закрыл бар быстрее и остался у нее на ночь, в качестве сторожа.

В «последнем пристанище» былолюдно. Но, не смотря на это, Данила выглядел хмурым. Кажется, он дулся, что его, так называемая помощница, опять не выполнила свою часть обязательств по бару. Потому что взглянул холодно и не ответил на приветствие.

Калина немного потопталась на месте и без прелюдий начала с того зачем пришла:

— Данила, приходи сегодня ко мне на ночь.

— И не думай, что прощу тебе невымытую посуду, даже за секс, — буркнул Оленев.

— Какой секс? — возмутилась она. — Я тебя спать к себе зову!

— Ну так и я об этом... Не понял? — тут же встрепенулся бармен. — В каком смысле, спать?

— Мне нужна твоя мужская помощь.

— Ты посмотри, какая неожиданность! — воскликнул мужчина так, что половина посетителей оглянулось. — Чем еще могу служить вам, принцесса? Того что я тебя кормлю, мало?

— Мне нужен охранник на ночь!

— Перебьешься. Если секса не будет, не приду, — набычился он.

— Ну что ты куksiшь? Я сейчас же помою посуду!

— И полы и сральник.

— Сральник не буду! Я свой уже месяц не мыла, а тут общий. Фу!

— Тогда забудь о ночном стороже.

— Даня, завтра тебе будет очень стыдно! Когда обнаружишь мой бездыханный труп, покорми Рамзеса... — Проскурина решила ударить по жалости, но не тут-то было.

— Стыдно? Что не покормлю еще одного дармоеда?.. Да пусть он сдохнет! Перетягала у меня всю жатву для этого коврика для ног. Иди, мой посуду!.. А от кого тебя защищать? — тут же серьезно спросил он и покосился хмурыми глазами. Перебранки были частью нормального общения Оленева и его «официантки», и никого из завсегдатаев не интересовали.

— Он убежал, — шепнула женщина, на миг оглянувшись. Никто не обращает внимания на их перепалку, разве что очень плохо видно, что происходит в левом углу у стены. Там самое паршивое освещение — лампы перегорели, а заменить пока нечем. Вот и сидят посетители в полутьме.

— Так кто убежал? Рамзес? Слава Богу! Одним ртом меньше.

— Мне звонили из министерства. Там переполох. Они считают, что «он» может прийти ко мне. Понимаешь, кто «он»?.. Приходи когда закроешься, я не усну без тебя! — взмолилась Проскурина.

— И нечего спать! — ругнулся бармен. — Иди, вымой посуду!

— Мне не до шуток.

— Кто тут шутит? Иди живо я тут один с ног валюсь! Как раз будешь под присмотром.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Слово за слово и они снова поругались. Чем немало развлекли посетителей. В конце концов, Данила бросил в Проскурину полотенцем, а она в него пепельницей.

— Да вымою я твою посуду! — в итоге вскипела нерадивая помощница. — Только схожу за сигаретами!

— Опять? Ты же два час назад ушла их покупать и бесследно исчезла! Денег не дам!.. Если выйдешь сейчас в эти двери, когда он выпьет твою кровь, я не приду кормить твоего поганого кота, так и знай!

— И это мой лучший друг! Вы это слышали?! — громко возмутилась она. — Даже кота моего не покормит, если издохну!.. Я схожу за сигаретами, вернусь и вымою всю посуду. И тебе будет очень стыдно, Данила Оленев!

— Как же, — крикнул бармен отворачиваясь.

Пользуясь промашкой друга, Калина стремительно пошла к двери. Точнее, побежала, нервно оглядываясь в сторону бармена.

Вышла на улицу и слилась с толпой прохожих. Былолюдно, шумно, снова накропал дождь. Под серым, покрытым облаками дневным небом она торопилась домой. Что-то мытье общего нужника в этот день ее не прельщало. Впрочем, вчера оно прельщало ее не многим больше...

Вскоре добралась до своего дома и неторопливо пошла по ступеням вверх. Полумрак и тишина, но когда миновала второй лестничный пролет, почудился скрип входной двери. Словно кто-то вошел следом. Если это не сквозняк.

Калина замерла, затем осторожно перегнулась через перила и посмотрела вниз...

Никого. Но только лишь продолжила свой подъем, снова уловила осторожный звук шагов. Остановилась и снова выглянула вниз. Ни чьей-то тени, ни звуков движения. Но мгновение назад Калина отчетливо слышала шаги.

Повинуясь скорее чутью, чем голосу разума, бывшая журналистка стремительно побежала вверх и тут же уже отчетливо услышала — за ней бегут.

Женщина на всех парах влетела на свой этаж и понеслась по длинному, пустому в этот рабочий час коридору. Дрожащей рукой вставила ключ в замок и провернула его. Оказавшись внутри комнаты, Калина сильно толкнула дверь назад. Но ожидаемого хлопка не последовало.

Ощущая себя частью страшного сна, Проскурина увидела, как дверь плавно открылась, повинуясь чьей-то руке. А затем бледный, почти восковой лицом визитер сделал шаг в ее сторону...

В предельном ужасе женщина попятилась назад. Почему-то глаза Амира были черными и этот непривычный вид пугал особенно в сочетании с крайней бледностью его лица.

Вампир делает решающий шаг в квартиру и медленно закрывает двери за собой. Калина паникуя, кидается к телефону, но бессмертный в два шага нагоняет ее и выдергивает шнур из розетки, заглядывая в предельно расширенные зрачки зеленых глаз.

Кинув трубку в сторону, женщина отступает в сторону и пятится, пока не упирается спиной в стол. Оглянувшись, она схватила в целях самозащиты первое, что попало под руку.

Рамзеса второго...

И выставила его перед собой как заслонку. Жирный кот флегматично повис в руках как безвольнейшая из тряпок.

— Секретное оружие страшной разрушительной силы? — окинув животное саркастическим взглядом, уточнил вампир. — Оно, кажется, в неактивном состоянии... Выдерни что ли чеку, вот там снизу торчит.

Калина бросила кота на пол, который крикнув от удара, лег спать там же, где упал, и схватилась за вазу.

— Уже лучше, — невозмутимо сказал Амир.

— Я кину! — предупредила женщина.

— Не стоит. Я пришел просто поговорить, и не опасен.

— Да? Аршинов сказал, ты будешь голоден. А ты выглядишь бодренько, вроде ломки нет, — опасливо присматриваясь, оценила женщина.

— Ломки нет, — подтвердил вампир.

— Что ты ел? — холодно спросила гостя. — Тебя уже восемнадцать часов нет там, где хранится ваша еда.

— Девятнадцать.

— Еще лучше... — Бегая по комнате, Проскурина искала испуганными глазами, чем себя защитить.

— Я все просчитал и с самого начала визита откладывал понемногу еду, накапливая порционные пакеты. Чтобы мне хватило на дорогу к тебе, — пояснил капитан. — Ел меньшими порциями, чем положено, только чтобы не ломало, и утаивал, что не израсходовал, как и дополнительные порции. Еда есть и ее достаточно. Не суетись, Калина, я не опасен.

— Неужели? — язвительно уточнила она. — А как ты хранишь кровь без холодильника?

— Она в термоупаковке и специально обработана консервантом для сохранности. Обычно мы пьем свежую, она полезней. Но решили в дорогу перестраховаться. Таким образом, кровь может храниться до трех суток без дополнительного охлаждения... Если тебе так страшно, возьми разделочный нож. Он у тебя за спиной.

— Обойдусь без подсказок!.. Значит, ты не голоден? — еще раз недоверчиво уточнила, покосившись на нож.

— Нет. Даже если бы был, тебе бы это ничем не грозило. Я бы поужинал котиком.

Проскурина не оценила подобного юмора. Хотя Амир на удивление откровенно шутил. По крайней мере, улыбка уже не раз появлялась на его губах, что было крайне непривычно для серьезного капитана.

— Что с глазами? Это контактные линзы? — прищурилась Проскурина.

— Да, что бы люди на улице от меня не шарахались, — вновь тепло улыбнулся он.

— А где взял эту одежду? — спросила она не напрасно, Амир был одет в точности как человек. Очень не притязательно: черные джинсы, футболка и тряпичная коричневая куртка. Довольно потертая, как и туфли.

— Украл.

— А что у тебя с зубами? — присматриваясь, удивилась она.

— Это накладка, — признался мужчина. — Чтобы не отличаться улыбаясь.

— И это все ты тоже украл по дороге сюда? В магазине с названием «как скрыть на первом свидании, что ты вампир»? — саркастически усмехнулась женщина.

— Нет, это я привез с собой.

— Готовил миссию загодя, серый волк?

— Да, милая красная шапочка, загодя.

Бессмертный скользнул глазами по старой знакомой и Калина поняла что краснеет. Вид она имела далеко не самый шикарный. Ни прически, ни макияжа. В простых поношенных джинсах и выцветшем гольфе. Не такая Калина, к которой он привык во дворце. Там она держала себя в образцовом порядке. Как ей всегда мечталось. Взяла с собой для этого все лучшие наряды и даже одолжила пару платьев у знакомой модницы из очень богатой семьи. Поскольку приличествующих делегату вещей попросту не имела, и ей было стыдно ходить перед вампирами в обносках. В буднях, да и на работу, когда таковая еще имелась, Проскурина одевалась, как и большинство людей — в опрятные по виду, но уже изрядно потрепанные вещи и обувь. Эта последняя как правило тряпичная летом и зимой. Демисезонная утеплена. Кожаная обувь у людей безумно дорогая и порой, даже передается по наследству. Проскуриной именно так и достались поношенные туфли от тетки. Тетя ее не любила, просто размер подошел, а своих дочерей не было. И Калина носила подарок, бережно за ним ухаживала. А пять лет назад купила себе новые туфли на высоком каблуке, те самые в которых щеголяла во дворце. Это, кстати был первый раз когда она их одевала на выход. До того лишь по квартире. Так безумно любила эту, в прямом смысле бесценную обувь. Десять гонораров за интервью из горячих точек и три года жесткой экономии, вот, во сколько они ей обошлись. А все потому, что модница.

Правда, не сейчас... Болезненный укол получила в результате, а ведь она все-таки очень самолюбива. Если мягко сказать.

— Жаль у нас женщины так не ходят. Милые брючки, и все так подчеркивают, что хоть они и есть, но их словно бы и нет, — оценил капитан, не без улыбки, задумчиво изучая

линию женских бедер и ног. Впервые так откровенно по-мужски смотрел и этим смутил до предела.

— Любишься, пока есть возможность, — уколола она.

Амир тут же отвернулся и стал с интересом осматриваться в тесной гостиной, совмещенной с кухней. Калина хмурилась, напряженно наблюдая за гостем и пытаясь понять, что он задумал и насколько опасен. Но пока складывалось впечатление, что капитан пришел с миром. Или только лишь пытается в этом убедить?

— Тут ты ешь, — рассудил между тем гость и, заглянув в умывальник уточнил: — А тут моешься? Очень удачное совмещение... Комфортабельно... А где любовное ложе? Тут?

После этих слов он заглянул под умывальник, где стояло мусорное ведро, откуда сразу высыпалось на пол, к его ногам. Амир какое-то время изучал очистки и огрызки, с интересом рассматривая.

— Это что? — спросил он в результате. — Дай хоть одну подсказку. У меня конечно море идей, но боюсь, все ошибочны.

— Мое мусорное ведро, — холодно отозвалась Проскурина, складывая руки на груди.

— То есть — кушать ты это уже не будешь? Потому как я подумал, это хранилище пищи. Холодильник.

— А ничего что там тепло?

— В том, что стоит в моем номере в гостинице тоже тепло. Я думал, они у вас так работают, по другому принципу, — развел он руками. — Знаешь, а тут даже многим удобней, чем я подумал сначала. Можно сидя в ванной помешивать еду в кастрюльке и пить при этом чай. И вставать, куда-то идти не нужно. Пришли гости, не поднимаясь из ванной, дотянулся рукой, двери открыл. Здравствуйте гости! Хотите чаю или сразу ко мне в ванну?

Журналистка выслушивала с холодным лицом, хотя Амир не выглядел насмешливым, скорее просто шутил для разрядки атмосферы.

— А это что за средство массового поражения? — с искренним интересом рассматривая старенький вентилятор, спросил капитан. — Так ты сушишь волосы? Тогда ясно отчего они так растрепаны... А где машина? Я чувствую, что и гараж где-то тут, рядом...

Он оглядывался, а когда обнаружил в узком коридорчике двери, заглянул за них.

— Умывальня! Какая роскошь! Еще одна и многим больше первой! Тут даже я помещусь. Наверное для гостей... И еще одна поменьше? Это для котика? — подразумевая умывальник, острил он. — А у нас не строят умывален для котов, экономим.

Гость исчез в ванной и долго не появлялся, и осторожно приблизившись, Калина заглянула в свою более чем скромную туалетную комнату с потрескавшимся кафелем над маленькой тесной ванной и обсыпавшейся, текущей стенкой над унитазом. Амир стоял, обернувшись целлофаном, которым ограждалась ванна. Лицо он имел напряженное, очевидно анализировал.

— Какое интересное изобретение. Зачем оно? Это сушильная система? Как она работает, не вижу кнопки? Сенсорная система, тепловые датчики? — выпытывал он и водил рукой в поисках.

— Не паясничай. Это чтобы не брызгало на пол, — холодно одернула женщина.

— Нужно и себе такую повесить. А то ведь у нас жутко брызгает, а пол с автоматическим испарением влаги это страшно неудобно. Seriously! Ноги жжет. А тут такая изумительная штука. А как ее называют?

— Клееночка.

— Клееночка! Как мило... С любовью называли. В принципе, назвать это чудо как-то иначе было нельзя, — все еще прокручиваясь в шторке для душа, рассуждал вампир.

Смотрелось до горя комично, хотя Проскурина чувствовала себя слегка униженно. Ей было интересно наблюдать за ним, но главное, хотела узнать, к чему ведет капитан. Очевидно, Амир умышленно паясничал, но в чем была его цель? Оскорбить ее? Или потянуть время? Быть может, он просто не знал с чего и как начать разговор? И выбрал юмор как способ снять напряжение собеседницы? Стараясь выглядеть увлеченным, заинтересованным чужим, незнакомым ему укладом жизни, осматривает все вокруг и не жалеет улыбки, но при этом глаза его предельно насторожены. Вот он, настоящий Амир. В выражении этих серьезных глаз. Так что же он задумал, к чему ведет этот спектакль? Это клоунада не кого-то, начальника государственной службы безопасности! И женщина терпеливо ждет свой ответ.

— В унитаз не заглянешь? Там тоже очень интересно. И удивительного не мало. Я там уже недели две не мыла. Тебе понравится.

— Антисанитарная зона? — уточнил мужчина, округлив глаза. — Посмотрим... И правда, ужас кромешный. А как это работает?

— Нужно нажать кнопку.

Амир нажал и зашумело. Затем он нажал повторно, после еще один раз. Но не сработало.

— Нужно подождать. Пока наберется.

— Мне нравится. Экстрим! Интрига. Сработает или нет? А не сработало — за ведро и вычерпывай. Тот, кто это разрабатывал, знает толк в развлечениях. У нас скучнее.

В чем-то он был прав, у вампиров туалет работал по принципу вакуума и самоочистки. А тут и правда, приходилось порой черпать, когда у соседа сверху забивался стояк...

— Ты все увидел что хотел? — холодно спросила Проскурина. — Все прокомментировал?

— Нет не все. Что-то мне подсказывает, что самое интересное ждет впереди.

— Тут нечего больше смотреть.

— А как же ложе для любовных утех? — закатил он глаза. — Его я так и не увидел. А ведь мне очень интересно. Очень интересно! Что я там увижу?..

— Я сплю на диване в гостиной.

— Это была гостиная? — изумился он. — Я думал личные апартаменты твоего кота. Судя по шерсти, он спит там на всех поверхностях...

— Нет, это мой тронный зал!

— Я думал это тронный зал, — указав на унитаз, удивился он.

— Все, хватит!

— Продолжим осмотр достопримечательностей, — настаивал бессмертный, с очередной улыбкой заглядывая в серьезное лицо Калины. — Я тебя не один час мучал экскурсией, теперь ты мне обязана отомстить. Показывай. Где банкетная зала, где усыпальница предков? Тут?

Капитан заглянул в небольшую кладовку и оттуда вывалился веник.

— Это что? — долго изучая непонятный предмет, спросил он в полном недоумении. — Опахало? Какое странное и разит ужасно. Котом...

— Оно самое! Хочешь, подарю на память?

Капитан безгласно поморщился и отставил «опахало» к стене.

— А это и есть усыпальница моих предков. Их там немало и они просили не беспокоить, — закрывая дверцы, без энтузиазма отшучивалась хозяйка.

— Я хочу увидеть уважаемых предков династии Проскуриных, — мужчина повторно рванул на себя дверцу и ему под ноги вывалился старый пиджак. Калина и сама не знала, чей он, кажется бывшего квартиросъемщика, что жил до нее у Оленя.

— Это моего дедушки. Любимый мундир.

— Он в нем и умер? — оценивая потрепанное состояние одежды, уточнил капитан. — А если серьезно? Это вместилище бытового сора? Накопитель неутилизованных отходов? Как это называется?

— Кладовая.

— Кладовая. А то я подумал, жирно живешь, два мусорника в доме. Или три? — заглядывая за дверь спальни, осторожно уточнил он.

В спальне и, правда, смотреть было нечего. Кровать и шкаф. Убогий дамский столик и вытоптанный ковер на полу. И пол метра свободы между ними. В коробке для обуви туфли живут в большом просторе.

Амир смотрел, облокотившись могучим плечом о проем двери и молчал. Даже пошутить было не про что. И это была такая живописная тишина, что Калина, стоя позади него, покраснела до корней волос, хотя этого не происходило до того, пока гость насмешничал над ее убогим бытом.

— Назад к бессмертным не желаешь?

— Нет, — холодно отрезала женщина.

— В принципе, можно жить, — нисколько не издеваясь, подытожил гость и пошел назад в гостиную, правда, перед этим вновь зашел в туалет и спустил воду. И забавно посмеивался наблюдая.

— Набралось уже. Просто чудо какое-то!..

— Как ты меня нашел? Это Аршинов дал тебе адрес? — принимая строгую позу, спросила, когда вышли в гостиную.

— Ты сама меня сюда привела. Я знал только название места, где ты теперь зарабатываешь на жизнь. Только подошел к бару, и тут же явилась ты.

— Зачем ты пришел? Воплощать свои угрозы?

— Только если ты позволишь мне вымыться. Я ночевал в подвале и теперь пахну не лучше чем опухало твоего кота. Не представляю, как ты выдержишь акт любви с мужчиной, который источает такой аромат! Тем более его многократные повторения, — слегка смущенно шутил он. Калина щурилась, напряженно размышляя, какую игру ведет капитан? Не тот это бессмертный чтобы озвучить угрозу, а потом отступить от нее. Не тот!..

— Тебя ищут. Уйти было глупо. Ты поставил под угрозу желанный мир, ради встречи со мной? Не слишком ли дорого обойдется тебе планомерная месть? — недоверчиво уточняла женщина. — Гнева государя уже не боишься?

— Не боюсь, — откидывая забавную показную веселость, серьезным голосом твердо сказал Амир. — Это он меня направил сюда. Я здесь по приказу, Калина.

— Какое разочарование! — воскликнула она с горечью. — Я думала, ты летел ко мне на крыльях любви. А он опять лишь выполняет приказ государя. Как бы мне это пережить?!

Амир смотрел молча, буравил ее глазами. Кажется, он уже забыл, как может быть «приятно» беседовать с этой смертной.

— И с чем государь прислал ко мне своего главу безопасности?

— Я больше не возглавляю службу безопасности, Калина, — опуская глаза, признался Амир. — Сразу после отъезда делегации между преемником и государем произошел небольшой разлад. Рикошетом отдало и по мне.

Мужчина вскинул верх подбородок несколько преувеличено гордо. С большим достоинством чем то, что на самом деле ощущал. Точнее лишь желая показать то, что совсем не чувствовал теперь. Смотрел, ожидая очередного едкого вопроса и язвительного комментария.

— Что же они не поделили?

— Думаю, ты отлично знаешь.

— Смертную в убогой квартирке? — недоверчиво улыбнулась Проскурина.

— Не совсем так. Государь не прощает тех, кто мешает его планам, каковы бы ни были мотивы. Даже если это лишь желание его защитить. Думаю, ты понимаешь, что конфликт был неизбежен, и государь лишь ждал отъезда гостей.

— И был наказан тот, кто лишь выполняли свой долг? — недоверчиво уточнила Проскурина.

— По мнению государя, я слишком старался.

— Сняли с поста?

— Разжаловав из армии. Я даже не капитан теперь...

— Соболезную, — нахмурилась Калина, еще пристальней изучая незваного гостя. — Не понимаю? Как впадшему в немилость у самого государя удалось попасть в делегацию мира? Не абсурдно звучит? Что-то явно не вяжется, Амир. Опальный уполномочен строить мир? Кажется, государю должно предположить, что ты не станешь стараться.

— Стану. Из кожи лезть буду. И государь это знает. И меня направляли не строить мир. Должность, которую мне дали чтобы протащить на эти переговоры, под носом у людей, лишь прикрыtie. Я был прислан с иной миссией... Я разжалован, но так и остался в душе солдатом. И уже говорил, что был лучшим в моем полку. Поэтому выбор и пал на меня. Я знаю персонажей в лицах, знаком с тобой, достаточно ловок и умен, чтобы выбраться из-под охраны и пройти городом не поднимая руки на людей, даже если мне придется терпеть голод. Меня специально тренировали, Калина. Я могу вытерпеть жажду дольше, чем любой из членов делегации. Даже если поставить кровь в стакане перед моим носом на много часов.

— Это так тебя тренировали?... Заметно исхудал, — оценила женщина.

— Чего не сделаешь, чтобы вернуть себе расположение государя. Впрочем, как и преемника.

— Так ты впал в немилость и у него? — усмехнулась женщина.

— Сора с отцом на него дурно подействовала, плюс знакомство с тобой произвело на него обратный ожидаемому эффект и он счел правильным обвинить меня в некоторых озвученным мыслях, высказываниях, что отразились на его поведении и политике.

— Так это ты его натравили на меня? — охнула женщина.

— Я никого не натравливал, — оправдывался Амир. — Но некоторые мои суждения и, правда, могли натолкнуть преемника на мысль, что ты нам опасна. Опасна государю. И за свои мысли он возложил ответственность на меня. Справедливую ответственность, не скрою. Потому что я был его глазами и ушами на этих переговорах. И не оправдал доверия.

— И теперь ты прислан искупить свою вину? Смыть позор кровью?

— Можно и так сказать. Мне необходимо вернуть расположение государя, и я сделаю для этого все.

— Надо же, какой рок, все потерял из-за личной предвзятости, недоверия и ненависти ко мне, — протянула она.

— Я никогда тебя не ненавидел, Калина, — проникновенно сознался мужчина.

— Я умею читать по глазам. И слишком хорошо помню некоторые моменты нашего прошлого.

— Это были краткие вспышки мужского гнева. С любым может случиться, даже с государем. А он сама мудрость. Ты умеешь достать.

Бывший капитан говорил убедительно, даже слишком, и это огорчало женщину. То, что непроизвольно начинала верить. Выражению его лица и хуже того — содержанию глаз.

— Что поручил государь? Надеюсь, миссия не в том, что бы задушить меня? «Додушить», точнее.

— Нет, Калина. Далеко не задушить. Государь очень сожалеет о том, что произошло с тобой после визита к нам. Но еще больше он угнетен своим поступком. Время прошло, он все обдумал и пришел к выводу, что даже если ты выполняла свою работу, он не имел права, как мужчина, как государь, поднимать руку на слабую женщину. Тем более ту, которой лишь приказывали. Он оказался непростительно слаб, очутившись во власти чувств. И это его гложет. Поверь это так. А то, что гложет отца, мучает и сына.

— Что ты имеешь в виду, Амир?

— Преемник тоже дал мне приказ.

— А уже этот поручил меня убить? И ты находишься в смешанных чувствах, не зная, чей приказ выполнить? Душить или не душить? — бесстрастно подшучивала она.

— Государь поручил мне просить прощение от его имени. А преемник, вернуть твое расположение отцу. Вот такие у меня были приказы.

— И поручили их тебе, не находишь странным?

— Не нахожу. Это часть...

— Часть плана? Или, точнее сказать, жестокого наказания за то, что оказал свое влияние на ситуацию?

— Долю влияния, — исправил он.

— Но ее хватило, чтобы рассорить отца с сыном.

— Господа дерутся, у подчиненных шеи болят. Так у вас говорят?

— Не совсем, но близко. Удивляет то, как ты начитан.

— Это элементарный минимум нашего образования. Но я и, правда, люблю читать.

— А я думала, маршировать.

— Унижай, мне терять уже нечего! Я на самом дне. Лишен всего из-за своей глупой неуместной мужской слабости. Я посмел вообразить!.. Мечтать... Мне очень дорого стоили те слова, что вырвались при нашем прощании. Слова, которые я прокричал лишь от бессилия понравиться! Злости и... мучительной ревности. Потому что я не святой. Я всего лишь мужчина... И теперь я тут, и оба моих правителя желают, что бы госпожа Проскурина вытерла об меня свои прекрасные ноги, в надежде, что это смягчит ее к ним обоим, — Амир горько иронизировал, но держался с достоинством. Без привычного высокомерия. Спина прямо, взгляд уверенный, только голос не без печали. Едва различимой, едва-едва. Он самолюбив до края, должно быть долго карабкался наверх и вот из-за первого же разногласия пусть и по вине его слабости, капитана скинули с поста, и он кубарем скатился

вниз. К началу пути. Если не дальше. Вынужден теперь просить прощения у той, которую в тайне ненавидит. Это так, чтоб он не говорил. Но Калина не могла не посочувствовать. Точнее, это было даже не сочувствие, понимание. Какая ирония! Ведь она сама попала в подобное положение. И тоже из-за своего непростого нрава.

И тут Амир не сгибая спины, стал опускаться на колени. Скулы его были напряжены, и слегка горели красным цветом. Еще одно унижение, которое придется пережить. По приказу. Но он смотрит уверенным взглядом, пусть и немного пустым, закрываясь от новой боли, если женщина как он и ожидает, станет насмехаться.

— А вот это совсем ни к чему! — отворачиваясь, строго сказала Проскурина. — Вставайте! Немедленно!.. Пусть каждый унижается за свои провинности сам. Это не справедливо. То, что они кинули вас сюда и ждут, что я стану отыгрываться... Вы все сказали? Я уже могу звонить Аршинову, что бы он тихо увез вас, и удалось избежать огласки? Или вам необходимы ответные слова? Тогда скажете, что считаете нужным. Я вам позволяю.

Амир встал и сделал пару шагов в сторону Калины. Нерешительно замер за самой ее спиной и женщина напряглась. Но не от страха. Внезапная близость капитана разволновала, и на миг это выбило Проскуруину из равновесия.

— Я не скажу им того, что не скажите мне вы сами, Калина, — тихо признался он. — Не скажите ничего, так и передам.

— А вам за это новый орден? — саркастически уточнила и слегка отодвинулась, чтобы не выдать свое состояние.

— Мы снова перешли на «вы»?.. — тепло уточнил он. — Не волнуйся. Хуже чем есть, уже не будет.

— А зачем мне за вас волноваться? — оглянувшись, уточнила.

— Тогда и говорить не о чем, — смиренно кивнул Амир. — Меня уполномочили передать вам дары. Но их, увы, отобрали.

— Дары?

— Да, мне было сказано, что их поместят в хранилище, чтобы никто не украл. Но что-то мне говорит, что именно это уже и произошло. Их не вернут. Это были очень дорогостоящие вещи.

— Как те, что вы мне подкинули?

— Да, это была просьба Аршинова.

— Аршинова?! — удивилась женщина. Это слегка противоречило словам министра, но открывало ситуацию в ином свете. Именно свои, министерские ее устранили?

— Да, он предложил государю нейтрализовать вас таким образом, чтобы вы не написали разгромной статьи, которая повлияла бы на дальнейшее построение мира. Министр уверил нас, что вы не та за кого мы вас приняли, вы приличная женщина, но как журналист вы настроены решительно и материал будет сокрушительный, что помешает построению желанного для нас мира. А он сам, не в силах повлиять на вас. Государь бы зол и поддался на уговор. Правда, нам обещали, что это будет лишь повод для шантажа. Нам не говорили, что это осветят в прессе и, тем более что вы настолько пострадаете морально и материально. Для государя это было важно, поверьте.

Калина кивнула, имея очень постное лицо, только так выразив, приняла она это объяснение или нет.

— Калина, может быть, снова перейдем на «ты»?.. Нет?.. Жаль... Вы были правы на

счет вашей бюрократии. Прототипа все-таки отобрали. Государь был уверен, что образец с новым именем вам понравится.

— Государь подарил мне прототипа?.. Стойте! Какое еще новое имя? — насторожилась она.

— «Калина 1».

— Чтоб вас!.. Теперь в кладовках за конфетку стянуть драть Калин?! Вы что оба, измываетесь надо мной?! Это такая месть, что никому не досталась? — вспыхнула она.

— Она на вас совсем не похожа! — поспешно заверил Амир. — Так быстро мы бы не вырастили похожий на вас организм!

Калина в предельном ужасе смотрела на бывшего капитана. Ей мерещится или, не смотря на провинившееся выражение лица, там, в глубине глаз он улыбается? Проскуриной даже в голову не приходила эта ужасная мысль. А ведь у вампиров имеется все необходимое — «слепок» ее тела, генетический материал. Волосок оставшийся на подушке в ее спальне или капля крови, которую брал на анализ доктор. Масса вариантов! И они вполне могут воссоздать похожего на нее прототипа или клона, а потом... А потом что угодно. Хоть целуй, хоть кусай-убивай. Каждый день новая, и давай очередную прогонять по эксклюзивной программе! Если их целый конвейер, можно не мелочиться...

— Вам плохо? Вы побледнели, — почтительно склонившись, уточнил Амир. Но как показалось Проскуриной, не из-за раскаяния, только чтобы скрыть веселье в глазах. — Государь думал, это будет честь... Он и помыслить не мог, что вы подумаете, словно кто-то станет наслаждаться «Калинами».

— А их что, целая серия?

— Сотни две не больше, уверяю!

— Мама дорогая... Это всего лишь прототип, — шепотом напомнила себе она, хватаясь за стул что бы не упасть. — Это не я.

— Я говорю — вам пора, Амир! — нелюбезно отозвалась Проскурина. — Я звонк Аршинову! Вы уже все передали мне что хотели, а мне признаться по правде, большого удовольствия наша встреча не доставила!

— Очень жаль, — уныло констатировал мужчина, мгновенно меняясь в лице. — Что вы подумали дурное. Лично я ни разу...

Калина в ужасе закатила глаза, воображая как он «ни разу» с одной из Калин.

— Больше ни слова об этом! И вот что я прошу вас передать государю! Чтобы он немедленно переименовал своих прототипов! Немедленно!

— Отдавать приказы государю, будет с моей стороны не очень скромно, — покорно напомнил бывший капитан. — Но я передам ваше горячее желание избежать дальнейшего пользования... Я хотел сказать — использования, «Калин», — И снова Проскуриной показалось, что капитан оговорился умышленно.

— Еще раз, рада была вас видеть, но прощайте! — холодно выпроваживала она, но тут же спохватилась. — То есть — посидите пока тут, на диванчике...

— А мне было приятно, какие бы причины меня сюда не привили. Снова видеть вас... Тебя.

Бессмертный суетливо полез в карман и достал необычный предмет. Догнал Проскурину у телефона, куда она направилась звонить министру, и протянул нечто в открытой ладони.

— Это все что я смог спрятать. Поверьте, это было не просто. У вас умеют искать, —

многозначительно округлил он свои глаза. — Или же у ваших мужчин очень странные вкусы...

— Амир, вы прятали это в вашей?.. — прижимая руки к себе, с целью избежать соприкосновения с предметом, опасливо уточнила Калина.

— Да, в моей... книге. Почему-то в книге не стали искать. Если бы прятал там, где вы подумали, его бы непременно нашли. Туда заглядывали.

— Вы хотите сказать, что вас, делегата мира?.. Очень гостеприимно, — не без смеха ответила она.

— Да, на столь радушный прием никто в делегации не рассчитывал... — уныло констатировал бывший капитан.

— Ну еще бы... А что это?

— Это подарок государя.

Калина приняла странный обтекаемый предмет, и какое-то время изучала его. Поверхность гладкая и переливается малахитом. Но это не камень, что-то легкое и тонкое как скорлупа.

— Нужно сжать с двух сторон, — подсказал Амир.

Когда Калина проделала эту нехитрую манипуляцию, капсула распалась на две части. Внутри на кровавом бархате лежал зеленый жук. К счастью не живой, к еще большему счастью, не мертвый, лишь украшение в форме этого насекомого. Но, по правде говоря, Калина никак не могла понять, почему жук зеленый, да еще именно этот, неизвестный ей, да еще и такой несимпатичный подвид. Еще бы божья коровка в рубинах — это она поняла, а так это... странное украшение совсем не покорило ее вкус.

— Какая... прелесть, — постно оценила она. — Так и хочется сразу... одеть на себя.

— Вам не нравится? — казалось, мужчина не просто расстроен, убит этим очевидным фактом. Только вот почему?..

Проскурина пристально смотрела на бывшего капитана несколько секунд, а потом заключила:

— Амир, вы протянули сюда эту букашку не по приказу государя. Это зеленое чудовище купили вы сами?! Потому что я никогда не поверю, что у вашего правителя такой... специфический вкус. И я хочу знать, что это значит? — прямолинейно спросила она.

Амир сжался как пружина, взгляд из-под бровей напряженный, губы прямой линией. Складывалось впечатление, что женщина узнала то, что гость очень желал от нее скрыть.

— Он зеленый как ваши глаза, — шепнул бывший капитан.

— Если так обычно выглядят мои глаза, как это ущемленное природой создание, то мне жаль что вам приходится их видеть, — тихо без явной насмешки отшутилась Калина, слегка смущенная. Нет, чрезвычайно смущенная этим внезапным откровением. Настолько, что могла смотреть лишь на жука. А щеки между тем краснели. Амир же молчал пристально глядя на Проскуру.

— Очень мило, спасибо, — тут же маскируя свою женскую слабость насмешкой, добавила Калина.

Бессмертный был уязвлен иронией звучащей в голосе, хотя попытался скрыть это.

— Я всего лишь солдат и не очень разбираюсь в красивых вещах. Мне понравился цвет и потом это изумруды, у вас их ценят. Вы можете продать украшение и вам не придется просить деньги у этого хама на которого вы теперь работаете.

— Вы заботитесь обо мне, Амир? Как странно, — задумчиво рассуждала женщина.

Мужчина все еще смотрел исподлобья, и краска стыда была хорошо различима на его скулах. И это путало ее карты. Неужели этот бессмертный и правда что-то испытывает к ней кроме чувств самых низких и примитивных, таких как похоть и злость. А может быть так, что он и вовсе пришел сюда только из-за нее?.. Не было приказа от государя или преемника. Нарушил правила, поставил под угрозу мир, принес это «зеленое чудовище», что бы у нее была возможность хотя бы временно пристойно существовать.

Словно уловив ее мысли, бывший капитан сказал:

— У вас это дорого стоит, я узнавал. Ты сможешь вернуть себе пристойное жилье и больше не жить так убого.

— О чем ты? Это моя обычная квартира я тут и жила, — нахмурилась женщина, размышляя о том, что она вновь перешла с ним на «ты». Почему вдруг?

— Ты хочешь сказать?.. — казалось большего удивления быть и не могло, чем то, что теперь отражалось в глазах Амира. Точнее кое-что было, ужаса в них было еще больше. — Я думал ты от крайней нищеты опустились так низко... Прости, Калина, — поспешно сказал он, хватая ее за запястье. — Я не желал оскорбить! Но разве можно так жить и считать себя?..

— Кем? — холодно перебила она, вырывая свою руку из мужской ладони. Не потому, что ей было неприятно. Потому что к стыду своему поняла, все как раз наоборот. Рука капитана была такой горячей, что мгновенно согрела. И краска из смеси стыда и удовольствия разлилась у нее лицом.

— Прости, — шепнул Амир и повинно склонил свою голову.

— Так живут не все. Только те, кому повезло! Кому не повезло, живут многим хуже. Что вы там говорили про ведро, в которое приходится выгребать? Это да! В городах меньшего масштаба, канализационная система так изветшала от времени и отсутствия необходимого ремонта, что уже многие годы не работает. Люди ходят в ведра!

— Мне жаль...

— Вам жаль? — вспыхнула она. — Это ваша вина! Вы загнали нас за стену, лишив просторов, земли, возможности ее обрабатывать, строить пристойные дома, обогащаться за счет месторождений. Всего! Мы вынуждены тут выживать, барахтаясь в собственном дерьме. А вы живете себе в непристойной роскоши на раздолье и смеете приходить сюда и насмехаться надо мной? Так вот знайте, я живу как королева! В этом мире, поистине так! У меня двухкомнатная отдельная квартира, есть ванная с водой и исправный унитаз. Что еще может быть нужно, что еще?! — В бешенстве орала она, выплескивая накопившуюся обиду так, что слезы проступили в глазах. И горечь затопила душу от осознания убогости подобного существования. Особенно, что последние месяцы по вине вампиров она живет едва ли не в нищете.

Амир молчал, хмурился и поигрывал скулами. Но терпел удар.

— Мы все это можем исправить.

— Как?

— Если люди заключат с нами полноценный мир. Выйдут из-за стены... Если бы мы хотели вашей гибели, если бы желали поработить, мы бы уже нанесли удар. С нашим вооружением, в том состоянии в каком вы находитесь, вы не устоите. Вы же все понимаете это, Калина. Неужели по-твоему мы открыли город только для того чтобы нанести сокрушающий удар по кучке гостей что придут к нам? Глупо подозревать.

— Это троянский конь. Вы ждете, когда мы впустим вас, и тогда ударите изнутри.

— А какой в этом смысл? Думаешь, нас бы пустили сюда ваши политики, думай они, что мы и, правда, опасны?

— Эти разговоры лишены смысла. Вы стоите на своем, а я не верю вам. И этого не изменить! — отворачиваясь к окну, твердо заключила женщина. Амир устало вздохнул, но с места не сдвинулся, остался рядом. За самой ее спиной. Так близко, что Калина ощущала его дыхание и запах тела. Который вопреки предположению бывшего капитана, почему-то совсем не был ей неприятен.

— В этой непреклонной позиции виновато только твое упрямство и нежелание признать очевидный факт, — внезапно очень мягко сказал он. — Даже ваши власти уже признали это, а ты упрямисься, Калина. Это все обида и не более. Прости нас. Прости меня!..

— Не думаю, что они это признали, — игнорируя просьбы, строго ответила бывшая журналистка. — Политики лишь преследуют свои выгоды. Что вы им пообещали и, главное, что они пообещали взамен?

— Субсидии, полезные ископаемые, нефть. Они много попросили.

— За право дружить с вами.

— Право дружить? Ты издеваешься? Даже звучит смешно, вампиры готовы платить за дружбу с теми, кто еще десять лет назад был для вас лишь источником пищи? Мне не приходило идеи давать взятку котлетам.

— Я слышал, что люди иногда заводят питомцев овец, даже свиней или птицу. То, что обычно едят. Нежно заботятся о них, холят и лелеют, — возразил он.

— На что ты намекаешь?

— Просто привожу пример...

— Думаю этот разговор пора прекратить. Я звоню Аршинову.

— Уже? Так быстро и даже чая с кексом не попьем? — вдруг бессовестно улыбнулся вампир.

Калине вновь мерещится или на один краткий миг в глазах капитана сверкнула надежда.

— Очень остроумно, Амир. Это вам тоже приказал ваш государь? Или, быть может, преемник? — парировала она.

— Хотя бы стакан воды, пожалуйста.

— А ты ее пьешь?

— Конечно, это же вода. Она нужна всем живым существам.

— Тогда обслужи себя сами.

— Ты такая гостеприимная, — подразнил он с задорной улыбкой и направился к раковине. Взял там стакан и набрал в него воды. Калина хмурилась, наблюдая за бывшим капитаном и думала...

Хорошо, что таким милым как сейчас Амир был крайне редко и чаще он сдержан, серьезен и неприятно строг. К счастью. Потому что это отталкивает, его хмурость и легкая отчужденность. Порой они проступают и тогда непонятно как к нему подойти. Потому что тогда кажется что перед тобой не мужчина, а еж в колючках. Но выносить «милаху» Амира, было намного тяжелее. Вот он стоит тут, такой высокий и крепкий, что не вписывается в габариты ее жалкой кухни. Идеальное воплощение женских грез. Даже в простой потрепанной одежде смертного он выглядит слишком хорошо, что бы быть реальным. Пьет небольшими глотками воду, косит на Проскуруину напряженными глазами. Ищет повод

остаться?.. Определенно ищет... Не знает, что для этого предпринять?.. Очевидно, что так. Нахмурился от этой мысли, престал улыбаться и сразу стал не таким симпатичным. Хотя даже такой «несимпатичный», он такой симпатичный, что даже ей, негативно к нему настроенной, становится стыдно за свои сиюминутные мысли. Чертовски хорош он в этих джинсах! Но так растерян, слегка неловок, и даже, кажется, не вполне сейчас уверен в себе. Настолько, что это настораживает. Поему? Да-да, это то самое, что Калина ощутила, но не смогла сразу выразить. А теперь видит, да. Этот растерянный взгляд, какой мужчина порой бросает на нее искоса, пока все еще очень медленно пьет воду. Уже третий стакан воды с хлоркой. Интересно он не отравится?.. И на миг Проскуриной показалось, Амир совсем не понимает ни силы своего истинного обаяния, ни власти своей красоты, потому что совершенно не умеет ими правильно пользоваться. Хотя тут же она прогнала эту мысль. Абсурд. Он наверняка пользуется бешеной популярностью у женщин, а они не могли ему это не объяснить. Ведь невозможно отрицать даже в мире, где каждый второй хорош собой и поразительно крепок — Амир редкий красавец...

Проскурина нахмурилась, когда бессмертный взялся за четвертый стакан. И со словами «не отравись хлоркой», направилась к телефону и подключила его. Но попытка набрать номер оказалась неудачной. В трубке тишина...

— Ничего не понимаю...

Пощелкав выключателем, женщина обнаружила, что снова выключили свет. Поломка или профилактические работы?.. В принципе, и то и другое часто происходило, почти через день.

— Сидите тут и ждите, Амир, — вновь возвращаясь к официальному тону, строго сказала Калина. — Я поищу, откуда можно позвонить. И не вздумайте трогать Рамзеса!

— Он не в моем вкусе. — Присев за стол, гость потянулся рукой к зверю, что снова безмятежно спал на любимом «ложе». Однако он не погладил кота, как ожидалось, а дернул соню за ухо, затем за хвост. И с улыбкой наблюдал, как жирный кот с недовольством на него косит, но все-таки не двигается с места.

— И вы были главой службы государственной безопасности? — закатив глаза, Проскурина оценила мальчишеское поведение гостя, и пошла к входной двери. Но когда на миг оглянулась, увидела, что Амир держит безвольного кота в руках и примеряется к нему зубами.

— Что вы делаете?!

— Шучу, — бессовестно весело признался бывший капитан и расхохотался. — Я хотел тебя насмешить. Ты такая серьезная и снова «выкаешь»!

Проскурина мгновенно нахмурилась слышать нежность этого тона. Он больше всего иного пробивал ее броню.

— У тебя получилось. Я треснула швами смеяться, — постно поддела она, но все же почему-то перешла на ты. В очередной раз за эту встречу...

Изъяла пушистого флегматика, что и не подумал сопротивляться клыкам вампира, и кинула Рамзеса в свою спальню. Но до входной двери так и не дошла. Стоило оглянуться, увидела подозрительно хитрые глаза гостя. Стремительно вернулась, унесла кота с собой. На всякий случай...

Через пол часа когда бывшая журналистка вернулась из бара, очередной раз поссорившись с Данилой из-за посуды, потому что иного места позвонить не нашла, Амира в квартире не оказалось.

— Сукин сын! — ругнулась она, осмотрев все без исключения. И кладовку, и даже заглянув под кровать. Все надеялась, он решил ее разыграть.

В предельном огорчении Калина встретила министра Аршинова, который приехал, точнее, прилетел как пуля уже вскоре.

— Он ушел. Свет отключили, телефон не работал, я вынуждена была искать, откуда вам позвонить. Он сидел на стуле и явно никуда не собирался. Более того, вид имел такой, словно изо всех сил придумывал, как у меня остаться. Простите, я сделала все что могла... — она говорила сдержанно, стараясь не оправдываться, хотя чувствовала себя ужасно глупой, что так просчиталась. Но больше чем стыд ее мучал страх. Бессметный ушел на улицы города. Зачем? Куда? Чем это обернется горожанам? И в этом виновата она. Ведь министр предупреждал.

Аршинов устало опустился на стул и закрыл глаза рукой, успокаиваясь или размышляя.

— Амир сказал, что у него есть еда, он ее растягивал, откладывал. Он не станет нападать на горожан, министр, не переживайте. Думаю, капитан еще не увидел все что хотел, потом он вернется. Он ведь не дурак и жизнь ему дорога. Просто выполняет какое-то поручение бессмертных. Может быть, ему приказали разведать нашу военную мощь? Он пошел на разведку, рассуждая, что потом сможет прикинуться дурачком, сказать, что достопримечательности осматривал, был людей и прочее. Хотел тут погулять сам, и траливали... Он ведь солдат, хоть его и разжаловали. Они точно готовят войну, прислали его с миссией.

— Какая война, Калина? Какая военная мощь? — болезненно морщился Аршинов. — Вы видели их технику? Уверен, это была не самая мощная. А у нас пушки позапрошлого века и те разваливаются. Промышленность стоит. Хотели бы, уже размазали нас к чертям по асфальту! Которого, кстати тоже на дорогах нет. В избытке у нас только грязи. Это и есть наша скрытая военная мощь! И ее он уже увидел! Мы лишь создаем видимость боеготовности и прежней силы, которых давно нет.

— Вот это они и решили разведать, — упрямилась женщина.

— Да знают они об этом! Прямо так и говорят. Спутники у них. Они нас и днем и ночью наблюдают. Еще там, у себя, вначале хитрым намеком, а после уже просто и без уверток сообщили, что знают о нашем бедственном положении... Уход Амира, это что-то другое. Не понимаю, зачем он убежал? Против себя же играет! Когда его исчезновение станет достоянием общественности, поднимется шумиха и нам придется сглаживать ее не один месяц, это серьезно отдалит их от желаемого. Он очень серьезно поплатится. Очень. Возможно, жизнью. Ничего не понимаю...

— Вы будете сглаживать? — изумилась Проскурина. — Вампир сбежал! Зачем?

— Они нам нужны. Я вам уже говорил! Что с вами, Калина? — холодно, даже резко спросил министр. — Где ваша проницательность? Все мозги просидели со своим другом в баре? Я же говорил вам, идите ко мне в министерство! Если вас так беспокоит сложившееся положение, если вы не верите бессмертным, идите туда, где вы правда сможете как-то влиять на ситуацию. А вы!.. Опустились ниже плинтуса! На кого вы стали похожи? Взгляните на себя в зеркало? И это Калина Проскурина, к ногам которой едва не упал сам правитель бессмертных?.. На вас жалко смотреть! Теперь понимаю, отчего капитан Амир не здесь. Он убежал! Когда увидел вас...

— Это оскорбительно, — вскинув подбородок, резко ответила женщина. — И права у вас нет!

— Знаете что и правда, оскорбительно? Жить так! Не пытаться что-то изменить! Не бороться за свое доброе имя, за уважение отца. Я не ожидал этого от вас, Калина! От кого-кого, но от вас!.. Я восхищался вами. А теперь... Вы жалки!

Гость резко встал и стремительно вышел прочь, даже не простившись.

Странно, но женщина не оскорбилась, не почувствовала себя униженной. К ужасу своему поняла, что министр совершенно прав. Она, Калина Проскурина, уже четвертый месяц дармоед на попечении товарища, ворует у него сосиски для кота и деньги на сигареты. Могла ли она помыслить, что такое случится? Но самое ужасное, она была лишена любимого дела, своего голоса. А с ним и силы. И с каждым днем она и правда опускалась, деградируя понемногу. Ко всему можно привыкнуть, но стоит ли? Стоит ли так жить? Стыд, страх, досада, все это загнало ее в подвалчик Данила, где ее никто не будет видеть, кроме тех, кто так опустил, что их поддевки не будут ей обидны. Она уже два месяца не ходила на собеседования. Даже не искала вакансий. Устала смотреть в глаза людям, когда в них так много презрения. Весь город ее осуждал. Места в нем ей больше не было. Так решили они, и Проскурина смирилась, опустила руки. Так быстро, так непростительно быстро. И это и, правда, был стыд...

Калина драила умывальник бара «Последнее пристанище». За эти дни она уже перемыла всю посуду и перетерла «почти чистые стаканы», как их называл Данила. И, наконец, вычистила общий нужник. Впереди еще мытье полов и оттирка очередной надписи на входной двери — «вампи́рская шля́пка». Такая или похожая появлялась на двери или на стене возле, с педантичной регулярностью каждый день.

Именно так Калина Проскурина решила начать свою новую жизнь — с честного, пусть и черного, труда. Мысль о работе в министерстве не давала ей спокойно спать по ночам. Ужасно хотелось принять это предложение. Вернуться к чистой, офисной работе, занять должное положение. Но сначала она решила отработать долг у Данилы. Ему и, правда, очень нужна была помощь.

— Каля, дуй сюда! — внезапно прерывая нелегкие мысли подруги, позвал бармен.

Вытирая руки полотенцем, чистым, принесенным из дома, она появилась в общем зале бара. Аккуратная и опрятная, как и когда-то. С красиво уложенными волосами, легким макияжем и самодельным маникюром, который не появлялся на руках со времени возвращения из мира бессмертных. Плевать, что этим руками она драит сортиры! Она Калина Проскурина и будет выглядеть только так, даже в убогом баре! Больше никаких одежек на скорую руку и непременно в белом фартуке.

Время после обеда, уже «повалили» клиенты. Но Данила звал не помогать.

— Смотри, — усмехнувшись, он ткнул в телевизор массивным пальцем и прибавил звук. Посетители стали оглядываться и прислушиваться к голосу, что доносился с экрана.

— Это же возле нашего дома! — в ужасе охнула женщина.

Первый канал и правда, транслировал двор перед ее домом. Точнее вход, ведущий в подвал соседнего. Потому что возле него собрались вооруженные солдаты. Десятки автоматных дул нацелены на окошко ведущее вниз. Камера переместилась, и стало видно внушительное скопление зевак, сдерживаемых оцеплением из людей в форме. Пятнистые костюмы, бронежилеты, каски... Все как всегда. Лица у горожан взволнованные, что-то обсуждают и указывают вновь подошедшим на вход в подвал. Камера вновь перемещается туда, но по-прежнему не понятно, что именно происходит. Внезапно в уже разбитое окошко летит камень, и раздаются крики солдат:

— Прекратить!

И вновь камера перемещается на ряды зевак. Солдаты призывают жителей к спокойствию, утихомиривая самых буйных силой. Возмутителя спокойствия уже скрутили и поволокли куда-то.

— Вы очевидец? — тем временем спрашивает журналист одного из горожан.

— Да, — взволновано кивает мужчина и косит на камеру, приглаживает волосы на макушке. — Это я вызвал военных, когда увидел, как он туда прыгнул.

— Расскажите, что именно произошло?

— Я шел по улице, когда из этого подвала вылез мужчина. Он стоял вот тут, где мы с вами стоим, и пошатывался от слабости. Его заметили подростки и стали забрасывать камнями.

— Они оборонялись? — спросила журналист.

— Нет. Он совсем не проявлял агрессии. Просто стоял, и все время смотрел вверх, куда-то туда, — мужчина указал на противоположную сторону, и камера взяла крупный план.

Не узнать свои окна в числе прочих, Проскурина не могла...

— Как вы думаете, что он там искал? — спросила журналистка.

— Не знаю. Но он просто стоял и смотрел. Мальчишки стали смеяться над ним, такой он грязный и потрепанный. Но парень игнорировал все насмешки. Улыбался им и махал иногда рукой. Странно так, вроде приветствовал ребят, не осознавал грубости, и снова смотрел туда, на окна. А сам такой бледный и не очень здоровый на вид. Словно вот-вот упадет, и вышел лишь подышать воздухом перед смертью. Ну, очень бледный... Ребята тем временем к нему подошли, стали кидать в него всякий мусор из этого бака, — мужчина оглянулся и камера, проследив за его рукой, взяла крупным планом переполненный контейнер. — И тут он зарычал злобно и оскалился! Парни переполошились и бросились в рассыпную. Даже я испугался, хотя стоял на расстоянии. Это вампир, понимаете!..

— Он погнался и покалечил кого-то? — спросила диктор.

— Нет, он так и смотрел на окна. Я же говорю, вид у него совсем не агрессивный был, пока не зарычал. А зарычал, потому что они в него кидали мусор. Ну чем он им помешал? Стоит, на окна смотрит... Я сперва тоже дал деру, а потом вернулся. Было интересно, ведь парни тоже вернулись и стали кидать в него уже камни. Странное дело, вампир, а какой-то безобидный совсем. Они его били, а он сидел, сжавшись, какое-то время, а потом пополз прочь и забрался в подвал. И там он теперь и сидит. А я вызвал военных, сказал, что у нас в подвале сидит бессмертный. Жалко мне его стало, мальчишки ведь так и кидали камни. Хотели огонь развести, сжечь. Могли дом спалить, дураки. Он слабый, но смотрю, военные туда не рискуют ходить. Наверное, им приказано взять парня живьем...

Проскурина бросилась к двери и побежала по улице. Следом за ней из бара высыпали почти все посетители. Все хотели увидеть, что происходит практически в соседнем дворе.

Очевидцев было не мало, военных еще больше. Они оцепили пространство перед домом плотным полукругом и не пускали близко никого, даже журналистов, и те вынуждены были снимать издали. К моменту, когда Калина добежала до места событий, туда уже подъехали правительственные авто. Их легко узнать по номерам. Кроме того машины у них из старого запаса, не ржавые драндулеты как у большинства граждан.

Она сразу увидела седую макушку Аршинова. Министр зрительно постарел, вероятно, стресс сделал свое дело. Александр Александрович переговорил с командиром военных и неторопливо пошел к разбитому окну в подвал. Рядом с ним двигались два стрелка с

автоматами, но политик дал бойцам знак и отправил назад.

Калина с трудом протиснулась между зевак, наслушавшись не лестных комментарии в процессе, но теперь через плечо одного из военных могла что-то видеть и даже слышать. Расстояние позволяло.

— Амир, это министр Аршинов, вы тут?

— Да, — глухой голос донесся снизу как из рупора.

Толпа зарокотала, и министр рукой дал сигнал по возможности соблюдать тишину, что бы слышать.

— Амир, выходите, вас никто не обидит. Вы вернетесь домой целым и невредимым. Это неперемное условие вашего правительства. И там вам ничего не угрожает, ваш государь дал мне слово. Сегодня он обращался с речью ко всем жителям города через нас, по видеосвязи и просил прощение за ваш странный поступок и давал свое личное слово, что никто не пострадает. Вы же не хотите подвести своего государя?

— Я никому не причинил вреда. Вы же это знаете.

— Да, по моим сведениям, а они верны, за эти трое суток, что вы гуляете улицами голодный, в городе по вине бессмертного никто не пострадал! — громогласно, чтобы слышали все, подтвердил он. — Зачем вы убежали?

— Они кидают в нее грязью на улицах и пишут на двери бара, где она работает — «шлюха»... Почему люди так жестоки к ней? Ведь она всего лишь слабая женщина? — горько выкрикивал он. — Я не чудовище! Я мужчина, пусть не такой как вы, но переживаю такие же чувства как любой обычный человек! У меня есть душа, во мне бьется сердце! И мне больно... Я не мог ее бросить, хотя она и отвернулась от меня после пережитого горя...

— Вы говорите про госпожу Проскурину, Амир? — изумился Аршинов.

— Да, — вновь глухо донеслось из подвала.

— Вы остались тут... из-за нее? — пораженно выдохнул министр. — Вы убежали из-под опеки не для того чтобы навредить кому-то, а чтобы быть ближе к женщине с которой познакомились во время первых мирных переговоров? — растерянно вопрошал он. — Обычной женщине? Человеку?..

— Да. Для вас, вероятно, она обычная. Для меня, пожалуй, не совсем... Ее обвинили в связи со мной как в чем-то грязном. Разве она не свободна? Разве не имеет права выбирать сердцем, кого ей любить? Они сломали ее! Выгнали с работы, лишили средств к существованию! Она на грани голода, в нищете, ее унижают на каждом шагу! Измучавшись терпеть эту жестокость, отреклась от меня. Я не виню ее, она в отчаянии. Но я тут! Я рядом! Из этого окна я каждый день вижу, как она идет на работу — в грязный бар. Единственное место, где ее приняли, — горько кричал он, — и ночью, когда она возвращается домой темной улицей, тайком провожаю ее, чтобы никто не обидел.

— Амир, это очень... по-мужски, — предельно растерявшись, признал министр и взглянул на толпу зевак, — но вам нужно возвращаться домой.

— А кто присмотрит за ней?

— Вы давно ели, Амир?

— По-настоящему? Давно...

— Вас мучает голод?

— Я могу терпеть любой голод! Я ем тут крыс, и этого хватает. Считайте, помогаю городу, — хрипло рассмеялся бессмертный и тут же закашлялся, — уничтожаю вредителей.

— Вы кого-то покалечили из-за госпожи Проскуриной?

— Нет, я бы не пускал клыки в ход. Я в силах поработать кулаками, защищая любимую женщину...

Толпа снова загудела. На миг бывшая журналистка оглохла. Такое потрясение вызвало признание вампира. «Вы это слышали?», — доносилось до нее со всех сторон.

— Амир, я даю вам слово, что позабочусь о Калине Проскуриной, — между тем громко крикнул министр. — Вы верите мне?

— Тогда выходите, Амир.

— Не раньше чем еще раз увижу ее... А потом я выйду и сдамся.

— Выходите сразу, я обещаю, что привезу ее к вам проститься, когда мы накормим вас из донорских запасов и окажем медицинскую помощь. Мне кажется, вы больны, Амир. У вас изменился голос, и вы кашляете...

— Нет, министр, я не стану пить донорский запас! Бессмертные отказались от крови людей! Это принципиальная позиция. Я лучше умру... Есть буду дома. Терпел не один день, питаюсь кровью низших животных, выдержу еще пару часов. Поэтому или вы покажите мне Калину сейчас или я не сдамся живым!

— Хорошо, Амир, я вас понял... Майор, пошлите бойцов в дом госпожи Проскуриной, и в бар, это находится...

— Я тут! — Калина подняла руку над головой, давая сигнал министру. Не сказать, что бы она была рада признаваться в этом или как-то понимала происходящее, но бессмертного нужно было вытащить из этого подвала и побыстрее. Хотя бы для того что бы все это закончилось...

— Амир, она тут, выходите! — склонившись, крикнул министр.

Из окна тут же появилась одна, затем другая рука и вскоре голова и плечи. Бессмертный вытягивал себя наружу, подтягиваясь на руках. Вскоре он просто выпал за пределы окна как мешок. Грязный, измятый, со следами крови на лице. Жутко бледный, но он улыбался странной улыбкой. Министр помог бывшему капитану встать на ноги, хотя люди шумели взволнованно. Кажется, все еще ожидая коварства вампира. Даже после признаний в любви к одной из горожанок. Но коварства не последовало. Амир лишь улыбался глядя на Калину Проскуру.

— Увидел, что хотел? — холодно спросила она. Сбитая с толку, настороженная и бледная.

Амир кивнул в знак согласия, не изменяя своей странной, усталой улыбке. Его тут же сковали наручниками, хотя министр и протестовал, что это не нужно. Майор, который был тут главным среди военных, настоял. Бессмертного провели к небольшому автобусу, на котором приехали солдаты. Бывший капитан все время оглядывался на Калину и, не переставая улыбался и махал ей скованными руками, слабо, на прощание. А когда двери автобуса закрылись, он дернулся, подбив конвоира под бок, и упал руками на стекло двери, уперся в него носом и страстно поцеловал, адресуя поцелуй той, что так и смотрела на него, уже не бледная, а серая от волнений.

Толпа зашумела. Правда, ликуя и поддерживая почему-то вампира. Солдат ударил Амира под колено, и он исчез на дне автобуса, рухнув туда. Но тут же был поднят. Бессмертного толкнули на сидение к окну. Бывший капитан потянулся к грязному стеклу губами, но уже не целовать, подышать, а затем на нем запотевшим нарисовать пальцем пробитое стрелой сердечко. И снова прижался к стеклу, на этот раз — лбом, и так он смотрел сквозь свое пробитое сердце на бледную женщину усталым тоскующим взглядом,

пока автобус неторопливо разворачивался.

Глава 15. Снова в деле

— Что это был за цирк? — скосив глаза на Аршинова, спросила Проскурина резко. Сердце как сумасшедшее гремело в груди.

— У меня нет времени объясняться с вами, Калина! Будет желание, приходите ко мне в министерство, поговорим. А пока мне нужно ехать. Что бы военные его ни изувечили. Тогда у нас точно будут неприятности! — не менее резко ответил министр и сел в машину.

Калина Проскурина смотрела на улицу из окна своей квартиры. Мучимая сомнениями и недоверием она хмурилась, раз за разом прокручивая картину пережитого. Приход Амира, его последующее исчезновение и театральное появление из подвала. Именно театральное, в этом не сомневалась. Нюансов было много. Но главный, оба «актера» — бессмертный и человек, слишком подробно говорили, и громковато при этом кричали. Не говоря о том, что речи их звучали откровенно нелепо... Зачем? Чтобы их слышали другие. Это очевидно. А зачем это им? Так обычно делают... в театре, когда разыгрывают спектакль! И хотя логики пока не было, Калина кожей чувствовала, что это так.

Затем, она всегда вспоминала, глаза, которыми смотрел на нее бывший капитан и наконец, чаще всего она видела в мыслях пробитое стрелой сердечко, что он нарисовал на стекле. И хотя она точно знала, что Амир врет, глаза, которыми он смотрел, удаляясь на трясущемся автобусе, теперь не давали ей покоя. Совсем не давали. Почему он так смотрел?..

Верила ли она даже в самую возможность того, что бывший капитан чувствует то, что показывал?.. Нет. Хотелось ли ей этого?.. Смешно, и кривить душой нелепо. Ведь она знает свои мысли как никто. Дрогнуло ли в какой-то миг ее «ледяное» сердце?.. Да. Больно ли ей теперь?.. Самый сложный вопрос. Все чувства так смешались и переплелись в груди, что разобраться в них стало просто невозможно. И Проскурина раз за разом прокручивала все с самого начала, перебирая все детали прошлого, недавнего и давно прошедшего, сопоставляя детали.

Нет, ей все-таки больно. «Любимая женщина»... Глупо, на секунду она была так потрясена, что поверила. Об этом лучше не вспоминать. Сразу ощущала себя дурой! Безумно оскорбленной и страшно злой. А это чувство ей не нравилось. А кому оно могло понравиться? Вот и гнала эти мысли прочь. А потом подолгу смотрела на выбитое окно, что вело в подвал дома напротив. То самое, где Амир, по его утверждению, провел три дня, наблюдая за ней и оберегая.

Повинуясь инстинкту журналиста, Проскурина покинула свою квартиру, вооружившись ручным фонарем, и направилась на небольшое расследование. Просто лишь размышлять больше не могла. Бездействие мучало.

В подвале затхло и сыро. Капает с труб. Влага скапливается в небольшие лужи и хлюпает под ногами. Мерзко...

Наконец, Калина дошла до нужного окна немало измаравшись в пути, и осмотрелась. Ничего. Камни, битые стекла. В остальном пусто... Тут он точно не жил.

Женщина пошла назад, но на полпути решила, что стоит осмотреть все. Раз уж она здесь и уже и так вся в грязи. Чавкая в лужах и натываясь, порой на кошачье дерьмо, она обошла весь подвал и ничего не обнаружила. Никаких следов чьей-то жизни. И ни одного крысиного трупца. Или Амир спал прямо на голом полу и пожирал грызунов целиком, или он врал, что вообще был тут. В принципе, она так и думала. Врал...

Однако осмотром подвала этого дома женщина не ограничилась. Пошла в соседний, но и там ничего не обнаружила. Понимая, что это уже глупо, пошла еще и в подвал своего дома. Уже всецело из какого-то навязчивого упрямства. И не ошиблась... Как-то один коллега сказал Калине, что чутье в деле журналиста значит не меньше чем виртуознее владение словом. И в этот раз оно не подвело.

В одном из помещений, Проскурина обнаружила кое-что интересное. Первым в глаза бросилось нечто вроде тюфяка в углу, затем неожиданная, пусть и относительная чистота и сухость полов. В сравнении с соседними помещениями этого же подвала она была заметна и ощутима. Складывалось впечатление, словно тут предварительно убрали. Да и настил в углу из одеял был не очень изношен и практически чист.

После она заметила пустую тару из-под воды. В принципе это ничего не доказывало, тут вполне мог жить какой-то бомж. Но их «жилища» обычно более захламлены всяческими вещами, оказавшимися ненужными другим людям, которые они маниакально тянули в свои жилища из мусорных контейнеров.

Калина обнаружила и еще кое-что важное. Никаких следов человеческой пищи, бутылок от спиртного, окурков. Слишком чисто. Или тут жил очень странный бомж, который давно ушел в завязку и маниакально любил чистоту, или... Напрашивался очевидный вывод — именно тут провел свои беглые дни Амир. Что же он тут ел?..

Тех самых крысиных трупов, которыми он якобы питался, не наблюдалось.

— Ты их ел целиком? И даже хвостика-шкурки не оставил? — шептала она, ползая по полу и ковыряясь везде, где только можно.

В итоге Калина заглянула во все проемы и щели, даже полезла рукой за влажный застенок, куда уходили трубы, и не ошиблась, удалось выудить оттуда нечто. Кулек, в нем несколько пустых герметичных пакетов, вскрыв один из которых Проскурина обнаружила на стенках следы крови. Если судить по пакетам, бессмертный пробыл тут не так и долго. Точно не три дня. День максимум, а может быть и того меньше. Но он тут, несомненно, был. В теплоте и практически уюте, как для беглого обездоленного вампира. Значит, кто-то снабжал его провизией из привычной пищи и даже выделил койко-место. Практически новое и чистое. На нем еще ни один бомж не умирал. Это факт! А еще это означало, что побега не было. Министерские, точнее Аршинов, знали, где Амир. Разыграли этот побег для общественности? Зачем?..

Все обнаруженное бывшая журналистка сфотографировала на карманный фотоаппарат, который в прошлом всегда брала с собой на всякого рода выезды по работе. И прихватив кулек с обнаруженной тарой, пошла к себе. Дома она долго бродила по квартире, размышляя.

Аршинов помогает вампирам. В этом нет сомнений. Кто именно очернил доброе имя Калины Проскуриной в глазах общественности, не имеет значения. Скорее всего, это было одинаково важно обеим сторонам. Министр позвонил ей и предупредил о приходе «нежданного гостя». Сделал он это чтобы убедить женщину, что Амир не опасен, и Калина не наломала дров при его появлении. Так и получилось. Когда же пришел бессмертный, вдруг выключили свет. Проскурина была вынуждена бросить гостя, что бы найти телефон и сообщить, как обещала Аршинову, и вампир тут же ушел. Значит, свет отключили не из-за поломки. Это сделали, чтобы выманить ее из квартиры, для того что бы капитан мог спокойно уйти и разыграть спектакль для жителей города. Это понятно. Непонятно лишь — зачем?! В чем выгода? Увы, самое главное, цель которую желали достигнуть обе стороны,

Проскурина не понимала.

Прискорбно было осознавать, что на самом деле не было никаких извинений Вишнара и тем более — преемника. Все слова Амира лишь вымысел, часть спектакля, что бы втереться в доверие. Какая же он все-таки лицемерная сволочь! Не зря Калина была всегда так предвзята к нему. Капитан лишь нашел удобный предлог для эффектной инсценировки собственных чувств на фоне эмоций государя. А может быть, это было совмещение?.. Это практически гениально! Затея с жуком, просто виртуозно разыграна. Амир должен был выглядеть растерянным и слегка неумелым, чтобы пробудить в ней подозрения, что этот дар на самом деле не от правителя, а от него. Потому и выбрал эту гадкую букашку, прикинулся эдаким неотесанным воякой. Чтобы она ощутила нестыковку. Еще бы! Вишнар и выбрал в дар такую мерзость? Хотя и драгоценную. Никогда! Этот дар скорее оскорбление, чем попытка порадовать даму. Но Проскурина попала в эту ловушку, Амир зародил в ней сомнение, смог...

Разложить все, наконец, по полочкам — безумно приятно. Но все равно Калина по-прежнему не понимала главного. Зачем? В чем состояла цель? Поиграть с ней в любовь, а когда она поверит, оскорбить осознанием правды в самом конце? Амир очень хорошо играл, и даже переигрывал только там, где нужно. Порой ему почти удавалось ее убедить, выглядел он правдоподобно. Но это слишком! Затеять такую сложную игру в государственных масштабах, чтобы отомстить женщине?! Ведь кроме его амбиций, есть еще долг, а это для бывшего капитана свято. А как же государь, преемник, министерские крысы, человечество взволнованное исчезновением вампира на улицах их города? Не мог он водить ее за нос лишь ради своего самолюбия. Нет, тут что-то еще. Весомое, важное...

Диктор вечерних новостей назвала поведение бессмертного — побег с последующим проживанием в подвале возле дома любимой — «трогательным». В ближайшие дни со всех экранов мир людей убеждали, что «видят в глазах вампира истинную любовь». Просто «поразительную для того кто он», особенно учитывая на кого он ее направил!

Калина терялась...

В один миг «потаскуха вампира» стала «возлюбленной». Теперь за ней бегали по пятам и фотोगравировали. Пару раз кричали вдогонку:

— Бессердечная! Он так тебя любит! Жестокая стерва!!!

Данила смеялся истерически, когда Проскурина, возмущаясь, рассказывала о произошедшем:

— Стерва, представляешь?

— Ты и стерва?! — иронизировал он в своей неэмоциональной манере. — Наглая ложь! Вот фригидная бессердечная старая дева, это да!..

— Заткнись! Это не смешно, Данила! Я кожей чувствую тут какой-то подвох, но пока не вижу смысла! Но стоило этому кровососу приехать, все стало еще хуже! Весь город шумит о том, что я «стерва!». Лучше быть «подстилкой вампира», чем возлюбленной! Мне опять мама звонила. Сказать, что я уродилась такой жестокой в кого-то неизвестного, и она меня знать не желает. Это какое-то издевательство!

Ирония была в том, что когда уже все вокруг поверили что Калина Проскурина возлюбленная «самого романтического мужчины в мире» — как называли его СМИ, бывшая журналистка, наконец, поняла, как на самом деле посмеялся над ней тот, кто рисовал свою любовь на запотевшем стекле.

Калина оттирала от двери бара очередную надпись о себе, на этот раз — «бессердечная

кукла», когда на улице неподалеку остановился микроавтобус. Из тут же вышли репортеры с камерой.

— Твою мать! — ругнулась она и стремительно скрылась за дверью.

— Госпожа Проскурина, несколько слов для первого канала!

— Меня нет! — строго сказала Даниле, и скрылась на кухне.

Неделю столица гудела подобно осиному рою. По всем каналам бесконечно повторяли отрывок с сердечком на стекле. Со всех печатных изданий на мир людей трагическими глазами смотрело изможденное лицо влюбленного вампира. Бессмертного полубившего смертную! В бар «Последнее пристанище мертвого оленя» нескончаемой лавиной потекли посетители из числа любопытных. Теперь тут все время былолюдно, и Данил был вынужден нанять еще одну помощницу. Хотя какая-то очевидная польза от спектакля, разыгранного Амиром перед лицом всего города. У Оленева появился клиент, мертвый «олень» вот-вот станет живым...

В сторону Проскуриной уже не так активно плевались на улице, потому что она «подстилка вампира», теперь плевались, исключительно потому что «возлюбленная». Грязью почти не бросали, лишь показывали пальцами и шептались. Один раз в магазине какая-то девочка подросток попросила автограф. Калина вернулась в тот день в бар страшно злая и поругалась со всеми, с кем могла. За что Данил выгнал ее... в отгул. Избавиться от нее сейчас, значит лишиться притока клиентов, а с ним и денег. Как говорится, даже «оленью» понятно, что люди идут в бар только чтобы посмотреть на Проскурину. А еще выгнать, значит обречь бедняжку на голодную смерть. Совесть не позволяла. «Олени» существа гуманные. Терпел.

Безусловно, Калина понимала, что с подобным «рейтингом» про нее рано или поздно вспомнят и бывшие коллеги. И вот этот черный день настал!

— Калина, у тебя хотят взять интервью! — крикнул Оленев, но женщина не ответила.

— А может быть, вы скажите нам несколько слов? — обратилась к бармену тележурналистка.

— Безусловно. Спрашивайте.

— Как вы прокомментируете ситуацию с бессмертным?

— А что тут комментировать? Втрескался мужик, хоть и упырь, а с кем не бывает?! А что, девка видная, хоть и зараза каких мало. Характерчик хромает... Только он это зря. Она холоднее кубиков люда в моем холодильнике. Прочь его гонит. И ничего у них не было. Это все враки, что она с ним спала. Не верьте! Она еще девственница. Можете быть уверены! Мне ли не знать? Я пытался там побывать, но там очень негостеприимная среда. Кислотой разъедает. Я даже подозреваю, — тихо добавил он, — что она и вовсе не любит мужчин...

— Ты все сказал?! — холодно уточнила Проскурина, возникая рядом и прекращая таким образом поток неуместных шуток Данила. Репортеры это не те люди, с которыми стоит шутить, тем более так.

— Калина Владимировна, а как вы прокомментируете ситуацию? — спросила журналист.

— Я никому не верю! Эти бессметные что-то замышляют. Все что вы видели, представление! Цирк! Этот Амир, он все это разыграл!.. У нас нет, и не было романа. И он просто не может любить, потому что он меня ненавидит! В день, когда я уезжала из города бессмертных, он угрожал мне насилием!..

Она еще немало сказала, правда, избегая вещей, за которые власти могли ее серьезно

наказать. Но к немалому изумлению Проскуриной, в вечернем выпуске новостей показали только отрывок про льдинку в исполнении Данила, его комментарий про то, что Калина предпочитает женщин и ее слова: «Я никому не верю». Выглядело так, словно бывшая журналистка говорит про мужчин в общем. Что на фоне слов о ней, как о лесбиянке, выглядело как живописное подтверждение этой идеи.

Калина уныло смотрела на экран и, убавив звук, прошипела Даниле:

— Ты сволочь! Зачем ты все это сказал?

— Ничего личного, — без особого раскаяния ответил Оленев. — Реклама. Мало того что ты шлюшка в которую влюбился вампир, ты при этом лесбиянка-девственница! Это как в кунсткамеру сходить! Каждый захочет увидеть такого монстра. Я сколочу на тебе состояние. Не переживай, я поделюсь.

— Знаешь, что мама уже трижды звонила мне? И рыдала, как я могла так опозорить их с отцом?

— Что ты кипишь? Думаешь, никто теперь не женится на тебе, побоится? Ничего. Я пересилю отвращение перед опальной лесбиянкой и восстановлю твою честь. Так и быть — женюсь... А мать и раньше это тебе говорила, — развел руками Данил. — Ничего страшного не случилось. Напротив, теперь быстрее одумаешься, за голову возьмешься. Внуков ей родишь.

— Да, но тогда она подозревала меня в случае с вампиром! А он хоть и чужеродный, но мужской организм! С членом, понимаешь? А так весь мир говорит, что я лесбиянка! Мама ругается, говорит, могла бы вначале сказать им с отцом, что люблю вагины, они бы поняли... Нет, ну ты это представляешь?! Так и сказала — «любишь вагины»!.. Еще и добила меня, мол, она втайне всегда догадывалась, потому, как я дико ненавижу мужчин. И ты не урод после этого? — горько спросила она.

— А что, мама в чем-то права. Ты и, правда, ненавидишь мужчин.

— А за что вас уродов любить?! — ругнулась Калина и ушла мыть нужник. В ее понимании это было многим приятней, чем говорить с очередным «уродом».

Самым последним ударом стало узнать, что все надписи о ней на двери бара, были творчеством рук Данила. Проскурина нашла краску в тайнике в кладовке, когда полезла туда убираться, чтобы как-то снять стресс.

— Зачем? — холодно спросила она, предъявляя находку с торчащей наружу кистью.

— Это привлекает клиентов в бар, — почесав макушку, признался он.

— Сволочь!

— Зато теперь мне есть чем тебя кормить! — возразил он. — И твоего мерзкого питомца. И на сигареты тебе есть!

— Признайся, тебе просто нравилось меня бесить! — взвилась женщина.

— Врать не буду. Немного тешило.

Данила пытался еще шутить о том, что это его месть Калине за то, что она ни разу с ним не переспала, но в итоге осознал, что подруга обиделась. Нахмурился и, поелозив тряпкой по стойке, хмуро добавил:

— Первую надпись писал не я. Но клиент попер именно после нее. Всех это веселило.

— Чхать на твоего клиента!

— Ты осталась без копейки. Я твоя последняя надежда, а не мог прокормить даже себя. Что я должен был делать?! Я не могу позволить тебе глодать! Я же мужик, черт возьми! — Данила отвернулся, и стало очевидно — после всего он еще и счел возможным оскорбиться.

Судя по затылку, очень надолго и всерьез.

И Проскурина простила. Что еще ей оставалось? Данила был прав. Кроме него более никому не было до нее дела. И хотя он частенько острил на счет ее женский взаимности, но ни разу не попросил об этом всерьез. А добро нужно было чем-то возвращать. Пусть хотя бы так, за счет ее грязной славы...

Злобный замысел Амира стал открываться бывшей журналистке только через недели. Когда от людей в сторону города бессмертных выехал первый автобус с туристами.

Событие получило широкую огласку, и было «от» и «до» освещено в прессе.

— Вы не боитесь, Катерина? — спрашивала журналист женщину, что направлялась на экскурсию со своим ребенком.

— А почему я должна бояться? Бессмертные нам больше не опасны. Если этот молодой человек, Амир, столько дней сидел в подвале голодный и никого не обидел, почему там, где у них есть кровь этих существ анотов, я должна его бояться?

— А что вы думаете про поступок этого бессмертного?

— Я думаю это очень романтично. Вампир не побоялся прийти за любимой женщиной сюда, к людям, не смотря на всеобщую ненависть. Он храбрец! Представьте, он любовался ею издали, хотя эта странная особа и отвергла его. Это жестоко, позволить любимому жить в сыром подвале, где он простудился. Могла бы приютить, все равно ее и так ненавидят окружающие. Я бы не ее месте уехала с ним. Ведь там она сможет жить сыто, носить хорошие вещи, и ничего не бояться...

— Вы бы не побоялись уехать с бессмертным?

— Нет! Более того, я надеюсь, мне тоже так повезет как этой Проскуриной. Я воспитываю сыночка Ванечку одна. Может быть, и для меня найдется добрый и заботливый кто-то там, за железной стеной...

— Найдется. И высосет твою кровь, идиотка, — постно комментировала Калина глядя на экран. — Мозги уже явно кто-то высосал. Какой-то злобный мозгосос...

Данила посмеялся этому комментарию, но промолчал, сокрушенно покрутив головой.

Люди в городе про историю с влюбленным беглецом говорили всякое. Одни в нее верили, другие нет. В общей массе жители города по-прежнему боялись бессмертных и все так же не доверяли им. Но подобные комментарии, как в случае туристки Катерины, стали звучать все чаще, по крайней мере, со стороны некоторых отдельно взятых женщин. Молодых и не очень разумных. Но главное было в том, что их настойчиво показывали по телевизору. Каждый день, день за днем. И как результат прислушивались все, даже те кто совершенно не верили до того...

И как-то по утру в мир бессмертных все-таки выдвинулся целый автобус с туристами. Тридцать три человека, в их числе ребенок — румяный мальчик Ванечка, сидел на руках своей мамы и махал репортерам в окошко. И вскоре автобус растворялся в туманной дали.

И теперь каждый день город замирал в часы новостей, все ждали у экранов и забывали дышать, просматривая отрывки реалити-шоу — «Наши в другом мире». И когда через неделю после того все тридцать три первопроходца вернулись назад целыми и невредимыми, полными впечатлений, да еще и с подарками — желающих прокатиться в «другого мир» немного прибавилось. Хотя недоверия еще было через край и далеко не сливки общества мечтали прокатиться за стену первыми. Но вампиры всем без исключения оказывали должный прием и одаривали напоследок.

— Катерина, расскажите о своих впечатлениях? — спрашивала ведущая телешоу, на

которое пригласили мать одиночку неделей спустя после прибытия людей из туристической поездки за железную стену.

— Нам с Ванюшей очень понравилось. Мы непременно поедem еще. Посмотрите, какую чудесную игрушку ему подарили! — Румяный Иван полутора лет отроду, сидел на руках у восторженной мамы и вертел в пухленьких пальчиках макет шароплана, а затем всю программу, не прекращая грыз его корпус.

— А если бы вы знали как там много красивых, богатых холостяков! За мной ухаживал один бессмертный, и теперь он ждет меня к себе в гости. Он подарил мне этот браслет, — Катерина, не зная себя от счастья, демонстрировала в камеру украшение. Золото с какими-то камнями. Очевидно не подделка, вид просто безумно шикарный. — Выходец из знатной семьи, между прочим! Княжеский род, представляете? Я просто без ума от восторга!

— Что ты «без ума», это, очевидно, могла и не говорить, — иронизировала Проскурина.

Калина уныло слушала эти или какие-то другие похожие интервью, и наконец, понимала, что весь спектакль был разыгран лишь с одной целью — привлечь внимание к миру бессмертных, смягчить людей. А как же лучше это сделать, если не инсценировать трагическую любовную историю и то, как она размягчила вампира, кровожадного бессметного, что еще десять лет тому пил таких как они на ужин. Да и на обед. А теперь он безумно любит смертную и готов ради нее на все. Даже умереть с голоду под окнами ее дома. Почему не предположить, что и другие будут делать как он? Глупо, конечно, но на Катерину подействовало. И, увы, таких «катерин» становилось с каждым днем все больше. Очень много одиноких обездоленных женщин с детьми и без, живут в городах людей. Убого живущих, в лишениях. И красиво разыгранная ситуация, хорошо поданная и должным образом освещенная с экранов, может заставить усомниться кого угодно, как бы она не была абсурдна.

— К ним никто не хотел ехать, вот они и разыграли спектакль с несчастным влюбленным вампиром, который убежал из-под охраны, чтобыдохнуть от голоду под балконом любимой. Господи! Ведь Аршинов мне сразу сказал, что через нашу якобы связь с Амиром планируют заинтересовать горожан, но мне сама идея о том, что люди могут клюнуть на эту уловку, казалась безумной и я откинула ее! Одно дело презирать всем миром меня как предательницу, и совсем другое — заинтересоваться вампирами?! Безумие! Бред! Куда катится этот мир?... Как легко они нас провели, Даня, — горько зашептала в конце причитаний Калина.

— Сами бы не провели, Каля. Им помогли наши политики. Подогнали военных, оградили место от зевак. В подвал сами не подались. Безоружного вампира они побоялись, как же! Ждали пока политики приедут, представление разыграют. Потому и на автобусе его повезли, а не в закрытом транспорте. Что бы он покривляться еще успел. Сердечко свое поганое намалевать. Все по сценарию... Может быть наши его и написали, этот сценарий. Сама же говорила, вампиры их спонсируют. Только я все равно не понимаю, зачем им нужны эти туристы?

Проскурина тоже не знала этого. Думала о том, что пора идти туда, где знали. Калина пошла в министерство внешних связей...

Хорошее здание в респектабельном районе — министерство внешних связей и политики, бомжи не сидят вдоль дороги, толпы безработных не толпятся на углах зданий. В этой части города регулярно ходит общественный транспорт, тут он еще есть, и горожане одеты лучше, чем там, откуда пришла Проскурина. Впрочем, здесь все лучшее. Жилье,

магазины, даже общий вид домов, улиц, дорог. Все-таки наибольший город за железной стеной — столица. И это ее центр. Павда, внутри здания министерства все не так и шикарно как ожидалось. Холл отличный и на первом этаже свежий ремонт.

«Никак к приезду вампиров готовились?», — размышляла Калина, следуя за охранником к нужному кабинету.

На втором этаже уже многим более простой вид стен и быта. Но опрятно, штукатурка на полах не лежит... Мебель старинная, настоящее дерево, хоть и предельно изношенная. Вероятно — раритетная. Ковровые дорожки почти не потеряли свой изначальный цвет, сотрудники в костюмчиках под утюжок. Все серьезные и солидные лицами. Снуют туда-сюда как мыши на пшеничном складе. Сразу видно — дел у них много. «Пшеницы» привалило...

Кабинет Аршинова расположился на третьем этаже министерства, тут снова порядок и запах недавнего ремонта еще не выветрился из стен. Или вампиры и, правда, хорошо спонсируют, или это к их приезду и сделали. Освежили. Значит, на этот этаж гостей тоже приводили. Причем траекторию их движения было просто отследить. Этаж выкрашен наполовину, до лестницы, за поворотом уже унылая серая стена, как на втором. А эта часть этажа беленькая, как обычно у бессмертных.

«И тут слизали, ничего нового не придумали, — поморщилась она. — Понравиться упырям хотели...».

Аршинов весь в делах, но встречает почти теплым лицом. Заказывает секретарю два чая с печеньем (что невероятно щедро в рамках непростого времени) и усаживает гостью.

— Решили все-таки принять мое предложение, Калина Владимировна?

— Пришла поговорить, министр, — без тени любезности, ответила она.

— Что-то меня настораживает такое начало, — откидываясь в стуле, не без улыбки признает мужчина.

— И не напрасно. Вот, ознакомьтесь, — гостья протягивает папку.

— Калина Владимировна, милая моя, только не говорите, что вы написали разгромную статью про бессмертных! — хлопнув в ладоши, радостно воскликнул Аршинов.

— Вас этот не удивляет? — изумилась она.

— Меня удивляет, почему вы не написали ее раньше?

— Так вы же мне запретили! Еще и угрожали, — грозно припомнила Проскурина.

— Когда это вы слушали чьи-то запреты, любезная? И потом, я и не думал, что вас будет так легко запугать.

— Вы меня не запугали, я просто выжидала время, — набычившись, оправдывалась она.

— Я очень надеялся, что это так и есть. Что дух ваш не сломлен. Но, признаюсь, переживал.

— Пойдите, министр. Вначале взгляните на материал, а после поговорим, — строго потребовала гостья.

— С удовольствием.

Аршинов открыл папку и с интересом изучил снимки находящиеся в ней. Подвал с тюфяком, где скрывался Амир, затем фото пустой тары из-под крови крупным планом, даже внутри, чтобы остатки были заметны. Министр просмотрел все с интересом и, не изменившись в лице, спросил:

— А где статья?

— Какая статья?

— Разгромная, про вампиров.

— Нет никакой статьи, зато я выяснила, что вы любезный друг, предатель. Вы инсценировали побег Амира, а потом тайно кормили его в повале моего же дома. Чтобы ввести людей в заблуждение и спровадить наивных дураков в тур поездку, где их непременно когда-то сожрут! Люди думают, он ел крыс из-за любви ко мне. Вот тут фото пакетов из-под крови анов. Вот что он ел!

— И вы пришли меня разоблачить?

— Я пришла вам в глаза сказать, что вы лжец и приспешник вампиров!

— Звучит как в дешевом кино, — Аршинов поморщился. — Вы долго это обдумывали? Уже не одна неделя как к бессмертным едут туристы, где вы бродили все это время? Давно должны были прийти кинуть мне в глаз эти разоблачающие мое низкое коварство фото. Еще непременно приплетите сюда мою личную корысть и предполагаемое взяточничество! Тьфу!.. — сплюнул он на пол.

Министр сидел разозленный до предела. Но злило его, кажется не разоблачение, а ее непонимание чего-то.

— Я вас, наверное, все-таки переоценил... Мне казалось вы сразу еще там, в день, когда его взяли возле подвала, поняли что он вас обманывает! А я помогаю ему, от лица правительства! Потому что у меня нет иного выбора.

— Все время у вас нет выбора, министр! — возмутилась гостья. — Вы помогли инсценировать отвратительный спектакль, чтобы разыграть целый город!

— Да, у меня не было выбора. Я должен был что-то проиграть, чтобы выиграть всю игру.

— И что вы выиграли?

— Пока, доверие бессмертных. И это не мало. Но основания партия очень далеко. А вы в ней одна из ведущих фигур. Почему вы так долго ко мне шли со своими выводами? Я бы давно все пояснил.

— Что происходит в столице бессмертных с людьми? Кто-то пострадал за время этих визитов? — спросила она настойчиво.

— Нет. Никто. Это точная информация. Поверьте, это самое для меня важное. Их там принимают как дорогих гостей.

— Зачем вампирам туристы из мира людей?

— Они желают общаться с нами.

— И вы в это верите?

— Да, Калина, потому что это так. Я даже имею подозрения почему, но пока не стану их озвучивать. Хочу, чтобы вы пришли к своему выводу. А затем мы сверим наши мнения и найдем истину. Вы и я. И теперь главное. Я бы хотел, что бы вы на меня работали.

— Я хочу писать.

— Это просто замечательно! Пишите. Это очень важно в нашем деле. Я не могу открыто играть против них, но я обязан что-то делать, что бы сохранять разумный баланс. Или люди вскоре окосеют от того затуманивающего разум внимания, что оказывают им вампиры и потекут в тот мир рекой.

— Вы признаете, что они там могут погибнуть?

— Все не совсем так. Но если смотреть вглубь, то сближение не должно быть полным. Люди обязаны помнить кто они и кто мы. Потому что когда они забудут, может случиться неизбежное. Забывать нельзя.

— Вы путаетесь в показаниях. Говорите, что они не опасны и при этом, что про их опасность забывать нельзя, или они навредят.

— Все так и есть. А теперь давайте помолчим немного, и вы все обдумаете. А потом скажите мне, почему это так. Зачем я помог Амиру, чего добивался он и почему это, в конечном счете, опасно для нас. Но самое главное, вы дадите мне ответ на вопрос. Станете ли вы мне помогать, чтобы не допустить того, чтобы люди забыли кто они, а кто мы? И всегда были на страже. Предупреждаю, для вас самой это будет очень опасно. Когда узнают наши, по голове не погладят. Если узнают вампиры, тем более. Работать придется тайно, под чужими именами. Но это будете вы. Ваш голос «против». И самое главное, вы снова поедите к бессмертным! Потому что вы будете там моими ушами и глазами.

— И никто этого даже не предположит, потому что для всех я ненавижу вас, за то, что вы сделали со мной, — констатировала она.

— Примерно так.

— Неплохо придумано. И продумано... Опять шпионить для вас?

— Но, чур, не так как в первый раз! — пошутил Аршинов.

— Вы так уверены, что я соглашусь?

— Безусловно. Я обещал, что верну вам возможность писать? Я держу свое слово.

— Ага. Но про то, что меня за это захотят убить, как-то забыли упомянуть.

— Не все сразу. К тому же при вашей прежней работе вы каждый день собой рисковали не меньше. Вы же не покидали горячие точки неделями.

— Почему я должна верить вам? Откуда мне знать, что вы не используете меня в очередном хитром плане? Амир сказал, идея очернить меня принадлежит вам! — хмурилась она.

— Очередное правило политики гласит — никому и никогда верить нельзя, Калина! Нужно лишь следовать своей выгоде. И выбирать друзей исходя из этого. Вам выгодно со мной дружить. Вы станете делать любимое дело и при этом бороться против зла, которое презираете — против вампиров. Вот и все. А решать все-таки вам. Обдумайте все хорошенько. Дело серьезное. А что до слов Амира... вы же понимаете, не доказуемо. Ему нужно было сказать то, что он сказал, что бы добиться смягчения с вашей стороны. Пусть и на время. Он на большее не рассчитывал. Не дурак ведь.

— И что вы хотите, что бы я сделала для начала?

— Вначале скажите, разобрались ли вы до конца в ситуации с милым капитаном?

— Так он все-таки капитан?

— Прибыл он без упоминания званий, а врал или нет, не имею чести знать.

— Вас просили содействовать ему?

— Требовали. Мягко, но это так. План был иной изначально, уже я внес коррективу, например, доставлял ему консервированную кровь анотов, чтобы он не дай Бог не прельстился другой едой.

— А что он сам планировал есть?

— У него был небольшой запас. Планировал слегка поголодать. Говорил, что тренировался. Кроме того хотел есть животных. Это, в крайнем случае.

— Положим, я вам верю. Иных пояснений не нужно.

— «Положим» — это верная позиция. Всецелого доверия не должно быть никому, — одобрил Аршинов.

— Так чего вы хотите от меня?

— Чтобы в массы людей стали просачиваться ваши мысли. Ничего разгромного для начала. Лишь напоминайте людям, кто они. На втором этапе мне потребуются ваши глаза там. Ваши внимательные глаза и аналитический ум, и не просто на улицах, подобных агентов я могу найти и без вас, и они у меня имеются в каждом автобусе, который едет в столицу бессмертных.

— А мама румяного Ивана, не из их числа? — скосив глаза на министра, спросила Калина.

— А как вы это поняли? — улыбнулся политик. — Ребенок чудесное прикрытие в такой ситуации.

— Нельзя быть такой душой! Это точно инсценировка.

— А тут вы меня огорчили. Если это стало очевидно вам, могли заподозрить и они. Скверно. Нужно впредь действовать более тонко...

— Я вам нужна не на «улицах» города бессмертных, а во дворце? — уточнила женщина.

— Вы думаете, там меня ждут?

— Думаю, видеть не откажутся. А большего нам пока и не нужно... На первом этапе, вы начинаете писать статьи. Я подыщу людей, которые будут представлять их как свои. Так называемый глас народа. Их станут печатать как листовки и распространять в городах, но вначале просто выкладывать в сеть. Там, где их увидят простые граждане. В лица вы людей знать не будете, как и вас не будет знать никто. Всякий раз отправлять статью будете с нового электронного адреса и разных точек входа, без повторов и непременно всегда в районе максимально удаленном от вашей квартиры. Это очень важно!.. И не вздумайте назвать ящик своим именем!

— Я не дура, министр, — оскорбилась Проскурина.

— После я кого-то из этих революционеров поймаю и заставлю молчать. И тут же найду других, кто будет опять тиражировать ваши статьи от своего имени. На вас не выйдут.

— А на вас?

— А почему меня вообще должны заподозрить? — усмехнулся Аршинов. — Я самый активный борец за мир. Это знают и тут и там, за железной стеной.

— Верно. Как подозревать того, кто занимается отловом революционеров?..

— Верно, это глупо.

— А вас тут не прослушивают?

— Нет, это проверено. Пока я вне подозрений, причин мне не верить нет. Но нам необходимо придумать официальные причины для встреч, на случай чего. Тут более обсуждать дело не будем. Я все-таки найду вам какую-то работу, такую что даст нам возможность иногда общаться не вызывая подозрений. Опять-таки, я соблюду обещание данное бессмертным. Позаботиться о вас, как мы с Амиром и договорились. Постепенно мы переходим ко второму этапу...

— Он просил вас позаботиться обо мне? — изумилась женщина.

— Да. И как я понял, приказ исходит от государя. Я же сказал, не исключая, что вас ждут во дворце. Хотя ни в чем не могу быть уверенным. Итак, вторая часть плана. Еще до того как поднимется волна негодования вызванная вашими статьями и создаст проблемы для вампиров вы поедите к бессмертным в качестве туриста.

— Думаете, меня там не заметят? Или мне изменить внешность?

— Ни в коем случае! Вас непременно должны заметить. И пригласить во дворец. Но вы там должны собрать информацию и о простых горожанах. О том, как проходят

туристические мероприятия, что там делают люди. Смотреть внимательно и делать выводы. Никаких записей, все только в голове. По приезду отчет мне и уже потом когда я обдумаю, делимся своими мыслями и сравниваем. По моим расчетам ваши статьи, которые будут выходить, отражая одно и то же мнение, но в разных словах от имени разных людей, должны всколыхнуть город и округу. Потом пройтись волной по стране. И создать перебои в движении от нас к бессмертным и вызвать беспокойство вампиров. Настоящее беспокойство. Статьи будут нарастать в своем негативном мнении. Опять-таки в свои визиты в город бессмертных вы должны почерпнуть новую информацию достаточную для этого.

— Вы думаете, визитов будет много? И это не вызовет подозрение у вампиров?

— А это еще одна ваша задача. Что бы их было много и подозрений они не вызывали.

— На что вы намекаете?

— Сделайте так, чтобы вас туда очень активно звали. Даже если это не будет государь. Мне неважно кто. Но лучше бы это был он. Вся информация во дворце... Но действовать вы должны осмотрительно и очень мудро. И не слишком усердствуйте, желая понравиться. Перегибать палку и вызывать подозрения ни в коем случае нельзя. Эх, уже предвкушаю! Мы устроим вампирам настоящую встряску! Представьте, как вам будет приятно смотреть в глаза Вишнару и знать, что его «головная боль», это ваших рук дело, и мило ему при этом улыбаться.

— Вы хитры и коварны, министр, — со смехом оценила Проскурина.

— Да-а, — мечтательно протянул Аршинов. — Во мне умер просто безупречный серый кардинал... Впрочем, почему умер? Я и есть настоящий серый кардинал.

— А с чего мне лучше начать в своих статьях? — задумалась гостя. — У вас есть идеи?

— А вы начните с того, что ударьте по самой себе. Осветите эту ситуацию и ее невозможность как таковую. Любовь между двумя настолько чужеродными организмами как донор и паразит. Обратитесь к живой природе. Как какой-то микроорганизм или вирус, поражает клетки тела и пожирает их. Например — раковая опухоль... Нет, лучше сравните с настоящими паразитами, так более омерзительные ассоциации, а это важно, когда включаются произвольные рефлексии. Например, заговори я про дерьмо когда кто-то ест, он тут же приостановится. Понимаете?.. Осветите мелких или крупных паразитов в живой природе, которые внешне не опасны, но, по сути, разрушают того, к кому прилипают. И вызывают гибель в конечном итоге. Проведите параллель с бессмертными для непонятливых читателей. Поиграйте с этой темой, подумайте на досуге. Ведь видимая не кровожадность бессмертных на этом этапе нашей совместной истории, не отменила зова их плоти. Верно? Пусть люди об этом вспомнят...

По окончании встречи бывшая журналистка долго думала. Бродила по центру города, всматривалась в лица горожан, искала ответы.

Врал ли ей Аршинов? Стоит или нет, ему безоговорочно доверять? Использует ли он ее неприязнь к вампирам в своих тайных целях?.. Да, все это и многое другое нельзя исключать. Но правда была в том, что у Проскуриной не просто чесались руки, зудели! Вновь взяться за перо. Не молчать! Не стоять в стороне. Действовать! Вернуть себе прежнее место в родном городе. Уважение родителей и расположение горожан. Как же она этого хотела!.. Впрочем, еще больше она хотела узнать правду об истинных целях вампиров.

Да, что не говори, риск того стоил. Даже если Аршинов лишь претворял в жизни очередной план и потому использовал ее, причины враждовать с ним она больше не видела.

Министр крутился как веретено в руках неустанной труженицы — это видно по морщинам и серому лицу, чтобы по своему, интригами, спасти свой мир.

Почему-то Проскурина ему верила. И былые обиды уже не имели столь большого значения. Все растворялось. Пережитое теперь виделось в ином ключе. Пока она поддавалась своим обидам, ведомая лишь гордыней, Аршинов проявлял истинные мудрость и силу духа. Он завоевал доверие врага, чтобы не проиграть эту войну. Чтобы спасти целое человечество. Как бы пафосно это не звучало, но подобное заслуживало уважение.

Калина мгновенно включилась в работу. Взяла ночной отгул в баре и до утра просидела над первой статьей. «Из-под пера вышло» два разгромных материала, но это было совсем не то, что требовалось для начала. Так и не закончив начатое, она легла спать.

Пока Аршинов не предложил ей работы в министерстве, Калина планировала продолжать помогать Даниле. И на следующий день она вновь вышла на работу в бар.

Протирала столы, убирая за посетителями игнорируя их самих. Очередные товарищи из любопытствующих, что пришли по большей части, что бы поглазеть на нее. Но среди них был один мужчина, который решительно выделялся на общем фоне. Он не был похож на того, кто просиживает в барах дни напролет. Простой рабочий парень с мозолистыми руками. Таких много на улице, пройдешь — не заметишь, но его глаза, выражение лица, когда он взглянул на «ту самую» подружку вампира, зацепили многим больше чем обычные каждодневные оскорбительные комментарии. Не было ненависти, не было презрения, только непонимание. Крайнее непонимание. Он осмотрел Проскуру с ног до головы и неожиданно взглянул в глаза. Словно давил какой-то мыслью, и Калина не выдержала первой, отвела усталые зеленые. И даже ушла пристыженной. Первый раз на нее смотрели так, что она даже пояснить не могла, что именно видела в чужих глазах.

Но чуть позже, когда женщина вернулась убирать пустую посуду со столов, мужчина не оглянувшись, спросил:

— Неужели ты больше не нашла кому себя подарить?

— Прошу прощенья? Вы это мне? — оглянувшись, спросила она с вызовом. Проскурина уже вдоволь наслушалась оскорблений, легко могла осадить обидчика или проигнорировать. Но сейчас отчего-то ответила.

— Тебе, — кивнув не глядя, ответил работяга. — Ты же та самая женщина...

Он не сказал ей «шлюха» как другие, да и в голосе не было презрения, но его интонации больно укололи душу.

— Видел тебя по телевизору.

— И пришел своими глазами посмотреть на «уродца»?

— Посмотреть.

— И поплевать, должно быть?

— Нет. Мне жаль тебя. Я знаю, что случится вскоре. Просто не понимаю...

— Чего конкретно? — с вызовом, как всегда обороняясь, спросила она.

— Как вы, женщины, можете так легко все забыть?.. — вот что он сказал, оглянувшись, и посмотрел взглядом, в котором было так много горя прошлого. — Я был мальчиком, когда они пришли ночью в наш городок. К утру погибла треть жителей. Я выжил, потому что лишился чувств, когда увидел что делают с моей матерью. Они не прельстились неподвижным ребенком. Знаешь, что я понял? Убивая, они очень любят видеть страх своей жертвы. Только это меня спасло. С рассветом все кто остались, бежали в соседний городок. Мы шли и падали от бессилия, все кто мог, несли раненных. Они умирали от кровопотери в

пути, и мы оставляли их скорченные тела гнить вдоль дороги, потому что нести мертвых не было ни сил, ни смысла. Стоны, крики и сотни тел, вот каким я помню то утро... Когда мы, наконец, увидели на горизонте первые дома, я не выдержал дикого напряжения и побежал. Быстро, как только смог. Вдалеке, встречая нас стояла женщина, я упал в ее руки и завыл волком. Знаешь, почему я бежал к ней? Нет, не от страха... Мне пригрезилось, это моя мама... Я думал — живая... Через три года ночные убийцы унесли жизнь и этой женщины. Они как саранча опустошали город за городом вдоль железной стены. И я видел смерть и этой мамы, ведь она из жалости взяла к себе сироту. Ты знала, что мужчин они убивают сразу? А женщину, если она не старуха, сперва... — мужчина смолк и, поджав болезненно губы, увел свои глаза. — И только потом убивают. Я дважды пережил ночь, которую не переживают. Потерял двух матерей. И не смог защитить ни одну, потому что был еще мальчиком. Смерть первой я пережил в обмороке, гибель второй видел от и до. Это зрелище помutilo мой разум, я с криком кинулся на зверя и получил удар кулаком. Очнулся на рассвете, как и в первый раз. А на полу голый труп матери с обезображенным лицом и порванным горлом. Я так и сидел над ним, пока не пришли солдаты...

Мужчина говорил это все без всяких даже малейших эмоций. Ровным голосом человека, который уже не раз пережил это горе, вспоминая. Все это по-прежнему болело где-то там у него в груди, но эмоции в голосе словно выцвели от времени. А может быть он просто не хотел выплескивать их ей. Той, кого, по сути... презирал?

— А теперь я смотрю по телевизору на тебя и таких как ты, что едут туда за любовью и пытаюсь понять. Как вы могли забыть? Как это можно, перестать вспоминать? И не думать, что эти губы, которые сейчас целуют в один из дней распахнуться пастью и вонзятся в тебя клыками! Думаешь, он любит тебя? Ты серьезно думаешь так? Мы всегда были и будем для них только едой! Даже если они будут не голодны. Они охотники и никогда не преодолеют свою природу. Ты мясо! Все вы — мясо!

Мужчина встал, положил деньги на стол и вышел из бара...

Этот человек не пытался оскорбить, он пришел вразумить. И Калина смотрела на двери, что закрылись за его спиной и строки в голове складывались сами собой.

«Ночь которую не переживают».

История одного мальчика...

«...Они говорят, что перестали видеть в нас еду и давно не пьют кровь людей. Тоже повторяют, убеждая нас с экранов, наши политики. Вы верите им, и мне жаль вас! Потому что я все еще помню ту ночь, которую не переживают. Ужас, который выпал мне дважды...»

Пожалуй, эта статья была больше рассказом на тему горя бедного маленького мальчика, который в течение трех лет своей жизни узнал много ужаса и потерял двух матерей. Он выжил и вырос только для того чтобы напомнить всему человечеству об опасности, что притаилась за железной стеной и теперь так близка. Это были бесконечно эмоциональные строки в каждой из которых, была острая боль. Проскурина выложила на страницы все свои эмоции, выступив фильтром для слов неизвестного мужчины из бара. Но получившийся результат растрогал до слез ее саму. Она не просто оплакивала судьбу ребенка, она рыдала над собственными словами, вспоминая все ужасы далекого прошлого. Всех погибших матерей, всех обездоленных детей. Это было именно то, что нужно! Заканчивалась статья так:

«Я должен был рассказать вам это! Напомнить о том, что никогда нельзя забывать! Имена и лица тех, кто был когда-то среди нас. Тех, кто были братьями, дядями, отцами,

подругами по школе — всех кто любил нас, и кого любили мы. Кого больше нет... Улыбки и теплые руки наших матерей.

Сказать вам слова женщины, что в муках меня родила и, защищая, отдала свою жизнь: „Сынок. Даже домашний зверь, всегда, прежде всего — зверь!..“

И когда в следующий раз, все следующие разы вы будете смотреть в улыбающиеся и переливающиеся янтарем глаза бессмертного, подумайте о том, сколько человеческих жизней он унес за свою долгую жизнь? Сколько матерей обескровил, лишив навеки покоя их маленьких сыновей?! И пусть вас не вводят в заблуждение их улыбки. Смотрите на то, что скрыто за ними. Смотрите на их клыки...»

Пусть это было не совсем то, что Калина планировала написать вначале, но, кажется именно то, с чего нужно было начать в этой борьбе за здравый смысл людей. Помни и не забывай!

На следующий день статья Проскуриной была опубликована в сети.

— Прекрасно! Это как раз то, что было нужно! — улыбался Аршинов, при следующей встрече с журналисткой.

— Но статья прожила в сети всего несколько часов! — возмутилась женщина. — Теперь все страницы, где она была размещена — заблокированы.

— Ее успели увидеть люди. Большого пока не нужно. Я же должен был предпринять меры и бороться с вами?! — искренне удивился политик.

— Самим собой, — исправила Калина.

— Верно, с самим собой я обязан беспощадно бороться, точнее — создавать видимость борьбы. Главное, цель была достигнута, люди увидели, чувства в душе всколыхнулись, пробудились воспоминания. Кстати, с человеком, который ее распространил в сети, уже провели беседу и запретили публиковать подобное. Так что ему больше не пишите. И еще... Я подумал, что бы наверняка не пробудить подозрения и не вывести на ваш след, писать вы будете только от лица мужчины. Но впредь избегайте подобной эмоциональности как в этой вашей работе. Это не мужской стиль. Будьте более кратки и жестки.

— Это сложно, я ведь женщина, — поморщила она носик.

— А вы тренируйтесь и точите свое мастерство! И ни в коем случае не говорите ничего вашему другу, Даниле Оленеву. Все статьи тут же удаляйте. Ничего не храните у себя, даже в тайниках. Это очень важно. Тут уже не до авторского самолюбования. Отправили и удалили. Потому что когда мы разворошим этот осиный рой, поднимется страшный шум, да и жалиться они будут больно. Но это наш с вами долг.

— Я понимаю. Полная конспирация, — кивнула женщина.

— Когда вы будете готовы к экскурсии в город бессмертных?

— Не знаю. Пока не готова.

— Это плохо. Нужно начинать действовать. Но я не буду торопить, если вы пока не чувствуете сил. Вот, возьмите пока это, — министр протянул женщине конверт. — Тут деньги. Вы должны подготовиться к встрече. Но не перестарайтесь. Если вы будете откровенно выставлять свою красоту на показ, возникнут разумные сомнения. Не наживка ли это? Кто в здравом разуме будет щеголять в провокационной одежде в той части мира? Да и откуда у вас безработной деньги на роскошь?

— Поняла. Выставлять себя напоказ не буду.

— В том-то и дело, что вы должны быть очень заманчивы, но не слишком доступны. А с некоторыми, так даже совсем недоступны. Это я про государя. Ваш вид должен быть

строгим, но при этом манящим. Понимаете? Такой, словно вы не старались быть хороши и даже не догадываетесь какое впечатление производите.

— Как в джинсах в обтяжку, да? — улыбнулась женщина, припомнив взгляд Амира в ту памятную встречу в ее квартире. — Вроде самая непритязательная одежда, но при этом все самое лучше на виду.

— Что-то типа. Но джинсы это слишком простовато...

— Не скажите. Их можно совместить с каблуком и другими очень женственными деталями. В общем, оставьте это мне. Я разбираюсь в вопросе.

— Всецело полагаюсь на ваши ум и женское чутье. И еще... Я напишу вам один адресок, этот человек тайно торгует очень хорошими, хотя и ношенными вещами. Он сумеет вам подобрать то, что нужно. Вещи обязаны быть элегантными, подходить именно вам, украшать, но не должны смотреться новыми. Понимаете почему? Это важно. Все важно, мелкого в нашем деле нет. Вампиры знают, что дела у людей во многом обстоят плачевно, и если вы появитесь во дворце в обновках, считайте, сразу провалили все дело. Вишнар не дурак. Поймет, что вы засланы. Но кто еще опасней — преемник.

Калина Проскурина написала еще четыре статьи, перед тем как решилась поехать в столицу бессмертных второй раз. Аршинов был очень доволен ее результатом. Потому что работы получались очень разноплановые, и каждый раз били в новое место. В одной из статей она посмеялась над собственной несуществующей историей любви. Высмеяла Амира, да так лихо, что эта работа мгновенно получила массу комментариев в сети, до того как была удалена. В другой статье она, как и предлагал Аршинов, сравнила бессмертных с паразитами живой природы. Для сравнения она выбрала гельминтов и ленточных червей. Получилась очень точная и крайне неприятная характеристика вампиров. Местами было даже слишком тонко, не все поняли и министр просил писать проще, для простого народа. Ориентироваться на широкую массу. Интеллигенция и так все понимает, но они молчаливы, а вот рабочие вполне могут поднять бунт. Возможно, в скором времени это потребуется.

Еще две работы, всецело прошедшиеся по вопросам за и против возможности мира. И они были особенно точны, правда комментариев было меньше, и Калина решила, что на будущее будет больше писать живых работ, тех, что смещат людей и затрагивают их чувства, что бы читатели дружнее вовлекались в процесс обсуждения. Что бы их захватывало всеобщее движение против вампиров.

Глава 16. Тайна стеклянного кафе

В очередной серый понедельник осени Проскурина поднялась на борт старенького желтого автобуса и поехала за железную стену.

Салон заполнен наполовину. В этот раз девятнадцать человек. По-прежнему это бездельники или любители острых ощущений, как группка из семи человек, что шумно обсуждает предстоящее, расположившись в самом начале салона автобуса.

Проскурина сидит в середине, у окна и смотрит на приближающийся город бессмертных. Пасмурно и за оком туман. В такую погоду защитный купол над городом вампиров поблескивает, местами переливаясь радугой. Красиво и устрашающе.

Напротив сидит молодой мужчина — развязанный тип с хамоватой улыбкой. Все время жует жвачку и без стеснения рассматривает бывшую журналистку. К середине пути не выдерживает и задает свой вопрос:

— Что, едешь к своему кровососу?

— Да, а ты? — спокойно улыбается женщина.

— Поглазеть и пожрать от души. Говорят там шикарно. Врут или нет? — прищуривается он, шныряя по ней взглядом.

— Не врут, тебе понравится.

— Вот и я думаю. Не зря же ты едешь туда в очередной раз. Верно?

— Точно.

Автобус подъехал к внушительному строению на границе владений. Перед ним распахнули огромные ворота и, не проверяя пропустили дальше. Небольшой дворик, за ним второй пост. Еще один вход, уже через прямоугольный корпус здания. Тут краткое анкетирование. Вокруг одни солдаты. Бессмертный что вносит данные в базу и сверяет с паспортами, вежлив и обходителен. Борьба за туристов. Лицо строгое до предела, но голос этому противоречит. Багаж проверяют, правда, без пристрастия. Перед этим вежливо просят отдать все виды оружия, если таковые имеются. Но даже если удастся что-то найти, никто претензий не предъявляет. Снова лишь вежливость и обещание все вернуть на обратном пути. Проскурина ни секунды не сомневается, что так и будет.

И вот за очередными воротами людей ждет экскурсионный транспортер. Все туристы с интересом осматриваются и шумно обсуждают увиденное, поднимаясь с чемоданами на борт.

— Калина!

Женщина оглянулась на крик. На посту у выхода стоит Ваинаританум. Снова значит наказан. Но он в действующей армии. Значит и тут обманули...

Строгий лицом бессмертный — военный старшего чина, что пристально следит за посадкой гостей в экскурсионный транспорт, бросает строгий предупреждающий взгляд на нерадивого солдата. Но Танум беззаботно машет рукой журналистке, сверкая клыками в широкой улыбке. Предельно счастлив ее видеть и не замечет ничего вокруг. Тот еще солдатище!

— Мы скоро увидимся! — кричит он. — Я завтра в отгуле!

Юноша тут же косится на старшего по званию и добавляет с ужасом в глазах:

— Если не получу наряд!

Калина кивает согласно, подавляя в себе смех, и шепчет под нос:

— Тогда точно не увидимся...

— В каком номере желаете жить? — спрашивает вежливый администратор, когда гости столицы оказываются в гостинице. Пока все прочие туристы бегают по первому этажу и удивляются всему что видят, Проскурина, досрочно разделившись с анкетированием, подает электронный бланк сотруднику. Вокруг неопиcуемая роскошь. В прошлый визит журналистки в этих стенах еще завершалось строительство, и отсутствовала мебель. Сейчас в просторном холле на фоне лакированного белого пола стоят бесконечно длинные кожаные диваны черного цвета. Проскурина изо всех силы пытается понять, растут ли непривычные взгляду красные стебли цветов из прозрачных вазонов или же они пробились из подлокотников дивана?.. Чтобы рассмотреть это, нужно приблизиться, а ей безумно хочется сохранить невозмутимый вид. Но не получается, глаза разрывает желанием смотреть сразу во все стороны. С потолка свисает невероятная хрустальная люстра, изображающая собой сотни больших и малых цветов. Это чудо необъятных размеров светится и переливается многообразием красок, получается проекция радуги на пол и белую стену. Противоположная сторона — зеркала, между ними затейливая лепнина. Зеркальная сторона зрительно увеличивает и без того огромное пространство с невероятно высоким потолком.

Мебель невообразимой формы. Непонятно, это кресла, диваны или шезлонги? Но обивка неизменно натуральная кожа. Цвета яркие, сочные, броские. Часто красные. Просто храм чьего-то гениального творческого вкуса, что соединил несоединимое — красоту разных стилей, прошлого и будущего. И все это, несопоставимое на первый взгляд многообразие, собрано в одном месте. Столы многоугольники неправильной формы — цветное стекло и метал. Чуть дальше от стойки администратора стена, которая представляет собой аквариум. В ней плавают сотни пестрых рыб и... Русалка?.. Проскуриной не померещилось?.. Безусловно, не настоящая, но имитация поразительно правдоподобная и шевелится. А еще... Улыбается? Нет, у бывшей журналистки начались галлюцинации! Ведь этого просто не может быть!

— Это живое существо, — тихим шепотом подсказывает администратор и загадочно улыбается. — Творение нашей генной инженерии. Вам нравится?

— У меня нет слов... — Проскурина взяла себя в руки, и сохранить спокойствие удалось, но интерьер гостиницы ее поразил многим больше, чем вся столица бессмертных вместе взятая в первый визит делегации. Хотя тогда она не ожидала ничего подобного и приехала из «серой» нищеты.

— Так, где наша гостья желает поселиться? — с улыбкой напоминает бессмертный.

— На самом последнем этаже. Если это возможно. С видом на дворец, — вежливо говорит Калина и обезоруживающе улыбается.

— Все что угодно, — кивает вампир и выдает гостье электронный ключ — проводит какой-то машинкой над правой ладонью и, улыбнувшись, констатирует:

— Готово!

— В каком смысле? — теряется Калина.

— Теперь только вы или уборщица можете войти в комнату, номер которой виден на ладони. Код меняют каждый новый заезд туристов, чтобы не было путаницы. Кстати. Вечером, с крыши гостиницы открывается потрясающий вид. Вы можете прогуляться под луной по стеклянной оранжерее...

— Где? — отрываясь глазами от необычного неоновое свечения своей ладони, спросила гостья. После Проскурина выяснила, что членам делегации мира показали далеко

не все чудеса этого места. Впрочем, ключ на руке удивил ее многим больше ресторана на крыше. А ведь там был полностью стеклянный пол и возможность видеть с огромно высоты холл гостиницы. Потому что ресторан располагался между корпусами, и чувство было такое — висел в воздухе, а это пугало...

По дороге к лифтам, ведущим наверх, журналистка дает своему интересу немного воли. Стараясь выглядеть пристойно, она изучает обстановку цепкими глазами.

Развязанный тип из автобуса, Кирилл, заполняет электронную анкету, развалившись на одном из кожаных диванов, как на кровати в собственной квартире. Уложив башмаки на низкий прозрачный стол. Проскурина закатывает глаза, горе-турист вертит в руках тонкий полупрозрачный монитор, который заменил бланк анкеты, пытаясь разобраться в том, как он устроен. Что-то подсказывает журналистке, что вскоре бессмертные вновь вернутся к бумажным анкетам. Или никакого бюджета не хватит чинить поломки после подобных посетителей. Анкета дважды падает на пол, Кирилл по-свойски плюет на нее, вытирает об себя и снова вертит в руках, нажимая кнопочки наугад.

— Забавная вещь... А что тут писать? Правду? — спрашивает он у Проскуриной. И не напрасно. Кириллу двадцать девять лет. Он работает, где придется и кем получится, так как постоянной работы, как и профессии у него нет. Впрочем, работает он редко.

— Точно? Может слегка приукрасить? Вдруг выпрут, — уточняет он и снова морщится.

— Нет. Тут рады всем.

— Шикарное место, да? — окидывает он взглядом бесконечный холл. — А во дворце так же красиво?

— Даже лучше.

Гость свистит, со значением округляя глаза, и сотрудник, стоящий неподалеку, бросает на него краткий неодобрительный взгляд. Но он молчит. Еще одно доказательство, как тут дорожат любым посетителем. Даже таким как Кирилл. Грубоватый и неотесанный, и одет лишь бы как — в мятые рубаху и джинсы, которые не то что бы грязны, но их мешало бы постирать.

— Не поломай, пожалуйста, — после очередного падения анкеты на пол, просит Калина. — Нужно просто нажимать на кнопки. Ты ведь знаешь буквы? Выбирай нужные.

— Не поможешь?

Проскурина помогла. Но, увы, анкета уже была безнадежно испорчена. Кирилл не придумал ничего другого, как сказать администратору, что устройство испортила красивая дама в светлом пальто. Проскурина тяжело вздохнула и покинула холл. Судя по лицу администратора, Кириллу он все равно не поверил...

Визит начался с повторного завтрака. К сожалению, администрация гостиницы посчитала, что гостям в огромном помещении необычного ресторана будет комфортней находиться за общим столом. И Калине приходится терпеть общество Кирилла и тут.

Повсюду круглые столики на разных уровнях. И этих уровней не меньше пяти. Некоторые столы из тех, что на возвышении, из соображения интимности частично огорожены живой зеленью и цветами. Ты вроде в ресторане, но при этом — в саду. Плоские как диски ступени, что зависли просто в воздухе, позволяют совершить подъем вверх на необходимую высоту и расположиться в любой части зала над залом. По центру комнаты небольшой фонтан, но настолько мощный, что достает до самого потолка. При этом до свода не меньше пятнадцати метров. Потолок черный как ночь и мерцает огоньками, имитирующими настоящие звезды. Пол того же цвета, а вот столы и стулья — белые.

Впрочем, все прочее, даже посуда зеленых тонов. Это необычное цветочное решение добавляет в экзотический интерьер не меньше килограмма изюма, вместо одной единственной засушенной виноградинки. Но Проскуриной нравится. Особенно сопровождающий все звук неспешно бегущей воды. Обстановка получилась неповторимой и очень живой. Во время первого визита в гостиницу в этом ресторане она не была. Зато видела другой, хрустальный, как его нарекли вампиры. Там все выглядело намного более однообразным, но каким-то торжественно праздничным. Словно сделанным из льда. Потому что все от посуды до столов было выполнено из хрусталя.

Туристы ведут себя шумно, местами невоспитанно. Слишком громко смеются и отпускают грубоватые шутки в адрес вышколенного персонала. Кирилл позволяет себе щипать за зад Агату, которая подносит ему еду. И смеется, что прототип никак не выражает протест.

— Как живая! — все время говорит он при этом.

— Она и есть живая.

— Но при этом как не живая, — морщится он. — Хоть и красивая.

Проскурина смотрит неодобрительно, но не спорит. В чем-то Кирилл прав. Но это не уменьшает того стыда, который бывшая журналистка произвольно испытывает перед бессмертными, только потому, что она относится к тому же биологическому виду, что ее соседи по столу. «Человек разумный»... При одном взгляде на поведение Кирилла это очень сомнительно. Журналистка практически убежала из помещения ресторана, когда некоторые из гостей стали набивать карманы едой про запас. Котлеты в карманах. Какой стыд для человечества!

Из окна номера открывался, вероятно, самый прекрасный вид из всех возможных. Дворец Вишнара был прекрасен. Калина видела всю округу — чудесный город с необычными строениями, снующих по улицам прохожих, даже железную стену вдалеке, которая казалась с такого расстояния тонкой железной нитью. Бессмертные на улицах выглядели такими крохотными с этой высоты, что казались точками, маковым зерном.

По небу пролетел шароплан и Проскурина улыбнулась. К стыду своему поняла — она рада оказаться тут многим больше, чем готова была признать.

Необходимо было разложить вещи, но женщина занялась изучением обстановки. Очень хотелось отдохнуть, а для этого нужно было найти кровать. Вот именно! Найти кровать в комнате, предусмотренной для сна и отдыха. Потому что зрительно и на первый взгляд она не просматривалась. Наконец журналистка догадалась дать звуковую команду:

— Кровать! Ко мне!

Смешно, но после этого из стены на нее полезло огромное ложе, и Калина с визгом кинулась прочь. Испугавшись напору и скорости. Кровать бы так и каталась за гостей по номеру, если бы Проскурина не дала отбой. Ложе тот час исчезло в стене.

— Нужно узнать, как его зафиксировать на месте. Жуть какая, как живое!..

Душевая в черном цвете с белой сантехникой. Цветочное решение точь-в-точь как в ресторане! И спорить невозможно — красиво так, что хочется остаться жить, в ванной даже больше, ведь тут еще можно и пописать. Проскурина задорно улыбается этой шутке и рассматривает себя в огромное зеркало на пол стены. Включила подсветку со всех сторон и сокрушается. Жаль, нет фотоаппарата! Сделала бы штук сто снимков этой красоты. И себя. На фоне красоты, конечно. И губки уточкой. Губки уточной непременно! А то ведь иначе никто не поймет, как ты красива! Проскурина прыснула.

В остальном ничего нового и необычного в номере гостиницы не нашлось. Красивый шкаф в стене открывался по команде, но вещи в него складывать пришлось самой. Заботливого прототипа к номеру никто предусмотрительно не приложил. А жаль!.. Места в комнате не очень много, если сравнивать с ее апартаментами во дворце, но все красивое и пахнет новизной. Возможно, в этом номере еще никто ни разу не останавливался, если учитывать небольшое количество туристов. Гостиница стоит практически пустой.

После непродолжительного отдыха Проскурина спустилась в холл и нашла администратора. Долго смотрела на бейдж, пытаясь воспроизвести сложное имя.

— Валинар, если вам будет угодно, — предлагает он доступное сокращение, откинув самую непонятную часть имени.

— Очень приятно, Валинар, меня зовут...

— Калина Владимировна, — опережает вампир. — Я уже ознакомился с вашей анкетой, госпожа Проскурина.

Женщина протягивает свою руку для приветствия и широко улыбается. Просто обескураживает своим обаянием. Бессмертный растерянно смотрит на женскую ладонь какое-то время и смущенно тянет свою. Кажется, никто из посетителей еще не удостоил его подобной «честью» — рукопожатие человека.

— У вас очень приятная улыбка, — тут же добавляет женщина, сжимая чужую руку. Бессмертный краснеет от удовольствия и непроизвольно улыбается еще шире.

Проскурина бессовестно врет. Улыбка, если она искренна, красит любого человека. Но улыбки бессмертных, это отдельный вид улыбок. Их зубы не просто больше людских, они значительно крупней, а в области клыков в разы длинней и серьезно выступают вбок. Они настолько же обворожительны, как зубы гризли. Поэтому когда бессмертный улыбается... Никаких приятных ассоциаций у человека быть не может. Наверное, поэтому большинство вампиров интуитивно избегают делать это в присутствии людей. Или же просто растягивают губы, не обнаруживая того, что скрыто за ними.

Валинар же улыбнулся от души. И Калина улыбнулась повторно, изо всех сил скрывая эффект от зрелища — у нее от страха свело живот.

— Скажите, Валинар, а могу ли я прогуляться городом?

— Безусловно, завтра вас поведут на экскурсию.

— А сейчас это возможно?

— Самой вам этого делать не стоит. Дело не в том, что вам что-то угрожает. Но вы можете заблудиться, и потом существует протокол, соблюдать который я просто обязан.

— Я понимаю. А нельзя ли выделить мне сопровождающего? Видите ли, я уже была в этом городе в числе первых и мне не терпится увидеть его вновь, — не жалея искренности поясняла она.

— Странно, что я не помню вас, — удивился бессмертный.

— В мой первый визит сюда, вас тут еще не было. Гостиницу тогда строили. Я была членом делегации мира.

— О-о-о, — с прочтением выдал мужчина. — Так вы, та самая... наша самая первая гостья. Прощу прощение. Рад этой чести.

— Ну что вы! Какая там четь, — отмахнулась Калина. — Так это возможно?

— Да, безусловно. Я выделю вам сопровождающего. Пожалуй, вы даже выберете его сами. Любой с кем вам будет комфортно!

Валинар легко склонился в знак почтения и жестом руки предложил женщине

следовать за ним. Неподалеку в помещении для персонала сидели солдаты, задействованные в охране туристов, и о чем-то негромко говорили между собой. При появлении администратора с гостьей, все вскочили по стойке смирно и с интересом взглянули на женщину.

— Добрый день, — Проскурина улыбнулась и пробежалась глазами по широкому ряду. Как на подбор!

— Какие вы все... большие, — смущенно сказала, осторожно коснувшись мундира рядом стоящего солдата. — У нас мужчины совсем не такие... крепкие.

Комплимент произвел желаемый эффект, по рядам солдат пролетел ветер и раздал лицам улыбки. Шире всех улыбался хозяин мундира, которого удостоили чести.

— Как вас зовут, солдат? — шепнула Калина, изображая легкую робость от его близости. Еще бы, она комар рядом с ним. Точнее — комарик.

— Раминарикон, мадам, — почтительно кивнул вампир.

— Мадмуазель, Ра-ми-нари как?.. Не возражаете, если я немного сокращу ваше имя? — тут же неловко улыбнувшись, попросила Калина.

— Зовите меня, Раминари... Просто, Рами, — кивнул он в знак согласия.

— А я просто Калина. Не будет ли вам большим трудом, прогуляться со мной по городу? Одну меня не отпускают.

Солдат вновь почтительно кивнул. Но когда Проскурина пошла к двери, бессмертный на миг повернулся к товарищам, как видно состроить им лицо со значением «Вы это видели?». И тут же поспешил следом за гостьей, успеть придержать для нее дверь. Галантные ухаживания начались с первых шагов, и это было именно то, что нужно. Вампир очень желал понравиться, и дело было не в гостеприимстве. Глаза горели, улыбка не покидала лица.

— Что бы вы хотели увидеть, мадмуазель? — спросил солдат, когда оказались под голубым небом, за пределами гостиницы.

— Калина, Рами. Может, покатаемся на шароплане? Это возможно?

— В нашем городе для столь прекрасной дамы возможно все! — широко улыбнулся мужчина.

Подготовка к полету заняла время, большее из которого было затрачено на дорогу к гаражу. Когда корабль поднялся в небо, Калина замирая от предвкушения, спросила:

— Он летит на автопилоте?

— Да, но тут есть и ручное управление. — Солдат потянул рычаг из боковой панели между пассажирскими сидениями и провернул его. Появился пульт с кнопками.

— А это сложно? — спросила она, не жалея очарования во взгляде.

— Для столь хрупкой дамы, да. Необходима твердая рука.

— А моя не достаточно твердая, — огорченно протянула Калина и положила свою ручку поверх руки бессметного, вроде как, пробуя, сможет ли она удержать рычаг. Рами замер смущенный прикосновением. За секунды он покраснел от напряжения до самых кончиков ушей, ведь Проскурина еще и бессовестно играла глазами, добиваясь своего. И, кажется, уже вполне могла вить из этого бессмертного веревки.

— Почему же? — наконец выдавил солдат. — Вы вполне можете управлять кораблем вот так, при помощи меня.

— Чудесная идея. Потому что сама я не удержу такой большой рычаг, — заглядывая в глаза мужчины, шепнула она.

Рами не ответил, ответила его рука, напряжением тела после этих слов. Калина поняла,

что пилот точно подумал о том, что нужно и как результат уже был готов на любые эксперименты. Ты только попроси. И Проскурина попросила. Почему-то шепотом предложив:

— Давай полетаем?

— Хоть на край света, если вместе с вами! — Широкая улыбка и шароплан добавил скорости.

— Вам нравится? — взглянув на женщину, спросил солдат с нескрываемой надеждой.

— Безумно. А мы можем полететь выше?

— Хоть к звездам!

И они полетели вверх... Калина руководила процессом, флиртуя с пилотом. Озвучивала, где именно ей хочется пролетать, четко представляя свою конечную цель. Рами беспрекословно выполнял. И когда шароплан вылетел на улицу ведущую ко дворцу, женщина осторожно уточнила:

— А мы можем подлететь ближе? Очень близко.

— Ко дворцу? Теоретически?.. — колеблясь, протянул солдат. — Да. Но этого никто никогда не делает. Вы же понимаете...

— Какая жалость, — огорченно протянула Калина и убрала свою руку с мужской.

Рами напрягся, не желая терять расположения гостьи, задумался над тем, как вернуть ее руку в доступ своей.

— Я думаю, мы могли бы немного подняться вверх и подлететь ближе. Положите руку на пульт, я буду вас страховать, — Он казался себе изобретательным и хитрым, когда сказал это. Калина тут же с немалым энтузиазмом воплотила предложенное, и Рами накрыл ее руку своей большой ладонью и крепко сжал. Шароплан взвился вверх и взял курс на дворец.

— А что это за окна? Там, внизу? — спросила женщина, когда они облетели дворец по кругу.

— Не знаю. Заглядывать не приходилось.

— А если мы сделаем это сейчас? Очень быстро, что бы никто нас не увидел. Всего секундочку.

— Если только секундочку, — явно рассуждая о возможных последствиях, не без волнения кивнул солдат.

Рами тут же направил шароплан к нужным окнам. Спикировал вниз.

— А пролетая можно притормозить?

— Можно даже зависнуть на время.

— А мы зависнем? — спросила с надеждой Калина. — Всего на миг?

— Меня могут серьезно наказать.

— Всего пол секунды. Всего четверть ее, — умоляла женщина и держала мужскую руку своей второй поверху.

— Четверть секунды, — кивнул солдат, хотя его скулы от напряжения были уже красные.

Шароплан завис возле окон. С такого расстояния было мало что видно. Разве что огромный посменный стол из стекла и книги на полках.

Кабинет Вишнара, тот самый, где журналистка когда-то говорила с государем. Но в этот час в нем, к сожалению, было пусто.

Как только Проскурина подумала об этом, выступив откуда-то сбоку, в проеме окна появился правитель бессмертных. По-видимому, желая знать, кто дерзнул нарушить его

покой. Когда же он рассмотрел пассажира в шароплане, его хмурые брови дрогнули вверх, мгновенно прогоняя строгость более сильной эмоцией предельного изумления. Проскурина задорно улыбнулась и подмигнула государю, а затем резко повела корабль в сторону.

— Не так быстро! — закричал солдат, выхватывая управление.

— Это был государь. Меня ждет серьезное наказание, — тут же огорченно воскликнула он. — И зачем я вас только послушал?! Если бы я знал, что это окна его кабинета...

— Вас не накажут, Рами. Он не был зол, — уверенно сказала женщина вполне довольная своей шалостью. Особенно очевидным удивлением в глазах Вишнара. Значит, ему еще не доложили, кто прибыл в город. Но теперь он знает это наверняка.

На входе в гостиницу Проскурину уже ждали. За порогом встречал взволнованный администратор, за спиной которого стояла группа бессмертных в черном, с золотыми полосами на мундирах. Таких знаков отличия, как и мундиров, Проскурина еще не видела.

— Черный день в моей злой судьбе, — убито шепнул солдат. — Конторские уже здесь...

— Седого господина за спиной Валинара видите? Это личный помощник того кого мы все считаем своим отцом и почитаем гарантом. Нашего уважаемого правителя. Поверьте, если «черные мундиры» здесь, значит, дело может касаться только одного — личного приказа государя!

— Первый раз их вижу.

— И последний. Вас выпроводят из столицы, не сомневайтесь. А меня разжалуют из армии.

— Наконец-то вы вернулись! — преувеличенно бодро воскликнул взволнованный администратор.

Рами опустил глаза, загодя ожидая разноса, но Валинар лишь наградил его кратким неодобрительным взглядом и вновь обратился лицом к гостье.

— Вам, по-видимому, уже доложили, про страшную дерзость? — улыбнулась женщина. — Так вот это всецело моя вина.

— И не пытайтесь его оправдать, — предупредил Валинар.

— Я лично обращаюсь к вашему руководству с просьбой не наказывать моего экскурсовода.

— В этом нет нужды, — оглянувшись на господина в черном, уверил администратор. — Нас накажут, что бы вы ни сказали в защиту, но меня просили передать — вы очень развеселили нашего уважаемого государя. Он даже предложил внести путешествие к его окнам обязательным пунктом экскурсии. Если не шутил... — скептически закончил бессмертный.

— Шутил. Будьте уверены, — поморщилась Калина.

— Государь передает свое приветствие гостье и просит более не шутить так, подбивая его подданных на откровенные глупости. Но на первый раз он вас прощает. Как впрочем, и вашего... второго пилота, — постно добавил Валинар, взглянув на провинившегося солдата живописным взглядом.

— Меня даже не арестуют? — изумилась Калина. — Какая досада! Я ждала допрос с пристрастием?! Цель которого, выяснить причину моего вопиющего поступка.

— Мы не допрашиваем гостей, и не арестовываем, — сахарно протянул Валинар, и навел этим на мысль, что именно поэтому ее и не наказали. Особое распоряжение. Думают, эта шалость была провокацией со стороны Проскуриной, чтобы проверить реакцию бессмертных. Как они поведут себя с провинившейся гостьей?

— Чтобы они не совершили? — уточнила Калина, прищуриваясь.

— Чтобы они не совершили нечего серьезного, мы и поставлены присматривать и оберегать.

— Понимаю и прошу меня простить. Более ничего подобного не произойдет, обещаю, — покорно винулась она.

— Очень надеюсь на вас, госпожа Проскурина... А пока вы можете проследовать к себе в номер. Я провожу вас. Напоминаю, что все помещение комплекса в вашем распоряжении. Вы можете проводить время, где вам заблагорассудится и заниматься там чем угодно. Пределы же гостиницы прошу не покидать, — бесконечно вежливо просил вампир.

Более ничего интересного в тот день не произошло. «Конторские», как их назвал Рами, ушли, не обронив ни единого слова. И никаких последствий «шалости», приглашения на беседу или послания от Вишнара. Ничего... Значит, он не так и ждал ее визит. Или же — вообще не ждал. И слова Амира, про извинения и дары, были все-таки очередным обманом. Впрочем, она так и думала.

Выходит, перед ней стоит более сложная задача, чем думалось. Не так и просто будет вновь попасть во дворец и добиться утраченного расположения государя.

На следующий день с самого утра в холле гостиницы журналистку ожидал Танум. Проскурина спустилась на первый этаж прогуляться перед началом обязательной программы по осмотру достопримечательностей столицы. Пока прочие туристы еще сладко спали, после выпитого и съеденного накануне, злоупотребив весельем и наделав шуму. Оказалось, юный бессмертный уже около часа притаптыкает возле стойки администратора. Выглядывает и терпеливо ждет старую знакомую, страхась упустить возможность пообщаться.

— Рада, что вы не в наряде, — улыбнулась Калина.

— А уж как я рад! — искренне признался Танум. — Первый раз за неделю! Чудо какое-то! И все ваш приезд! Очень рад видеть вас. Страшно хотел проститься в прошлый раз, но мне не позволили даже приближаться ко дворцу.

— Мне сказали, вас разжаловали. Хорошо, что это не так.

— Меня и разжаловали, — закивал солдат. — Но заступничеством моего дядюшки восстановили в армии всего полтора месяца назад.

— Не представляю, чего ему это стоило, — улыбнулась гостя.

— И не представляйте! Но в некоторых вопросах он имеет влияние на преемника и тот пошел на уступки, в конце концов. Преемник мой непосредственный командир, так что все зависело только от него... Теперь вот даже чихнуть боюсь, чтобы не опозориться повторно перед обоими. Дядя так и сказал: «Если ты стервец и в этот раз меня опозоришь, я тебя сам в порошок сотру. Надоело за тебя краснеть перед сыном!»

— В каком смысле, Танум? — изумилась Калина. — Вы что же, племянник государя?

— А вы разве не знали? — юноша смотрел на женщину во все глаза и хлопал длинными ресницами. Просто неприлично, непростительно милый юноша! И такой высокий, что Калина вынуждена была запрокидывать голову, чтобы видеть его лицо.

— Вот те раз! И вас постоянно наказывает ваш собственный двоюродный брат?

— Да, — сокрушенно кивнул горе-солдат. — Он меня на дух не переносит. Даже видеть не может. И спокойно ему не стоитя, если я в той же комнате что и он. Все время норовит одернуть и морали прочитывать... А знаете почему?

— Интересно узнать, — протянула Калина.

— Он меня ревнует. Точнее, отца ко мне. Дядя меня страшно любит. Я сирота и с малых лет на его попечении. Добрый и послушный мальчик, как он говорит... Был, мальчиком, — тут же добавив басов голосу, деловито исправился Танум. — А с преемником они все время натянуто общаются. Как чужие. Точнее, Катамиртас ведет себя так, словно он государю и не сын. Все сам, все по-своему. Спорит, стоит на своем. И никогда с отцом просто так не посидит рядом или за столом.

— А ты сидишь?

— А я сижу. Я очень люблю дядю. Он добр ко мне и если строг, то справедлив. Мы шутим с ним и играем в шмякалку.

— Во что?

— В шмякалку. Игра такая. Ну, это когда скомкаешь платок, намочишь в воде, а потом кидаешь по стене, а он липнет, — пояснил Танум. — Или по солдатам охраны...

— И ваш государь играет в шмякалку? — недоверчиво переспросила женщина.

— Да, он и придумал эту забаву, — невинно повествовал юный солдат. — Бывало, так нарабotaется, что пошмякать просто необходимо! Чтобы кто-то не шмякнуть об эту самую стену лицом. И я очень люблю эту игру. Недавно выиграл у него.

— И как он к этому отнесся?

— Похвалил, что кидать стал более метко.

— А преемник не меткий?

— Вы что?! Преемник и в шмякалку?! — в ужасе округлил глаза юный вампир. — Когда он даже соски в детстве не сосал.

— А у вас детям дают соски? — расхохоталась Калина.

— Конечно. У меня была. А у вас, нет? — невинно уточнил парень, слегка растерявшись.

— Была-была. А у преемника значит, нет?

— Зачем ему соска, он сразу родился взрослым! И никогда ни во что не играл. Только в войну. Еще и всем моим куклам головы оторвал! — злобно прошипел Танум, сотрясая кулаком, как видно в адрес коварного преемника — ненавистника кукол.

— У вас были куклы, Танум? — расхохоталась Калина.

— Ну, так... Разве что парочку, — смущенно оправдался он. — Дядя дарил. Что бы у моих солдатиков были невесты.

— Ничего себе у вас игры для созревания! — оценила женщина, вытирая слезы веселья. — И как, они все поежились? Ваши солдатики.

— Нет, я же говорю, их невестам головы оторвали, — обижено бурчал и хмурился Танум. — А пары с безголовыми невестами смотрелись странно. Преемник сказал, что так играют только девочки. Я и сам так думаю. По-видимому, государь хотел племянницу. Он все время говорит: «Тебе бы еще бантики и была бы у нас принцесса всем на зависть». И смеется. А я ужасно всегда обижаюсь и после отказываюсь играть в шмякалку! Потому что это очень обидно, когда тебя взрослого мужчину называют девочкой. Ну, разве я похож на девочку? — возмутился он. — Я же даже уже бреюсь!.. иногда. Посмотрите у меня вот, сколько волос на лице! И на груди и на... Ну в общем, я точно не девочка, — сам себя одернул он, насупив брови.

Калина держалась изо всех сил, чтобы не зарыдать от вида этой непосредственности. Танум говорил и, кажется, совершенно забывала думать. «До», «после», и, конечно, «в процессе». Небесная душа, иначе не назовешь. Чистый, прозрачный как слеза «мальчик».

— Танум, у девочек «на»... тоже есть волосы, — все-таки не выдержав расхохоталась Калина.

— У прототипов нет. А у вас есть, — хитро сощурился юноша и ласково протянул: — Потому что вы настоящая.

— Зоркий сокол, — кашлянув, оценила женщина. — Что еще расскажешь?

Они премило беседовали обо всем и ни о чем еще часа полтора, затем Танум откланялся, потому что ему необходимо было возвращаться в казармы. Но вначале пообещал:

— Я не прощаюсь. Мы увидимся с вами завтра.

— Если тебя не накажут внеочередным нарядом?

— Все равно увидимся, завтра вас повезут во дворец.

Калину это заявление очень обнадежило, но, как оказалось, напрасно. Потому что как выяснилось после, Танум имел в виду далеко не приглашение государя...

Пожалуй, эта встреча с юным солдатом была самым интересным событием дня. Не смотря на то, что Калина ничего полезного пока не узнала, она не огорчилась, решив, что не стоит торопить события. Все впереди.

В тот день гости города бессмертных проспались лишь к десяти утра, непростительно опоздав к завтраку, на котором в назначенный час присутствовали двое — бывшая журналистка и дама преклонных лет — Лидия Петровна Зорина. Последняя считала, что уже достаточно пожила в этом мире и терять ей уже нечего. Вот и подалась в гости к вампирам. Очень хотелось увидеть все своими глазами.

Женщины позавтракали на пару, мило при этом побеседовав, затем разместились в холле на диванах. Дождаться остальных членов группы для обещанной прогулки городом, которая началась лишь в одиннадцать.

Среди девятнадцати человек туристов было всего пять женщин, тридцати двух летняя бывшая журналистка Проскурина, без малого шестидесяти летняя пенсионерка Зорина и три молоденькие искательницы приключений в возрасте от двадцати, до двадцати пяти лет. Одна была свободной художницей, вторая солисткой рок группы, третья не занималась ни чем. Но ей тоже нужно было что-то есть и где-то жить, поэтому и приехала к вампирам. По слухам, которые мгновенно облетели все пространство за железной стеной, бессмертные очень ценили любых гостей. Почему не пожить за чужой счет?..

Девушки привлекательные, но мало ухоженные и слегка резкие в общении. Солистка рок группы не выпускала изо рта самодельную сигарету даже в помещении и частила крепким словом. Но в сравнении с мужской частью группы, девушки казались «Василисами»: «премудрой», «пречистой», и «превоспитанной». Таким был контраст. Казалось, все самые пьющие разгильдяи собрались вместе, чтобы подняться с Проскуриной в один автобус.

С первых дней сложилось чувство, что люди приехали в зоопарк, потому как вели себя просто ужасно — громко хохотали, на все и всех без исключения указывали пальцами, бросали повсюду мусор и очень много пили. Трезвыми с момента приезда Калина не видела их ни разу. И с каждым днем мужчины выглядели все хуже.

Но в этот первый экскурсионный день туристы держались практически хорошо и поездка маршрутом все-таки состоялась. Людям показали город, затем здание музея с экспонатами, касающимися истории бессмертных, затем ботанический сад с редкими деревьями и растениями, и просто важные и памятные места столицы. Все это заняло целый

день. Люди дважды возвращались в гостиницу, поесть и немного отдохнуть и потом администрация долго не мог собрать всех для продолжения экскурсии. Вначале туристы пошли в бар, затем хорошо там выпив, зачем-то разделились. Одни выбрали бассейн, вторые предпочли теннисный корт. Но как выяснилось после, только для того, чтобы набрав там мячиков, присоединится к тем, кто был в бассейне. Чтобы дружно, сообща и со смехом бросить мячи в воду. Когда же закончились мячи, не мелочась, стали сталкивать в воду прототипов и наконец, друг друга. В результате чего, двоих туристов увезли в больницу для оказания помощи. Но уже к вечеру того же дня пострадавшие вновь вернулись в общий строй, совершенно румяные, здоровые и довольные собой, напиваться и дальше. В то время как администратор чуть не поседел на глазах, что полуобморочных гостей увезли из гостиницы в его смену.

Проскуруину одолевал дикий стыд. Краснела за всех и краснела много. Недоумеая терпению бессмертных. Нарушителей порядка вежливо просили такого более не делать — чтобы они не делали, но необходимой строгости к ним никто не применял. Калина запоминала все, а что не видела сама, подробно выпрашивала в форме шуточного диалога: «А он что?.. А ты что?». И на пару с вредителем смеялась, хотя ей было совсем не смешно. Горько и стыдно. Но не посмейся она, кто ей что-то расскажет? А это важно. Очень важно все знать. Как и понять, почему, в конечном счете, так терпеливы бессмертные?

На следующий день в бассейне произошло неприятное событие. Один из туристов взял с собой спиртное и поскольку был уже и так очень не трезв, разбил стакан и серьезно поранил руку. Проскурина была рядом и видела это. Ей пришлось оказать раненому первую помощь и в буквальном смысле — «дотащить» до администратора.

Валинар вострепнулся, ноздри его дрогнули. Мгновенно вскочил со своего места за стойкой и побежал на встречу. Уловил кровь и понял, что человек поранился. С этой секунды женщина внимательно присматривалась к нему. Все время пока сопровождали потерпевшего к доктору. И потом, уже в кабинете последнего, где седой бессмертный делал перевязку. Но не увидела ровным счетом ничего. Оба вампира бесстрастно смотрели на открытую рану и обильно поступающую оттуда кровь...

Или это была очень талантливая экранизация или вид человеческой крови вампиров и, правда, больше не прельщал. Это наблюдение мимо воли заставило задуматься. На подобный вывод в этой поездке бывшая журналистка никак не рассчитывала. Проскурина искала следы угрозы, опасность, хищного зверя. А увидела кропотливую сиделку и заботливого администратора, который из кожи вон лезет, что бы гостям было комфортно. Гостям — хамам и свиньям.

Но еще до того, днем состоялась поездка во дворец, которую Калина очень ждала и потому, кропотливо готовилась. В транспорте ехала стоя и все это только для того чтобы не измять треклятый подол! Прическа, макияж, узкое вечернее платье под белым пальто. Все это, из запасов того самого торговца номер которого дал Аршинов. Свои запасы из строгого, классического и пристойного, давно иссякли, во всем, что у нее было журналистку во дворце уже видели. Пришлось тратить бесценные средства на имидж. Ношенные наряды стоили дороже, чем она рассчитывала, но предложенные вещи были отличного качества, а главное, придали журналистке желаемый достойный вид. Купила это самое платье и пальто. Поскольку верхняя одежда производила не меньше впечатления, чем та, что скрывалась под ней. Зимняя куртка Проскуриной еще не внушала страх своим видом, а главное, отлично справлялась со своей основной задачей, то есть — грела даже в лютые морозы. Но ведь

бывшей журналистке необходимо было произвести впечатление, то есть — понравиться, а не вызвать своим видом жалость. Или что и того хуже — отвращение. Поэтому пришлось купить совершенно непрактичное, холодное, но безумно элегантное белое пальто...

На входе во дворец постовым стоит уже знакомый юный бессмертный, с очень длинными ресницами. И улыбался. Потому как иначе выражать свои эмоции постовым на входе не дозволяется. Даже шевелиться и поворачивать голову. И Танум стоит забавным улыбающимся истуканом и часто хлопает ресницами, словно пытается что-то сообщить старой знакомой при помощи азбуки Морзе. Вероятно, опять за что-то наказан, если поставлен тут. Не простая работа, весь день стоять столбом. Только штрафник из штрафников может быть так наказан! В общем, место как раз для племянника государя. Вот тут Проскурина и поняла, почему юноша был так уверен, что они непременно увидятся.

Длинными, бесконечными коридорами гостей очень долго водили по дворцу, показывая залы из редкого камня, которые к огорчению своему одна из смертных в группе уже имела сомнительную честь видеть. Затем усыпальница «предков династии» и, как их назвал генерал Васнецов — коллекция раритетных «ночных горшков». Прозвав так бесценные вазы из фарфора созданные несколько веков тому назад талантливыми руками какого-то мастера.

И более ничего... Во дворце пусто, словно вымерли все. А еще бессмертные!.. Только дежурные на постах. Но когда экскурсию не очень восторженных, слегка местами не трезвых гостей повели обратной дорогой, в одном из коридоров они издали увидели самого правителя бессмертных. Вишнар в сопровождении охраны вышел из одних дверей и вскоре исчез за другими, недолго шествуя коридором навстречу гостям. Даже не взглянул на туристов. А как показалось Проскуриной — умышленно щелкнул ее по носу. Смотри, женщина, я тут, просто не желаю тебя видеть!

Сказать, что это страшно огорчило бывшую журналистку, не сказать ничего! Слегка ударило и по самолюбию. Но это она предпочла скрыть, даже от самой себя. Разочарование она испытала, прежде всего, потому, что это означало, что ее миссия «практически агента внедрения» с треском провалена! Уже! И, увы, досрочно. А впереди еще так много дней. Хоть сразу бери и уезжай. Но это было бы в корне не верно. Ее задача смотреть и запоминать, а по приезду домой, анализировать на пару с Аршиновым. Но пока, выходило, что анализировать-то и нечего. Только бесконечные прогулки городом, достопримечательности и необъяснимое терпение бессмертных в адрес развязано и порой возмутительно ведущих себя гостей. Которым вскоре надоели достопримечательности и они стали уклоняться, и прятаться в своих номерах, представляясь приболевшими. Только есть, пить и спать за счет гостеприимных хозяев.

С маниакальным упорством по предписанной бессмертными программе городом ездили только две дамы — Зорина и Проскурина. Последняя, потому, что другого выбора у нее не было, задание нужно было выполнять.

Мужчины большую часть времени пили в баре, пили в парной или же в бильярдной. Они могли пить и еще где-нибудь, ведь очевидно, что главное для них не место, а сам процесс. Но выше обозначенные места были для этого процесса все-таки удобней.

Девушки вначале разделили общество «кавалеров ордена пустой бутылки», но вскоре припухнув и подустав от пьянства, незаметно отделились. Стали бродить по магазинам и сувенирным лавкам, что разместились на первом этаже огромной гостиницы. Бессмертные вскоре поняли, что собственная щедрость их погубит, потому что туристы от жадности набирали бесплатное «все» и брали этого всего очень много. Экстренно велись некоторые

количественные ограничения. Но и тут не очень помогло. И тогда гостям прозрачно намекнули: «Если какой-то господин из местных пожелает вам что-то подарить, приобретя за нашу валюту, мы не будем иметь ничего против».

— И зачем это им, интересно? Покупать нам что-то? — деловито спросила солистка рок группы. — Если мы даже не знакомы.

— А вы познакомитесь. Возле здания гостиницы есть небольшое кафе, там, в дневное время отдыхают военные в отгуле. Вы могли бы там пообщаться, — сказал сотрудник очередного магазина. — Вас, если желаете, проведут.

И девушки пожелали. Проскурина, которая была свидетелем разговора, пожелала вместе со всеми. Подарки ее совершенно не интересовали, зато было очень интересно, что последует.

Однако по приходу в то самое кафе в сопровождении охраны, гости из мира людей обнаружили приличное количество довольно симпатичных военных. Они сидели в необычном помещении, построенном из одного только стекла, за такими же прозрачными столиками, на не менее прозрачных стульчиках. Внутри тепло и уютно, через прозрачные стены просматривается улица, а через крышу, небо. В глаза бросается, что никто из офицеров ничего не пьет. Столы совершенно пусты, и военные просто беседуют. Но пока на это никто из дам внимания не обращает. Потому что когда женщин завели внутрь, все как один мужчины вскочили по стойке смирно, отдали честь. Но покончив с официальной частью приветствия, и не подумали опуститься на место, так и стояли, сверкая счастьем в глазах многим больше, чем клыками в улыбках. И все это при виде?.. Солистки рок-группы в рваных джинсах с дредами на голове? То есть — предела «женственности»? Или бабушки в забавной шляпе с выцветшим цветком? «Что происходит?», — мелькнуло у Проскуриной.

Пять женщин. Пять! Среди которых одна — почти старушка (хотя и моложавая, это нельзя не признать!). Но бессмертные почему-то разбегаются глазами и явно не знают, кому из присутствующих «дам» шире улыбаться.

Вскоре, в стеклянном кафе, где отчего-то никто ничего не пьет и не ест, но все с интересом в глазах смотрят, состоялось знакомство и вероятно самая галантная из всех беседа с... последующими ухаживаниями. В результате, которых на вечер было назначено... пять свиданий! Вот именно, пять! Проскурина тоже вынуждена была согласиться, чтобы не казаться белой вороной. К тому же ей было более чем интересно узнать, что происходит?! Она могла понять, что пригласили солистку рок группы, она странная, но молодая, и симпатичная. Почему пригласили Зорину, вот что интересно?.. Нет, даже не так! Почему ее пригласил внешне очень молодой офицер?.. Быть может ему уже три или даже все шесть сотен лет (что вряд ли), но выглядит он юным мальчиком. Более того, из приватной беседы следующим утром, Проскурина узнает, что кавалер проводил Зорину до номера. И как это назвала Лидия Петровна, «поймал птицу удачи»! Проскурина не решилась спросить прямо, что имелось в виду, но догадалась, что подробности более чем пикантны. Впрочем, судя по лицам девушек, не исключено, что ночью «поймал удачу» не один офицер.

В первую же минуту в стеклянном кафе девушки растерялись и только молчали, но вскоре расслабились. Им принесли мороженное и легкие алкогольные коктейли и где-то после третьей порции «второго», беседа стала стремительно налаживаться. Оказалось, если хорошо выпить, а потом еще и закусить сладким (от которого эффект опьянения наступает быстрее), бессмертные уже не такие и страшные! Ну, подумаешь, клыки! Не очень-то и длинные и практически не острые. Заглянуть в пасть акулы было бы намного страшней. А

если выпить четвертый коктейль, так зрение настолько размывает, что никаких зубов и вовсе не видно! Вокруг одни желтоглазые милахи в красных мундирчиках!

Проскурина внутренне иронизировала, наблюдая за происходящим. И понимала, мороженное к коктейлям подали далеко не случайно! Так стремительно после него состоялась сближение видов, что это и возмущало и поражало одновременно.

В течение каждодневных экскурсий были тут же внесены существенные коррективы. Поскольку мужчины желали пить в стенах гостиницы, а девушки внезапно ощутили себя женщинами, за которыми красиво ухаживают, ни та, ни иная стороны на экскурсиях более не настаивала. Теперь дамы каждый день ходили в стеклянное кафе, где мило общались с молодыми вампирами с утра до позднего вечера. Каждый день разными, потому что стеклянное кафе могли посетить лишь военные в отгуле. А они наступали не часто.

Все это наложило на женскую часть туристок серьезный отпечаток. Они преобразились и стали принаряжаться к этим встречам. Вели себя более скромно, а солистка рок группы совершила невероятное — перестала курить и ругаться. Все кроме Проскуриной замечательно проводили время, даже Зорина помолодела. По крайней мере, душой. И только горе-журналистка совсем приуныла. Потому что ничего важного в этой поездке она так и не узнала.

Вечерние пешие прогулки в парк в сопровождении очередного поклонника и охраны. Катания на необычной механической карете. Очень зрелищное, масса впечатлений в результате, но для дела — совершенно напрасное. Вот и весь список достижений за целую неделю.

Жалкие попытки что-то выведать у ничего неподозревающих офицеров, ни к чему не привели. Именно жалкие, потому что ни про свою жизнь в казарме, ни про политику страны, а тем более государя или преемника, никто из них говорить не пожелал. «Запрещено», — поняла Проскурина.

Калина сделала все что смогла, но вынуждена была признать, что потерпела полное фиаско! Потому что приехала она не за флиртом и точно не строить глазки каждый день новому вампиру. Ей нужны были факты! Ей нужен был компромат! Страшные разоблачающие вампиров подробности! Но ничего этого не было. Единственное что ее немного порадовало, произошло за два дня до отъезда.

Милая художница Валентина, которая переменилась за эти дни до неузнаваемости, похорошев и просветлев глазами, попросила своего поклонника устроить им экскурсию в казармы. Потому что ей хотелось увидеть, как солдаты маршируют в своих красных мундирах.

Молодой военный воспринял просьбу с крайней растерянностью. Но что удивило, на следующий день вернулся, сверкая счастливой улыбкой.

— Я без особой надежды спросил у своего командира. Представляете?.. Он согласился! Даже добился разрешения у руководства армии. И конечно, согласовал ваш приезд на смотр с администрацией гостиницы.

Предела женским восторгам не было. Наконец они увидят величественное зрелище — бесконечный марширующий строй красных мундиров. Даже Проскурина приободрилась. Ведь ей, хоть и мельком, предстоит увидеть пресловутые казармы. А это уже кое-какой материал для Аршинова.

Пробудиться пришлось рано, но это никого не испугало. Утром следующего дня пятерку туристок доставили к месту. Самая окраина города — обиталище военных. Калина сразу

заметила, чем больше отдалялись от центра, тем здания становились ниже.

Казармы оказались и вовсе простые, однотипные и невысокие. Бесконечные длинные прямоугольники корпусов рядами, один за другим. Зато невообразимо длинные и простирались вдаль, сколько хватало зрения. Но и тут, на окраине города безупречный порядок, и какой-то строгий уют. Во всем и прежде всего том, как распланировано пространство, как расположены корпуса по отношению друг к другу.

Между зданиями ровными рядами насажены деревья и аккуратные кустарники. Цветы в вазонах однотипные и не броские, но они есть и все еще обильно цветут. Травка зеленая, аккуратно стриженная. Тротуары безупречно ровные и чистые, хоть целуй их, хоть лижи. Никаких болезней ты тут не подхватишь.

Внутри первого же здания ощущается казарменная строгость, но это скорее общая атмосфера и она витает в воздухе, в обстановке ничего подобного нет. Мебель качественная, не просто не изношенная, а хорошая и смотрится дорогой. Все стены аккуратно окрашены только в светлые цвета, полы сверкают как зеркала. И нельзя не признать, казарма выглядит богато.

Повсюду постовые, но еще чаще — электронные замки. Из «блока» в «блок» просто так не пройти. Нужно иметь «ключ» — электронный код доступа, который в течение суток несколько раз меняется. Если ты не на дежурстве, если не уполномочен — никогда его не узнаешь. Поэтому свободного передвижения по корпусам в армии бессмертных не имеет никто.

— А государь? — спрашивает Проскурина у сопровождающего, которого выделили женщинам для этой поездки. Приятный лицом, даже красивый, но довольно сдержанный бессмертный, возраст которого зрительно можно было определить как лет шестьдесят или около — имелось в его кудрявых волосах немало седины. Единственное что о нем стало известно, зовут мужчину по меркам людей красиво — Фавиан.

— Если государь пожелает, ему сообщат код. В любом другом случае, доступ нужно запросить, обозначив причину и только тогда получить информационный ключ. Это набор цифр и букв. Обычно их сбрасывают на однодневный носитель, устройства с которыми имеются в каждом корпусе казарм при входе и на этажах. Это небольшие пластиковые карточки, которые поступают из отверстия. Для этого достаточно вставить палец в разъем, для считывания отпечатка. Затем пройти проверку сетчатки глаза. После, голосовой датчик. В базу внесены все уровни доступа для каждого солдата или офицера, а так же расписание дежурств с указанием места несения службы. Исходя из этой информации и выдаются пропуска. Ошибки не бывает. По истечении срока годности код автоматически обнуляется. Как вы понимаете, эта система лучший способ контроля безопасности.

— А кто владеет всеми ключами?

— Я не уполномочен говорить, как в целом работает наша система безопасности.

— Понимаю. Но имею в виду, что неуязвимых систем нет. А как я поняла, кто имеет ключ, тот у вас и государь? Так? — пошутила Калина.

— Вы преувеличиваете, — кашлянув, растерялся бессмертный.

— Сколько же тут живет военных! — ахнула Валентина.

— Не мало, — благосклонно ответил Фавиан.

Женщины миновали не один пост, прежде чем достигли цели путешествия. Наконец из казармы их вывели на улицу и, проводив через небольшой дворик, довели до огромного прозрачного лифта. Он доставил туристок на крышу двухэтажного здания, где и

располагалась удобная смотровая платформа.

— Отсюда за построением обычно наблюдает сам государь или преемник. Мы видим сейчас построение первого полка. «Летучие фурии», такое имя он носит. Это наши лучшие орлы да соколы.

— Летчики?

— Пилоты-истребители, мадмуазель. Элита.

Гости загудели с интересом глядя вниз на огромную площадь, где ровными рядами стояли бесконечные шеренги красных мундиров.

Площадка была ограждена стеклом лишь на половину, как оказалось для того, чтобы государь при желании мог говорить со своими детьми — солдатами.

— Какие они красивые, — восхитилась художница.

Зрелище и правда, впечатляло. Калина с улыбкой неторопливо осматривала ряды солдат. Она пыталась прикинуть на глаз, сколько солдат насчитывает полк бессмертных? Выходило многим больше чем в армии людей. Тысячи три, быть может и все пять... Но самое интересное, осматривая войска, вдоль шеренг неторопливо прохаживался знакомый Проскуриной бессмертный. Оценивал придирчивым взглядом общий вид своих солдат.

— Кто это? — спросила Калина.

— Вам хорошо это известно, — ответил Фавиан, выдав этим полную осведомленность персоной бывшей журналистки.

— Я близорука, увь... — Соврала Калина, отлично рассмотрев, что это преемник.

Смотр войск длился довольно долго, но гости наблюдали с интересом. Особенно когда красные мундиры пошли слаженным строевым шагом в одну, затем другую сторону. А после все разом отдали честь, громко отрывисто прокричав слова приветствия. Как когда-то кричали солдаты Аримаса в честь делегата Проскуриной. Но в этот раз из-за большого количества военных процесс смотрелся многим эффектней. Женщины заулыбались.

— Это приветствие гостям, — пояснил бессмертный.

— Так все они в курсе, что мы тут? — спросила Проскурина.

— Безусловно.

— И преемник?

— Если бы он не знал, вы бы тут не находились, госпожа Проскурина.

— Передайте ему мою благодарность.

— Обязательно. Если желаете, можем задержаться и посмотреть, как солдаты тренируются.

— Мы желаем, — ответили все практически хором.

Времени потребовалось не так и много. Вскоре после того как одни солдаты слаженным шагом покинули территорию, на нее вышли другие, довольно легко и не по погоде одетые — в черную тренировочную форму и высокие сапоги на шнуровке. Солдаты бежали один за другим в противоположную часть огромной площади, куда выкатывали снаряды для силовых упражнений. Бег был слаженный, и казалось, не доставляет бессмертным особого труда — так легко они двигались, передвигаясь змейкой.

— Разогреваются, — пояснил бессмертный.

Когда снаряды были расставлены, началась тренировка. Первым по полосе препятствий прошелся знакомый капитан. Он бежал, в нужном месте падал, совершая кувырок, затем вскакивал и снова бежал. Подпрыгивал у стенки, перебирался через нее, совершал еще один кувырок, вставал, полз, лез по подвесной лестнице... В общем, делал все что полагалось.

Очень неплохо делал.

— Это довольно сложно. То, что делает, казалось бы, с такой легкостью этот военный, — вновь прокомментировал бессмертный.

— Догадываюсь, — кивнула бывшая журналистка. Это было очевидно, учитывая скорость Амира.

Преодолев всю полосу препятствий, капитан остановился возле старшего поинтересовавшись своим результатом. Тот энергично кивнул — дал знак, что результат не просто засчитан, а превзошел ожидания. И они смотрели на следующего солдата уже вместе.

— Лучший в полку, — с гордостью озвучил бессмертный. — Я имею в виду этот полк, построение которого вы видели.

— Я в курсе, Фавиан. «Лучший солдат в полку», далеко не самый скромный солдат в полку. Хотя двигается бодренько, да? — с улыбкой спросила она.

— Лучший результат в полку, мадмуазель, это больше чем «бодренько», — по-видимому, задетый комментарием за живое, исправил ее бессмертный.

— А вы случайно не его отец? — Проскурина хитро скосила глаза на Фавиана. Курчавые волосы, высокие скулы...

— Не имею такой чести.

— Близкий родственник? — настаивала женщина, уже подшучивая. — Дальний?!

Все время тренировок солдаты летучего полка бессовестно нарушали дисциплину, и было очевидно, получили в тот день немало выговоров и нарядов за свое поведение. В начале они лишь поглядывали на женщин искоса, потом смотрели уже открыто, а под конец стали улыбаться. Все, кроме капитана. Он один ни разу не посмотрел наверх, даже краем глаза. Калина знала, потому что с интересом наблюдала за Амиром все время тренировки. И для этого у нее была прекрасная возможность, ведь он часто стоял у самого подножия смотровой площадки. С этой высоты и такого расстояния, она могла рассмотреть даже то, как от предельного напряжения по лбу капитана сбегает струйка пота. Как выдуваются вены на шее. Насколько погружено в себя и сосредоточено его замкнутое лицо. Всякий раз, когда капитан выполняет очередную серию упражнений на силу и ловкость. Вновь и вновь опережая других.

— Скажите вашему родственнику, что он впечатлил меня, — не отрываясь глазами от тренировочного поля, задумчиво сказала журналистка.

— Прошу прощения?..

— Капитан Амир произвел впечатление, — терпеливо пояснила она. — Передайте ему, что я никогда не видела мужчины сильнее и быстрее.

Гид благосклонно улыбнулся и журналистка продолжила:

— Глупее...

— Что, простите?.. — растерялся Фавиан. Оглянулся узнать, кто слышит этот диалог и в изумлении уставился на гостью.

— Я понимаю, чем продиктована эта демонстрация физической мощи. Капитан давно желал доказать мне свои преимущества. Признаю, у него получилось. Так и передайте. Калина Проскурина впечатлена достоинствами капитана Амира. Его мстительность и злопамятность просто меркнут в моих глазах на фоне спортивной подготовки. Он так лихо подтягивается и отжимается, что я просто забываю про все обиды! — с показным оптимизмом уверила гостью. — Наблюдая, как капитан обильно потеет, я вдруг поняла! Какой потрясающий мужчина. Почему же он не начал отжиматься раньше?! Я бы скорее

осознала, что теряю в его лице!

Проскурина промокнула сухие глаза платком и улыбнулась. Наблюдая за предметом разговора.

— Фавиан, передайте, пожалуйста, что гадкий изумрудный жук всегда со мной. Ношу у сердца и никогда его не продам. Как я могу? Ведь он напоминает капитану мои глаза... Я решила, пусть останется мне на память. Теперь одно гадкое существо станет напоминать мне про другое, — сладко улыбнувшись, невинным голосом подытожила журналистка.

Что подумал гид, понять было сложно, но вид он имел такой, словно миной ему разорвало голову, в результате полушария мозга разъединились и никогда уже не сойдутся воедино...

— Я не понимаю... — с трудом взяв себя в руки, хрипло ответил вампир.

— Просто передайте, Фавиан. Капитан поймет.

Мстительно?.. Пожалуй. Слегка неловко перед седым бессмертным?.. По правде говоря — да... Стоило ли оно того?.. Когда воображает себе лицо капитана выслушивающего гида... Определенно, да!

Амир так и ушел не оглянувшись. Калина проводила его собранную усталую фигуру улыбающимися зелеными глазами. Заметно было, что он обессилен. Кажется, демонстрация собственных преимуществ вымотала его без остатка...

Вот и все интересное за целую неделю поездки. Полный провал. Из дворца за Проскуриной так и не прислали. Она не видела даже Аримаса. Впрочем, он мог и не знать, что она тут. А может и знал, но ему было уже не интересно.

Только Танум приходил почти каждый день. Но его Калина ни разу не спросила о том, о чем хотела знать. И конечно, ни о ком из жителей дворца. Его визиты могут быть ловушкой. Нельзя исключать, что бедного наивного мальчика подослал его хитрый дядя. Проскурина спрашивала в общем про бессмертных, про быт, о нем самом. То, что могло пригодиться делу, но не выглядело бы подозрительным в глазах тех, кто мог его расспрашивать, о чем они обычно говорят. А вот Танум расспрашивал ее очень подробно. Как она живет, где работает, чем еще занимается? Все без исключения. Друзья, родители, враги, постигнувшие журналистку беды. Все, даже мельчайшие детали. Но любопытство его смотрелось очень искренне.

В конце он долго жал Калине руку и очень просил приезжать еще.

— Если у вас нет постоянной работы, что вас там держит? Приезжайте чаще. Я буду вас очень ждать!

Но Проскурина ничего не обещала. Вдруг это проверка?.. И даже если нет, ведь Танум ей не друг. Хотя к стыду своему, где-то внутри, Калина ощущала происходящее иначе. Общение с юным солдатом стало глотком свежего воздуха. Такого нужного, такого полезного. И оно согрело женщину. Общаясь с ним, подозревать бессмертных в чем-то дурном было бесконечно тяжело. Проскуруину порой мучал стыд.

— Не знаю, Танум. Какая-никакая, работа есть и ее нужно делать, что бы было за что жить. Я обещала Даниле, что пока буду работать у него. Он ведь надеется на меня. А работы в баре много. Так что не знаю, смогу или нет. Может быть уже весной. Если доживу...

Но юноша просил и просил, и просил. И выглядел бесконечно огорченным, когда гостя уезжала.

За железной стеной, уже в городе людей, автобус с туристами ждали тележурналисты. Как и всех кто до того приезжал из очередной поездки к бессмертным. Калину не могли не

узнать и попросили интервью:

— Госпожа Проскурина, как прошла встреча с любимым?

— Отлично. Он каждый день носил мне мои любимые цветы, — постно ответила она, не останавливаясь ни на миг.

— Она все врет, — беспардонно приобняв женщину, заявил Кирилл. — Он даже ни разу не пришел! Паршивый кровосос ее разлюбил!

— Как вы это прокомментируете?

— Любовь бессмертных не такая бессмертная как они сами? — холодно предположила Калина, избегая глазами камеры.

Вот и все. И более никаких комментариев, какие бы вопросы не доносились ей вослед.

Бывшая журналистка подробно изложила все произошедшее в поездке Аршинову, министр выглядел огорченным, хотя и старался это скрыть.

— Что скажите, шеф? — прикрывая стыд шутливостью тона, спросила Калина преувеличено бодро.

— Ничего. Хорошего, точно!.. Вы не перестаете меня удивлять. Я говорю вам действовать осторожно, когда дело касается Вишнара. А вы согласно киваете головой и тут же летите к мужчине в окно прямо в день приезда? Это ваши обычные методы? — Строго спросил он, пронзив Калину неласковым взглядом. — Лихо же я ошибся в выборе агента внедрения. Вам бы продажами заниматься. Человек открыл форточку проветрить квартиру, а вы ему туда брошюрку косметики или отбеливателя для носков.

— Носки не отбеливают, — буркнула она и увела глаза.

— Вы бы смогли продать и такую белиберду! С вашими методами. А вот задание вы с треском провалили!.. Я так вас ждал! Думал, сейчас вы мне цепочку разных занимательных событий изложите. А вы мне про катание на карете!.. — Аршинов мучительно растер свой морщинистый лоб. — Это плохо... Я возлагал многим большие надежды на ваш визит. Вас даже не пригласили во дворец.

— А я не удивлена. Напротив, я так и думала, что его интерес, выказанный при первом знакомстве, лишь любопытство самца к чему-то новому. И потом, тогда особого выбора не было. Всего одна дама...

— Как огорчительно. Я думал иначе...

— Но с другой стороны он не наказал меня за выходку с шаропланом.

— Это говорит лишь о том, что он разгадал ваш план. Это было очень неразумно с вашей стороны, так себя обозначить. Вы должны были ждать приглашения. Скромно, не афишируя себя. Информация дошла бы до него. И уже вскоре. Думаете, он не просматривает списки приезжих?.. А вы сразу в окно! Вот он и насторожился. Теперь вам придется залечь на дно. Не появляться там много месяцев. А это сильно ограничит меня в средствах воздействия. И украдет у нас много времени, которое можно было потратить на действие.

— Простите...

— Все что ни делается, к лучшему, — устало вздохнул министр. — Возможно, пригласи он вас, наломали бы еще больших дров. Вам нужно научиться действовать продуманно. Этим и займетесь или же от этой части миссии придется отказаться. Я тем временем направлю туда кого-то другого. Мне жаль, что я отнял у вас время.

— Вам жаль, что вы меня переоценили? Вы это хотели сказать на самом деле?

— Даже я не могу прыгнуть выше своей головы.

— Безусловно... — Не без огорчения ответила она, задетая за живое — свое

самолюбие. — Тогда я буду писать статьи. Раз из меня такой никудышный агент.

— Пишите, Калина. А там посмотрим. Время все расставит по своим местам. Возможно, вам придется еще раз поехать к бессмертным. Но уже не простым туристом. Иного выхода у меня нет. Единственный на кого я еще возлагаю надежды, этот юноша, Танум, — размышлял вслух министр.

— Только не говорите, что хотите, чтобы я его соблазнила, — хохотнула Калина.

— Ни в коем случае! Только дружба. Вы что же не понимаете, что это может быть уху Вишнара? Говорю «уху», потому что на два, тем более полноценный организм, который включает в себя голову с наличием в ней мозгов, его не хватит. Слишком прост, и это, кажется не притворство. И его интерес к вам не так невинен. Его подсылает к вам правитель. Он узнает, чем вы дышите. А даже если нет, значит это ваша последняя ниточка ведущая во дворец.

— Далеко она меня, эта ниточка, не приведет. Разве что постоять с ним на посту у входа. Дальше его и самого не пускают. Разве что иногда пошмякать с дядей платками о стену, — хохотнула женщина.

— «Пошмякать» говорите?.. — все еще растирая подбородок, размышлял Аршинов. — И к какому выводу вас это привело? Зачем вам это рассказали?

— Что государь и правда проказник, не зря его мама так прозвала, — смеялась женщина.

— Калина Владимировна, в следующий раз составьте свое девство за дверью, перед тем как войдете ко мне! Я вас серьезно спрашиваю!

— Если это Вишнар надоумил Танума рассказать про общие забавы, то он преследует только одну цель.

— Какую?

— Ту же, что и в тот день, когда он подослал ко мне своего непосредственного племянника. Показать мне... Человечность. Другого слова не нахожу. Милаха Танум не может пробудить ненависти, даже когда видишь его зубы. Он вызывает лишь смех и умиление. А это очень смягчает. К ним ко всем. Словно мы мало знаем вампиров, а они могут быть и вот такие. Ну ладно Танум, он по сути дитя переросток. Но Вишнар! Сам правитель бессмертных в тайне от всех шмякает платками о стену. Это ли не невиннейшая и не самая милая забава из всех возможных? Для кого?! Государя вампиров. Гадов, которых мы боимся и презрим. И тут это шмяканье...

— И сразу мысль, а такие ли они гады, а может они по своему люди, почти как мы? — улыбнулся Аршинов. — Значит еще шурупаєте, Калина. Это отранно. Да этот юноша был вам «подсунут» — иначе и не назовешь, не просто так. Смягчить вас хотели. Оттого меня это и тешит. Имею все-таки надежду, что это не самоличная инициатива Танума, все это вам рассказать. Тогда это шанс, что Вишнар вами все еще заинтересован. И вот что я думаю. Мы постараемся пробудить в нем сомнения вашим долгим отсутствием. Словно вы решили сделать первый встречный шаг, желая увидеть его, когда приехали во второй раз. Словно вы серьезно размышляли о тех извинениях, что вам от его имени привез Амир. Ведь он передавал вам свои извинения и дары.

— А он их передавал? — изумилась Калина.

— Да. И вот вы, обдумав его слова, приехали, а он не пожелал вас видеть. Вы как дама гордая оскорбились, как только могли, и ваш комментарий на камеру о «небессмертности» бессмертной любви, нам в этом очень поможет. Вишнар регулярно запрашивает у нас

подобные интервью от приезжих из города бессмертных. Ваше я уже потрудился передать. Выглядели вы очень гордо и оскорбленно. Это хорошо... Поэтому он легко поверит, если вы не повторите визит очень долго, что вы не приезжаете именно поэтому. Хотя Танум вас звал. А я думаю, это было приглашение Вишнара. Он желает создать еще не одну провокационную ситуацию для вас, что бы проверить на месте. Но вы не поедете. Пусть ожидает и приходит к нужному нам выводу... И нам останется ждать приглашения.

— А он пригласит?

— Не факт. Сомнения его будут одолевать. Причем сомнения не мужчины, а государя. Что это игра. И тогда нам придется изобрести нечто убедительное и прислать вас к нему снова. Но! Только выждав серьезный срок, чтобы не смотрелось очень подозрительно.

— А не очень подозрительно изобрести не удастся?

— Что бы мы ни сделали, даже совсем не подозрительное, будет смотреть для него как подозрительное. Так что не очень подозрительное, это самое то. Золотая середина. Она более всего правдоподобна. Потому как у жизни бывает все. И он это понимает. Он же заинтересовался простой смертной тридцати двух лет?!

— А вы по-прежнему верите, что он заинтересовался? — недоверчиво уточнила Калина.

— Теперь, после выходки с шаропланом, да, я в этом уверен. Ну, почти уверен! Доле сомнения место есть всегда.

— И когда вы планируете «засылать» меня туда второй раз?

— Месяцев через пять. Если ничего не выйдет с этой затеей и тогда, мне придется экстренно предпринимать другие шаги. Заменить вас кем-то.

— Только не говорите, что вы до сих пор не пытались? — усмехнулась бывшая журналистка.

— Пытался и не раз.

— Мама Ванечки? — улыбнулась Калина.

— Ну что вы?! Слишком примитивно. Вишнар никогда не обратил бы внимание на глупую женщину, хоть ее глупость всего лишь игра. В одном из автобусов в город уехала женщина положительно к ним настроенная изначально. Когда-то в детстве она пережила столкновение с бессмертными и не пострадала. Даже наоборот. Ее выходил один из них и отпустил к людям, не дав малышку в обиду. Мы очень подробно осветили это в прессе. А интервью, как я вам говорил, и всякого рода передачи на тему вампиров мы им передаем для информации. Так что я подготовил почву, и ею заинтересовались. Даже очень...

— И как вам удалось ее убедить содействовать?

— Просто. Она слишком хорошо помнит, как умерли ее мама и папа. И волшебное спасение не избавило ее от понимания сути вопроса. Но Вишнар, увы, не обратил на нее именно того внимания. Хотя заинтересовавшись ее историей, как я и рассчитывал, пригласил во дворец и не один час беседовал. Все прошло просто чудесно. Она была убеждена, что очень ему понравилась. Но...

— Повторного приглашения не последовало.

— Верно. И ей пришлось уехать. Между прочим, не понимаю почему, очень эффектная внешность, простите, даже эффектней вашей. Умна, начитанна, очень хорошо воспитана, покорна... Хотя думаю в этом и есть ее изъян. Чем сильнее мужчина, чем круче его нрав, тем большую цель ему подавай. Что бы он чувствовал эту свою силу и могущество в действии, даже покоря хрупкие сердца. Точнее, именно так! Простые женщины не для таких. Им подавай вызов. А вы с вашим необузданным крутым нравом, это такой объект для

охоты! И потом, есть в вас индивидуальность, это не подделаешь и никакой красотой не заменишь.

— Это комплимент? — рассмеялась Проскурина.

— Я часто вам говорил комплименты. Хотели бы — горы свернули! Но вы меня не слышите. Не умеете обернуть свои богатства для пользы дела, только против себя.

— Значит, пока я могу жить спокойно? И работать в министерстве?

— Нет, пока вы будете там, где есть. Я все повторно обдумал. Пусть для Вишнара никаких нитей ко мне от вас не ведет. Деньгами я буду вам помогать. Это будут платы за статьи.

— Я не стану их брать. Это мой долг. Не могу молчать. В баре пока есть клиент, и Даня мне стал платить. Как-то проживу.

— Нет и нет. Вы не как-то должны жить. А сыто. Чтобы когда потребуетесь, выглядеть конфеткой. Много не дам, уже хотя бы потому, чтобы не разошлись и не вызвали подозрение сытостью жизни. К тому же — много и нет. Но платить буду исправно. Это работа. Инициатива в свободное время. Вы и так рискуете.

Калина официально работала официанткой в баре по ночам, а днем неофициально писала статьи. Шли дни. В столицу бессмертных по-прежнему ехали туристы и их, увы, становилась только больше.

Все больше и больше, и больше...

Разоблачительные статьи регулярно появлялись в сети, но их напротив, читали все меньше и меньше, и меньше... Старания бывшей журналистки к желаемым результатам не приводили. Встречи с Аршиновым, как результат, случались все реже.

Уже заканчивалась зима, и Калина постепенно стала подозревать, что министр перестает возлагать на нее прежние надежды. Более того — забывает про нее. Хотя все еще платит, как и обещал. Но поскольку разговоров о деле почти не заводит и встречи назначает все реже, Калина стала предполагать, что Александр Александрович все-таки внедрил во дворец желаемого человека и вопрос у него пошел на лад. А значит, она ему более не нужна. Это не особенно ее огорчало, в каком-то смысле даже радовало. Хотя она понимала, что так никогда не вернет себе ни желаемого положения в родном городе ни уважения родителей, которые по-прежнему мало с ней общались. Точнее, мало общалась мать, отец не говорил с ней вовсе.

Но в один из холодных февральских дней Аршинов пригласил Калину на встречу. На этот раз в одном проходном кафе практически на окраине города.

— Ваши статьи не достаточно жесткие, — сходу довольно резко говорит он. Калина вопросительно вскинула брови, но возмутиться не успела. Министр выглядит плохо, исхудал, поседел еще больше. Что-то явно не дает ему спать по ночам.

— Я стану писать жестче. Только какой смысл, если стати исчезают быстрее, чем их успевают увидеть жители городов?

— Я не могу рисковать, и обязан активно бороться. Все равно на них реагируют не так, как я рассчитывал. Вы знаете, что за последние месяцы приток туристов к бессмертным существенно увеличился? Настолько, что они ввели паспортный контроль и визовый режим? А раньше пускали к себе любых забулдыг. Теперь нужно получать разрешение на въезд. И выдают его далеко не всем. Но хуже другое, налаживаются контакты. Если ранее туда приезжали лишь на экскурсии, то теперь едут в гости. Каждый день! Сотнями. Высылаются приглашения на конкретные имена и точные время и дату, приезжает транспорт к железной

стене и увозит ценный груз. И все это приличные женщины. Скоро там будут лучшие из лучших семей. Благопристойные, воспитанные девочки. Сидеть за столом у Вишнара пить его вино и улыбаться! — вскипел министр, хотя говорил до предела тихо.

— Женщины, министр? — изумилась Калина. — Только женщины?

— Вы меня удивляете, Калина! Я изначально дал вам всю информацию. И даже намекнул где ответ. Помните, вы так легко поняли, что Катерина мама Ванечки, на самом деле подсадная утка. Вы еще тогда могли задаться вопросом, зачем я подослал туда женщину — мать одиночку, которая желает найти любви вампира?

— Вы считаете что они...

— Думайте, Калина, — напряженно потребовал Аршинов.

— Хотят отношений с женщинами-людьми?

— Вот именно! И это было очевидно в ваш прошлый визит. Посиделки в кафе, где даже не подают кровь. Зачем они могут туда ходить? Рядом с гостиницей, Калина!.. Ждать туристов. Знакомиться, говорить. А зачем же еще это делать, если не заводить с ними отношения и не приглашать потом к себе с визитом? Во дворцах, не только том где живет государь, в княжеских, регулярно устраиваются обеды с участием женщин. Наших женщин, Калина!

— Но зачем?

— Вероятно, желают смещения видов. Стать к нам ближе, слиться, создать что-то новое.

— Если они не будут при этом угрозой, может быть это не плохо?

— Уничтожить наш вид как таковой? Вы думаете, о чем вы говорите? Вы не задумывались, что станет с мужчинами нашего вида, когда они получат желаемых женщин насовсем? Что бы и дальше ставить эксперименты в своих лабораториях? Не думали? Так подумайте! Это даже хуже чем можно было ожидать, Калина. Вы мне срочно нужны там!

— Но как? Приглашения же не последовало. Опять туристкой или от министерства?

— Ни то ни это не подойдет. У меня появился новый вариант. Именно то, что я хотел — очень убедительное прикрытие. Вы знаете телеканал «Эхо твоего города»?

— Да, это местный, довольно убогий телеканал, они вещают всего несколько часов в самое не эфирное время и рейтинг у них ужасно низкий.

— Еще бы он не был таким. Они активно высказываются против мира с вампирами. А наше дело, правительства которое получает деньги из-за стены, заставить их молчать. Но открыто давить, этот метод вампиров не устраивает. Тут же станет достоянием масс! Вампиры хотят подавить тихо. Перекупить или замылить глаза. Уже ведется речь о том, что бы пригласить съемочную группу этого канала с визитом в город бессмертных. Снять документальный фильм о них и пообщаться под это дело... Вопрос обсуждается, но вяло. Но пока решение будет принято, вы успеете подготовить отличную почву для своего возвращения к бессмертным.

— Интересно как?

— Вы устроитесь к ним на работу.

— А меня возьмут? — удивилась женщина. — Или вы поспособствуете?

— Калина, пошевелите мозгами! Как я, ярый борец за мир с вампирами пойду на враждующий с властью телеканал? Вы пойдете туда сами. Глава телеканала очень специфический человек, но любит бунтарей — резких и прямолинейных как он сам. Вы понравитесь, если расскажите ему свою историю. Но только не додумайтесь провоцировать

его на жалость! Не вздумайте дуть перед ним в платок!.. Вы отличный специалист! Работаете как пишущая единица и берете интервью на камеру. Бывали в горячих точках. К тому же агрессивно настроены по отношению к вампирам. Именно это вы ему и покажите! Он заинтересуется и возьмет вас на работу. Платить будет мало, но я по-прежнему буду помогать. Главное устроиться и хорошо себя зарекомендовать. Рвать всех на куски ему на радость. И когда придет желаемое приглашение, он позовет вас с собой. Вы были там, вы знакомы с самим государем. Это будет провокационная встреча и ему это понравится.

— Вы говорите, я могу сказать ему правду? Мне же официально запрещено.

— Сейчас можно и нужно! Время настало. Все равно доказательств у него не будет и пустить материал в ход он не сможет. Но проникнется к вам доверием. И непременно расскажите ему про развлечение бессмертных и бедняжку анота. Ему понравится, он такое любит. Расскажите все, что говорит о том, какие кровожадные твари вампиры.

Глава 17. Игра в «кошки-мышки»

Телеканал «Эхо твоего города» находился в центральной части города, в очень ветхом здании. Выцветшая вывеска на входе смотрелась убого и нагоняла тоску. Внутри здания обстановка резко меняется. Вид стен тот же что и снаружи, но атмосфера заряжает энергией. Работа кипит, жизнь телевизионщиков бьет ключом. Сотрудники суетливо бегают и толкаются. Выскакивают из одних кабинетов и тут же исчезают в других, скрываясь за выдавленными видами дверями. Но убогость стен, изношенность мебели и техники никого не смущает, все заняты настоящим и не исключено, что горячо любимым делом. Все это затронуло Проскуру до самой глубины души. Она остро ощутила ностальгию за тем прекрасным временем, когда она сама была неотъемлемой частью всего этого. Когда жизнь была наполнена, потому что она полностью отдавала себя тому, во что верила, что любила, и каждый день испытывала гордость за проделанную работу.

Очередной бегущий по коридору сотрудник чуть не сбил с ног гостью, и Калина вернулась в реальность, отбросив неуместную ностальгию. Собралась и решительно постучала в дверь с вывеской «директор», а затем, по приглашению зычного слегка хрипловатого голоса, вошла.

Серпов Михаил Юрьевич соответствовал своей фамилии, даже взгляд у него был такой, что вот-вот подрежет тебя под корень. Среднего роста и того же возраста, плотного телосложения, под шапкой коротких и колючих на вид волос — он был живчиком и при том — неугомонным. Сидел в кресле, слегка наклоняясь вперед как бык перед атакой, словно ждал красную тряпку.

— Госпожа Проскура... — протянул он. Виделись они впервые, но когда Калина позвонила с предложением о встрече, прозвучал Серпов так, словно наслышан о ней. И что удивило, не как о бесславно известной любовнице вампира — как о журналисте. Тронуло...

— Почему вы хотите работать у меня? — прямо спросил он и усмехнулся. — Ни зарплаты, ни привычной для вас должности предложить не смогу. Вакансии нет.

— Все иные гонят прочь шлюху вампира, — твердо сказала и пронзила собеседника взглядом зеленых глаз.

— Почему я должен поступить иначе? — усмехнулся он.

— Потому что в этом городе есть только один человек, который презирает и ненавидит вампиров больше чем вы. Это я.

— Рассердились на бывшего, что бросил? Бывает...

— Он мне не бывший и вы это обязаны понимать. Или не сидели бы в этом кресле.

— Значит он вам не любовник?

— Он мой враг.

— Тогда что все это значит? Все эти истории про подвал и тому подобное?

— Я рассказываю вам всю правду, а вы берете меня на работу. И не для отвода глаз, а самую настоящую, где я стану делать материал. Серьезный, разоблачающий про вампиров! — жестко сказала она.

— Ух ты как она хватанула! Серьезный и сразу. А что тебе есть, что мне рассказать?

— Столько вы и за жизнь без меня не узнаете. В какую я попала там интригу, какие сведения привезла в своем ноутбуке, который у меня изъяли наши политиканы и многое другое, что я узнала во время первых переговоров о мире. Но только в обмен на работу!

Надоело плошки за быдлотой мыть. Я журналист! — еще раз не без горечи выплюнула она. — Они перечеркнули труд моей жизни, но я выведу их на чистую воду!

— А вы мне нравитесь. Я думал вы хуже... Только один вопрос. Это вы недавно выложили статью в сеть? Вот, секундочку... — Серпов порылся в шкафчике, извлек материал. Калина пробежалась глазами по тексту и кивнул.

— Я так и знал. У вас есть свой стиль и его не подделать. Вы часто возникаете под разными именами. С этим срочно что-то нужно делать. Избегать собственной манеры или поймают.

Калина внимательно смотрела и слушала. От нее не ускользнула резкая перемена в обращении. Серпов перешел на уважительное «вы», это говорило о многом.

— На борцов с вампирами ведется активная охота, — между тем продолжал директор телеканала. — Будьте начеку. И я вас, конечно, беру. Но начать придется с рутины и рупор вам сразу никто не доверит. Но плошки мыть больше не придется.

Серпов выполнил обещание, но Проскурина не успела по-настоящему обрадоваться. Работу дали, но мало и совсем не ту, на которую рассчитывала. Бывшей журналистке пришлось начать с того, с чего обычно начинают стажеры. Но это ее не испугало. Калина так активно взялась за дело, помогая коллегам во всем, что проводила на новом месте вдове больше времени, чем было оговорено. Официально она была взята на четверть ставки, на рабочем месте ей полагалось бывать трижды в неделю, и работать неполный день. Она же проводила там четыре дня, с утра до самой поздней ночи. Это подкупало новых коллег и вызывало симпатию Серпова. Калина трудилась бы на телеканале и семь дней в неделю, но остальное время вынуждена была работать над своими разгромными статьями, а так же — официанткой в баре Данила. Необходимость пищи и денег никто не отменял. На телеканале ей платили копейки.

Взятый темп не мог не изнурять, и Калина понимала, что так ее надолго не хватит. Но понимала и то, что если все сделает верно, вскоре от работы официанткой она откажется. Когда возьмут на телеканал на целый день.

За полтора месяца напряженной работы Серпов не дал новой сотруднице ни одного настоящего дела, ни одного интервью. Технически Калина была младшим помощником и только носила и сортировала бумаги, занимаясь организационной частью. Но поскольку делала это более чем целеустремленно, Михаил Юрьевич был ею все-таки очень доволен. Хотя никак свое довольство не обозначил. При встрече они кивали друг другу, и это было все общение, за исключением тех случаев, когда он приглашал Проскурину к себе в кабинет обсудить очередную подпольную статью, уточняя, ее ли это рук дело. И если это было дело ее рук, указывал на тонкие места, оплошности и недочеты. Разносил порой в пух и прах, но между тем именно этим очень помогал делу. Работы Проскуриной внезапно стали жестче, и начали приобретать вид на самом деле мужского пера.

— А вы сами не пишете подобного? — как-то спросила она.

— Это ты мне скажи, — усмехнулся Серпов.

— Стражник, это вы? — подразумевая персонажа статьями которого пестрели все подобного рода сайты, направленные на борьбу с вампирами.

— Почему? — вскинул он бровь.

— Его тексты пишет профессионал, хотя это очень хорошо скрыто, речь простая, доступная. Но он сразу дает суть, не растекается пером по древу. И у него ваша резкая манера говорить. Кроме того, постоянно фигурируют факты, которые может знать только

тот, кто причастен к делу.

— Нет, увы, это не я. Но хотел бы знать кто он. Его стиль мне ужасно нравится.

Калина не очень поверила, но поняла нежелание Серпова открываться ей. Это было разумно — скрывать причастность. Кивнула согласно, словно приняла ответ за правду и все.

— Хочешь опять поехать к бессмертным? — вдруг спросил Михаил Юрьевич.

Калина ждала этот разговор уже три дня. Аршинов предупредил, что приглашение на съемочную группу официально выслано. Вампиры их ждут. Но знание вопроса не выдала, лишь поджала губы, словно сама мысль ей неприятна.

— Не очень.

— Но все-таки, хочешь? — усмехнулся Серпов. — Иначе, зачем ты была у них осенью?

— Искала ответы на свои вопросы, собирала информацию для статей.

— Нашла?

— Не так много как рассчитывала.

— Тогда у тебя есть шанс.

— О чем вы? — насторожилась женщина.

— Нашему телеканалу прислали приглашение. Вопрос обговаривался не один месяц. Вампиры хотят, чтобы мы сняли фильм про них.

— Мы и фильм о вампирах?! — вскинула она брови. — Это странно с их стороны. Очевидно, что мы самый негативно настроенный телеканал мира людей. Зачем нам показывать что-то хорошее про бессмертных?

— Они хотят нас перекупить. Не сомневаюсь, что это так.

— И вы планируете поехать?

— Безусловно. Это отличный шанс все увидеть самому и составить свое мнение. Возможно, выудить то, что они хотят утаить. Я планирую показывать более чем восторг от этого приглашения и также демонстрировать дружественный настрой. Словно я и правда колеблюсь, так ли они плохи, как я обычно показываю в эфире.

— Они далеко не глупы.

— Безусловно. Но они ведут свою игру, я свою. И обеим сторонам выгодно, что бы мы поехали туда. А там разберемся. И вот тебе мое предложение — поехали со мной?

— Членом съемочной группы? Я буду снимать материал, а после, работать над ним? — загорелась она глазами.

— Нет, вопросы на камеру будет задавать Лена Рыжова. Ты поедешь в качестве моего помощника. Потому что была там и знаешь, куда нужно смотреть. Мне нужны дополнительные глаза, уши и трезвый взгляд на вещи. Как ты к этому относишься? Если в благодарность за содействие я потом допущу тебя до сборки картины? Уже по приезду станем монтировать материал вместе.

— Тогда я, пожалуй, поеду, — слегка поколебавшись для вида, Калина кивнула. — Когда выезжаем?..

В один из дней марта съемочная группа телеканала «Эхо твоего города» выдвинулась за железную стену на стареньком микроавтобусе.

Леночка Рыжова — очень хорошенькая женщина чуть моложе Калины, мама двоих симпатичных малышей, зябко куталась в свою теплую курточку и смотрела в окно. Ехать в столицу бессмертных не хотелось, но она лучшая на телеканале, плюс у нее самая презентабельная внешность — белокурая милашка с голубыми глазами и пухленькими губками. Серпов настоял и она подчинилась. Теперь вот дрожит сидя у окна. Потому что

одно дело снимать материал про вампиров за железной стеной и со всем другим — в их среде.

Калина сидит в самом углу в конце микроавтобуса, рядом аккуратно сложена вся необходимая техника. В начале салона восседает Серпов и, размышляя о чем-то, о своем, косит на всех коллег по очереди. Настроение Леночки его беспокоит, но он верит, что она как профессионал выполнит все что потребуется. Рядом с ним сидит Володя Горчишин, лучший оператор телеканала и негромко травит анекдоты. Команда получилась небольшая, брали только лучших, и самых необходимых. У телеканала проблемы с финансированием и на командировочных они вылетят в трубу. Пришлось совмещать некоторые должности, в итоге получилась бригада из семи человек. Пять мужчин, две женщины. Проскурина в должности «принеси-подай», но ее это не беспокоит.

Мужчины смеются, порой шепчут о своем, они спокойны, бывали в разных передрягах по долгу непростой работы. Женщины напряжены. Леночка — откровенно, Проскурина лишь слегка хмура бровями, но напряженные руки, сжатые в кулаки, ее выдают. Она рада поездке не больше Лены. По крайней мере, к такому выводу приходит Серпов.

Полотно обычно серой каменистой дороги ведущей к городу бессмертных покрыто снегом. От этого вид смежных земель не так угрюм и тосклив как прежде. Первый пост уже недалеко и отлично просматривается.

Людей встречают неизменной вежливостью и после предъявления бумаг — разрешения на въезд, помогают перенести технику в прогулочный транспорт.

Калина осматривается, возможность есть, тяжелую работу взяли на себя мужчины. Она непроизвольно ищет глазами Танума. Но его тут нет, наверное, это тот самый редкий день, когда он ни за что не наказан. Или стоит на посту в другом месте. В одну из встреч еще в январе, министр передал журналистке письмо от юного бессмертного. В нем Танум долго рассказывал о том, как у него дела, где он дежурил послание раз десять, куда ходил в увольнение. Как дела в городе и наконец выражал надежду, что Калина все-таки приедет, потому что он очень переживает как она живет. Есть ли у нее пристойная работа, деньги, жилье?..

— Почему сразу не передали мне это письмо? — возмутилась Калина.

— Не знал, как расценить.

— А что тут расценивать? Письмо как письмо. В его привычной, непосредственной манере, не знал, что написать и написал все что мог. Хорошо хоть не указал чего и сколько съел и чем, потом сходил в уборной, — подшучивала она безрадостно.

— Предполагаю, что это не его инициатива. Он вполне мог желать вам написать, но вы же понимаете, что без высокого одобрения передать письмо людям не просто. Точнее, нельзя. Это письмо одобрено. И его одобрил не преемник... Поэтому я желал проверить, придет ли повторное, если вы не ответите.

— Не пришло. И о чем это говорит?

— Если бы это писал Танум, повторное письмо пришло бы. Притом, тут же! А так выходит, тот, кто его надоумил писать вам, не лишен гордости. Раздумывает...

— Или проще — не одобрил второе письмо племянника.

— Или так...

— Неплохая машинка, — прерывая мысли Проскуриной, оценивает Серпов, располагаясь в удобном транспортёре. — А это тот самый дворец? Он больше чем мне казалось. Экран телевизора не передает масштаб. Откуда его лучше снять? — рассуждал он,

обращаясь к оператору.

— С крыши гостиницы. Там весь город как на ладони, — подсказывает Проскурина.

— Красиво там внутри? — подсаживаясь к женщине, спрашивает Володя.

— Да. Если бы ты знал, какие там каменные залы! — Проскурина живописно закатывает глаза. Бессмертный что сопровождает людей благосклонно кивает. Только члены съемочной группы прячут улыбки, понимают, что это сарказм...

Телевизионщиков поселили в гостинице на втором этаже, всех вместе, в соседних номерах. Теперь в гостинице обитало немало туристов. Все выглядят довольными. Сотрудники телеканала с интересом изучают гостей столицы даже больше чем самих бессмертных или шикарный интерьер помещений.

— Я надеялся, что мы будем жить во дворце, — не без огорчения шепчет Серпов. — Там бы мы были ближе к цели своего визита.

— Поэтому мы тут, — кивает Проскурина.

Встреча с государем назначена на вечер, пока же гостей разместили и предложили передохнуть. Но Серпов приехал работать, он сразу просит разрешение выйти с камерами на крышу. Что бы преступить к съемкам фильма.

Пока члены съемочной группы перемещаются большой гостиницей, Проскурина встречает знакомые лица — администратора Валинара, с которым обменивается приветствиями, затем — Валечку художницу, которая с той памятной поездки в гостях у вампиров уже четырнадцатый раз и наконец — солдата Рами. Последний широко улыбается и отдает журналистке честь. Затем провожает глазами, пока Калина в числе прочих телевизионщиков не исчезает за поворотом коридора.

— Ты тут просто своя! — поддевает Калину начальник.

— Это первое правило, которому меня научили наши политики. Дружи. Так проще получить информацию.

— Я думал это наше основное правило, — улыбается Серпов.

— Это единственное правило справедливое для всех профессий.

— Кроме сотрудников морга, — острит шеф и все дружно смеются.

Вид с крыши ошеломил даже Серпова. Он подробно расспрашивает свою «помощницу» обо всем, что увидел внизу:

— Что это?

— Музей.

— А это?

— То самое кафе, где бессмертные заводят знакомства с туристками.

— Все из стекла, надо же. Красивей чем я думал, — оценивает мужчина, и по его меркам это невероятный комплимент.

— Да, эффектно строить они умеют... Казармы находятся в той стороне, — показывает Калина. — Они многим больше чем все, что вы тут видите. Там сосредоточена большая часть города и его жителей.

— Хотелось бы увидеть.

— Вряд ли позволят.

— Подозреваю что так. Я озвучивал этот вопрос на переговорах по поводу приезда, но ответ так и не получил. Снимать положено в мирной части столицы — о городе, о государе, о дворце. Как ты там говорила — бесподобные каменные залы?.. Вот о них.

— Я никогда не называла их бесподобными, — саркастически признает

журналистка. — В усыпальнице их предков и то веселей. Хотя там кругом мертвые бессмертные. Смешно звучит, да? Мертвые бессмертные. Просто каламбур.

— От чего же они умерли?

— Как правило, были убиты людьми. Кстати, изначально они были захоронены в ином месте и уже после строительства дворца, по приказу государя перезахоронены. Я пыталась выяснять подробности, но меня активно заговаривали. Экскурсовод утаил детали. Словно есть что-то еще. На вопросы он не ответил. Увел тему беседы в другое русло. У меня сложилось чувство, что некоторых покойных выкосила какая-то хворь. Надписи были на исконном языке бессмертных. А вот даты привычными нам цифрами.

— И что они сообщили?

— В одном месте даты были плотными, без разброса. Странно, да?

— Война быть может?

— Быть может.

— Надо бы копнуть. — Серпов задумчиво хмурится в сторону дворца.

— Тут копать, не перекопать! — острит Володя, и все смеются.

В назначенный час телевизионщики прибывают во дворец вооруженные своей съемочной техникой. Все опрятные, местами, «в области женщин», даже нарядные.

— Ишь ты, как вырядилась, — оценивает костюм Проскуриной руководитель канала. — На работу так не ходишь.

— Мы все-таки идем во дворец, и я попаду в кадр. А у вас на работе я архивные бумажки в кладовке пыльной сортирую. В бальном платье, прикажете?.. — хмурится она вполне убедительно. — Я же в джинсах, Михаил Юрьевич! В обычных джинсах, просто под каблук и белый пиджак.

— И с милым шарфиком на тонкой шейке, — посмеивается шеф, но тут же добавляет одобрительно. — Но выглядишь при этом на сто.

— Надеюсь, не лет? — легко флиртует она.

— Нет, или ты самая... — он усмехается и выдавливает из себя практически комплимент: — Аппетитная старушка в мире.

— Это хвала, шеф? — игриво уточняет Проскурина.

— Он самый, — нехотя признает Серпов и еще раз окидывает так называемую помощницу чисто мужским взглядом. Волосы по плечам, легкий макияж. Строго, при этом слегка игриво и, несомненно, женственно. Думая о чем-то, о своем он косит на Проскурину по дороге во дворец. Калина понимает, или Серпов увидел ее как мужчину, или, что скорее всего, пытается понять, почему она обнаружила свое женское именно сейчас, перед визитом во дворец бессмертных?

Снимать в холле людям не позволили, сказали, это успеется после. Сейчас их ждут на торжественном ужине, для знакомства.

— Еще один ужин? — удивляется оператор. — Только что ели... Зажрались они тут.

В очередной обеденной зале, уже не той, что в первый визит Проскуриной, а многим более торжественной, съемочную группу ждет богатый стол.

— Володя, камеру ставь тут, — сразу берется за дело Серпов. — Миша, как думаешь, что со светом?..

— Все в акурате шеф.

— А у меня проблемы. Тут небольшое эхо, — говорит звукооператор, устанавливая технику.

Леночка в розовом костюмчике нервно переминается с ноги на ногу и шепчет Проскуриной:

— Что-то я так нервничаю, словно они нас за этим столом есть будут. Почему так много приборов? — и опасливо косит по сторонам.

— Это типичный ужин во дворце. И не переживай, бессмертные в присутствии людей не пьют кровь. Дурной тон. Ужинать будут только гости.

Дверь открывается, и входят вампиры. Все это военные, в мундирах, но уже не те старики, что присутствовали на официальной встрече в первый визит Проскуриной. На этот раз практически все молодые и как она потом понимает, наследники княжеских родов. Офицеры приветствуют гостей и замирают явно ожидая чего-то еще. Тут же входят дамы. Это гости из мира людей. Все молодые, нарядно одетые и вполне довольные жизнью.

— Володя, ты снимаешь? — шепотком спрашивает Серпов.

— Туристки? — шепчет шеф.

— Да, это наши, — кивает Проскурина.

— Вижу по зубам, что не чужие... — кивает он, потому как дамы улыбаются и по прикусу это очень хорошо заметно. Да и одежды у девушек типично человеческие, по современной моде.

В числе молодых офицеров присутствует один знакомый Проскуриной военный — капитан Аримас. Он замирает, изумленный видеть Калину и потом делает в направлении старой знакомой шаг. Но тут же теряется, взглянув на свою спутницу, и так и не заканчивает свой путь. Лишь кивает и говорит старой знакомой:

— Рад видеть вас, Калина.

— Взаимно, Аримас.

После этого мужчина уходит к столу, на отведенное ему место и помогает присесть своей даме. Но все время бросает встревоженные взгляды на знакомую журналистку.

Все бессмертные садятся через стул. Дама, кавалер, дама, кавалер. Поочередность такая. Когда все рассаживаются за столом остается несколько свободных мест.

— Прошу вас, — обращается к Проскуриной распорядитель вечера. Такой всегда был и на прошлых обедах, политических. Он всегда следил за порядком и размещением гостей, отдавал беззвучные распоряжения обсуживающему персоналу и стоял в углу, где совсем не бросался в глаза. Такая себе бессмертная тень.

— И мне присаживаться? — уточняет Калина.

— Да. Господин Серпов и помощница, — кивает распорядитель, указывая на свободные места. Остаются лишь два пустых места — во главе стола. Большой трон и еще один поменьше, как видно Вишнар будет с дамой...

Вскоре дверь распахивается, и все офицеры разом вскакивают со своих мест отдать честь первому лицу государства. Члены съемочной группы, те, что не за столом, переглядываются в легком волнении — а как им приветствовать вошедшего? Они ведь и так стоят.

Не торопится подниматься только Серпов. С немалым интересом изучает Вишнара, а потом беглым взглядом его даму — молодую и довольно красивую брюнетку с пышными бюстом. Но тут же слегка кривит на миг губы, осознав, что и эта человек, значит ничего интересного.

Правитель бессмертных дает своим подданным знак рукой, что они могут присесть и направляется к столу. И только тут Серпов поднимается — неторопливо, с достоинством.

В эту секунду, только за то лишь, как встает и какое имеет выражение лица Михаил Юрьевич, Проскурина глубоко и навек зауважала его. Обычно люди испытывают перед Вишнаром легкий трепет. Это было заметно даже в глазах военных генералов на первых мирных переговорах. И вот тот первый на ее памяти мужчина из мира людей, который смотрит на государя вампиров уверенными глазами. Вишнар выше и крупней, но Серпов держится так, словно они одного роста и положения.

— Господин Серпов? — Вишнар протягивает руку, и этот жест всех изумляет. Государь обычно не здоровается за руку. Никогда и ни с кем. Тем более что перед ним человек. — Вы уже снимаете?

Государь поворачивается к камере и делает туда небольшой кивок.

— Рад знакомству.

— Взаимно, — кивает Серпов, все так же спокойно, уверено и неподобострастно и жмет протянутую кисть.

— Приветствую всех ваших зрителей. Рад видеть их у себя в гостях, — указывая на стол гостеприимно, но при этом со свойственным ему государственным величием, говорит Вишнар. — Присаживайтесь.

— Госпожа Проскурина?.. Я вас не заметил, — тут же говорит государь, уже слегка меняясь в тоне, с легкой ноткой пренебрежения.

— Добрый вечер, — отвечает она, бросая взгляд искоса и с легким оттенком иронии уточняет: — Неужели я так исхудала?

— Напротив... До меня долетали слухи, вы бедствуете. Но насколько я могу видеть, это не так. Раздобрили. Безусловно, это меня радует, — добавляет он, сменяя легкую иронию на полное безразличие к обсуждаемому вопросу, и тут же переключается на Серпова, сидящего к нему ближе всего. — Как вы доехали? Хорошо ли вас разместили? Надеюсь, вам предоставили все необходимое?

— Да, пока, да. Благодарю, — коротко отчитывается тот.

— Обращайтесь, если будут вопросы... Про нас снимут кино и потом покажут его людям! — тут же весело сообщает государь своим гостям. — Так что ведите себя не так как всегда, а прилично. Глупо не шутите и не напейтесь как всегда. Это я говорю про вас, Давир.

Молодой бессмертный очень солидный и серьезный, которому адресовал свой комментарий государь, слегка от неожиданности вытянулся лицом и округлился глазами, но тут же покорно кивнул, не смея оспаривать шутки правителя, пусть и такие обидные.

— Как дела в городе? — тут же предельно серьезно спрашивает Вишнар, обращаясь к Серпову. По-видимому персона последнего его немало интересовала.

— Вас интересует как живут люди?

— Да, именно это меня интересует. Мы предложили вашему правительству помощь, после того как узнали в каком бедственном положении находятся жители ваших городов.

— И ваша помощь совершенно безвозмездна, я, верно, понимаю? — прямо спросил Серпов.

— Безусловно, — пожал плечами Вишнар. — Уже хотя бы потому, что вам нечего нам предложить.

— Кроме разве что?.. — Серпов развел руками, указывая на сидящих за столом дам.

— Вот именно! Своего прекрасного общества, — широко улыбнулся государь.

— Отчего же оно только женское?

— Разве? А мне кажется, я вижу тут как минимум пятерых мужчин. Если речь с

гостях...

— А я могу себе позволить спросить? — Вероятно, Серпов осознал, что говорит слишком резко так вот сразу, забыв о своей тактике. Поэтому поменял тон, слегка украсив его вежливостью. — А как к подобной дружбе относятся ваши дамы?

— Положительно. Дружеские отношения с миром людей входят и в их планы. Если же вы намекаете, почему никого из них тут нет, то я поясню. Я холостяк, мой дом, дом военного и тут не живут дамы, у меня нет ни дочери, ни другой родственницы женского пола.

Серпов ничего не ответил, лишь сдержанно кивнул, дал знак, что принял ответ.

Уже успели подать первые блюда и заменить их вторыми. Проскурина ковыряла в своей тарелке совершенно без аппетита. За столом царит веселая, но слегка настороженная атмосфера. Гостям женского пола активно оказывают знаки внимания, и они как результат очень довольны вечером, бессмертные же чувствуют себя скованно, из-за камеры или телевизионщиков, что наблюдают за ними. Но все более чем пристойно. Никаких вольностей. Сам Вишнар с интересом наблюдает за своими гостями, порой косит на камеру и стоящую рядом с ней хорошенькую блондинку. Вроде как примеряется. И Проскурина иронично улыбается себе под нос, хотя это ее огорчает. Стыдно признать, но это так.

Калина замечает все, даже то, что капитан Аримас бросает на нее внимательные взгляды. Но Калина не афиширует эту свою наблюдательность. Словно она нашла все, что когда-то искала в содержимом своей тарелки. Потому что смотрит только туда. И разбирает овощную еду в ней на ингредиенты при помощи вилки. Горошек в одну кучку, морковку в другую, перчик оставим по центру...

Вишнар мило любезничает со своей дамой и Калина чувствует себя очень некомфортно. Намного больше чем могла предположить. Отчего-то вспоминается то время, когда он точно также вел себя с ней. И это к глубочайшему сожалению журналистки ее страшно угнетает. Настолько, что хочется уйти. Нет, уже убежать. Лишь бы больше не видеть его. Не видеть «их».

— Вам плохо, Калина? — внезапно спрашивает Аримас, и голос его звучит обеспокоено.

— Что? — Проскурина не без удивления очнулась, услышав этот вопрос, и взглянула на капитана. — Все хорошо, Аримас, спасибо.

— Вы побледнели, — настаивает капитан к очевидному огорчению своей дамы.

— Это... ничего. У меня бывает. Наверное, во мне мало крови, — острит она.

— Малокровие? — принимая ее слова вполне серьезно, переспрашивает Аримас. — Это плохо. Вам нужен доктор? У меня есть очень хороший! Он прекрасно разбирается в физиологии и анатомии людей и вылечит вас! Давайте я завтра отведу вас к нему?

— Нет, Аримас, благодарю. Просто я мало сплю, оттого и бледность случается, — не зная, что еще сказать, оправдывалась Проскурина.

— И чем же вы занимаетесь по ночам, если регулярно недосыпаете? — спрашивает государь, выдавая этим то, что он даже беседуя со своей дамой, все видит и замечает.

— Работаю.

— Все пишите ваши разгромные статьи о нас, Калина?

— Главным образом тру плошки за всяким былом, — невозмутимо признается она. — Я работаю на двух работах, вторая — в ночном баре официанткой. Сутки через сутки. Вот и не высыпаюсь.

Над столом пронесся легкий рокот — это подали свои голоса дамы. Изумление

вперемешку со смешками. Надо же, посудомойка за столом у государя бессмертных! А так по ней и не скажешь. Глазки гордые, спинку держит прямо.

— И что вас толкнуло на этот крайний поступок, госпожа Проскурина?

— Главным образом желание есть.

— Так отчего же вы не едите? — указывая на стол, усмехается государь.

— Вы же только что заметили, что я и так поправилась, — с долей дерзости ответила она, взглянув на государя. — Я учла.

— Значит, с едой все-таки перебоев нет?

— Нет. Ведь когда мне нечего есть, я доедаю за посетителями. Очень удобно.

Вишнар развалился, откинувшись в своем кресле, и с интересом смотрел на женщину, обдумывая свой следующий комментарий.

— Я прикажу завернуть вам остатки с собой.

— Я буду вам очень благодарна. У меня невыносимо прожорливый кот, Рамзес второй. Надеюсь, в остатках будет мясо. Он его особенно любит. А для меня оно теперь дорого.

— Я прикажу, что бы вам его наковыряли достаточно. Для Рамзеса и даже для вас. В целях борьбы с малокровием...

— Вампиры активно борются с малокровием среди людей, чем не заголовок для газет? — тихо смеется Калина. — Повысите свой рейтинг, Вишнар. Хотя он и так не низок.

— Вы так легко признаетесь, что работаете на такой... не респектабельной работе. Еще и просите объедки со стола. Мне кажется это не очень скромно, — критично заметила дама государя, не уловив иронии состоявшейся беседы.

— Вы полагаете? Это стыдно работать, зарабатывая честным, пусть и черным трудом? — без вызова спросила Проскурина.

— Не афишировать точно, — брезгливо поморщилась красивая брюнетка.

— Значит, у меня совсем нет чувства собственного достоинства и гордости.

— Вероятно, у вас их нет.

— Как я вижу, вам не доводилось работать официанткой в ночном баре?

— Точно нет.

— Тогда что вы можете знать о гордости? — иронично уточнила Калина.

Дама приоткрыла рот от изумления. Проскурина невозмутимо продолжила.

— Основываясь не на чьих-то домыслах, а лишь ориентируясь на свой личный опыт, могу сказать, что пока тебя не щипали за зад все кто не попадя, выдыхая в лицо «подстилка вампира», узнать что-то о гордости нельзя. Потому что только день за днем, переступая порог этого места и под утро покидая его не сломленной, я поняла, что это такое — гордиться собой. Приходить и выслушивать, а потом драить за ними плоски. С холодным лицом. Это по моему разумению гордость. А считать, что работать официанткой — дурной тон, всего лишь ханжество и высокомерие. Между прочим — сытое...

Калина уверенно смотрела на собеседницу, на то, как она возмущенно взглянула на государя в поисках его заступничества, потому как самой возразить было нечего. Но Вишнар ничего не сказал. Даже не взглянул на свою оскорбленную даму. Лишь изучал журналистку, размышлял о чем-то своем, легко улыбаясь краешками губ.

— Что ж, гордая официантка Калина Проскурина! За мясо для Рамзеса второго мы договорились. Поэтому прошу вас не обижать мою даму.

— Не имела намерения. Мне и в голову не приходило, что за этим столом, именно в этом кругу, собрались такие... беззубые дамы. Я хотел сказать — беззащитные.

Вишнар расхохотался и стал хлопать в ладоши, повторяя: «Браво, госпожа Проскурина, браво!».

— Государь, — тут же на волне его позитива, продолжает женщина. — Пользуясь возможностью, хотела бы передать через вас привет.

— И кому, позвольте узнать? Моему сыну? — усмехнувшись, вскинул он бровь.

— Нет, что-то передавать ему мне бы и в голову не пришло. Вашему племяннику.

— Что, растрепал уже?

— Как это у него водится, — улыбнулась Калина. — Я не уверена, что мы увидимся, но он у вас... добрый парень, хотя мне с трудом даются эти слова в адрес, простите, бессмертного. Но не признать это нельзя... Не хочу, что бы он обижался, что не ответила на его письмо. Вы предадите?

— Непременно.

— В следующий раз, когда станете играть в шямкалку? — скосив на государя хитрые глаза, невинно спросила женщина.

Вишнар прятал улыбку за рукой, упираясь локтем в подлокотник кресла, да не удержал веселье, рассмеялся.

— Давайте лучше сделаем так, вы сами ему передадите, когда он придет ко мне завтра пошмякать. Подлетите как обычно на шароплане к моему окну и станете махать рукой.

— Один — один, — поморщив нос, признала Калина. — Рами не уволили за провинность? Как это у вас водится...

— Вы про солдата, что пал жертвой вашего обаяния?.. Нет. Слегка в наряды походил, три месяца всего без отгулов. Сущие пустяки по нашим меркам.

— Странно, сегодня при встрече он так мне улыбался, словно не в обиде и не было нарядов, — изумилась она невинная как само дитя. Подразнила.

Вишнар прищурился и сверкнул опасными глазами.

— Вы в моем городе просто как дома!

— Я даже дома меньше дома, чем тут, — развела руками журналистка и снова взялась за вилку. И тут же испортила эффект добавив: — А там меня в глаз не желает видеть даже мой собственный отец.

— С чего вы планируете начать завтра?.. — внезапно обратился Вишнар к Серпову.

Комментарий Проскуриной был проигнорирован.

Ужин продолжался еще сорок минут. Камера работала, бессмертные общались с людьми, Проскурина молчала с неизменно холодным и слегка отсутствующим видом. Чего она ждала от встречи? Она сама этого толком не знала. Возможно, как раз того, что происходило. Теперь же, увидев все своими глазами, просто ожидала окончания. Это мероприятие вымотало ее. А может быть, дело было в общей усталости, что длилась не один месяц...

Когда долгий и мало примечательный ужин был окончен и государь, откланявшись, удалился, стали удаляться и все прочие. Телевизионщики собирали свое оборудование. И Проскурина следом за Серповым направилась к коллегам.

— Калина! — окликнул Аримас и все с интересом на него взглянули. — Я хотел... Мы могли бы?..

— Капитан? — перебил распорядитель вечера. — Вас желает видеть государь. Немедленно!

— Прошу простить, — разочарованно кивает мужчина и стремительно скрывается за

дверью.

Когда съемочная группа была уже практически при выходе из дворца — все усталые, задумчивые, а местами счастливые (как в случае Леночки, что все завершилось) их догнал солдат охраны государя. Калина узнала его лицо.

— Следуйте за мной, — обратился он к Проскуриной.

— Куда? — вместо помощницы уточнил Серпов.

— К государю.

— Нам ожидать? — усмехнулся Михаил Юрьевич.

— Нет, вы можете возвращаться в гостиницу. Госпожу Проскурину после беседы с государем проведут.

— Я так понимаю, это не обсуждается? — уточнил глава телеканала.

— Нет. У меня четкий приказ. Привести госпожу Проскурину.

Серпов кивает, это что-то типа благословения и знака поддержки, и женщина не обронив ни одного слова, идет следом за солдатом. Что может означать этот вызов она даже не предполагает, точнее, не рискует гадать. Все слишком непредсказуемо в этом мире...

Вишнар стоит в кабинете перед своим столом спиной к двери. Когда солдат закрыл за собой дверь, государь не оборачиваясь холодно спросил:

— Что значит эта горестная исповедь? Вы желали вызвать во мне жалость?

— Вызвать в вас жалость? — уточняет Калина. — Даже звучит смешно, вам не кажется?..

— Тогда какую цель вы преследовали? — настаивает он.

— Никакой. Вы спросили, я ответила.

— Вы плакались.

— Не имею привычки себя жалеть. Потому что не считаю себя жалкой.

— А какой вы себя считаете? — Он оборачивается и подходит к гостье. Но становится перед ней слишком близко, всего десять-пятнадцать сантиметров разделяют их. И смотрит сверху вниз. Подавляет глазами.

Вишнар очень недоволен, и это если сказать мягко. И женщина недоумевает, почему?

— Вы нарушаете мое личное пространство, — довольно прохладно сообщает она.

— Я нарушаю в этом мире любые пространства, если мне угодно!

— Потому что на вашей территории я в вашей власти? — уточняет Калина.

— На любой территории. Если пожелаю, ты будешь в моей власти. Если я пожелаю!.. — подчеркивает он и, отвернувшись, резко отступает. Идет в другой край кабинета, заложив руки за спину, разворачивается и замирает.

— Кончилось красноречие ответить мне что-то? — усмехается он. — Или зубы малы, тягаться с моими?

— Один — два, — отвечает Проскурина, не изменяя улыбке. — Кто я, чтобы тягаться с самым правителем большей части этого мира? Вы раздавите меня и даже не заметите, не вспомните потом моего имени. Вы отлично мне это показали. Я усвоила урок.

— Так ли хорошо ты его усвоила, если по-прежнему так высоко задираешь свой нос и смеешь говорить со мной этим невыносимо высокомерным тоном?! Ты, кажется, забыла, кто именно стоит перед тобой, — резко отчитал ее государь.

— Как я могу? Забыть кто вы, я бессильна, — намекая на его природу вампира уже без всякой тени веселья, добавляет женщина. — Как впрочем, и изменить свою природу. Вы это вы, а я, это я.

— Зачем ты сюда приехала?

— Собрать на вас компромат и писать разоблачительную статью.

— И прямо говоришь мне об этом? — удивлено спрашивает Вишнар, просто само недоверие.

— Не считаю вас дураком, вот и не вижу смысла врать.

— Что вы за фрукт, Проскурина? — возмущенно спрашивает государь. — Женщина ли вы вообще или вы только выглядите ею?

— Вероятно, что не мужчина, если сам государь бессмертных однажды меня пожелал... Два — два? — имеет наглость уточнить она.

— Ты невыносимо заносчивое нечто, — холодно констатирует он, приближаясь, и склоняется к самому лицу, гневно заглянуть в ее глаза. — Девчонка! Что ты пытаешься мне доказать?!

— А что я пытаюсь доказать вам по-вашему, Вишнар? — Внезапное обращение по имени, вызывает на холодном лице легкую перемену, он прищуривается, изучая ее.

— Ведешь свою игру, — уверенно, но уже без гнева говорит государь. — Глупа сама надежда, что я стану просить у тебя прощение, раскаиваться в содеянном. Когда мы оба знаем, что я вынужден был тебя нейтрализовать, так как ты играла и играешь против меня. И все время забываешь кто перед тобой! Я тебе не равный, ты говоришь с правителем этого мира! Который и так сделал для глупой заносчивой неосмотрительной женщины более того что она заслуживала изначально! Я мог раздавить тебя с самого начала, но даже вернул тебе возможность заниматься своим делом, похлопотал, чтобы тебя не преследовали, допустили к любимому занятию, к работе на этом смехотворном канальчике! И одобрил участие в этой съемочной группе. Хотя знал, что ты станешь шпионить против меня. Неужели ты думаешь, что тебе позволили бы получить эту работу без моего ведома?

— Так ваше могущество простирается даже на наш мир? Даже в подобных мелочах? Кому, где и кем работать?

— Глупо что-то доказывать зубочистке, она деревянная она не поймет... — отворачиваясь, рассержено бросил Вишнар.

— Чьи это слова? Ваши?

— Нет. Так обычно говорит мой сын.

— Тот, который преемник? — уточняет она.

— У меня нет другого, — холодно бросает государь и удаляется к столу.

— Вы, правда, рассчитывали, что после всего случившегося я перемену свое мнение о вас? О бессмертных? Откажусь от своих идеалов?

— Мне нет дела до твоих идеалов! — рассердился мужчина, стукнув по столу. — Я старался защитить твою неразумную жизнь! А ты смеешь приезжать и мне в лицо заявлять, что собираешься шпионить против меня?! Вредить всему, что я с таким трудом создавал?! Они, ваши министры, готовы были сразу тебя убить. И собирались. Это я им не позволил!

— Я благодарю вас, — безо всякой покорности, прохладно ответила женщина, взбесив собеседника этим еще больше.

— Ты меня благодаришь?! — стремительно приблизившись, Вишнар вновь склоняется к женскому лицу и в пределе гнева смотрит в зеленые глаза. — Благодарить?!

— Лицемерие, — вот что значат твои слова. — Ты несколько не благодарна. Мне, своему заступнику!..

Его крупная ладонь с массивными пальцами касается ее лица, но Вишнар далек от

нежности и Калина внутренне замирает, не представляя, что от него ждать. Лишь смотрит в медовые глаза, пребывая уже в легкой панике...

Вишнар тем временем изучает черты ее лица и то, что он при этом думает, понять невозможно. Замкнулся в эмоциях, скулы напряглись, но глаза горят, блуждают по женскому лицу. И большой палец руки начинает неторопливо гладить женские губы. Он гладит с нажимом, жестко, просто мнет ее губы. А потом оттягивает нижнюю и проводит по ней мякишем пальца, растягивая влажный след до самого подбородка. И Проскурина как результат уже немного дрожит, изо всех сил скрывая панику, потому что это откровенная агрессия самца, направленная на то что бы подавить ее в женской слабости. И сексуальный подтекст так очевиден, особенно когда он резко засовывает это палец ей в рот, скользнув между приоткрытыми губами.

Калина дернула головой, избавляя свой рот от чужого не прошенного присутствия и замерла, не зная, что предпринять.

— Кто я, по-вашему, чтобы терпеть такое обращение? — тихо говорит она.

— Женщина, всего лишь женщина, — шепчет Вишнар и тянет ее за шею на себя, поцеловать.

Калина упирается в крепкую грудь руками и, уклоняясь, вертит в разные стороны головой, пока мужчина опаляет ее своим дыханием.

— Я вам не подстилка! — изо всех сил кричит женщина и вырывается. — Если решили меня уничтожить, уничтожайте! Но трогать себя без позволения я не дам даже королю всего этого мира! Вы могли меня получить по моей доброй воле! Но сделал все, чтобы этого никогда не произошло. Потому что поверили своему сыну! Вашему прекрасному, замечательному образцовому. Который так заботится о вас!.. Забрал у вас желанный кусок, чтобы самому его укусить! Или это вы так и не поняли?

Калина развернулась и, ударив двери, так что они распахнулись, стремительно пошла прочь.

— Стой! — рявкнул Вишнар.

Журналистка замерла и медленно повернулась к государю лицом.

— Я хочу уйти. Мне плохо. Я уже три ночи нормально не спала. А если мы продолжим в таком духе и дальше, то боюсь, кормить Рамзеса второго станет некому. Данила его на дух не переносит...

— Вернись, — коротко скомандовал Вишнар.

За дверями стоят солдаты, и послушаться приказа на их глазах, значит нанести непоправимый удар мужскому самолюбию не кого-то — государя. Проскурина импульсивна, но она далеко не дура. Хотя в этом она порой сомневается. Может быть все-таки «да»?

И женщина покорно шагает назад и закрывает за собой двери. Устало опирается на них спиной и смотрит на стоящего перед ней хмурого мужчину.

— Я желаю, чтобы ты осталась на ночь во дворце. В моих покоях... — властно требует Вишнар.

Калина медленно несогласно крутит головой. Спокойно и без вызова.

— Почему нет?

— У меня твердое правило. Если я не переспала на первом свидании с женщиной который меня чуть не задушил, то обычно, это происходит не раньше, чем он убедит меня, что все-таки достоин второго свидания.

— И какие доказательства вам нужны, госпожа Проскурина? — усмехается государь.

— Время покажет, Вишнар. Вы отпускаете меня?

— Нет?

— Почему?

— Я хочу тебя поцеловать.

— У вас другая дама, я не ем капусту в чужом огороде.

— Кто такой этот Данила?

— Мой близкий друг. Хозяин бара, где я работаю.

— Только друг?

— Это ревность?

— Это любопытство.

— Только друг, — нехотя сознается она.

— Я не верю в возможность только лишь дружбы между полами. Он согревает тебя по ночам? Почему он тебе помогает?

— Он давно хочет жениться на мне. Но по ночам я греюсь сама.

— Сама? — Вишнар недвусмысленно вскинул бровь, и озорные искорки заплясали у него в глазах.

Калина кашлянула и, изобразив нечто вроде реверанса, сказала:

— Доброй ночи, Вишнар.

— Сама? — настаивал он.

— Хороших снов.

— Сама?!

— Была рада вас видеть.

— Я бы тоже был рад видеть как ты сама... — сказал он и захохотал.

— Я могу идти?

— Премного благодарна.

— Невыносимая девчонка! — преувеличено строго одернул он ее.

— Которая все делает сама, — напомнила женщина.

Вишнар расхохотался повторно и Калина, кивнув на прощание, открыла двери. Смех государя провожал ее, доносился из-за закрытой двери, пока женщина не удалилась достаточно далеко, что бы перестать слышать что-то кроме тишины ночного дворца.

— Вас хотел видеть господин Серпов, — сообщает администратор, когда Калина переступает порог гостиницы.

— И где он? У себя?

— Нет. Господин Серпов в баре.

— В котором?

— Вас проведут.

Калина благодарно улыбнулась Валинару, потому что баров в гостинице множество. Только в левом крыле десятка три, не меньше. Обходить все в поисках шефа, ее не прельщало.

Глава телеканала сидит за стойкой не один, рядом весь мужской состав группы. Все что-то пьют и тихо перешептываются, наблюдая за туристами которых тут не мало.

— Что он хотел? — прямо спрашивает Серпов.

— Так и не поняла. Пустая болтовня ни о чем.

— Спрашивал обо мне?

— Нет. Думаю, он и так все про вас знает.

— Спрашивал, что будем снимать?

— Нет. Лишь выразил надежду, что я буду беспристрастна.

— Подозревает тебя в пристрастном отношении? Давил? Пугал?

— Подозревает. И согласитесь, не напрасно. Но не давил. Он понимает, что это глупо.

— И что ты сказала?

— Что я всего лишь помощник директора. Не имею доступа к работе над фильмом. Не будь он у меня — была бы честна со зрителем.

— Его устроил этот ответ?

— Не очень, но он его принял.

— Выпьешь с нами?

— Нет. Очень устала, пойду спать.

— Завтра мы с самого утра поедem во дворец, отснимем небольшой материал. Вы с Леной тем временем тоже не спите. Походите тут, пообщаетесь с туристами. Вежливо так, на позитиве. Хочу знать, что они думают о гостеприимстве бессмертных и вообще. Постарайтесь их по-настоящему разговорить.

— Хорошо.

— После мы посетим стеклянное кафе. Хочу уделить ему особенное внимание в фильме.

— Как вы вообще его видите? Наш фильм.

— Пока не знаю.

«Или не желаешь делиться, потому что слегка меня в чем-то подозреваешь после этого вечера», — рассудила женщина.

— Я тоже. Мне очевидно, что ничего по-настоящему важного, что затронет зрителя, показать нам не позволят. Поэтому нужно изначально сделать фильм таким, чтобы он выглядел беспристрастным. Хвалу в свой адрес вампиры от нас и не ждут. И появившись вдруг она, выглядеть это будет ненатурально. Поэтому нужно очень серьезно поработать над тем, чтобы основная мысль, о том кто они, чувствовалась как голос за кадром, но не звучала. Что бы нас не в чем было обвинить, и материал все-таки увидели зрители.

— Это как?

— Например, добавить в сюжет фрагменты, которые будут комментировать предварительный сюжет. Скажем, мы покажем застолье во дворце, а затем материал как за одним столом сидят овцы и волки. Чтобы абсурдность бросалась в глаза.

— И этот материал, по-твоему, пропустят?

— А мы покажем им только ту часть, которую нужно. А уже перед подачей в эфир, смонтируем.

— А что? Это хорошая идея, — оживился оператор.

— Эфирного времени не хватит. Его выделяют только на время показа фильма.

— Значит, мы добавим обманку, чтобы общий таймер совпал.

— Обманку?

— Да, кусок красивый, но ни о чем. Как бы ознакомительный. Такой который одобрят. Ровно на то время что нам необходимо на вставки. А потом мы его вырежем. Закончить фильм предлагаю так — заботливый овцевод чешет ласково гриву милой белой овечке, с умилением и теплотой, а затем на последнем кадре отправляет за двери с надписью «Бойня».

— Охренеть, Калина! — хохотнул Володя. — Мы следующим же утром останемся

безработными. Но мне страшно нравится твоя идея! Что скажете, шеф?

Серпов усмехался, явно о чем-то размышляя.

— Мило побеседовали о погоде, говоришь? — рассмеялся он. — Ну-ну...

— Мило, — кивнула Калина. — Очень мило.

— Запугивал? — прищурился Серпов. — Не мог не запугивать. Из тебя так и сочится «непредвзятость». Какую игру ты ведешь? Не боишься?

— Нет. Волков бояться, в лес не ходить.

— Проскурина, ты, вероятно, погубишь мой канал, но я отчего-то рад, что взял тебя на работу.

— Кто-то должен говорить, когда другие молчат.

Утром следующего дня Проскурина с Рыжовой прогуливаются гостиницей, встречаясь взглядами. Обе сотрудницы телеканала напряженно ищут собеседников и собирают информацию для фильма. Калине эта идея кажется лишеной смысла. Неужели Серпов всерьез думает, что кто-то пожалуется или доверит страшную тайну об истинной природе вампиров, свидетелем которой стал?.. Глупо надеяться. Ведь очевидно, если бы кто-то из туристов был недоволен, испуган или даже просто что-то подозревал, его бы тут не было, вот и весь ответ.

Бросив, в конце концов, эту безнадежную затею, журналистка идет к себе, отдохнуть до возвращения съемочной группы из дворца, где они почему-то задерживались. Но в холле застаёт другую группу, военных, сотрудников гостиницы из числа охраны. Молодые люди стоят неподалеку от небольшой компании туристок сидящих на диване в холле и, не скрывая своего интереса, смотрят на женщин, те же в свою очередь отвечают им благосклонными улыбками.

Проскуриной все это кажется милым до тошноты, но она притормаживает и какое-то время наблюдает. В конце концов, один из военных подходит к гостям и почтительно склонившись, протягивает одной из них цветок. Девушка его берет, краснея до самых ушей, и он тут же отступает. Сомнений нет, когда солдат будет в отгуле, они пойдут в стеклянное кафе.

В числе прочих знакомый солдат, Рами — он не без улыбки наблюдает за происходящим, а затем замечает Проскурину и, кивнув в знак приветствия, идет к ней:

— Ваш товарищ нашел себе даму на следующий отгул? — спрашивает Калина, когда мужчина приблизился достаточно.

— Может быть, он встретил свою судьбу? — серьезно предполагает тот.

— Цветочек это мило, — улыбнулась журналистка.

— Да, они очень любят цветы. Все без исключения.

— Потому их так много вокруг, Рами? — иронизирует Проскурина.

— Я знаю кто вы, Калина. Мне разъяснили, как вы относитесь к нам на самом деле. Но я хочу сказать, что вы не правы. То, что вы видите, очень серьезно для нас. Несколько дней назад мой товарищ подал официальное прошение самому государю на дозволение брака со смертной. Вы и мы скоро станем одним миром. Вы понимаете, что это значит? Нам нет нужды вас обижать. Мы возьмем вас в жены.

— А что будет с нашими мужчинами?

— Ничего. Пусть живут, как жили. Нам нет до них дела. У вас много свободных женщин, их хватит на оба вида.

— А как к этому относятся ваши женщины, Рами?

— Мне пора, госпожа Проскурина, — внезапно резко и даже холодно говорит он. — Доброго дня.

— А вот это и правда, сенсационная информация, — шепчет Калина, провожая молодого военного задумчивым взглядом.

— Жениться? — недоверчиво переспросил Серпов.

Калина изложила шефу результаты проделанной работы, и теперь Михаил Юрьевич смотрит на Проскурину глазами размером с циферблат часов, что висят на центральном вокзале их родного города. Немалый такой циферблат. Чтобы все увидели время, даже издали. Остальные коллеги смотрят «плошками» не меньше и у всех очевидный шок от предоставленной абсурдной информации.

— Ты шутишь? Зачем?

— А зачем обычно женятся?

— Понятия не имею. Я не женат, — иронизирует Серпов. — Потому и спрашиваю. Ну ладно, они развлекаются с нашими, это я могу понять — экзотика, трахнуть то, что раньше жрал.

— Извращенцы... — дрогнув плечами в отвращении, тут же добавил он. — Но брать в жены?! Они что же и детей родить хотят? И что это будет за подвид? Оно будет жрать картошку поливая ее кровью? Или запивать кровь борщом? Что за ахинея? Кто это придумал? Нет, я не верю, что их правитель одобрит эту глупую затею. Абсурд... И это все что вы узнали? Что, вообще ничего стоящего внимания, кроме откровенных глупостей?

Михаил Юрьевич хмурится, постукивая пальцами по столу. Вся группа собрались в его номере. Расселись кто куда и проводят планерку.

— А вы, почему так задержались? — спрашивает Калина.

— Этот дворец просто бесконечный, — морщится он. — Особенно эти их каменные залы, которые настойчиво просили непременно показать в нашем фильме...

Проскурина тихо посмеивается, хотя Серпова это слегка злит. Он чуть ноги не стер путешествуя по достопримечательностям дворца.

— Когда приступим к работе?

— Нужно отдохнуть! — хором возмущается мужская часть коллектива.

— Так идите и отдыхайте, даю час. А ты Проскурина, задержись, — хмуро требует начальник.

— Он пригласил меня на беседу, — когда они остаются одни, признается Серпов. — Занятный тип. Держался словно мы старые знакомые и без ума от общества друг друга. Я просто был сбит с толку. Ждал угроз, или подкупа, хотя бы немного высокомерия. А он со мной эдак запросто! — Хмурился Серпов, напряженно размышляя.

— Потом говорит так, между прочим, мол, я понимаю, ничего хорошего вы про нас не покажете, но я могу хотя бы рассчитывать, что, не смотря ни на что, мы останемся с вами друзьями. Это что еще такое? — возмутился он. — Какая дружба? Он отдает себе отчет, что я буду рыть под него и каждого в этом городе, и при этом надеется сохранить дружеские отношения со мной же?! Опять пригласил нас на ужин. Уже без камеры, просто так. Давайте, говорит, пообщаемся.

— Пробуждает доверие. Это его обычный стиль. Вы же понимаете, что это ни о чем не говорит? Он помнит, что вы ему враг и он сам вам точно не друг.

— Что же я девочка маленькая?! Конечно, понимаю. Не понимаю только одно, зачем этот цирк? Я же все равно покажу о нем в фильме то, что, правда, думаю. И пушистым на

экране он будет только в области бороды.

— Она у него ни сколько не пушистая, шеф, — хохочет Проскурина.

— Я именно про это и говорю! Что эта непушистая борода будет самым пушистым, что я о нем покажу. Я просто ждал совсем другого отношения.

— Вы ждали правителя бессмертных — вампира с острыми зубами, — понимает Калина.

— Вот именно. А получил добряка какого-то. И мне это не нравится.

— Это говорит лишь об одном, он вас обаял. Но это нормально. Он всем нравится. Даже мне.

— Я думал, ты намерена это отрицать, — усмехается Серпов.

— Какой смысл мне кривить душой перед вами? Вы же не слепой и не дурак. Видели вчера наш словестный поединок.

— Я видел даже больше. И знаешь, какое мнение у меня сложилось? — хитро щурится он. — Правда, я думал, ты будешь отрицать. Но ты признаешь. И это тоже меня удивляет... У меня в какой-то момент вообще сложилось впечатление, что весь этот ужин, все эти дамы за столом, как и та что сидела подле него, лишь спектакль для одних глаз. Чьих-то зеленых глаз, Проскурина. Что у тебя на самом деле с ним было?

Калина стояла у окна и на миг оглянулась на шефа, а потом вновь повернулась безучастно смотреть в окно.

— Ничего.

— Не хочешь говорить? Понимаю. Я бы тоже не захотел признаваться, что главный среди тех, кого я ненавижу, нравится мне до легкой дрожи колен.

— Мои колени нисколько не дрожат.

— Хотел бы и я думать так. Но я думаю иначе. Но это твое дело, а для меня главное, что это не влияет на твою позицию. Если это не игра...

— Это не игра, — тихо сказала она. — Я не буду врать, что он никогда не был мне симпатичен. У него редкое обаяние. Но это ничего не значит. Мы с ним по разную сторону баррикад. И всегда там будем.

— Вот это мне в тебе и нравится. Трезво смотришь на вещи, не так как большинство женщин. Не кружится твоя голова. Думаю, даже уверен, что нашему делу его симпатия к тебе поможет. Так что морали не буду читать.

— И за это я буду вам очень благодарна, — все так же глядя в окно безучастно ответила она.

Не смотря на то, что Серпов все очень преувеличивал в отношении к ней Вишнара, слегка поколебать ее удалось. Калина и, правда, трезво оценивала ситуацию и понимала, что именно испытывает правитель бессмертных — лишь мужской интерес. Но это понимание вызывало в ней грусть. Очень легко было позабыть о реальном раскладе вещей, возомнить себе то, чего нет. И главное начать играть в ту игру, играть в которую желания и права, нет. И этого она втайне побаивалась после вчерашнего разговора с Вишнаром. Он четко дал понять чего хочет, она так же четко знала, что не даст этого. Но осознавала, что государь намерен добиться своего, это для него уже что-то типа дела мужской чести и достоинства — получить и подчинить себе эту женщину. Лишь в угоду своему эго и инстинкту. Очень страшно оступить и вновь забыть о разделившей их пропасти даже на миг. Как это уже едва не случилось в прошлом. Она потеряла свою голову. И порой, когда встречалась взглядом с правителем бессмертных, все еще искала ее, свою голову...

Интерес был взаимен и время это не изменило. Собственное тело могло предать и это пугало. Но отступить от сценария, прекратить игру и просто уехать, было нельзя. Это касалось любимого дела и возможности им заниматься. Аршинов рассчитывал на нее, и была еще масса других причин. Возможно, именно благодаря слабости к ней конкретно этого бессмертного у людей появилась возможность узнать, что за игру ведут вампиры. Как она могла об этом забыть? Может быть, она все-таки сумеет вернуть себе свое доброе имя и уважение собственных родителей?..

Глава 18. Сын Его Величества

Съемочная группа оккупировала вход в стеклянное кафе, и снимала всех, кто входил, пропуская желающих через интервью. Опрашивали вначале только девушек, затем предложили ответить на пару вопросов одному из бессмертных. Офицер принял предложение с большим энтузиазмом и словно снял этим стену отчуждения, его сородичи расслабились, и стали чаще идти по его стопам.

Проскурина порой заменяла Леночку, потому что работы было много, и Рыжова часто просила передышку. Серпов позволил эту замену в надежде, что вопросы Калины будут более провокационными. Леночка в отличие от Проскуриной, побаивалась бессмертных, поэтому шаблон ее вопросов был из числа очень осторожных.

Порой за спиной съемочной группы пролетали стремительные шаропланы, которые оператор брал крупным планом для зрелищности сцен. Проскурина оглянулась на звук полета одного из кораблей. Он летел низко и неторопливо, и к удивлению своему Калина увидела за пультом старого знакомого. Амир с интересом смотрел, что вызвало такое столпотворение. Блуждая взглядом по рядам зрителей, он нашел Проскурину в белом пальто. Журналистка усмехнулась, встречаясь взглядом с капитаном, и театрально отдала ему честь.

Если судить по выражению лица, бессмертный был удивлен, настолько, что даже не скрывал свою реакцию. Капитан вернулся глазами к дороге и вскоре его шароплан исчез из виду за зданием гостиницы. Однако, сделав круг, он вскоре вернулся и, снизившись, подлетел к старой знакомой. Дверца корабля открылась вверх и капитан строго спросил:

— Что здесь происходит?

— Я тоже, — ответила она.

— Что, вы тоже? — не понял мужчина.

— Рада вас видеть, капитан. — Калина так и стояла, улыбаясь слегка насмешливо.

Амир одет в непривычную глазам Проскуриной гражданскую одежду темно синего цвета. Вельвет с черными вставками. Прямые строгие линии и очень насыщенный цвет. Жаль не рассмотреть, как сидят брючки, но что-то подсказывает — не плохо, верх ему, несомненно, идет.

— Так что здесь происходит?

— Съемка фильма, капитан. Странно, что вы не в курсе. Неужели преемник вам не сообщил? — поддела она, притворно охнув.

— Меня не было в городе, я возвращаюсь из длительной многонедельной поездки, — оправдался он, серея лицом.

— Тогда... С возвращением, капитан, — сахарно пропела Проскурина и Амир мгновенно нахмурился. Глаза насторожены, смотрят пристально. Анализирует, пытается понять, почему она так приветлива, отчего так ласков тон? В чем подвох?..

— И все равно, странно, что преемник вам ничего не сказал, — настаивает журналистка. — Я думала у вас полное взаимное доверие. Наш приезд обговаривался загодя, уверена, он давно знал. Задолго до вашего отъезда. Почему же он вам ничего не сказал?

— И что именно вы снимаете? — игнорируя вопрос, спросил капитан.

— Очередную захватывающую историю любви. Не хотите стать героем этой?

— Я не камерогеничен.

— Не скромничайте, — пожурила Проскурина. — Вы идеальный кандидат для

трогательных романтических сцен. Нарисуйте нам, что ли, сердечко на стекле шароплана. Это будет взрыв у телеэкранов! — посмеивалась она. — Кстати, идея использовать историю со мной как приманку для туристов принадлежит государю или?..

— Преемнику.

— Так и думала. Какой мужчина, — протянула она, внимательно наблюдая за реакцией капитана. — Я была взбешена, рвала и метала! Но... поразмыслив, не могла не признать, тот, кто это придумал — выше всяких похвал. Устройте нам встречу, капитан.

Проскурина сложила губки бантиком и несколько раз хлопнула ресницами, бессовестно провоцируя на согласие.

— С глазу на глаз. Вы поспособствуете по старой памяти?.. Ну не будьте вы таким... кровососом, устройте встречу, — уговаривала она тихим, волнующим шепотом.

— Это исключено, он очень занят, — холодно отсек Амир. Он щурил свои глаза и поигрывал напряженными скулами, глядя куда-то в сторону. На вампиров, что скопились возле стеклянного кафе, на съемочную группу, куда угодно, только не на Проскурину.

— Ревнуете?.. Ревнуйте. Причины есть. Таких мужчин как ваш преемник просто не бывает. Я должна еще раз увидеть его... Он гениален и наделен поистине государственным умом. Сын превзошел отца, без сомнений. Вот мужчина, перед которым не стыдно склониться даже самой гордой женщине. Я готова и желаю этого. Потому что все время думаю только о нем. Устройте нам встречу капитан. Не стоит завидовать. Быть может, вы тоже когда-то достигните его высот. Хотя... я не верю, в чудеса... Он удивительное исключение из правил и обязан стать моим, хотя бы один раз.

— Нет, госпожа Проскурина. Таких как вы у него много, а преемник крайне занят, — пренебрежительно бросил капитан.

— А вы вначале предложите ему, вдруг для меня он найдет время? — настаивала журналистка, сверкая задором в глазах.

— Не найдет.

— Вы уверены? — поджав губки, удрученно переспросила она.

— Уверен.

— Жаль, — вздохнула Калина. — А ведь у меня даже мурашки бегут по рукам, когда думаю о нем. Всегда особенно любила умных мужчин. А этот еще и марширует... Жаль.

— Проскурина, что у тебя там происходит? — окликнул Серпов.

— Интервью беру.

— Почему не на камеру?

— Товарищ бессмертный стеснителен, я под запись работаю.

— Хотите поговорить с преемником? — вдруг холодно переспросил Амир. Вскинул верх свой подбородок и окинул Проскурину высокомерным взглядом. — Передать ему свои восторги лично? Быть может, не только на словах?..

— Мечтаю страстно! — выдохнула женщина.

— Тогда запрыгивайте, только быстро. Устрою вам встречу прямо сейчас.

— Шеф я ненадолго! — крикнула журналистка. Она нарушала все законы субординации, но было уже плевать. Намечалось нечто сенсационное.

— Куда? Проскурина! — ругнулся Серпов, но она уже протянула руку бессмертному и Амир втянул ее внутрь шароплана.

Приземлилась Калина не очень удачно, на колени капитана. Только перекинула ноги в салон, Амир захлопнул дверцу и резко повел корабль вверх.

— Какой скандал меня ожидает по возвращению! — не без веселья сообщила она. — А как бы мне перебраться туда?

Женщина приценилась ко второму сидению, но Амир ее удержал.

— Не вертитесь, мешаете управлять.

— Автопилот включить нельзя?

— Он поломался.

— Ну, если я вам никуда не давлю, то, пожалуй, так даже удобней. Мягонько, — оценила Калина, слегка подпрыгнув, и тут же засмеялась, когда тело под ней напряглось.

— Вы не весенний пух, госпожа Проскурина, — строго одернул ее мужчина.

— Тогда позвольте «невесеннему пуху» перебраться на свободное место.

— Сидите спокойно, там ремень неисправен. А тут я вас придержу в случае чего, — он сжал ее левой рукой в области над талией.

— В случае чего? — рассмеялась женщина.

— Вот чего, — Амир перевернул шароплан и журналистка заверещала, упираясь в крышу руками.

— Мама дорогая, я же только поела! — и когда шароплану было возвращено нормальное положение, поправила волосы, и слегка повернувшись к сосредоточенному пилоту, спросила:

— Куда летим, капитан?

— К преемнику.

— А тут мы с ним поговорить не можем? Или он желает облачиться перед этим в свой лучший мундир? Для пущего эффекта. Такой с медальками и прочим... чтобы я зарыдала от отчаянного желания завладеть всей этой красотой?

Амир скосил глаза на женщину и Калина широко ему улыбнулась.

— Хорошо летим, Ваше Высочество! Или вам хочется продолжить цирк?

— Вам государь сказал? — неизменно спокойно спросил он.

— Нет. Сама поняла. В принципе сразу знала, но небольших деталей не хватало, и я отвергла версию за недостатком улики, так сказать. А зря! Своей интуиции нужно верить больше чем чужим словам. Вы неплохой актер, Амир, но были вещи, которые вас выдавали. Слишком уверенно держитесь даже для роли главы службы государственной безопасности.

— В самый раз. Он именно так и держится. Даже больше щеки раздувает. Я самый простой во дворце.

— Вы? — хохотнула она. — Нет, Ваше Высочество, простота, это не про вас. Вы скорее — сложность... Первый раз на мысль о том, что вы и есть преемник, меня навел Танум, который пожаловался на крайнюю степень нелюбви двоюродного брата. А вы ее очень активно демонстрировали. Почему вдруг?... Тот, кого нам выдали за преемника не похож на субъекта на досуге отрывающего куклам головы. Другое дело, вы...

Амир молчал глядя на небесный путь впереди. Воздержался от комментария. Хотя Проскурина ждала и очень провоцировала взглядом и улыбкой.

Пролетая по городу они только что минули дворец.

— Кстати, кто это был?

— Военный глава. Главнокомандующий всей армией.

— Разве это не вы?

— Нет, я всего лишь капитан первого полка.

— Но он вам подчиняется?

— Государю.

— Но вы говорили, армия подчинена преемнику...

— Путал ваши карты. Всем в этом мире управляет государь. Он верховный главнокомандующий.

— Зачем вы отрывали головы куклам Танума? — удерживая смех, спросила женщина.

— Это девчачьи забавы, играть куклами.

— Вы ревнуете младшего братишку к папе?

— Глупо.

— Но так?

Капитан не ответил. Лишь смотрел на воздушный путь и хмурился, как всегда закрытый и погруженный в себя. Близкий, но при этом — бесконечно далекий.

— Все сводилось к вам. Я кожей чувствовала, что преемника или нет вовсе или это вы.

— Но появление военного главы в роли вас убедило. Что же выдало? — оживая, включился в беседу Амир.

— Да, — признала она. — Убедило, не скрою. Это вы мастерски придумали. А он безупречно воплотил. Выдали вас слова вашего отца, про зубочистку, которая деревянная и ничего не поймет. Только я решила, что вы сын преемника. Поскольку государь преподнес поговорку как слова его сына. Вы сказали, так говорит ваш отец. Вот и получилось, что вы сын сына государя. Но когда я вас спровоцировала сегодня, все вдруг стало очевидно. Как вы могли повезти меня на встречу с преемником без совета с ним, лишь повинувшись импульсу, если это?..

— Не я сам?

— Верно. Это вы сам и есть. И все стало на свои места. Хотели привезти меня куда-то, выйти и после войти в парадном мундирчике, чтобы наконец-то поставить выскочку на место? Признавайтесь? — лукаво выпытывала она.

— Вы такая проницательная, — сказал Амир и непонятно, серьезен или нет. Лесть или ирония?

— Сорвала вам все удовольствие, бессовестная я.

— Согласен. Вы все время мне его срываете, бессовестная.

Проскурина прыснула этой реплике. Капитан очевидно шутил, но серьезность тона зацепила ее больше.

— Чья была идея представить вас в роли капитана?

— Моя. Тем более что так и есть — в звании капитана хожу два года.

— Я даже не удивлена. Какой вы затейник, однако, — вновь скосив на него глаза, подразнила Калина. — В принципе у «Проказника» и должен был родиться «Затейник». Это случайно не ваше прозвище?

— Нет. Так я был в самой гуще и все видел и знал. А что знаю я, знает отец.

— И он так легко отпустил вас, наследника, в город людей?

— Я сам себя отпустил.

— Папа был против, но сын слишком упрям, — констатировала Калина. — Представляю, как он понервничал, когда вы сбежали с мирных переговоров в подвал?

— Откуда вы знаете, что он не знал? — Амир удивился искренне, об этом сообщила его левая бровь, что слегка приподнялась, когда янтарные покосились на женщину.

— Интуиция... По шапке досталось? — улыбнулась она.

— Отец горд моей решительностью и доволен результатом.

— Ваше Высочество, хотите знать, что я думаю?.. Роль кресла самая удачная из всех. Вы такой комфортный в виде сидушки, — шепнула Калина и захохотала.

— Сидушки в туалете, Калина Владимировна. Я же — живая плоть, — возразил капитан и в подтверждение своих слов ущипнул женщину свободной рукой. За пикантное место.

— Коварно, — оценила Проскурина. — Как же легко вас спровоцировать, гордец!

— Так что вы снимаете?

— Ничего путевого. Мой начальник, Серпов, рвет и мечет, говорит — пушистых зайцев мог снимать, не покидая железной стены.

— А вам провокационный материал подавай?

— Безусловно. Мы ведь представители мелкого телеканальчика, еще и агрессивно настроенного к вам. Зайцев мы обычно не показываем. А в гостинице, где нас разместили, снимать нечего.

— А вы хотели во дворце? — усмехнулся Амир.

— Безусловно. Серпова покорили каменные залы. Дай ему волю он бы бродил по ним без усталости днем и ночью.

— Особенно ночью. С включенной камерой.

— Конечно. Уверена, во дворце как-раз не мало интересного.

— Устроить вам ночевку во дворце? Чтобы повторно могли посетить арену?

— Не переживайте, ваш родитель уже предлагал мне комфортные покои с видом на железную стену, но чуть правее моих прежних, — уверила она его с легкой улыбкой. — А вы в курсе, что я видела арену? Это то место, где вы развлекаетесь с бедными зверьками? Видели мои записи на этот счет, те, что конфисковали?

— Нет. Их нам не показывали.

— И как вы узнали?

— Видел вас в операторской комнате.

— Ловкий вы. И охотиться успеваете и врагов отслеживать.

— Видеть все, что окружает, главное правило охоты.

— Если хотите знать, вы были ужасающи в роли хищника, — исповедовалась она с веселой улыбкой, пребывая отчего-то в крайне приподнятом настроении в его обществе. — До сих пор икаю вспоминая рот полный крови и кусок мяса, что вы оторвали бедняжке аноту. Надеюсь, вы думали не обо мне, когда разделявали его. Перепугали меня до чертиков, Амир! Я потом спать не могла. А зачем вы приходили в ту ночь в мою комнату?

— Уверены что это был я?

— Нет, не уверена. Вы нейтрализовали меня, потому что я видела ваши развлечения на арене?

— В том числе поэтому. Хотя у вас тоже есть бойцовские клубы и игры на смерть с использованием животных. И много чего еще, хуже нашей арены. Но люди бы схватились за эту информацию, и это сильно осложнило дело.

— Зачем же вы пошли на арену в ту ночь?

— Мне было плохо. Нужно было выпустить пар. Охота это отличный способ успокоиться. Лучше только...

— Что лучше?

— Женщина, — скосив на нее серьезные глаза, прямо признался Амир.

— Почему же это была не женщина?

— Та, которую хотел, была мне недоступна.

Калина закусил губу, подавляя улыбку.

— Если вы знали, что я нашла секретный ход, почему сразу его не перекрыли?

Амир молчал.

— Вам было интересно, куда еще я пойду или что выйдет из того, если случайно вас увижу в комнате? Вы там хотя бы бывали?

— Каждый день. Спал, иногда ел, принимал душ и переодевался. Это ведь моя комната.

— Ждали, что я приду, когда будете в душе? И тут же присоединюсь потереть спинку? — острила она.

— Кто мог знать, что бы случилось? Мне показалось это забавным. Немного внести остроты и эффекта неожиданности.

— А я пришла одетая и всего лишь попить вино у вас на кровати.

— Да, вышло скучновато.

— А по-моему была отличная беседа. И простыни мы все-таки немного помяли. Вы же этого хотели?

— Простыни были измяты не так, как я рассчитывал. Не буду скрывать, — сказал он и недвусмысленным взглядом заглянул ей в глаза.

— Значит, плохо рассчитывали, — посмеивалась женщина, отворачиваясь к окну.

— Когда дело касается вас, рассчитать что-то вообще невозможно.

— Не скажите, Амир. Много у вас получилось.

— И вы поражены моим гением, — напомнил он. — И желаете мне принадлежать.

— Я сказала это для вида. Дразнила вас, — весело сощурилась она.

— Не сомневался ни секунды. То, что вы поняли, кто я, было ясно сегодня с первого взгляда.

— Неужели? Врете!

— Нет. Перестарались с восторгами на счет преемника, госпожа Проскурина. В следующий раз, меньше слов и будете убедительней выглядеть. Вы и восторги вещи несовместимые. Вы и колкости, иное дело. Но главное что вас выдало — глаза. Взгляд все-таки изменился. Как я и предполагал. Только я поздно осознал, почему именно. Вы рассматривали меня с интересом, словно знаете только вам одной доступную тайну. Но при этом в глазах появился иной блеск. Все-таки вы дико самолюбивы и волнуют вас только намного превосходящие рангом кандидаты. Тщеславием так и разит.

— Знаете что, капитан? — шепнула она и, полуобернувшись, замерла губами очень близко к его лицу. Амир скосил глаза, встречаясь с ее зелеными, и непроизвольно взглянул на губы... Калина ласково положила руку на мужское бедро и, гипнотизируя глазами, плавно провела ладонью вниз. А потом внезапно ущипнула. Очень больно.

— Коварно. Но ничего другого я от вас не ждал, — усмехнулся Амир и шароплан замер над тем же местом, с которого недавно взмыл вверх. Они снова у кафе, рассерженный Серпов, как и члены съемочной бригады с интересом смотрят на парящее транспортное средство.

— Мы очень высоко, снижайте машину, — скомандовала Калина.

— С вашей живучестью кошки, вам не составит труда прыгнуть отсюда.

— Остроумно, — оценила Калина и когда стеклянная дверца открылась, выглянула вниз, примеряясь. Но тут шароплан стал плавно снижаться и вскоре опустился на землю.

— Крупным планом нас не возьмете? — крикнул Амир оператору и тот мгновенно включил съемку.

— Госпожа Проскурина, несколько слов вашим зрителям о полете? — громко спросил ее капитан. Калина стояла на подножке шароплана и оглянулась, подготавливая остроту. Мужчина только этого и ждал. Неожиданно схватил ее за шею и у всех на глазах страстно поцеловал. И крепко держал, как женщина не пыталась вырваться.

Калина высвободилась, только когда капитан сам отпустил, и в результате чуть не рухнула вниз. Амир проворно схватил ее за пальто и держал пока свисающая с подножки женская нога не нашла опору. Когда это произошло, Проскурина в бешенстве махнула кулаком, но попала лишь по стеклу, потому что бессмертный, предвидя этот удар, проворно захлопнул перед ней дверцу.

Амир широко улыбнулся и послал женщине воздушный поцелуй, затем развлекаясь, двумя пальцам нарисовал на стекле сердечко и изобразил тоску в глазах.

— Ты просила, я сделал, — глухо раздалось за стеклом, и шароплан стал подниматься вверх.

— Чтоб тебя! — Калина со всего маху ударила летающий аппарат и, ухнув от боли, стремительно пошла прочь. Слегка прихрамывая...

Зрители из числа бессмертных громко аплодировали преемнику, члены съемочной группы смеялись. Все кроме Серпова.

— Это было лихо! — оценил оператор. — Шеф я снял все!

— Вот и превратилась наша разоблачительная документалка во вторую волну дешевых новостей, — оценил Михаил Юрьевич.

После шеф устроил Проскуриной страшный разнос за отлучку и постыдное шоу у всех на глазах. Но это случилось, только когда он ее догнал. Уже в номере. Так стремительно женщина бежала прочь.

На пороге гостиницы она встретила группу бессмертных, в их числе и Рами. Он весело посмеивался, и сомневаться не приходилось — ее поцелуй с преемником видели все...

Проскурина пребывала просто в ужасном настроении после разговора с шефом. Злило то, как теперь смотрят все вокруг. И люди и бессмертные. История за секунды стала достоянием общественности, поразив этим даже журналистку со стажем. Теперь Рами при встрече бросает победоносные взгляды. И даже собственные коллеги по съемочной бригаде смеются. Точнее посмеиваются, когда видят ее. А Серпов громко издевательски аплодирует:

— Наша звезда! Браво!

Проскурина как раз шла по первому этажу гостиницы и имела возможность наблюдать эти самые взгляды персонала. Даже почтительный Валинар склонился к столу. Улыбается, чуть не плачет, хотя изо всех сил делал вид, что причина не в журналистке.

Калина прошла холлом не для того что бы стараниями Амира стать очередным посмешищем для всех. В номер позвонили и сообщили, что ее ждет посетитель. Правда, не сообщили кто.

— Вам туда, — указав на двери, кивнул администратор и снова сжал губы, чтобы случайно не улыбнуться.

В небольшой комнате отдыха журналистку ждал совершенно неожиданный гость — Вариноминис. Князь Варимонг — отец Аримаса.

— Рад вновь вас видеть, Калина, — почтительно кивнул бессмертный.

— Взаимно, князь, — не без удивления отозвалась женщина. — Что привело вас ко мне? Простите, что я сразу к делу. Просто я удивлена нашей встрече.

— Я понимаю. Она кажется вам неожиданной.

— Да. Но если я могу вам чем-то помочь...

— Нет, я не нуждаюсь в помощи. Мой визит лишен официального окраса. Я пришел пригласить вас в гости. Помните, мы обсуждали этот визит? И вы сказали, что будете рады посетить мой дом.

— Да, я помню, — кивнула Калина, удивляясь больше, чем прежде.

— Так я могу рассчитывать на ваш визит?

— Видите ли, я бы с радостью, но мой приезд рабочего характера. Я только что получила разнос от начальника, за одно неприятное происшествие. И он уже предупредил меня, что если что-то подобное повторится, у меня будут неприятности.

— Никаких неприятных происшествий в моем доме вас не ожидает. Ни я, ни мой сын никогда не позволим себе то, что обычно позволяет пре... — князь запнулся. — Я хотел сказать, глава службы безопасности.

— Я в курсе правды. Не переживайте, вы не выдали мне тайны. Капитан сын государя.

— Мой сын ведет себя иначе, нежели преемник. Вы должны это знать, — подчеркнул князь.

Калина смотрела с интересом. Значит уже и князь Варимонг знает. Не приходилось сомневаться, что государь тем более осведомлен о происшествии.

— Если вы колеблитесь, потому что опасаетесь гнева нашего уважаемого правителя, то можете не бояться. Мы в силах вас защитить. Я принадлежу к старинному роду, и нахожусь следующим на очереди к престолу после преемника. Так что никто не вправе помешать моему сыну, видеть вас в нашем доме.

— Что вы имеете в виду?

— Государь запретил моему сыну приближаться к вам. Но я думаю, это вам решать, а не ему. Мой сын имеет столько же прав, как и любой житель. И даже сам государь не может лишить его этих прав. Поскольку Аримас не в силах нарушить приказ, сюда пришел я, поскольку в подобной ситуации военный устав на меня не распространяется. Это будет просто визит вежливости, мы немного пообщаемся и все. Вам нечего опасаться.

— Не буду вас обманывать, пока я тут на работе, не смогу прийти. Осенью я приезжала как турист, но тогда вы меня не приглашали... — развела она руками, слегка растерянно.

— В ваш прошлый визит Аримаса выпроводили из города на две недели. Так что смысла приглашать не было. Вы получали его письма?

— Нет, — уже просто теряясь от этой информации, честно сказала Проскурина.

— Значит, не видели и приглашения? У нас теперь визовый режим и необходимо приглашение.

— Нет, я не получала приглашение.

— Я так и думал. Почему-то был уверен, что вы потрудились бы ответить отказом, — кивнул князь, поджав губы. — Сын написал вам не один десяток писем. И ни одно не достигло цели... Значит, вы не посетите нас?

— Я не могу, — искренне пояснила женщина. — Прошу вас не принимать это как оскорбление. Поймите, что я вынуждена отказать. Я член съемочной группы и здесь по приглашению вашего правителя. Если государь оскорбится, у нас у всех будут проблемы. Не исключая, что вскоре приеду с личным визитом, и тогда никто не сможет ограничить меня в контактах с горожанами. Я принимаю ваше приглашение наперед.

— Хорошо. Мы будем вас ждать. Хотя предполагаю, что Аримаса снова вышлют из города по делу службы, — огорченно прокомментировал князь.

— Я и не думала, что все так серьезно...

— Боле чем. Сразу после отъезда первой делегации мира, мой сын имел очень неприятный разговор с преемником, который не вписывается ни в какие принятые нормы. Катамиртас нарушает всякие правила по своему желанию.

— Что за разговор?

— Аримаса наказали за то, в чем его вины нет. Как командир он имел полное право отдать приказ своим солдатам, салютовать вам. Я имел разговор с государем, и он признал это. Но разговор с преемником ни к чему не привел. Извинения не были принесены. Пострадала честь моей семьи, и мы вынуждены были это терпеть. Но я не буду делать этого впредь! По военному рангу оба равны, они капитаны разных полков. И в данном случае положение преемника ничего не дает сыну государя. Это самоуправство!

— Мне жаль, что Аримасу пришлось пострадать из-за меня.

— Он рад пострадать из-за вас. Все что хочет мой сын — всего лишь права говорить с вами. Аримас, в отличие от других, ни к чему не собирается вас принуждать, злоупотребляя властью и силой. В нашем доме к людям относятся с почтением. И так сложилось давно. Мы первые выступили за бескровное сосуществование. Этот мир дело и наших рук. Точнее, наша инициатива. Какое бы решение вы не приняли, мы никогда не станем порицать вас, хотя ваша позиция нам известна. А теперь я откланяюсь. Был рад вас видеть, Калина. Надеюсь эта встреча не последняя. Всего доброго.

Проскурина растерянно провожала глазами преисполненную достоинства худощавую фигуру бессмертного. Он говорил резко, но уважительно. И это был тот редкий случай, когда безо всяких на то причин, Проскуриной нравился вампир.

«Вот так попала в заварушку...», — думала она, поднимаясь к себе в номер.

С другой стороны именно этого и желал Аршинов, что бы Проскурина стала поближе к источнику информации. Теперь их у нее несколько. И все страждут общения.

— Я, блин, просто звезда, нарасхват, — шептала она саркастически.

Еще один ужин во дворце, на который приглашены члены съемочной группы. Теперь размещение персон за столом таково: дама, что вчера сидела подле государя, теперь в общем ряду. И по виду — она очень недовольна произошедшими переменами. Потому что сидит даже не ближайшей к Вишнару. Третьей от него.

За столом все члены съемочной группы. Дружно рядком. Серпов опять ближе всех к государю, Калина за ним. Тут же многие их тех, кто был накануне, но не все. Например, нет Аримаса. Какой-то бессмертный средних лет в конце противоположного ряда все время пристально смотрит и настойчиво пытается поймать взгляд журналистки. Пару раз улыбался и даже кивал с этой целью. Кажется, Калина слышала его имя. Что-то на удивление красивое, на «В». «Валенти» или «Валентиан», а может быть «Валентинас». Но Проскурина усиленно игнорирует мужчину, утомившись за день от работы и вдоволь насытившись вниманием вампиров.

В отсутствии работающей камеры бессмертные расслабились, а вот члены съемочной группы чувствуют себя неудобно. Они не знают, как обращаться с некоторыми приборами, что лежат на столе перед ними, и как именно есть изысканные блюда. И что это перед ними теперь стоит? По виду сладкое желе, но внутри заметны куски мяса... Непонятно. Калина не особенно разбиралась, какими приборами правильно есть. Делала так, как было удобно ей. Учитывая, что бессмертные свою еду «пили», логично было предположить, что они знали о назначении столовых приборов еще меньше своих гостей.

— Это вилка для салата, — внезапно прерывает думы Проскуриной государь, слегка улыбаясь в бороду. — Удивлен, что вы не знали...

— Удивлена не меньше, что вы знали, Вишнар! Вы же не пользуетесь этими приборами.

— Я много чем не пользуюсь, например разделочным ножом или сковородой. Но, тем не менее, знаю, зачем они нужны, — улыбается государь и тут же обращается к Серпову: — Как продвигается съемка фильма? Сняли ли вы то, что планировали или возникли проблемы?

— Да, некоторые возникли. Ничего особенно интересного, что могло бы понравиться моему зрителю, я пока не увидел, — пресным от звучащей в нем искренности тоном, признается Михаил Юрьевич.

— А что могло бы понравиться вашему зрителю? — хитро щурится Вишнар.

— Даже не знаю... — задумался глава телеканала.

— Быть может, наша лаборатория? — как бы, между прочим, озвучил государь.

— А это возможно? Насколько я слышал, там не позволено снимать...

— От кого же вы это слышали? — невинно уточнил бессмертный. Серпов покосился на помощницу и кашлянул.

— У вас в корне неверная информация. Женщинам свойственно все несколько преувеличивать. Я бы избегал на вашем месте полного доверия им.

— И мы, правда, можем снимать в лаборатории? — оживившись, заинтересованным до нельзя голосом спросил Михаил Юрьевич.

— Да, думаю, этот материал скрасит ваш фильм. Ведь нам обоим интересно, что бы он получился зрелищным, — прищурился Вишнар. — И привлек много зрителей. Уверен, это понравится зрителям и увеличит вашу аудиторию... Эти кадры оживят картину, как вы думаете?

— Более чем...

— Я так и думал. Но у меня уговор. Никого из персонала по голове ничем тяжелым не бить и секретные материалы не воровать. Все равно изыдем, — посмеиваясь, шутил государь. — Это всецело достояние нашей нации...

— Быть может тогда, вы покажете нам и вашу арену? В действии... — усмехнулся Серпов.

Правитель бессмертных смотрел на собеседника задумчиво, лишь раз метнув взгляд в сторону болтуны и внезапно улыбнулся.

— Покажу и заснять позволю. Если пожелаете...

— Пожелаю, — уверенно кивнул Михаил Юрьевич.

— Тогда готовьте на завтра камеру и много пленки. Вас ожидает жуткое кровавое шоу! — бессмертный блеснул глазами.

— Кто будет выступать? Тот же, кто в прошлый раз?

— Мальчик очень стеснителен. Он только вот госпожу Проскуру не стыдится. Все ей показывает что-то, показывает... и доказывает, — посмеивался государь бессмертных и буравил Калину настойчивым взглядом.

— Кстати, сегодня вы можете остаться на ночь во дворце, — пригубив из бокала, невинно добавил Вишнар.

— Все? — удивился глава телеканала.

— Безусловно. До меня дошли слухи, что вы все одинаково жаждите этого, — сверкнув глазами в сторону Калины, протянул государь, подразумевая иные жажды и вне сомнения

скромную персону журналистки.

— Мы принимаем ваше предложение, — кивнул гость.

— Все? — уточнил государь. — Или есть возражающие?

Никто не возражал, Калина упорно промокала рот салфеткой, занимая руки хоть каким-то делом, чтобы не смотреть никому в глаза, и Вишнар как результат самодовольно кивнул.

В этот момент двери в обеденный зал распахнулись и один за другим вошли солдаты охраны в парадных мундирах. Выстроились в две шеренги и, вскинув над головами сабли, громко проорали слова приветствия. И тот час стремительной походкой в обеденный зал вошел еще один офицер.

— У вас еще один гость? — удивился Серпов. — Мне знаком этот военный. Видел немало занятных репортажей с его участием.

— Мы тоже их видели. Нам показывали, — благосклонно махнул рукой Вишнар. — Прощу к столу, раз вы пришли.

За общим столом еще пустовало несколько мест в рядах, но к всеобщему удивлению членов съемочной группы, гость не пошел к одному из них. Он так и стоял, явно чего-то ожидая. В этот момент в зал внесли еще один массивный трон и установили во главу стола. Именно на него и присел Амир. И Калина вынуждена была подавить в себе смешок от того с каким истинно царским видом он это проделал. Даже сам государь выглядит многим проще, когда совсем не стремится быть простым. Но развеселило ее не это, а выражение лица собственного шефа, когда он стал предполагать кто именно этот молодой военный в обычном кроваво-красном мундире. Без особых знаков отличия и прочего, необходимого. Такая же военная форма как у тех, кто стоит обычно на этажах в наряде на посту. Не выходная, ничем не украшенная.

Михаил Юрьевич выразительно кашлянул.

— Вы полны неожиданностей, — прокомментировал он ситуацию, повернувшись к государю. — Я могу осветить этот нюанс в своем фильме?

— Если вам будет угодно. Сделайте приписку под кадром отснятым днем. Сам Его Высочество дерзнул на прекрасные губы простой смертной женщины. Там же можно приписать? — тут же уточняет он деловито, в то время как глаза его задорно блестят.

— Мы пустим голос за кадром, — подыгрывает ему Серпов.

— Удивлен лишь одним. Не тем что мой сын изволил посетить скромное застолье отца впервые за столь продолжительное время, а тем, что его появление в новом качестве не удивило госпожу Проскурину. Вы что же, секретничаете за моей спиной?

— Госпожа Проскурина невероятно прозорлива, Ваше Величество, — вместо женщины отозвался Амир. — Она вывела нас на чистую воду давно, но подтверждение получила недавно.

— От вас?

— Нет, от вас.

— Я оказался слабым звеном цепи. Какая досада! И чем я себя выдал, уважаемая Калина Владимировна?

— Вы частите моей присказкой про зубочистки, отец.

— Вообще-то вы сами провалили собственный продуманный и бесконечно коварный план, — вступила в дело журналистка. — Не стоило подписывать эту фразу словами вашего отца. Я бы так и не узнала. И вы бы оба вдоволь насладились моим до края обескураженным лицом. Я бы восклицала: «Как такое возможно?! Как это может быть?!». А вы бы смеялись.

— Никто не планировал над вами смеяться, — поморщился государь.

— Не торопитесь расписываться за сына, Ваше Величество. Он бы желал так развлечься. И как раз ему немного радости в лице не повредит. А ничто иное не порадует его так, как мой очередной позор. Не правда ли, Ваше Высочество?

Амир сидел за столом, холодный и недоступный лицом. Словно его и нет в общем ряду.

— Ваш сын не в настроении как я погляжу, — повторно настояла на своем журналистка.

— Преемник не терпит, когда к нему обращаются с упоминанием титула. Хоть Ваше Высочество, хоть Ваша Светлость...

— И как к нему обращаться?

— Преемник. Только так. Но это по долгу службы. Думаю, вам как даме он простит фамильярное обращение при помощи имени. Но ручаться не могу. Непредсказуемая личность.

— Непредсказуема хмурая личность, — подразнила Проскурина.

— Он всегда в таком настроении, — наблюдая за сыном, констатировал государь. — Начальником службы безопасности он мне нравился больше. По долгу службы, пусть и воображаемой, ему приходилось улыбаться мне. И вот с тех пор как я его уволил с воображаемого поста, он снова суксился и опять ходит с этой хмурой миной. Он с ней и родился.

— Да, я в курсе и соски не сосал. Сразу подался отрывать головы куклам.

— Танум паршивец! — хохотал государь. — Сынок, прости его! Калина Владимировна, что вы наделали?! Мальчишка редкий гордец, он же сживет несчастного со свету за то, что дал повод позорить его!

— Вам весело, отец? — спросил с противоположного края Амир.

— Очень. От чего же не веселы вы, сын мой?

— У меня нет вашей веселой собеседницы. Не поделитесь?

— Найдите себе свою, сын, и развеселитесь! — улыбнулся Вишнар.

— Я претендую на вашу, — к всеобщему шоку заявил Амир и добавил: — Даю вам слово, Калина Владимировна, что малыш Танум не пострадает за свой длинный язык. Более того, я куплю ему новых кукол. Целый десяток. Не понаслышке знаю, он этим по-прежнему грешит...

— Все вы этим грешите. Только малыш Танум играет не живыми куклами, — как-то странно отозвалась женщина без всякого энтузиазма и покинула беседу, демонстративно углубившись в поедание пищи. Не понравился ей этот диалог. Ой, не понравился! Опять кровососы что-то задумали. И опыт подсказывает, у нее будут неприятности. Раз они так демонстративно стали делить ее на глазах у съемочной группы.

В разговорах Проскурина больше не участвовала, впрочем, ее никто и не вовлекал. Вишнар общался преимущественно с Серповым. Преемник вообще молчал. Даже когда к нему обратилась одна из сидящих за столом дам. Она пару раз пытались привлечь его внимание чисто женскими трюками — взгляды искоса, жеманные улыбочки. Но Амир лишь безучастно прислушивался к беседе, и непонятно было, реагирует ли он на флирт или нет. То, что он его осознавал, сомневаться не приходилось. На даму он поглядывал, потому она и старалась для него улыбаться, хотя его молчание в ответ на вопрос, даму слегка смутило. Но выражение лица Амира — закрытая холодность — не менялось весь вечер. Словно он шахматист и сидит за клетчатой доской, обдумывая очередной ход.

В самом конце он поднялся и, адресовав всем собравшимся небольшой кивок один на всех — делитесь, как хотите, скрылся за дверью, в которую ранее вошел.

— Это обычно означает — всем доброй ночи, рад был видеть вас в добром здравии и надеюсь увидеть еще, — откинувшись в кресле, пояснил государь, невозмутимо и с легкой долей веселья.

— Как много информации удалось вместить в один жест, — оценил Серпов не без понимания.

— Да, он оттачивал искусство кратких бесед годами.

— А я могу спросить, сколько преемнику лет?

— Безусловно. Тридцать пять.

Все сидящие за столом немало изумились.

— Тридцать пять?.. Но он...

— Именно так и выглядит? — усмехнулся Вишнар. — Так и есть. Загадки нашей внешности необъяснимы, да?

Увы, развивать тему государь не стал и вскоре сам отклонялся. Точнее, пожелал всем доброй ночи и ушел в сопровождении охраны.

Членов съемочной группы проводили кого куда, а Проскуриной досталась старая добрая комната. Когда телевизионщиков разделяли, подчеркнув во всеуслышание, что госпожа Проскурина будет размещена в комнате подле государя, оператор группы хохотнул:

— Отец и сын не подерутся?

— Успешной ночи, Проскурина! — холодно попрощался Серпов.

— Не ожидала подобной доверчивости от вас, Михаил Юрьевич! — взбесилась она на весь коридор, что бы все услышали. — Происшедшее за столом очередной спектакль! Мне обидно до глубины души, что вы верите!

— И какова его цель? И почему мне не верить? Я все вижу и сам, и днем прыгать в шароплан к преемнику тебя никто не заставлял.

— Я работала! Информацию собирала! Вы не думали, что они умышленно решили дискредитировать меня в ваших глазах? Старый трюк! Показать вам конфликт между отцом и сыном, которого нет, — приблизившись к Серпову, тихо сказал журналистка. — Они явно хотят, что бы мы думали, что между ними кошка пробежала. А на самом деле они действуют слажено, как один организм, один дополняет другого. Вы, правда, думаете, что сын станет противопоставлять себя отцу из-за человека, да еще на глазах у всех? Глупая приманка, а вы поверили!

— И зачем им вводить нас в заблуждение?

— Не знаю. Кроме того что бы вы перестали мне верить, иной причины не вижу. Иначе не могу все это понять...

— Вот когда будешь точно знать, тогда и приходи, а пока шуруй. Тебя явно заждались.

Очень досадный конец вечера, страшно оскорбительный. Коллеги не то что бы порицают, но взгляды, которыми они обмениваются, удаляясь, более чем живописны. А Володя так еще и по кулаку ладошкой ритмично постучал, что-то шепнув шефу, и тот закивал в ответ. Живописный, оскорбительный жест.

— Идиоты, — досадливо шептала Калина, удаляясь со своим сопровождающим.

Интересно, что за дверью он не остался стоять, тут же удалился. И другой на смену не пришел. Проскурина проверяла каждые пять минут. И это казалось зловещим предзнаменованием.

Калина нервно прохаживалась комнатой туда обратно и косила на входные двери. А потом на потайной ход в стене. При проверке дверь оказалась неактивна.

— Черт его знает, может быть тут все стены можно так шевелить! — ругнулась она, и пошла пошлепывая вдоль стены. Но ничего «не нашлепала» в результате, только ладонь отбила. Та слегка покраснела и немного онемела в конце.

Но к счастью на счет визитеров она переживала напрасно. Ни один из членов государственной семьи к ней не пришел, вопреки ее страхам.

— Вот именно, — шептала она, прохаживаясь комнатой, — ни один из двух членов...

Это говорило только об одном. Присутствующие за столом как она и предполагала, были всего лишь зрителями... Очередного спектакля. В результате которого она вновь дискредитирована в глазах коллег, той небольшой группы представителей ее мира, уважение которых ей удалось найти с таким большим трудом. А теперь и эти станут ее презирать. Хоть домой не возвращайся!

Как же легко нейтрализовать женщину...

Когда время перевалило за полночь, и она удостоверилась, что теперь визитеров можно не опасаться, Калина засобиралась на ночную прогулку. С какой-то сентиментальной радостью она прошла коридорами, без труда минуя посты и охрану на этажах.

— Как в старое доброе время, — тихо иронизировала она.

Но, увы, обнаружилось, что к этому мероприятию хозяева подготовились превосходно. Дверь на нулевой уровень теперь надежно хранил замок. Причем такой не поковыряешь ногтем или шпилькой, что случайно или не случайно забылась в волосах. Замок был частью самой двери. Точнее, это была новая дверь которая открывалась непонятно как, потому как ни замка, ни ручки, ни того где именно дверь открывалась, ни зрительно, да и на ощупь определить не удалось.

— Миленько... — пресно оценила она и вернулась по лестнице вверх на первый уровень дворца. Проскурина долго бродила этажами в поисках чего-то, хотя бы чего-нибудь и ничего не нашла, кроме злополучной каменной залы.

— Опять ты! — как старому врагу злобно прошипела она, открыв двери и тяжело вздохнула, когда донеслось эхо — «ты-ты-ты». — Чертова каменная бесконечность!..

Искать тут было нечего. Оставалось возвращаться в комнату. На следующем же этаже она нос к носу столкнулась с Серповым. Который так дрогнул, увидев внезапное появление чьей-то тени из-за угла, которая оказалась лишь одним из его сотрудников, что Проскурина прыснула со смеху.

— Проскурина? — обретая невозмутимое спокойствие, постно уточнил шеф. — Я думал, ты на бархатных простынях вальяжно валяешься в обществе высоких персон.

— Уже обслужила обоих и ищу теперь вас. Вы следующий, — язвит она кривляясь.

— Тогда идем, — оглядываясь по сторонам, отшучивается он. — Делать тут все равно нечего. Все двери закрыты. Все без исключения под замком.

— Каменная зала не закрыта, желаете посетить? — указав рукой в нужную сторону, уточнила журналистка. Серпов так от нее шарахнулся после этих слов, что Калина снова засмеялась и еще пару раз по пути наверх пугала «впечатлительного» руководителя этим страшным словосочетанием — «каменная зала».

— У меня такое чувство, что они нас ждали, — морщится Серпов. — Я пару раз едва не засветился перед постовым. И у меня сложилось чувство, что он специально отвернулся, что бы я мог на носочках незаметно пройти мимо.

Калина расхохоталась уже в третий раз.

— Так и есть. И нечего удивляться. Нас ждали и подготовились. Вишнар развлекается. Знаете, как переводится это прозвище — «Проказник». Воображаю, как они с сыном сейчас смеются, наблюдая за нами.

— Думаешь тут камеры? — оглянулся Серпов. — Не вижу...

— А вы ждете такую как наша для съемок фильма, на пол стены? — хохотнула Калина. — Они у них, наверное, как спичечная головка или как пыль. Распылили тут по полу и смотрят мне под юбку. А я в брюках! — сказала она и не без злобного задора шмякнула ногой по воображаемой камере. И тут же побелела как полотно.

— Что, камера дала сдачу? — усмехнулся Серпов.

— Михаил Юрьевич, мне тут в голову пришло...

— Не распылили ли они такую пыль в наших комнатах? Или скажем, душевых? — посмеивался он, наблюдая за ее мучительными гримасами. — Вот видишь, как опасно иметь такое богатое воображение? Теперь ночь не будешь спать, и купаться станешь одетой.

— Вообще не буду. Стану позорно смердеть, — суксился журналистка.

— Знаешь, что и правда, интересно? Где остальные? Не заблудились ли?.. — морщился Серпов.

— Вы что, все на разведку пошли? А оператор с камерой?

— С маленькой, — кивнул шеф и улыбнулся. — Одна Рыжова побоялась. Забилась всем телом под подушку, словно ее в комнате вообще нет.

— Тогда бессмертные просто в истерике уже. Надеюсь, они, правда, за нами следят. Не найдем же потом никого из группы. Тут с непривычки можно и заблудиться лет на сто.

— На двести, если без поводыря войти в каменную залу...

Они расхохотались и все еще посмеивались, минуя очередной пост. Солдат так изумился их наглости идти в открытую, что просто открыл рот. Так и поворачивался за ними одной головой — сияя дуплом с идеальными зубами. А Проскурина еще и вернулась, и добила несчастного вопросом:

— А у вас случайно нет ключей от нулевого уровня? Или еще каких-нибудь, где полно секретиков? Мне очень нужно...

Солдат цокнул зубами, резко закрывая свой рот и решительно крутнул головой, убеждая, что таковых у него «нет».

— Я так и думала, — вздохнув, сокрушалась Калина и перед тем как удалиться добавила: — Но мы походит тут еще? Поищем, хорошо?..

Она измывалась так над каждым постовым и, в конце концов, попала на такого же, как сама шутника.

— Есть, — подмигнул он и тихо шепотком добавил: — Только вы меня государю не выдавайте.

Солдат и, правда, тут же протянул ей электронный ключ, и когда женщина с интересом повертела его в руках и спросила: «И от какой он двери?», ответил:

— От моей.

— От вашей? — удивилась журналистка.

— Да, приходите под утро, когда я сменюсь, и я шепну вам на ушко пару забавных секретиков, — сказал и еще раз недвусмысленно подмигнул.

Серпов даже поперхнулся смеяться над выражением лица сотрудницы. А потом добавил для солдата:

— Молодец!

— Я вообще не поняла, вы, на чьей стороне? — возмутилась Проскурина, когда они двинулись коридором дальше.

— Это было просто блестяще. Думаю, к утру этого молодца приставят к награде. За то, что нашел, что тебе возразить и поставил на место.

— Как дело касается мужского эго, так все вы коллеги.

— В каком смысле?

— Упыри!..

— Где вы были и почему вы вообще тут?!

Вот и для Проскуриной настало время удивленно округлить глаза и к стыду своему — открыть рот. Точно как постовой. И шока в глазах не меньше.

Этим вопросом в ее собственной, точнее — отведенной для ночевки комнате встречает сын государя. И лицо у него при этом, такое не доброе-не доброе, почти злое.

Калина оглянулась себе за спину соображая оправдываться или нет? И если да, то не правдой же о походе на нулевой уровень.

Решила вообще ничего не говорить. Сложила руки на груди и нахмурилась.

— Зачем пришли?

— Я прождал вас не один час в гостинице в вашей комнате. Вы не пришли, — строго укорил ее он.

— Да, я в курсе, — подчеркнув, таким образом, этот очевидный факт, согласилась гостя.

— Я сразу понял, что вы тут, — продолжил Амир.

— Сразу? — ухнула Калина. — Аналитик от Бога. Уже начало четвертого, Амир. Сразу было бы часов пять тому назад...

— Я тут уже около часа, — замыкаясь лицом, холодно ответил он. — Где вы бродите? Весь дворец закрыт на замки! Нельзя быть такой наивной. Зачем бы вас оставили ночевать да еще без охраны?

— Сколько тайн вы мне только что открыли! — округлила она глаза. — Только про цель своего позднего... хотя, пожалуй, что уже раннего, визита так и не сообщили.

— Вы редкая язва и не каетесь. Так и помрете девственницей, — слегка теряя терпение, ругнулся капитан и присел на стул.

— Вынуждена вас разочаровать...

— Уже разочаровали! — резко перебил Амир. — И не пытайтесь, как всегда острить, демонстрируя свой богатый опыт. Подозреваю, его кот наплакал. Или даже мышь! Ваш хронический случай, образ бешеной сучки которая норовит тяпнуть всякого в радиусе километра, меня заинтересовал. Но вы правы, в вашем досье ничего, что могло бы дать ответ, не было. Пришлось капнуть, пока я был там среди вас, у людей.

— И напрасно потратить время. Сучка взбесилась сама по себе. Такое у сучек бывает, — холодно кривлялась Калина.

— Я не называл сучкой вас, сказал «образ сучки», это подразумевает притворство, — терпеливо пояснил капитан.

— Я знаю, что это подразумевает. Говорите, что вы там нарыли? Мне и самой уже интересно, отчего я как бешенная. Ходили в поликлинику собрали мои справки? Как там общий анализ моей мочи? Что интересного в кале?..

— Не интересовался ни тем, ни этим, — игнорируя насмешки, спокойно ответил

ночной визитер. — Вы так уверенно держитесь, потому что думаете, что я ничего не мог найти, потому что искать нечего. Но это не так. Ответ был всегда на поверхности, и он очень прост. Ваш отец, Калина, всегда сильно давил на вас. С детства порицал за все. Вы росли с внутренним гневом, и вылилось это в том, что вы во всем стали противопоставлять себя ему. Всегда все делая на зло. Если ему не нравился какой-то мальчик вы непременно с ним начинали дружить. Если он настаивал, чтобы занимались танцами, вы их бросали и занимались стрельбой из лука, или борьбой. И приходили домой вся в синяках. Чтобы он постоянно давил на вас, и вы в очередной раз что-то ему доказывали. Эта привычка противопоставлять себя мужской воле у вас с детства, происходит она из ваших отношений с отцом. Он не хотел, чтобы вы стали журналистом, и вы стали именно им! Он мечтает видеть вас чьей-то женой, и вы изо всех сил отталкиваете от себя всех желающих. Вы так его ненавидите или просто желаете его любви с таким отчаянием? Что бы он принял ваш мятежный дух, принял такой, какая вы есть и перестал порицать?

— По себе судите? По своим отношениям с отцом? — холодно спросила Калина.

— Вот и доказательство. Лучшая оборона — нападение. Потому и отвечаете всегда вопросом на вопрос. Даже этим подтверждаете мою догадку. Знаете что в этом всем самое ужасное? Вы могли бы стать чьим-то счастьем. А стали наказанием самой себе. Потому что из-за придирок отца, в вас жив страх не оправдать доверие. А как с таким грузом на сердце пустить в него кого-то и поверить?

— Уж, не о любви ли вы мне сейчас говорите? — иронизирует Проскурина.

— О вашем страхе любви. Так и есть.

— У меня нет никакого страха любви.

— Есть. Именно поэтому, Калина, вы так отчаянно кусаете тех, кто вам по-настоящему нравится.

— На себя намекаете? — усмехнулась женщина.

— Именно. Я нравлюсь вам. И вы держите это в тайне.

— Даже от себя? — смеется она.

— Прячься за иронией сколько угодно. Правду это не изменит. Я нравлюсь тебе, оттого ты и играешь со мной, — внезапно перешел он на «ты». — Хочешь чувствовать, что в своем желании ты не одинока. Но ближе подойти не даешь. Тебе страшно.

— Забыться от любви к вам? — насмешливо уточнила женщина.

— Подпустить вампира к своей шее. Думаешь, укушу. И это настолько сильный страх, что он затмевает собой все.

— Я что-то запуталась, так чего я больше боюсь, полюбить или быть укушенной?

— Потерять себя. Отдать себя другому. Не в банальном смысле, а по настоящему — довериться и ошибиться. С любовью в сердце это больно. Так у тебя было с отцом, и ты не желаешь пережить это снова. Но пока ты не отдашь себя, преодолев этот страх, счастья не будет.

— Все, вы разгадали меня. Теперь можете идти к себе и спать спокойно, — сказала она пренебрежительно и отвернулась, расстилать постель.

— Если бы ты меня не боялась, то давно уже стала моей. Потому что желаешь этого не меньше, чем я. Но я для тебя настоящая угроза, потому что больше чем просто нравлюсь тебе, верно? И тебе страшно, что это станет очевидно, если ты позволишь мне приблизиться и прикоснуться. Но это уже очевидно. Я же не ребенок, Калина...

— Амир, вы прирожденный психоаналитик, уж не вы ли нашептали Фрейду основы

психоанализа?.. Все это занято, но я устала и хочу спать. Не будете ли вы столь добры, убраться отсюда ко всем чертям? Если вам так натерпится пошелестеть сегодня простынями, сходите к милой даме что весь вечер делала вам глаза. Если боитесь сложностей, найдите прототипа. Я дам вам конфет, — любезно попросила она.

Капитан подошел вплотную, и Калина едва сдержалась, чтобы не отступить, но устояла, упрямо поджав губы. Не хотела показывать ему свою слабость.

— Каждое утро последние пол года я усиленно тренировался, — тихо поведал он.

— В искусстве любви? — поддела она.

— Обливался кислотой. Так что твоя ирония мне не обидна.

Калина хохотнула и сделала веселые глаза:

— Ничего не припалили кислотой?

— Все целехонькое, — уверенно кивнул он.

— Тогда рада за вас. И доброй ночи, наконец!

Амир откланялся и пошел к секретному ходу.

— А зачем вы приходили?

— Сказать, что вы ревнуете напрасно, — беспечно признался капитан.

— Ревную? Я?

— Да. Поэтому я пришел вас заверить...

— Что у вас ничего нет с той дамой. Все, идите! — теряя терпение от абсурдности ситуации, скомандовала женщина.

— Нет, почему же, было и не раз. Но это совсем ничего не значит для меня. Чисто для разрядки. Как пройтись по снаряду после разминки, что бы сноровку не потерять. Все свои эмоции я берегу для вас! — уверил он, слегка переигрывая с искренностью. — Поэтому спите спокойно.

— Какой хвастун. Ваш отец бы вас устыдился. Не представляю, что бы он так же хвастал своими победами.

— Этому я научился как раз у него. Он же сам продемонстрировал вам свой розарий. Не сомневайтесь все эти цветочки он понюхал и не раз.

— Фу, какие мерзкие ассоциации возникли, — скривилась Калина. — Амир, вы добились желаемого, я потеряла покой от ревности. Все! Идите уже спать, хвастун!..

— Да, свет очей моих, я слушаю тебя? — закатив глаза, паясничала журналистка. Капитан смотрел предельно серьезным взглядом, словно собирался сообщить что-то очень важное, так сказать — пролить свет истины.

— Я регулярно делаю так, как ты меня учила. И проблем, и правда, больше нет. — После этих слов капитан бессовестно улыбнулся.

Журналистка в недоумении вскинула брови, изучая собеседника серьезными газами, пока не осознала, о чем именно он говорит. В результате она живописно закатила эти самые серьезные зеленые глаза.

— Я тронута вашей неожиданной откровенностью, о том, как вы поднаторели в искусстве оральных ласк, но это признание было излишне...

— Может быть, пройдемся по мучному, Проскурина? Булочки, кексик...

— А вы еще не нализались на этом конвейере?

Ответом был тихий задорный смех. И преемник, наконец, ушел...

Глава 19. Проказник

— Ну и вид у тебя. Что, ночь выдалась тяжелой?

Проскурина хмурится, игнорируя неприятный юмор коллег. Ранее утро они едут на транспортере к зданию гостиницы. Журналистка кутается в свое пальто и силится не зевать. Ужасная ночь, она практически не спала. А когда все-таки смогла уснуть, уже пора было просыпаться.

— Спала она не в одиночестве. Точнее — не в одиночестве не спала, — шутит в ответ Володя.

— Очень остроумно! Да, я придавалась разврату до самого утра! С двумя сразу. Ты это хотел услышать?..

Серпов закрыл рот всем и к счастью для Проскуриной строго добавил, что имеет гарантии, что она не спала ни с кем из королевской семьи.

— Откуда знаете? — сощурился оператор.

— Этой ночью она спала со мной, — отмахнулся шеф. И Калина тяжело вздохнула, один шутник другого не лучше. Потому как наживку склевали все...

— У них вообще есть женщины? — примерно в середине дня, внезапно спросил Михаил Юрьевич, обращаясь к помощнице. — Сколько не смотрю по сторонам, не вижу.

Серпов заинтересованно оглядывался стоя посреди одной из центральных улиц столицы. Съёмочная бригада решила сделать несколько дублей для общей зрелищности картины в этой части города. Самое насыщенное движение, один за другим стремительно пролетают шаропланы, маршируют небольшими группами солдаты, старшие офицеры куда-то торопятся поодиночке в длинных строгих пальто. И, конечно же, прогуливаются туристы из мира людей. Яркий день, солнце слепит глаза. Зеленая не по сезону травка на газонах, цветы в закрытых стеклянных вазонах, удивляют взгляд разнообразием и красотой. Слева парк, справа аллея с недавно встроенными уютными теплыми беседками, где воркуют пары влюбленных. Многие шпили необычных дворцов. И во всем этом многообразии почему-то ни одной девочки, женщины, даже... бессмертной бабушки.

— Женщины у них есть. Я видела, но только один раз. Правда, вот так вот, гуляющими по улицам, не наблюдала. Думала над этим и решила, что они прячутся от людей. Иной причины нет.

— Не выходят из домов из-за нас, говоришь? — задумчиво уточнил Серпов.

— Не знаю. Но на вопросы о женщинах все избегают давать четкий ответ. В лучшем случае говорят про их необщительность, а в худшем, игнорируют вопрос.

— И что это может означать?

— Возможно, дамы этого вида не так и рады миру с людьми. Но они, судя по всему, та часть жителей города, которая ничего не решает.

— Короче, тут у них активный патриархат, — оценил Серпов. — А главный патриарх — Вишнар.

— Похоже... Но лично мне они не показались агрессивно настроенными. Скорее какими-то слегка отстраненными, безучастными. Слишком хорошо воспитаны что ли... Или?..

— Что «или»?

— Эмоций в них маловато, — протянула Калина и оглянулась по сторонам, словно что-

то искала. — А во мне их так много. Так он сказал?.. Михаил Юрьевич... Шеф, это город мертвых... Как же я раньше не поняла!..

— В каком смысле? — встрепнулся Серпов.

— У вампиров нет своих женщин! Вот зачем им нужны мы! На улицах нет, не только женщин, тут нет детей! Посмотрите вокруг!

— Куда же они делись? И кто те женщины, которых ты видела?

— Не знаю. Думаю, дамы, которых я видела в опере, всего лишь прототипы с клыками. В любом случае, они не настоящие, а выращенные в инкубаторах существа. Внешне эти женщины отличались от обычных «Агат», но вели себя очень странно, депрессивно. В то время как обычная «Агата» не просто покладиста, безучастна без конкретной команды, как робот. Преемник как-то говорил мне, что первые прототипы были склонны к суициду и буйствам. Вероятно, они что-то изменили и получили... склонных к меланхолии. Ничем не лучше, в общем. Не знаю «что и как», но чувствую, что, правда близко! Таки образом странное поведение показанных мне женщин очень хорошо объяснимо, — рассуждала Калина. — Сын государя жаловался, что прототипы так безучастны только потому, что полноценных существ создать они просто не смогли. Вырастили себе похожие организмы, что бы все смотрелось для них самих по-настоящему. Но у них не получилось себя обмануть. Вероятно, есть что-то, чего мы не понимаем в природе вампира. В Агатах нет эмоций! Красивые куклы и только. А вампиры хотят живых! Измучанных нуждой, изголодавшихся за вниманием чумазных женщин из-за стены! Смотрите на них! Красавцы офицеры, все как на подбор, высокие и видные мужчины, выпучив глаза, галопом бегают за каждой заурядной юбкой. В прошлый мой приезд, один юный бессмертный соблазнил бабушку шестидесяти лет. Как вы это поясните?

— Извращениями, — в отвращении поморщившись, уверенно заключил Серпов.

— Допустим, один. А все прочие?! И главное, зачем вообще было создавать прототипов? Если не заменить женщин, которых нет!

— Бесплатные рабы, например.

— Да, но дети! Где дети, шеф?! — изумленная собственным открытием, Проскурина смотрела на руководителя широко распахнутыми зелеными глазами. — Почему я раньше не подумала об этом?!

— Это абсурд! Нет женщин, нет детей, нет рождаемости. Вырождение нации бессмертных. Если предположить, что все эти бессмертные вокруг прототипы, — оглядываясь он, по сторонам присматриваясь к жителям, — то на прототипы они совсем не похожи. Они по-настоящему живые. Тогда как они родились?! И почему женщин нет, а мужчины есть?.. Чушь, Проскурина! Они прячут свои чада от нас, как и баб. А не видно из-за того, что у них тут все решает мужик! А мужик не желает, что бы баба мешала его планам. Вот все они по домам и сидят. Или в провинцию подались. Нашего брата пока дальше столицы почему-то не пускают. Почему?.. Общий настрой бессмертных — перетоптать всех баб из мира людей. Блядство, вот что тут происходит! Хотя цели и смысла его не вижу и не понимаю! Абсурд какой-то! — хмурился Серпов, оглядываясь по сторонам.

— Я уверена, что права! — настаивала Проскурина. — Все ведь сходится! Их желание создать семьи, объединив виды, их активный интерес к нашим женщинам. Даже то внимание, которым меня окружили в первый визит, объяснилось!

— Внимание к тебе, говоришь, объяснилось? А в голову не приходило, что ты просто красивая баба?! Потому и волочатся все, — ругнулся мужчина.

Серпов несогласно крутил головой и шурил глаза на прохожих. Затронутая тема сама собой тут же ушла на второй план.

После съемок в центре города, музеи и еще парочке мест, где телевизионщики появились с камерами всецело из желания развеять или подтвердить свою теорию о «городе мертвых женщин», а не потому, что это необходимо было картине, группа направилась в гостиницу.

Своими домыслами Серпов и Проскурина ни с кем не поделились. Михаил Юрьевич настоял. Если это правда, то информация разгромна. Узнай бессмертные, что людям известна тайна, которую они пытаются скрыть, то не выпустят из города живыми. Калина не спорила, знала — могли. Но ей уже не терпелось поделиться наблюдениями с Аршиновым.

Пешие телевизионщики двигались по аллее в сторону гостиницы, когда над их головами со свистом пролетел стремительный шароплан. Плавное развернулось и сделал несколько кругов над головами. Все отлично видели, кто сидит за пультом.

Преемник летал над людьми еще какое-то время, не снижаясь, а затем открыл дверцу корабля и крикнул:

— Полетаем, Проскурина?

— Непременно, только займите очередь за всеми желающими меня прокатить, Вашеество! — лишенная настроения, резковато отозвалась она.

— Не выспалась, бука? Ты же отлично знаешь, что я, как и ты не сомкнул глаз до рассвета, — проорал он так, что слышала вся улица. — Тогда до встречи будущей ночью, проказница! Там и полетаем!

Амир захлопнул дверцу, сверкая мстительными огоньками в глазах, и Проскурина закричала что было мочи:

— Думаешь, кто-то поверит в этот цирк?!

Но тут же оглянувшись на съемочную группу, изучив лица прохожих — туристов из числа людей и местных, бессмертных, к стыду своему поняла — поверили все...

Поздний вечер, съемочная группа в предвкушении интересного материала спешит во дворец, посетить арену. Их провожают в личную ложу государя, которая оказывается шикарной оперной.

«Значит, тут государь бывает чаще», — приходит к выводу журналистка.

Оператор с помощью коллег быстро устанавливает камеру в самое удобное положение, так что бы никому не мешать. К счастью места много, как и удобных кресел, поэтому все не задействованные члены съемочной группы размещаются с комфортом за спиной государя. Проскуриной везет расположиться так, чтобы видеть и арену, и правителя этого мира. И складывается впечатление, что это не случайное везение. Потому что Вишнар поблескивает удовольствием в глазах, хотя и не смотрит на журналистку.

Сквозь огромные окна прекрасно видны ложи заполненные зрителями, в основном мужчинами, но к удивлению Калины, среди них есть и женщины. Не много, но они есть. Все нарядные и предвкушающие. Впрочем, члены съемочной группы предвкушают намного больше. Ведь сегодня они увидят хищников в деле. Какой замечательный разоблачающий материал! И бессмертные сами преподнесли его, на блюде.

— Это люди или бессмертные? — спрашивает Серпов, изучая зрителей.

— Дамы?.. Бессмертные. Единственные люди тут — это вы... — благосклонно поясняет Вишнар и тут же интересуется: — Вы желаете с ними пообщаться? Или быть может, взять интервью?

— Безусловно, — кивает Серпов более чем довольный этим предложением.

— Я постараюсь поспособствовать. Хотя и не имею власти приказывать чужим женщинам. У нас, знаете ли, принуждать дам законом строго карается. Им только глава семейства указ. А если дама от чего-то отказывается и по его настоянию, не в силах сделать ничего даже государь.

— Я думал у вас патриархат, — улыбнулся Серпов.

— В чем-то зрительно похоже, но это не так. Законы государства исполняют все жители одинаково, но то, что касается личностей дам, мы как государь не вправе повелевать им как прочим, требуя исполнения. Потому как дамы у нас не военнообязанные. А мы существуем по законам армии. Они же существуют по своим законам дома и семьи, и мы скорей гости в их прекрасном мире гармонии.

— Каким же именно законам они подчиняются?

— Законам семьи, в которой живут. Но тут, что касается личной воли дамы, ей никто не указ ежели она чего-то не пожелает.

— В общем, все, как и у нас, — задорно крикнул Серпов. — Вроде как муж глава, но если женщина не захочет!..

— Вот именно, — улыбнулся Вишнар. — Все как у вас.

Началось представление. Зрители в ложах оживились и тут же напряженные замерли. Некоторые поднялись со своих мест и встали у смотрового окна. Те, кто сидели во втором ряду, привстали. Леночка Рыжова прикрыла глаза. Ей особенно не повезло в размещении, ее кресло стояло рядом с офицерами охраны государя. Два высоченных вампира по обе стороны от нее. Несчастливая забывала дышать, особенно потому, что расхрабрившись невниманием государя, оба вампира пристально смотрели на симпатичную гостью сверху вниз. А бедной Леночке казалось, что ее подозревают в чем-то ужасном.

Проскурина наблюдала за коллегой и кусала губы, чтобы не смеяться. Для Рыжовой было не очевидно то, что видела она. Все дело лишь в том, что она понравилась суровым стражам.

— Какая впечатлительная у вас сотрудница, не то что, некоторые, — покосившись на Калину, посмеивался Вишнар. Вероятно, заметил напряжение блондинки.

Проскурина уже забыла про Рыжову, она хмурилась, рассматривая арену. В этот раз все выглядело иначе. Поле зачем-то было ограждено по кругу, как беговая дорожка.

Открылся проход в стене и на арену вышли один за другим аноты в смешных пестрых костюмчиках. У каждого на боку имелся порядковый номер. Бедолаги жались к стене, не очень понимая, чего от них хотят. Когда проем закрылся, прозвенел ужасный по силе гудок и звери, всполошившись, побежали кто куда. Они как ненормальные хаотически бегали по полю, задевали ограду. Сталкиваясь между собой и падая, страшно смешили зрителей, которые судя по лицам, веселились до болей в животиках. Все это продолжалось до тех пор, пока один из анотов, с номером пять на боку, не обошел полный круг. Проскуриной показалось, что это случилось благодаря чистой случайности.

— Есть! Мой победил! — радостно сообщил Вишнар изумленным людям и добавил: — Не теряйте интереса. Сейчас начнется самое интересное зрелище — второй забег. Надеюсь мой анот и в этот раз победит. Я, знаете ли, грешу ставочками. Хотя цель этого мероприятия лишь выброс позитивных эмоций. Правда, смешно? Смотрите, как номер один забавно лежит на спине и дергает тонкими ножками пытаясь подняться! — хохотал государь. — Но я, честно говоря, еще и подзарабатываю, регулярно бьюсь об заклад с одним

сородичем. Вот он сидит, — Вишнар указал на седого бессмертного в окне напротив и тот помахал в ответ рукой, сокрушаясь и покачивая головой, что зверь государя обошел круг первым.

— Чувствую, что все мои «лошадки» сегодня придут к финишу первыми! — потирал руками правитель бессмертных, и сверкал клыками в широкой улыбке.

— Что это такое? — указав на поле, несколько разочаровано спросил Серпов.

— Беговая арена! А вы что ждали? Кровавый бой, который описала в своих записях госпожа Проскурина? — усмехнулся он.

— Вы намекаете, что она его выдумала? — нахмурился Михаил Юрьевич.

— Нет. Но это зрелище было инсценировано для глаз милой разведчицы Калины Владимировны. Мы повеселились так лихо провести ее. Ведь она так жаждала увидеть кровожадных монстров в действии, — посмеивался Вишнар. — Как бы она иначе прошла по дворцу полному военных и постовых не обнаруженной, если бы мы ей не поспособствовали? Расскажите мне, пожалуйста.

— Дважды вышла и прошла, — холодно напомнила журналистка.

— Первый раз у вас не было даже охраны на двери. По-моему распоряжению. Мне это казалось таким забавным, что вы рыщите дворцом в поиске компромата.

— А вдруг бы я его нашла, компромат?

— Я б тоже с интересом на него взглянул, — улыбнулся Вишнар. — А так пришлось придумать его специально для вас. Кстати, это снова идея Катамиртаса. Мальчик такой затейник, весь в меня...

Все что он говорил, к стыду женщины, выглядело довольно правдоподобно. И подтверждение своей догадки она увидела в глазах Серпова. Сверкнули в ее сторону недобрым блеском. И до конца представления хмуро смотрели на совершенно неинтересные, даже смехотворные бега.

— Это совершенно неубедительное зрелище, — в какой-то момент скривилась Калина.

— Зато захватывающее и кровавое! — не согласился Вишнар. — Видели, номер два поломал ножку. Теперь его придется обескровить! А это много литров крови. Просто огромная лужа! И все уйдут домой воображая себе это смертоубийство и инстинкт хищника будет удовлетворен!

— Вы смеетесь над нами, Вишнар! — укорила журналистка.

— Хватит уже рисовать нас нелюдями, — скривился он. — В вашем мире существуют забавы ужасней. Лучше скажите мне, пострадал хоть один человек за все это время, как вы ожидали? Вам нечего возразить?! Может быть, настало время признать, что вы ошибались?! Мы соблюдаем условия мира! — Вишнар холодно смотрел на женщину. — Молчите?.. Помолчите. Я подожду, пока вы не признаете, что я был прав. Торопиться мне некуда, вечность в запасе...

— Надеюсь, про возможность снимать в лаборатории вы не шутили? — уточнил Серпов. Хмурый не меньше чем Проскурина.

— Нет. Можете начать завтра с самого утра, — подтвердил Вишнар.

Проскурина упала духом. Ее дискредитировали полностью, как приличную женщину, как журналиста — источник информации в лице которого совсем не надежен. Все продумали, все просчитали. И разыграли как по нотам. Ужасно...

Закончилось представление и съемочную группу проводили к выходу из дворца. В холле они столкнулись с дамой, и то, что она не человек поняли сразу, по глазам. А затем и по

клым. Дама замерла, с легким пренебрежением изучая занятную делегацию со съемочной техникой, а потом улыбнулась.

— Это те самые люди, что снимают про нас фильм? — спросила она солдата, который ее сопровождал.

— Да, княгиня.

— Какая у них неудобная техника, — протянула женщина и сверкнула весельем в глазах. — Наверное, тяжелая...

Серпов выразительно взглянул на Проскурину и тут же отвесил что-то типа почтительного поклона в адрес бессмертной.

— Княгиня, — обратился он. — Простите, не знаю, как необходимо вас приветствовать. Меня зовут Михаил Юрьевич Серпов, я глава этой съемочной группы и руководитель телеканала который снимает фильм о вашем мире.

— А как вы обычно приветствуете женщин в вашем мире, Михаил Юрьевич? — с легким смешком спросила высокомерная дама. Старше средних лет, бесконечно самоуверенная, но все еще очень привлекательная особа. И если судить по глубине медовых глаз — не лишенная остроты ума. И она точно не прототип. Безучастной не назовешь.

— Так и приветствую, — развел руками Серпов.

— Значит, меня это вполне устраивает. И как вам бега? В этот раз нудно, не находите? В прошлый раз было веселей.

— А вы регулярно посещаете это мероприятие?

— Не пропускаю ни одного, если бываю в столице. Я не такая скучная домоседка как большинство из нас. И если хотите знать, мечтаю выбраться в город людей. Как думаете, мне там понравится? — не без насмешки спросила она.

— Не знаю. Но надеюсь, если у вас будет желание, вы посетите наш телеканал. Он называется «Эхо твоего города» и находится в центре столицы. Будем вам рады...

— Ну, несомненно! — расхохоталась женщина. — Как и все люди!.. Было приятно познакомиться, Михаил Юрьевич Серпов...

И развернувшись, дама исчезла за входными дверями в сопровождении охраны.

— Очередное представление, Проскурина? — насмешливо спросил шеф. — Город мертв, говоришь? Ну-ну!.. Жалею, что вообще слушал твои бредовые фантазии!

Других бесед между помощницей и рассерженным директором в тот день больше не произошло. После возвращения в гостиницу все разошлись по своим номерам. Калина долго бродила по гостинице, потому что не могла уснуть. Все думала, анализировала увиденное, пыталась найти ответы. И вынуждена была признать, что она ошибалась. Женщины есть, после знакомства с княгиней, это не вызывало сомнений. А дети... Их, по-видимому, и правда, увезли из столицы или держали запертыми в той части города, куда гостей пока не допускали. Вероятно для того, чтобы не контактировали с людьми. И не мешали планам «отцов». Так в чем же тогда состоит план вампиров?

Так и голову недолго поломать. Одни вопросы. Серпов зол как адский демон!.. Хорошо, пока не уволил...

По возвращению в гостиничный номер Калина опасливо заглянула внутрь, но не обнаружила там того, кого ожидала. Визитер прошлой ночи не пришел.

— Никто не сомневался, что вы лишь разыграли очередной спектакль, Ваше Высочество, — громко сказала она, на случай если комнату прослушивали, и пошла в ванну.

Вымыв руки, Проскурина непроизвольно взглянула на свое отражение в зеркале. Лицо

усталое, бледное, под глазами пролегли тени. Но главное, эти самые глаза. Почему они такие грустные?

— Да чхать я на них хотела! Один другого не лучше и оба одинаково не заслуживают доверия.

Необъяснимой горечи в душе меньше не стало, и Проскурина принялась энергично умываться, смывая усталость.

Калина прекрасно понимала, какую игру ведут оба члена государственной семьи, но понимание это не приносило ей облегчения. Наоборот, знание, что Вишнару она нужна для коллекции, а его сыну из чистого упрямства уязвленного гордеца, цепляло обидой за душу.

— Или мести. Этот вариант тоже нельзя исключать... Сукин сын, — злобно ругнулась она на зеркало.

Ничего другого она не ожидала, но прошлой ночью в ее голове почему-то вновь появилась мысль — всего лишь одна единственная мысль — что это не так. Ее заставило так думать что-то в его глазах.

Нечто в его глазах...

Теперь мысль рассеялась и что она имеет?.. Какую-то нелепую злость, необъяснимое раздражение и что-то еще, впрочем, тоже неприятное. И лишь потому, что Амир не пришел. Кто вообще сказал, что он должен был прийти? И почему вообще это ее так зацепило за душу?!

Впрочем, злости на Вишнара было не меньше. В тот первый ужин во дворце он просто шел «ва-банк». Предложил близость в надежде, что польщенная прежним вниманием самого государя, тем более в обход другой даме, Калина согласится и он, наконец, утолит былой интерес. Этого не произошло, и государь тут же забыл о скромной журналистке. Все довольно просто. Хотя и не менее обидно. Где-то оттого что она и правда, тщеславна, но в основном потому, что Вишнар вызывал трепет, волновал силой, умом, властным характером, да и выражением глаз. Она же затрагивала его лишь своим упрямством, в этом Аршинов был совершенно прав! Вишнар охотник. Теперь и Калина это осознала, а ведь до того тешила себя иллюзией, что это не так и покорила его Проскурина-женщина, такая какая есть.

К сожалению, эти очевидные выводы огорчили ее многим больше, чем она хотела. Калина долго стояла в ванной у зеркала и смотрела на себя пытаясь понять, что же с ней не так. И к огорчению своему осознала, что самооценка ее страшно пострадала. Потому что вдруг увидела себя мыльным пузырем, раздутым от деланного самомнения которого на самом деле не ощущала. Какая-то слабость, страх, усталость и ни капли женственности. Какая-то холодная красота и ничего по-настоящему цепляющего. Кода же от этой мысли еще и страшно захотелось шоколадку и поплакать, Проскурина к ужасу своему поняла, что вплотную приблизились очередные критические дни и теперь она станет еще невыносимей чем всегда. И от этого ее уже затошнило. Замутило от самой себя. Сползла на сверкающий чистотой пол, и закрыла лицо руками.

Но до того показала зеркалу средний палец. На всякий случай, вдруг Амир все-таки наблюдает.

— Подавись сволочь! — ругнулась она из-под умывальника и тут же вспомнила вчерашние слова: «Вы могли бы стать чьим-то счастьем. А стали наказанием самой себе», и небольшое слезотечение все-таки произошло.

— Все гады! — решила она по старой женской традиции. — Брошу все к чертям и выйду замуж запервого же желающего, как только вернусь к людям. Надоело...

Утром Калина проснулась в своем обычном настроении, лишь слегка хмуром, оттого что подозрения о бессмертных в целом не подтвердились, в то время как с подозрениями о государе и преемнике произошло наоборот. Но все-таки одна зацепка на будущее у нее осталась — Аримас. Если Аршинов пожелает продолжить игру при ее участии после подобного разгрома, ей будет, куда и зачем вернуться в город бессмертных.

Съемки в лаборатории прошли замечательно, и Серпов был более чем доволен получившимся материалом. Кроме того после обеда он был приглашен на повторную беседу с Вишнаром с глазу на глаз и вернулся с нее в приподнятом настроении.

— Нам позволили снять военную технику, — сообщил он улыбаясь.

— Вы шутите? — удивилась Калина.

— Нет. Нас вывезут за город для съемок полета нового воздушного корабля.

Проскурина не знала что сказать, она была обескуражена. Этого журналистка не ожидала. После съемок в лаборатории, еще и материал о военном арсенале? Все это обещало сделать фильм более чем захватывающим, хотя и совершенно не таким как они изначально планировали. Именно это сообщил Серпов. К окончательному огорчению помощницы.

— Ничего разгромного мы не нашли, а поездку сюда нужно оправдать. Думаю, фильм получится более чем зрелищный и зрители нам обеспечены. Так что изначальную программу я меняю.

— Вы все-таки покажите их пушистыми зайцами? — хмуро спросила Калина.

— Нет. Я вообще никакими их не буду показывать. Выдам все как есть. Вишнар, кстати, не возражает. Говорит и не нужно нас приукрашать. Зато мы вернемся через пару месяцев и снимем продолжение. Он уже предложил мне заманчивый материал. Так что все это более чем интересно мне, если я, как и рассчитываю, смогу поднять рейтинг канала.

Калина ничего не ответила. Для нее все было очевидно. Чтобы купить Серпова даже денег не понадобилось. Всего лишь повысить рейтинг телеканала. Теперь он не будет показывать вампиров чудовищами, хотя и не станет их приукрашать. Но этого и вампирам не нужно, цели они добились, откровенного противостояния с телеканалом «Эхо твоего горда» больше не будет. Ведь телевизионщики надеются на вторую серию документального фильма. И ее, несомненно, позволят снять.

Серпов оказался не таким устойчивым в своей позиции ненавистника вампиров, или преследовал какие-то свои интересы, делая вид, что перестал им быть. Это тоже нельзя было исключать, хотя Калина склонялась к первому выводу. Сытая жизнь манила всех. А повысив рейтинг канала, она у всех сотрудников станет лучше. Тем более, если этот рейтинг будет продолжать расти за счет выхода все новых и новых серий документалок о вампирах.

Съемочную группу вывезли на огромный полигон за городом, оборудованный комфортной смотровой площадкой. Располагалась она очень высоко над землей и давала прекрасный обзор. Кроме того была оснащена непробиваемым стеклом с шумоизоляцией. С такой защитой зрителям были не страшны ни пули, ни куски взрывающей техники, даже банальные пыль или ветер.

На смотре собрались все высшие военные чины армии бессмертных, государь и преемник лично. Военный глава, тот самый, который когда-то был представлен в качестве сына государя, на миг дрогнул краешками губ, увидев старую знакомую. Но тут же легко почтительно кивнул, в знак приветствия.

На смотровой платформе были предусмотрены удобные кресла, где разместились практически все присутствующие кроме оператора. Проскурина предпочла смотреть стоя и

подошла ближе к краю площадки. Так сказать — замерла в стороне, чтобы не закрывать обзор. И наблюдала, как огромный плоский треугольный корабль вырастает у линии горизонта, взявшись ниоткуда, словно поднялся из земли.

— Там шлюз.

Проскурина оглянулась и встретила взглядом с преемником. Амир стоит в полуметре от нее, заложив руки за спину. Неизменно серьезное лицо и сосредоточенный взгляд, который не прочитывать.

— У вас вся военная техника находится под землей?

— Но так она надежней скрыта от нас, верно? Если вдруг человечество попытается пронаблюдать вашу военную мощь?

— Верно, — глядя вдаль подтвердил он. Корабль, тем временем сделав круг по огромному полигону, резко взмыл вверх и, совершив крутое пике, где-то под облаками, так же стремительно полетел вниз, а затем повторно совершил петлю у земли, и опять полетел по кругу. Практически над поверхностью.

— Он очень юркий, не смотря на внушительный размер, — оценила женщина.

— Ну что вы, он совсем кроха! — не согласился преемник. — Это лишь модель.

— Увеличение размера разве не повлияет на маневренность?

— Разработчики стараются. Но пока для желаемой скорости, это максимальный размер. Но самое приятное, у этой модели очень прочная обшивка, ее тяжело пробить. Последняя наша разработка — сверхлегкая броня.

— И в чем ее секрет? Это металл?

— Да, но это неизвестный вам сплав. Он легче, прочнее и самое сладкое... — покосившись на женщину, преемник хитро улыбнулся.

— И что у вас самое сладкое, Амир? — уточнила журналистка, соблюдая видимое безразличие.

— У вас невозможно его изготовить. Прежде всего, потому что нет необходимого материала. Вы его еще не добываете.

— Вы меня заинтриговали.

— Я именно этого и добивался, — усмехнулся Амир. — Но не ждите, что расскажу вам секрет. Разве что за дополнительные преимущества. Так, всякую мелочь, один два поцелуйчика наедине...

— Торгуетесь за поцелуйчики, Амир? — скептически уточнила Проскурина. — Как-то не убедительно, учитывая, что я уже имею честь немного знать вас, господин «само коварство». Почему-то мне кажется, вы меня и тут надуть хотите.

— Надуть?.. Смотря, что вы под этим подразумеваете, — закусив губу, с серьезным видом рассуждал капитан. — В любом случае, вы слишком насторожены. А между тем вы сегодня так хорошо пахнете, что вам даже военный глава готов рассказать любые секреты. Убедитесь сами, когда оглянетесь. Он на вас все время поглядывает.

Калина последовала совету и обнаружила, что это так и есть. Строгий бородач морщил высокий лоб, внимательно наблюдая за полетом, но когда она оглянулась, мгновенно скосил глаза в ее сторону и снова еле заметно улыбнулся. Но как-то не так как прежде. Как-то совсем лично что ли... Флирт?!

«Какого черта тут происходит?», — подумала она, а вслух иронично спросила:

— У меня еще один поклонник? Да еще и какой! Какая честь...

— Ну, не обольщайтесь вы так. В ближайшие дни у вас будет немало таких

поклонников, но потом все пройдет, — улыбался Амир, тихо повествуя, и неотрывно смотрел на боевую машину, что все еще выполняла резкие и неожиданные повороты с поразительной легкостью для такой внушительной техники. Проскурина между тем вытянулась лицом, имея смутную догадку на счет слов капитана.

— О чем вы?.. Вы что, намекаете, что?.. Бросьте, разыгрывать, Амир. Вы же не можете чувствовать что?.. Или можете?! — стушевалась Калина и мужчина, поморщив нос, закивал согласно.

— Я... Еще же ничего нет... Вы наверное шутите? — нахмурилась она.

— Нисколько. С такими темпами, с кими нарастает аромат, вскоре все самые чуткие носы сюда слетятся. И государь будет вынужден вас выслать прочь из города, что бы за вами по улицам не волочились стайкой кобели с горящими желтыми глазами. Занятный фильм получится...

— Шутите?

— Немножко, — скосив на нее веселые глаза, признался капитан. — Но лишь немножко. Запашек идет преотличный. Полная боеготовность организма к размножению. У нас его так называют. В такие дни дамы у нас сидят дома. Что бы им юбку на улице не задирали.

— Издеваетесь? — Журналистка все никак не могла прийти в себя.

— Нет. В прежние дикие времена бывало. Прямо у забора. То есть — на пеньке под кустиком, — Амир совершил несколько характерных движений бедрами, и Проскурина покраснела, понимая, что все видели и подумали о своем.

— Я вам не верю. Вы меня умышленно дразните, — зашипела она.

— Ну и не верьте. Я всего лишь предупреждаю. Что вам пора уезжать, Калина. Я не шучу, — внезапно меняясь в лице, серьезно сказал Амир. — Уезжайте, Калина. Быстро! Не ждите коллег. Придумайте что-то. Бегите. Сразу после этого смотра. Прошу вас, поверьте хоть раз.

— Что за?.. Ерунду вы мне тут говорите? За кого вы меня принимаете? Перепуганную истеричку? Не видела, что бы кого-то... топтали на улице. Я первая женщина, которая в эти дни посетила столицу?

— Не знаю. Но даю слово чести, первый раз обоняю столь сильный запах, — закусив губу, чтобы не улыбнуться, признался капитан. — Он, между прочим, увеличивается, когда у самки долго нет самца. Вы не знали? Так что все господа из числа вампиров тут собравшихся, прекрасно понимают вашу крайнюю нужду...

— Нет никакой нужды! — резко одернула она, пылая лицом как матрешка. — Все как обычно! Это мой нормальный запах.

— Да? — недоверчиво переспросил капитан. — Ваш нормальный запах совсем не нормальный. С ног сбивает.

— Какой есть! — Калина нахмурилась и отошла подальше. От преемника, и на всякий случай от всех прочих, опасливо покосившись на военных сидящих и стоящих неподалеку.

Амир остался стоять, где стоял и продолжил наблюдать за кораблем. Разыграл или нет, непонятно, но Проскурина непроизвольно занервничала и стала активно принохиваться к себе. Но ничего не ощутила кроме сладковатого запаха своих духов.

Далее последовала проверка огневой мощи. Воздушный корабль стрелял по движущимся мишеням. Они взрывались и горели. Пилот легко справился со всеми задачами, даже самыми подвижными и ловкими, после чего последовала проверка крепости

и огневой устойчивости обшивки корабля. По борту долго стреляли из орудий, что появились из шлюзов в земле, но добиться ничего не удалось. Корабль безупречно прошел все испытания.

Все что увидели члены съемочной группы, было более чем зрелищно, все без исключения наблюдали затаив дыхание, даже оператор вспотел во время съемки, стараясь не упустить ничего важного.

Высший военный состав армии был явно доволен испытанием, а государь выразил желание побеседовать с разработчиком.

— Катамиртас? — внезапно обратился он к сыну. — Мне сообщили, ты недоволен рабочим названием корабля. Как предлагаешь назвать эту модель?

— КП-1.

— Какое странное название? — поморщился государь. — Что оно означает?

— Калина Проскурина, государь, — поведал преемник.

— Какое интересное решение, — усмехнулся Вишнар. — Почему именно так?

— Корабль такой же резкий и непредсказуемый в воздухе, как госпожа Проскурина на земле. Броню невозможно пробить, а ответные удары язвительности тяжело пережить, — с серьезным видом веселился тот.

Вишнар расхохотался глядя на обескураженные лица гостей.

— Пусть будет так! Это наш вам подарок ко дню вашего рождения, который вскоре состоится, Калина Владимировна, — благосклонно махнул рукой государь. — КП-1... Надо же какое занятное совпадение!

— Это была шутка? — журналистка нахмурилась и, приблизившись, шепотком обратилась к Амиру.

— Нисколько. КП-1 — стремительный и непобедимый.

Однако Калине так не показалось. Улыбочки что появились на лицах некоторых военных командиров, ее насторожили. Очередной спектакль, а люди, увы, снова верят. Все члены съемочной группы живописно переглядываются и косятся на нее возмущенными взглядами. Хмурятся и негодуют.

— Вы хотите, что бы меня изжили и с этой работы? — наблюдая, как корабль исчезает в недрах земли, холодно поинтересовалась она у преемника.

— Конечно. Вы как всегда очень прозорливы, — без тени юмора признал Амир.

— Не успокойтесь, пока полностью не раздавите меня как комара?

— Не успокоимся, пока вы не поймете, что вам выгодно с нами дружить, Калина.

— С кем из вас конкретно? — холодно осведомилась она.

— Со всем нашим миром, — подвел он черту.

— Надеюсь, я не очень разочарую вас, если сообщу, что той дружбы, на которую рассчитываете конкретно вы, никогда не будет. Я всегда буду ждать ваш встречный удар.

— Никогда, Калина, это слишком долго даже для бесконечности. Я надеюсь переменить ваше мнение. И уверен, что у меня получится.

— Зачем это вам?

— Вы напрасно забыли, что я жду вашего согласия. Любви и полной капитуляции передо мной, — уверенно и спокойно признался он глядя ей в глаза. — А все что я жду, непременно происходит.

— Государь тоже ждет, — холодно поддела она.

— Не уверен, что он все еще заинтересован в вас так же как прежде, — Преемник

неторопливо покрутил головой. — Ни одного упрека за сцену у шароплана я не получил. Отец слишком переменчив. Он вас забыл. А вокруг слишком много непознанной новизны. В нашей семье я всегда был и остаюсь самым постоянным.

— Тогда приятного вам ожидания, — насторожено ответила она. Больше ей сказать было нечего.

— Катамиртас, что ты все время рассказываешь нашей гостье? — во всеуслышание обратился к сыну Вишнар. — Уж не выдаешь ли ты ей военные тайны? Или у вас пустая светская беседа? Например, о том, какими интригующими духами пахнет сегодня наша гостья?

Калина не смогла сохранить самообладания после этого комментария, и к своему стыду, густо покраснела. Потому как некоторые бессмертные заулыбались, отворачиваясь в разные стороны, чтобы скрыть реакцию. А военный глава армии бессмертных кашлянул, задорно сверкнув глазами и непроизвольно потер кончик носа.

— Госпожа Проскурина, — между тем серьезным голосом продолжил Вишнар. — Запах ваших духов очень мил и по-весеннему свеж, но не могли бы вы пощадить чувствительность нашего обоняния и более не поливать себя ими так... обильно?

— Очень мешаете дышать кислородом. Очень мешаете... — настойчиво повторил он, кажется, изо всех сил потешаясь над ее стыдом, хотя лицо имел крайне серьезное. Еще бы ему не потешаться. Это был тот редкий случай, когда надежная броня обшивки «КП-1» дала пробоину. Проскурина просто заживо горела стыдом.

— Ты вполне нормально пахнешь, — приняв хавшись, оценила Рыжова. — Может чуть-чуть перестаралась с духами. Но мне нравится.

— Что это было, Проскурина? — строго спросил Серпов.

— Спросите государя, когда он пригласит вас на очередную приватную беседу, — бесстрастно ответила журналистка. — Я не имею ни малейшего понятия, о чем он говорил.

— Уже и корабли твоим именем называют? И ты настаиваешь, что вы враги?

Беседа с Серповым была самым приятным результатом поездки на полигон. После всего произошедшего там, Калина все время опасливо косилась по сторонам присматриваясь к бессмертным. Но ничего подозрительного не обнаружила и в итоге на время расслабилась. Или это какая-то глупая шутка, виртуозно разыгранная Вишнаром и его сыном, или же вампиры, что встречались ей по пути, очень хорошо притворялись и делали вид, что ничего не ощущают.

Расслабившись от этого наблюдения, журналистка пошла в свой номер. В одном из коридоров гостиницы она прошла мимо одиноко стоящего солдата и зачем-то на него оглянулась. Сама не поняла, зачем? Молодой человек приподнял голову так, как будто ловил запах, приняв хавшись. Уточнял — померещилось или нет? Правда, он тут же чихнул. Или сделал вид?.. Потому что увидел выражение лица женщины — подозрение и страх в глазах.

Достигнув двери в собственную комнату, Проскурина еще раз оглянулась. Нос снова был приподнят. И дверь как результат резко захлопнулась. Значит, не шутили государь с преемником, что-то чувствуют.

Когда же чуть позже за ее передвижением по холлу проследил еще один нос, а затем еще и еще один, а Рами при встрече отреагировал сменой эмоций на прежнее — заинтересованное радушие, Проскурина окончательно приуныла. Дело дрянь! Не соврали, от нее разит! И главное — чем? Выходит что — течной самкой?!

Глупости какие! Нашла кому верить! Это же Амир, это же Вишнар! «Затейник» и

«Прокказник» ее вновь разыграли.

— Это вам!

Мысль прервали. Очнувшись, Проскурина обнаружила букет цветов, который ей протянул Валинар — администратор гостиницы.

— Кто их передал?

— Это от меня, — стыдливо опустив глаза, признался бессмертный. — Вы мой любимый посетитель, Калина Владимировна...

— Благодарю вас, — растерянно сказала женщина. — Я тронута.

— Если позволите небольшой комплимент. У вас удивительно чудесный аромат!..
Ваших духов я имею в виду.

После этих слов обескураженная Проскурина поспешила откланяться. Так или примерно так говорили все без исключения сотрудники гостиницы, с кем она имела несчастье встретиться в тот злополучный день. Вечером она обнаружила у двери своего номера еще один букет с карточкой «от поклонника». Но последней каплей было обнаружить лепестки роз, рассыпанные по простыне под покрывалом. После этого она занервничала и следующим же утром спросила у Серпова:

— Мы скоро уезжаем?

— Еще сняли не все, что планировали. А что случилось?

— Что-то хочется домой, — нервозно ответила она, но не рискнула делиться своими подозрениями.

За сутки с небольшим история с «ароматом самки» извела ее стыдом до невозможного. Словно кошмарный сон! По гостинице на следующий день невозможно было пройти. Все сотрудники с букетами, все улыбаются как влюбленные идиоты и тянутся за ней следом по этажам собираясь в кучки. А при беседе и слова не могут сказать. Улыбаются и кланяются. Кланяются и улыбаются. Вручил цветы и убежал. Часа не прошло, опять пришел, вновь с цветами, кланяться и улыбаться. И так каждый!.. И все бы хорошо, но журналистке стыдно до безумия. После каждого букета она спешит в душ, смывать позорный запах. Только совершенно не помогает! Потому что за дверью ожидает новый букет.

Интуитивно Проскурина понимала — что — то тут не чисто, но паника охватывала произвольно. Когда этих самых букетов собралось несколько десятков за два часа. Но главным образом, потому что члены съемочной группы не могли не заметить такого скопления «влюбленных» и это породило новую волну неприятных шуток.

Калина всерьез заподозрила неладное только когда Рыжова обратилась к ней с жалобой. На плохое самочувствие, как выяснилось — из-за тех самых дней, которые у самой Калины еще только лишь намечались. А у Леночки Рыжовой процесс был в разгаре. Когда же Проскурина расспросила коллегу, не ведут ли себя подозрительно некоторые бессмертные, она развеяла все ее сомнения. Цветов Леночке никто не дарил, комплименты, правда, были, но она не нашла их какими-то сверх заинтересованными. Кроме того — лепестков по постели ей никто не рассыпал и на приятный аромат не намекал. Хотя нюхали пару раз, и она это видела. Но не поняла причины, думала дело в аромате ее духов.

— Понятно, — хмуро процедила себе под нос Калина.

Когда же в пятый раз за день Проскурину догнал Валинар, чтобы протянуть очередной букет с намеком на ее чудесное благоухание, журналистка смирив его строгим порицающим взглядом и предупредила:

— Передайте государю, что розыгрыш был смешен, но шутка затянулась. Или это дело

рук преемника? — тут же уточнила она.

Исполнительный администратор тот час ушел на рабочее место. Пристыженный и прихватив свой пышный веник.

Поздним вечером после очередного съемочного дня, который стал последним в этот визит, в комнате Проскуриной раздался странный переливающийся звук. Он настойчиво повторялся, раз за разом и Калина принялась искать предмет, что его издает.

Настойчивый звук, как и напряженные поиски, привели ее к одной из стен.

— Сверчок, ты где? — возмущенно спросила женщина. — А-уу! Алло, я спрашиваю!

Сразу после того как женщина в сердцах ударила рукой по стене, дребезжание прекратилось, зато поверхность под ладонью загорелась экраном с которого на журналистку смотрело лицо государственного значения.

— Где вы ходили так долго? — возмутился Вишнар.

— Искала источник звука, — терпеливо пояснила Калина.

— Вас не научили пользоваться техникой? — удивился он. — И зачем я столько денег из казны потратил на полное оснащение всех номеров, позвольте узнать? Если вы даже ни разу никому не позвонили!

— А кому я должна была звонить? — удивилась она.

— Мне, — благосклонно развел он руками.

Калина не нашла что возразить, разве что всплыл очередной вопрос:

— А вы этого ждали? Было не очень заметно.

— Выжидал. Ваш очередной шаг и демонстрацию не безразличия, но его не последовало.

— Оттого что приличным женщинам не свойственно навязывать свое общество, — парировала она.

— Ну что ж, приличная женщина Калина Проскурина, мне передали, что вам пришлось не по вкусу наша невинная шалость, — хитро прищурился он.

— Главное, что вы развлеклись, Ваше Величество, — благосклонно призналась журналистка. — А как вы узнали подобные пикантные детали?

— Это было в досье, как и все ваши прививки, — улыбнулся государь, все еще испытывая радость от своей проделки.

— Вишнар, вы проказник, — подразнила Калина. — Вы довольны собой?

— Несомненно. А Катамиртасом еще больше. Это его очередная гениальная идея. Он любит меня развлечь.

— Вы говорите это для того, что бы направить мой гнев на сына? — поняла Проскурина.

— Иногда это так утомительно, что вы так прозорливы, Калина, — Вишнар раздулся губами от притворной досады. — Могли бы, что ли, подыграть...

— Непременно обрушу на него свой гнев при случае, можете не сомневаться. Лепестки под покрывалом, это было почти страшно. Я половину ночи потом ворочалась, побаиваясь возможного визитера из числа персонала. Прельщенного ароматом...

— Какие лепестки? — нахмурился Вишнар.

— Очередное притворство? — хитро прищурилась она.

— С вами скучно играть. Все вы знаете, — уже искренне огорчился он.

— У вас шутливое настроение, Вишнар? — улыбнулась женщина. — Никак вы только после игры в шмякалку?

— Надоело, — отмахнулся он. — Все надоело. И вы завтра узнаете... Когда вы придете ко мне, Калина? Я вас и так уже полностью дискредитировал в глазах ваших коллег. Они не удивятся.

— Это повод прийти, безусловно, — постно прокомментировала журналистка.

— Хотите, я все небо над городом взорву огнями в вашу честь? Чего вы хотите? Я государь, Калина. У меня нет времени ломать голову над тем как мне получить упрямую женщину, — хмурился он. — Приходите ко мне сегодня. Я пришлю за вами свою личную охрану. Они выведут вас из гостиницы так, что никто не узнает. Погуляем в парке, просто поговорим. Когда ты снова приедешь и приедешь ли?

— Разве вам так уж плохо без меня, разве некому развлечь? У вас столько дам во дворце и вы в силах менять их хоть каждый день, — возразила она.

— Все не то. Никакого удовольствия, — поморщился он.

— Никакого-никакого?

— Почти никакого. Разве что самое банальное, что-то свежее, новое... А так, сплошное разочарование. Такие предсказуемые, такие не похожие на тебя... — пронзив ее глазами, шепнул он. С такой искренностью, что защемило сердце.

— Я в курсе что вы, Вишнар, в силах вскружить любую голову, даже мою, но думаю, вы лишь подыгрываете моему тщеславию. А на самом деле я буду еще одной бабочкой в коллекции. И вспомнили вы обо мне только сейчас, пред отъездом, что бы успеть удовлетворить интерес коллекционера, но не более того. Я нисколько вас не осуждаю, даже понимаю. Но думаю, и вы понимаете, что я существенно отличаюсь в этом вопросе от большинства ваших дам. Я максималистка, мне нужно мое все или же ничего. А моим всем вы не можете стать. Ведь вы государь, я простая смертная женщина. Не сердитесь на меня, Вишнар. Я не пытаюсь бросить вам вызов, чисто в женской манере и очень боюсь оскорбить в мужских чувствах. Но сделать хуже себе я боюсь еще больше.

— Ты говоришь, что боишься оскорбить меня, государя, но, тем не менее — отвергаешь?

— Я не отвергаю...

— Отвергаешь! Неужели ты не понимаешь, что я могу сейчас приказать, и тебя привезут. А твоим коллегам завтра сказать, что ты пожелала остаться со мной. И они мне поверят. А если не поверят, побоятся сказать другим правду. Или же еще лучше — сделают из этого известия отличный материалчик для своего дешевенького каналчика! И никому не будет дела до того что ты чувствуешь на самом деле.

— Даже вам?

— А почему я, по-твоему, до сих пор так терпеливо вожусь с тобой? — взорвался он. — Но я могу переломить твоё недоверие и другим способом. Но вначале сделаю своей. А потом уже стерпится-слюбится! Особенно если любиться будет часто и к общему удовольствию. Кривляться, изображая неприступность, можешь перед кем-то другим и более глупым. Я же твои истинные чувства прекрасно вижу и понимаю. Ты ждешь и даже жаждешь, что я тебя сломаю. А я уже на пределе! Терпеть молча и безучастно более не хочу. Приди ко мне сама, женщина, и дай мне то, что я желаю! И тогда у тебя будет все. И даже весь мир за этой железной стеной, что ты называешь своим домом. Я щелкну пальцами, и они снова повернутся к тебе лицом. Ты же понимаешь кто их хозяин на самом деле?!

— Я понимаю, Вишнар... Но я не приду. Тебе придется проявить еще терпение, и подождать когда я буду к этому готова. Это мой ответ, — Проскурина стукнула по стене,

изображение исчезло, кажется, отключив при этом сам аппарат.

— Перестаралась, — кашлянув, оценила она. Потому что повторный хлопок ладонью по стене ни к чему не привел.

Калина даже не успела покинуть номер, что бы разыскать коллег и под воздействием интуиции рассказать им о своих подозрениях на счет Вишнара. Всецело на всякий случай. Когда дверь распахнулась, и вошли солдаты. Она кинулась к ванной комнате, что бы там скрыться, но не успела сделать и этого. Ее схватили и связали при помощи эластичных ремней. Рот заклеили плоской клейкой пластиной, и уложили на кровать. Где Проскурина в ужасе ждала возможного продолжения, пока не появились еще двое в одеждах персонала и не прикатали обычную бельевую корзину на колесах, с какими прототипы путешествовали от номера к номеру, собирая вещи для стирки. Именно туда ее и поместили, скинув сверху ее собственные простыни — прикрыть ими от любопытных глаз. И покатали прочь из номера. Затем уже на одном из подземных этажей вытянули из корзины и отнесли вначале к лифту, а затем в шароплан. Именно так ее и доставили во дворец. А там черным ходом, проверенным средневековым способом перекинув через плечо, донесли до места назначения. Тихо, легко, и очень быстро. Не более получаса прошло с того момента как женщину лежащую в тележке для белья выкатили из номера и перенесли через порог покоев государя, и положили на кровать. Затем шаги удаляющихся ног, хлопок закрывающейся двери и Проскурина осталась одна.

Сколько Калина не вертелась, освободиться от ремней ей не удалось. Она попыталась расслабиться и восстановить нормальное сердцебиение. Оказалось — вовремя, дверь открылась, и за спиной раздались приближающиеся шаги. Вскоре показался и хозяин покоев.

Вишнар неторопливо обошел кровать и взглянул в лицо лежащей перед ним женщины разгневанным взглядом.

— Я очень зол. Поэтому в твоих интересах не злить меня больше того что уже и так имеешь. Напротив, очень рекомендую проявить покорность и попросить у меня прощение за свою дерзость. И возможно я снизойду в своем милосердии. Если ты очень постарайся меня утешить.

Калина тяжело дышала и опасно смотрела на правителя бессмертных, но не торопилась как-то выказывать своего отношения к происходящему.

— Желаешь ли ты, чтобы я освободил твои руки? — спросил Вишнар. — Будешь ли ты хорошей ласковой девочкой после этого?

Никакой реакции, лежит и смотрит, и никаких намеков в лице на ответ.

— Я так понимаю, это значит «нет»? — спросил он. — Хорошо. Это твое решение. Тебя толкает к нему гордость. А я не в том настроении, что бы умасливать тебя. И кто в этом виноват, Калина? Думаю, это уже можно снять...

Государь осторожно сдернул пластиковую наклейку, что закрывала женский рот и улыбнулся.

— Хочешь мне что-нибудь сказать?

Проскурина тяжело напряженно дышала, но упрямо хранила молчание.

— Избавимся от ремешков или они нам не мешают? — уточнил он. — Я думаю, тебе будет приятно вернуть себе прежнюю подвижность...

Вишнар, правда, расстегнул ремни, которые хоть и не травмировали, но держали очень крепко, даже слегка нарушили кровоток. Руки как результат онемели.

— Устроим состязание в силе и ловкости? Или вначале небольшая перепалка для поднятия боевого духа и в поддержание сложившегося устойчивого настроения? — усмехнулся он. — Смотри, сколько вариантов на выбор я тебе предоставляю.

— Почему ты молчишь? Я создам интимность, не возражаешь? — спросил государь, направившись к окну и задергивая шторы. Калина только этого и ждала, тут же вскочила с постели и кинулась к двери. Но когда достигла цели, к огорчению своему поняла — заперто. Как она не проворачивала ручку и не просила «открыть», ничего у нее не получилось.

— Нет, бегать по дворцу играя в догонялки, мы точно не будем. Это как-то не солидно, — раздался за спиной спокойный голос государя.

— И это говорит тот, кто играет в шмякалку?! — повернувшись к нему лицом, спросила Калина.

— Одно дело пошмякать от души для снятия стресса и совсем другое на глазах у подданных гоняться за строптивой самкой, — спокойно возразил мужчина. — Засмеют.

— Вы что-то слишком спокойны, как для оскорбленного? — прищурилась женщина. — Или вы нисколько и не оскорблены и умышленно меня разыграли? Точнее спровоцировали на отказ, чтобы привести сюда, потому что по доброй воле я не собиралась?

— Хоть иногда не будь такой догадливой, я теряю веру в свой государственный ум, — поморщился Вишнар. — Я сказал тебе, что устал упрашивать? Это так и есть. Была бы ты поближе, я бы проявил должное терпение, а так не вижу смысла. Или ожидание растянется лет на пять.

— И вы решили повернуть пятилетний план за один день?

— За один год. Целый год ожидания, Калина! Это немало даже для бессмертного. Ты желаешь красивого обольщения? Чего тебе хочется, скажи? Мы переиграем неудачные места. Я обещал и не нарушу слово, я для тебя все сделаю. Скажи только, что ты хочешь?

— Я хочу серьезного отношения.

— Я не достаточно серьезен? — изумился он. Самое поразительное — искренне.

— Вообще не серьезны. Я для вас вещь.

— Ничего подобного. Просто ты все время забываешь, кто я. А забывать это не стоит. Я не простой смертный. И «непростой смертный» при этом — правитель! Я не бегая за заносчивыми дамочками, как бы мне этого не хотелось. И тебе придется с этим смириться. Я желаю получить тебя всю сегодня и прямо сейчас. А потом проси все что пожелаешь, и я даже подыграю твоему тщеславию, отпущу и стану инсценировать долгие томные ухаживания. Но сегодня ты будешь моя, — загнав ее в самый угол своим приближением, шептал он. — Я уже много лет не испытывал такого предвкушения и волнения. Почувствуй, как стучит мое сердце...

Он взял ее правую руку и прижал к своей груди. Калина избегала смотреть Вишнару в глаза и в панике искала выход из положения, но ничего не могла придумать. Пришлось покорно положить руку на мундир в области сердца и слушать, как оно там стучит. И даже признать, что стучит оно быстро. Впрочем, не так быстро как ее собственное. Казалось это, последнее, вот-вот прорвет грудь и выскочит из нее прочь.

— А как стучит твое? — зашептал вампир, склоняясь к женскому уху и положил крупную ладонь между грудей.

— Как громко, как быстро... Стучит как перепуганная птичка, что стремится из клетки прочь, — шептал Вишнар опалая ее кожу нарастающим возбужденным дыханием.

— Не нужно, — взмолилась женщина.

— А чего именно ты так боишься? Я даю тебе слово, что никто не узнает. К утру ты вернешься к себе в номер. Даю слово... — шепнул он, приближаясь к ее губам своими. Но Калина резко отвернулась, и мужчина лишь скользнул по ее щеке.

— Строптивая девчонка, — шепнул он и прижался губами к шее. Передвинулся на мочку ее уха и выдохнул: — Я хочу тебя раздеть. Я желаю тебя повернуть. Я хочу тебя наклонить!.. А может быть, ты сама преодолеешь свою стыдливость и разденешься для меня? Это доставило бы мне огромное удовольствие. Калина?.. Ты слышишь меня? — шептал он ей в самое ухо и медленно расстегивал пуговицы на ее пиджаке.

— Ты не составляешь мне выбора, да? — так же шепотом спросила Проскурина.

— Можешь делать все что пожелаешь или не делать ничего, я сделаю сам. Но сказать мне «нет» права ты не имеешь. Я желаю тебя...

После того как он выдохнул эти слова ей в шею, поймал женские губы и крепко прижал ее к себе. И целовал так, что она задышалась, не имея никакой возможности сопротивляться и возражать. Когда закончился первый приступ безумия этого поцелуя, Вишнар стал стягивать ее платье прямо через голову. Проскурина не сопротивлялась, состояние ее было близко к обмороку от предельного страха, что сам собой почему-то перерос в возбуждение. Словно маленькая робкая неумелая девочка. Испугана и растеряна в его руках. Стыдно где-то в глубине души, но уже все равно, оттого как ей этого хотелось.

Когда же все без исключения вещи оказались на полу, она нашла силы взглянуть в янтарные глаза мужчины. Решилась, подняла свой взгляд.

Вот он стоит перед ней — воплощение власти и силы. Большой и мощный, в неизменном черном мундире. Пожирает глазами, а потом делает шаг навстречу и жадными руками накрывает ее грудь.

Калина зажмурилась, сглотнув и задрожала, не в силах выносить настойчивый немигающий взгляд которым он смотрел, прожигая. Ощутила, как его сильные руки скользнули по телу вниз, без стеснения прикасаясь ко всему, чему желали до тех пор, пока ноги женщины не зашатались. Проскурина вцепилась в крепкие мужские плечи, чтобы не упасть и Вишнар тут же подхватил ее, чтобы отнести на постель. Кинул поверх покрывала и довольно быстро разделся сам, все время гипнотизируя ее янтарными глазами.

Его тело под мундиром было крепким как у молодого мужчины, а небольшой упругий живот был даже приятен глазам. Грудь, как и конечности, покрыта волосами, тело слегка бронзовое, но это не загар. Таким он был весь, даже в самых интимных местах. Крепкие руки и ноги, все говорит о здоровье и мощи. Он тяжело дышит, грудь ритмично вздымается, но Вишнар не торопится, медленно касается кровати одним коленом, затем другим и опускается прямо на женщину, накрывает своим телом.

Калина зажмурилась как девственница в свой первый раз, но вопреки этому сама раздвинула ноги, уже находясь на грани обморока от возбуждения и какого-то первобытного страха. Сгорая щеками от стыда за саму себя и откровенную реакцию своего тела, но желая между тем прекратить эту пытку томлением быстрее.

Твердая плоть резко ворвалась внутрь, заставил вздрогнуть и вцепиться ногтями в чужое тело.

Вишнар замер и требовательно сказал:

— Открой глаза и смотри на меня. Ты моя, Калина, чувствуешь? Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, ощущая каждое движение.

И тут же стал двигаться, когда она подчинилась. Калина жалобно всхлипывала и,

хватаясь за мужскую спину, а Вишнар от этого только ускорял свои движения, угрожая покалечить развитой мощью толчков.

Оргазм случился стремительно, ослепив ее, как и оглушив собственным криком.

— Да-а, — застонал мужчина и содрогнулся следом за ней.

Калина лежала оглушенная силой пережитых эмоций, не чувствуя ни рук ни ног, ничего. Ничего кроме биения своего сердца и того как сердце бессмертного вторило ей. И бесконечная слабость в теле, как и тяжесть большого мужчины лежащего сверху.

— У меня у одного ощущение, словно лишил тебя девственности? Честное слово, — шепнул Вишнар ей в ухо и улыбнулся, — я думал, ты будешь другой. Более уверенной и развязанной. А ты как маленькая испуганная робкая девочка. Сколько у тебя было мужчин до меня?

— Разве этого нет в моем досье?

— А разве это должно там быть? — удивился он.

Эти слова было странно слышать, ведь Амир говорил другое. Впрочем, он вполне мог обмануть. Или ее или своего отца. Единственное, что Проскурина поняла о преемнике, от него можно ждать всего... Впрочем, как и от государя.

— Вы ставите мне в вину мое скромное поведение и легкую робость перед вашей силой и мощью?

— Сколько лести после первого же оргазма, — тихо рассмеялся мужчина, рассматривая изможденное лицо. — Ты не ответила.

— Я никогда не считала, — солгала Калина.

— Это значит, что их было или очень много или очень мало, — улыбнулся Вишнар, склонившись к женщине, и укусил за мочку уха. Очень ласково и тут же поцеловал. — Не хочешь, не говори. Значения это не имеет. Для меня, у тебя никого не было. Я твой первый и единственный! И сегодня я тебе это докажу...

Тщеславие иных мужчин простирается от земли до небес, но они умеют доказать свою правоту. И делают это с такой же самоуверенностью, с какой обычно смотрят на окружающий их мир.

Вишнар больше не торопился, и медленно мучал Калину своими ласками получая от этого дополнительное удовольствие. Когда она уже не могла сопротивляться, и готова была на все, лишь бы он остановил пытку, мужчина начинал приказывать, мягко, но властно, что она должна сделать для него и общего их удовольствия. Но Калина сопротивлялась, и ему и себе. Пару раз она пыталась сползти с кровати, но Вишнар со смехом ловил ее и втягивал на бесконечно большое ложе. Один раз он забросил ее обратно.

— Я привяжу тебя, девчонка, если еще раз убежишь! — пригрозил государь, преувеличено строго и тут же лукаво уточнил: — Или ты именно этого и добиваешься?

— Разве тебе со мной плохо? — шептали его губы в момент передышки.

— Я тебе этого не прощу, — обещала она устало.

— Не прощай. Мне не нужно твое прощение. Только руки и губы, и сладкое тело в моей полной власти...

— Не будет у тебя полной власти надо мной, — вертела она головой и закрывала лицо руками, скрываясь от его губ, которые снова искали ее.

— Она у меня уже есть, глупая. Отныне мои руки — твое небо. Мое тело будет землей. Губы мои станут тебе солнцем, женщина. А неутолимое желание станет твоим вторым божеством.

— А какое же божество будет у меня первым? — устало спросила она.

— Моя налитая кровью плоть... — шепнул он, снова накрывая ее тело своим. — Это твое милосердное и карающее божество. Я твой бог, женщина! Прими меня в свой храм...

Больше книг на сайте - Knigolub.net